

ГЛЕН
КУК

Сладкозвучный серебряный блюз
Золотые сердца с червоточинкой

Сладкозвучный серебряный блюз
Золотые сердца с червоточинкой

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН
КУК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

GLEN
COOK

**Sweet
Silver Blues**

**Bitter
Gold Hearts**

ГЛЕН

КУЖ

**Сладкозвучный
серебряный блюз
Золотые сердца
с червоточинкой**

ББК 84 (7 США)

K89

Серия основана в 1999 году

Glen Cook

SWEET SILVER BLUES

1988

BITTER GOLD HEARTS

1987

Перевод с английского Г.Б. Косова («Сладкозвучный серебряный блюз»), К.М. Королева («Золотые сердца с червоточинкой»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и его
литературных агентов Varor International, Inc.
и "Права и переводы" (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кук Г.

K89 Сладкозвучный серебряный блюз. Золотые сердца
с червоточинкой: Романы / Пер. с англ. Г.Б. Косова,
К.М. Королева. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»,
1999. — 544 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-237-04107-8

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

© Glen Cook, 1988, 1987

© Перевод. Г.Б. Косов, 1996

© Перевод. К.М. Королев, 1996

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Сладкозвучный серебряный блюз

Бам! Бам! Бам!

Кто-то перепутал дверь с наковальней. Я перекатился на бок и разлепил налитые кровью глаза. Никого не видно; впрочем, сквозь замызанное стекло можно лишь с трудом разобрать начертанные на нем слова:

ГАРРЕТ ДЕТЕКТИВ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Я изрядно потряхнул мошной, покупая это стекло, — и все слова пришлось выписывать на нем самому.

Стекло было мутным, как вода, в которой всю неделю мыли посуду, но все же сквозь него пробивался свет нарождающегося утра. Проклятое солнце еще не взошло! А я почти всю ночь мотался по барам, выслеживая одного парня, который мог бы вывести меня на другого парня, а тот, в свою очередь, — на третьего. Да, и результатов никаких, только голова раскалывается.

— Убирайтесь! — прорычал я. — Меня нет дома!

Бам! Бам! Бам!

— Катитесь к дьяволу!

Теперь я знаю, как чувствует себя яйцо, которое только что раскололи о край сковороды. Интересно, нащупаю ли я вытекший желток, если подниму руку к затылку? Но, ох, это требует чрезвычайных усилий. Лучше спокойно умереть.

Бам! Бам! Бам!

Завести меня ничего не стоит — особенно с похмелья, и я был уже на полпути к дверям с увесистой дубиной в руке, когда в разболтанный желток вернулись проблески здравого смысла.

Кто же это такой напористый? Небось, явился с холма предложить мне работу, слишком скользкую для его парней. С другой стороны, может, кто-нибудь снизу — предупредить, что я накатил не на того, на кого следует.

Во втором случае дубинка не помешает.

Я рывком распахнул дверь.

Женщину я заметил не сразу. Она едва доходила мне до груди. Поверх ее головы я уставился на трех парней: такого количества железа хватило бы на вооружение армии. Что ж, я был бы не прочь броситься в атаку, да только двоим из них было лет по пятнадцати, а третьему — не меньше ста пяти.

— Неужели на страну напали гномы? — простонал я. Ни один из посетителей не превосходил ростом стоящую в дверях даму.

— Это вы и есть Гаррет? — спросила она с нескрываемым разочарованием.

— Нет. Постучите в третью дверь. Всего хорошего!

За третьей дверью обитал работающий по ночам могильщик, которому доставляло удовольствие действовать мне на нервы. Я решил, что теперь его очередь.

Я поковылял к постели. Меня не оставляло смутное подозрение, что я уже где-то видел этих людей.

Добравшись до цели, я свернулся клубком, как старый пес. Когда ты с похмелья, устроиться удобно невозможно, будь то пуховая постель или голые доски. Но едва я успел вернуться в горизонтальное положение, как снова началось: бам! бам! бам!

Пальцем не пошевелив, поклялся я себе. Они должны понять намек.

Не поняли. Казалось, от грохота вот-вот обрушится потолок. Нет, доспать, видно, не удастся.

Я осторожно поднялся, выдул кварту воды, и, залив ее прокисшим пивом, вернулся к гнусному состоянию духа.

Бам! Бам! Бам!

— У меня нет привычки разбивать черепа дамам, — заявил я крошке, открыв дверь. — Но ради такого случая могу и отступить от правил.

Угроза не произвела на нее никакого впечатления.

— Папа желает вас видеть, Гаррет.

— Великолепно! Это, конечно, оправдывает появление банды карликов, пытающихся сломать дверь. Итак, что угодно от меня королю гномов?

В дело вступил престарелый коротышка:

— Роза, совершенно очевидно, что мы потревожили мистера Гаррета в ненуждающее время. Мы уже прождали три дня, и несколько лишних часов погоды не сделают.

Роза? Эту Розу я уже где-то видел. Но где?

— Мистер Гаррет, меня зовут Лестер Тейт, и прежде всего я хочу принести извинения от имени Розы за то, что мы побеспокоили вас в столь неурочный час. Она упрямый ребенок, мой брат всегда относился к ней слишком снисходительно, и теперь она считается лишь со своими желаниями.

Он говорил мягким, чуть утомленным голосом человека, которому постоянно приходится бороться с ураганами.

— Лестер Тейт? — переспросил я. — Дядюшка Денни Тейта?

— Да.

— Теперь припоминаю. Семейный пикник на Слоновых Утесах. Я пришел вместе с Денни.

Пикник встал в памяти, наверное, потому, что Роза вела себя в тот день как последняя стерва.

— Возможно, вид вашего арсенала вынудил меня забыть ваши лица.

Мы познакомились с Денни Тейтом около восьми лет назад, но уже много месяцев не встречались.

— Как поживает Денни? — несколько виновато поинтересовался я.

— Денни умер, — пролаяла в ответ нежная сестренка Роза.

* * *

Мы с Денни были героями кантардских войн. Это означало, что мы отслужили свои пять лет и при этом ухитрились остаться в живых. Многим это не удалось.

Хотя нас призвали примерно в одно время и службу мы несли всего в двадцати милях друг от друга, встретились мы позже здесь, в Танфере, в восьмистах милях от полей сражений. Он служил в легкой кавалерии, а я был морским пехотинцем и большую часть времени провел на борту корабля «Империял Кямсвик», приписанного к Фулл-Харбору. Мы дрались на островах. Денни же скакал по всему Кантарду, то гоняясь за венагетами, то удирая от них. Перед уходом со службы мы оба стали сержантами.

Это была отвратительная война. Собственно, такой она остается и по сей день. Правда, теперь, когда я нахожусь вдали от нее, она мне не столь противна.

Денни пришлось куда хуже, чем мне. Сражения на море и на островах были второсортным представлением. Ни мы, ни венагеты не тратили на них магические силы. Блеск, ярость и мощь волшебства сберегались для битв на континенте.

Так или иначе, оба мы пережили свои пять лет, к тому же провели их примерно в одном и том же регионе. Это было то общее, что объединило нас при первой встрече и сохраняло наши отношения до тех пор, пока они не переросли в дружбу.

— Так вот в чем дело! И вы стали ходячим арсеналом? Что это? Вендетта? Может, вам лучше войти?

Роза закудаhtала, как курица, снесшая кубическое яйцо.

Дядюшка Лестер тоже рассмеялся, но это был смех совсем иной породы.

— Заткнись, Роза. Еще раз прошу простить нас, мистер Гаррет. Мы прихватили оружие только для того, чтобы утолить страсть Розы к драматизму. Она думает, что если мы появимся в этой местности безоружными, адепты головорезы ее изнасилуют.

Утро выдалось тяжелое (правда, редкие утра оказывались легкими), и я брякнул, не думая:

— У головорезов в моей округе еще сохранился кое-какой вкус. Ей не стоит беспокоиться.

И попробуй оправдаться похмельем!

Дядюшка Лестер ухмыльнулся, а Роза глянула на меня так, словно я — собачье дерьмо, прилипшее к ее туфле.

Я постарался замять бестактность.

— Кто это сделал? И чем я смогу вам помочь?

— Никто ничего не делал, — ответила Роза. — Он свалился с лошади, проломил себе череп, сломал шею и еще с десятков костей.

— Трудно поверить, что столь искусный наездник мог так кончить.

— Это произошло средь бела дня на людной улице. Нет никаких сомнений, что это была несчастный случай.

— Тогда не понимаю, зачем вам я? Тем более когда солнце еще не взошло.

— Об этом вам скажет папа, — ответила Роза.

Строптивая девица исходила яростью. И эта ярость явно кипела в малютке еще до того, как я дал повод.

— Притащить вас — его идея, а не моя, — закончила Роза.

Я знал отца Денни достаточно хорошо и мог бы обращаться к нему по имени, если бы был сопляком, не знающим слова «мистер». Старик был преуспевающим сапожником. Он сам, Денни и пара помощников общались с клиентами и занимались торговлей, а дядя Лестер с дюжиной подмастерьев тачали обувь для армии. Война была прибыльным делом для папочки.

Правда, если верить поговорке, злые ветры никому не приносят добра.

Так или иначе, но я проснулся окончательно. Пиво и увлекательная беседа несколько опохмелили меня, и нестерпимый грохот в башке превратился всего лишь в размеренный топот легионов.

Кроме того, я чувствовал себя виноватым, что не выкроил времени и не повидался с Денни до того, как его оседлала безногая. Я решил выяснить, зачем папаше Уилларду понадобился человек моей профессии. Ведь у него не было сомнений в причине смерти сына.

— Дайте мне время на сборы, и я готов идти с вами.

Роза зловеще ухмыльнулась, и я понял, что подогрел ее врожденную склонность к убийству.

Пришлось поторопиться и не дать этой склонности проявиться немедленно.

2

Уиллард Тейт был не выше остальных сородичей. Типичный гном. Макушка его сверкала, зато из-за ушей до плеч свисали седые пряди. На затылке они были еще длиннее. Сгорбившись над рабочей доской, он загонял крохотные бронзовые гвоздики в каблуки женских туфелек. Было видно, что он овладел вершиной своего ремесла. Да и квадратные очки в стиле Тан-Хагин по дешевке не купишь.

Он был полностью поглощен работой. Я помнил, как он перенес смерть жены, и решил, что в труде папаша стремится утопить свое новое горе.

— Мистер Тейт?

Он знал, что я здесь. Добрых двадцать минут я топтался под дверью, ожидая, когда ему сообщат о госте.

Вогнав последний гвоздь одним великолепным ударом, он удостоил меня взглядом поверх очков.

— Мистер Гаррет, мне сказали, что вы позволили себе издеваться над нашим ростом.

— Я становлюсь злобен, когда меня выволакивают из постели до восхода солнца.

— Это все Роза. Если ей приспичит кого-нибудь увидеть, она этого добьется. Я плохо воспитал девочку. Почаще вспоминайте ее, когда будете растить своих деток.

Я промолчал. Если хочешь сохранить с человеком дружеские отношения, не стоит афишировать, что скорее согласишься ослепнуть, чем обзавестись отпрысками. Лжецом тебя, может, и не сочтут, но уж психом — наверняка.

— Быть может, вы относитесь с предубеждением к невысоким людям, мистер Гаррет?

У меня в голове роилось не меньше шести остроумных ответов, но я не выпустил их на волю. Старик был сама серьезность.

— Нет, конечно. Иначе Денни не был бы моим другом. Почему вы спрашиваете? Это имеет какое-то значение?

— В некотором смысле. Вы не задавались вопросом, почему все Тейты столь малы ростом?

— Нет.

Я действительно никогда над этим не задумывался.

— Это кровь. Небольшая примесь крови эльфов. С обеих сторон за несколько поколений до меня. Запомните это, чтобы потом лучше все понять.

Я несколько не удивился: я об этом догадывался, видя, как Денни управляется с животными. В жилах многих людей течет кровь эльфов, но они это тщательно скрывают. Большинство обывателей страдает предрассудками в отношении полукровок.

Состояние мое улучшилось, но не намного, я все еще оставался чрезмерно нетерпеливым.

— Может, перейдем к делу, мистер Тейт? Вы хотели дать мне работу или нет?

— Я хочу, чтобы вы нашли одного человека. — Старик поднялся со скамейки и сбросил кожаный фартук. — Следуйте за мной.

Я последовал. Он вел меня в таинственный мир клана Тейтов, расположенный за мастерской. Денни никогда этого не делал.

— А вы неплохо устроились, — заметил я, когда мы вступили в прекрасно обустроенный сад. Я и не подозревал о его существовании.

— Да, ухитряемся кое-как.

Вот бы мне так ухитриться.

— Куда мы идем?

— В жилье Денни.

Сад окружали стоявшие бок о бок дома. С улицы они выглядели как бесконечный мрачный пакгауз. Трудно поверить, но со стороны сада дома эти были так же прекрасны, как и все здания на Холме. Оказывается, они просто не выходили фасадами на улицу и потому имели столь угрожающий вид.

Интересно, умертвили они строителей, когда те закончили работу?

— И здесь обитает весь род Тейгов?

— Да.

— Не очень-то уединишься.

— Напротив. У каждого из нас свое помещение. Некоторые из них имеют выход на улицу, как у Денни, например, — со значением произнес старик.

Мое любопытство все возрастало. Тон его выдавал: Уиллард был возмущен, как это Денни имел секреты от своего папочки.

Он провел меня в жилье Денни. Там было жарко и душно, как бывает летом в закрытых помещениях. Ничего не изменилось с тех пор, как я побывал здесь однажды (через уличную дверь), ничего, только Денни здесь не было. И разница чувствовалась.

В комнате было чисто и пусто, как в новеньком гробу. У Денни всегда были привычки аскета, он никогда не намекал о той роскоши, в которой купается его семейство.

— Все находится в подвале.

— Что все?

— То, что вам надо бы увидеть до того, как я начну объяснения.

Уиллард выбрал подходящую лампу и зажег ее длинной спичкой, которую оставил горячей.

Через несколько секунд мы были в подвале, оказавшемся таким же безукоризненно чистым, как и первый этаж. Старый Тейт и его спичка отправились в путь, запаливая лампы вдоль стен. Я же, как кот, которому лень облизать свою лапу, остался торчать на месте с открытым ртом.

Когда Тейт повернулся ко мне, его лицо светилось самодовольной улыбкой.

— Что вы на это скажете?

Кот с таким вдруг отяжелевшим языком, как мой, наверное, потянул бы весом на двух снежных барсов.

Я очутился в логове дракона. Только там, если верить легендам, могло быть столько драгоценных металлов, сколько окружало меня сейчас.

Когда же я немного пришел в себя, оказалось, что драгоценностей не так уж и много. Просто их было больше, чем я мог себе представить в одном месте. Несколько сотен грабителей, трудясь в две смены, вполне могли столько награть за пяток лет.

— Откуда? Как?..

— Большинство ответов мне неизвестно, мистер Гаррет. Я располагаю лишь записями, которые оставил Денни. Мальчик писал их для себя и знал, о чем идет речь. Впрочем, информации достаточно, чтобы представить картину в самых общих чертах. Я думаю, что вы все прочитаете, прежде чем приступить к делу.

Я кивнул, совершенно не слушая. Мой друг Денни. Сапожник с набитым серебром подвалом. Денни, который упоминал о деньгах единственный раз: о причитавшейся ему доле за захват вражеского каравана с драгоценностями после нашей победы над венагетами на Грязной реке.

— Сколько здесь? — прохрипел я.

Лучше мне не стало. Карлик, утнездившийся где-то в затылке, начал вопить истошным голосом. Никогда не подозревал, что один лишь вид богатства может так скверно повлиять на меня.

— Шестьдесят тысяч марок в карентийских серебряных монетах. Эквивалент восьмидесяти тысяч марок в серебряных монетах других стран. Четыреста четырехунцевых слитков. Шестьсот двадцать три восьмиунцевых и сорок четыре слитка в один фунт. Сто десять фунтов в больших слитках. Около тысячи золотых марок. Много меди и олова, но они ничего не стоят по сравнению с серебром.

— Конечно, не стоят, если от пары медных монет не зависит, выживете вы или помрете от голода. Как он ухитрился это сделать? Только не говорите, что он тачал бальные тувельки для дородных герцогинь. Никто не становится богачом... трудясь.

Чуть было у меня с языка не сорвалось слово «честно».

— Торговля металами. — Тейт одарил меня взглядом, означавшим «не будь идиотом». — Игра на изменениях в разнице цен между золотом и серебром. Покупка серебра, когда оно дешевле по отношению к золоту, и продажа — когда дешевет золото.

— Денни начал с денег, полученных в армии. Он ухитрился совершать сделки в самые благоприятные моменты. Именно поэтому я просил вас обратить внимание на присутствие крови эльфов в наших жилах. Мы, ведущие свой род от эльфов, имеем особое чутье к серебру.

— Не морочьте себе голову, папаша.

— Вы должны согласиться с моими словами. Как иначе он сумел бы так преуспеть? Уж не думаете ли вы, что богатство нажито нечестным путем?

— Я согласен.

Не убедил он меня, что тут все чисто.

Каждый, кто способен предугадать изменение цен, мог разбогатеть подобным образом. Цена на серебро резко меняется в зависимости от успехов нашей армии в Кантарде. Огромный спрос на металл сохранится до тех пор, пока мир будет заражен неизмеримым количеством магов, волшебников и колдунов.

Девяносто процентов мировой добычи серебра сосредоточено в Кантарде. Серебро — основная причина войны, скрытая официальными мотивами, в том числе историческими притязаниями. Может быть, если удастся избавить мир от магов с их ненасытной жадностью к мистическому металлу, крутом разразится мир и процветание.

— Итак? — спросил Тейт.

— Что итак?

— Вы беретесь за работу?

Хороший вопрос, подумал я.

3

Я взглянул на Тейта: да он с ума сходит от страха, пытается втянуть меня в какое-то предприятие и дрожит, что я повернусь к нему спиной, как только узнаю всю подноготную.

— Папуля, — спросил я, — взялись бы вы тащить сапоги, не зная размера ноги? Не увидев человека, который собирается их носить? Не ведая, сколько вам заплатят? Я был ужасно терпелив только потому, что вы отец Денни. Но эти игры мне надоели.

Он принялся хмыкать и булькать.

— Кончайте, папочка. Развязывайте мешок и вытряхивайте все наружу. Посмотрим, пищит оно или мяукает.

Его лицо отразило боль, даже мольбу.

— Я всего-навсего остаюсь верным своему сыну. Стараюсь исполнить его последнюю волю.

— Мы воздвигнем ему монумент. Ну как, рыбка заговорит или?..

Или я лучше отправлюсь домой и благополучно пересплю похмелье? И почему люди так поступают? Они вытаскивают вас, чтобы вы им помогли, и тут же начинают врать и скрытничать. Но не перестают визжать, требуя результатов.

— Вы должны понять...

— Мистер Тейт, я должен понять только то, что происходит. Почему бы вам не начать с самого начала: поведайте мне все, что вы знаете и чего хотите от меня. И ничего не опускайте. Если я примусь за работу и выясню, что вы соврали, то ужасно рассержусь. А рассердившись, стану крайне неприятным.

— Вы уже завтракали, мистер Гаррет? Ну конечно же, нет! Роза подняла вас с постели и сразу привела сюда. Почему бы вам не подкрепиться, пока я приведу в порядок свои мысли?

— Да потому, что ничто не бесит меня так, как бессмысленные задержки.

Он побагровел. Старик, видимо, не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

— Рассказывайте, или я сваливаю. Мы попусту теряем время, а жизнь и без того коротка.

— Проклятие! Никто не смеет...

Я направился к лестнице.

— Хорошо. Пойдите!

Я остановился.

— После смерти Денни я спустился сюда и увидел все это, — проговорил Тейт. — Кроме того, я нашел завещание. Юридически зарегистрированное!

Многие люди предпочитают не тратить времени на регистрацию, и все же в этом нет ничего особенного.

— Ну и что?

— В этом завещании вы и я названы его душеприказчиками.

— Ах, чертов недомерок! Пенек проклятый! Я бы сломал ему шею, если бы он сам не поспешил это сделать! Так вот в чем дело! Значит, вы переминаетесь с ноги на ногу и бросаете косые взгляды потому, что он привел чужака?

— Не совсем. Меня смущают условия завещания.

— Вот оно что! Наверное, он сообщает, что думает о своей родне?

— В некотором роде. Все, за исключением нашего с вами вознаграждения, он оставляет человеку, о котором мы даже и не слышали.

Я рассмеялся. В этом был весь Денни.

— Что с того? Он сделал эти деньги и имел право отдать их кому угодно.

— Не смею отрицать. И я, хотите верьте, хотите — нет, не стал бы возражать. Но ради Розы...

— Вы знаете, что он о ней думал? Хотите, я вам расскажу?

— Она — его сестра.

— Ну да, здесь Денни ничего не мог изменить. Самые теплые слова, что он говорил о сестренке: «Никчемная, ленивая, вечно скулящая дармоедка, которой все позволено». Несколько раз, насколько я помню, звучало «сука».

— Но...

— Оставьте. Эта тема мне противопоказана. Итак, вы хотите, чтобы я отыскал этого таинственного наследника? И что дальше?

Иногда они требуют от вас безумных действий. До меня дошло, зачем Денни зарегистрировал завещание. Из-за Розы с шипами.

— Просто сообщите ей, что наследство здесь и что она может его востребовать. Получите от нее заявление о намерениях, которое мы сможем приложить к делу об официальном утверждении завещания. От нас уже требуют сообщить, что мы предпринимаем для выполнения последней воли покойного.

Это смахивало на правду. Я знал этих придурков. До того как пивоварня дала мне постоянную работу, я был свободным художником и, чтобы свести концы с концами, проводил для них расследование.

— Она? Все унаследовала женщина?

За все время нашего знакомства Денни ни разу не упоминал о женщинах. Я думал, его это не волнует.

— Да. Старинная подружка, еще с армейских времен. Он, похоже, так и не разлюбил ее. Они постоянно переписывались, хотя девица вышла замуж за другого. Письма помогут вам ее

найти. Ведь вы бывали в Кантарде и знакомы с местами, которые она упоминает.

— Кантард?!

— Да, она там. Пойдите, мистер Гаррет! Куда же вы?

— Однажды я уже побывал в Кантарде. Но тогда у меня не оставалось выбора. Сейчас же я могу решать. Поищите себе другого лоха, мистер Тейт.

— Но, мистер Гаррет, вы один из душеприказчиков, а я слишком стар, чтобы пускаться в путешествие.

— Не вешайте мне юридическую лапшу на уши, папочка. Душеприказчик может не вступать в дело, пока не изъявит своего согласия, оставив автограф на первой странице. Пока.

— Мистер Гаррет, закон позволяет отчислять в пользу душеприказчика до десяти процентов от суммы наследства, чтобы компенсировать его моральные и материальные затраты. Состояние Денни, за вычетом налогов, оценивается без малого в сто тысяч марок.

Слова старика меня немного притормозили. Об этом стоило подумать. Секунды две.

— За пять тысяч помирать не стоит, папуля. Мне даже некому их завещать.

— Десять тысяч, мистер Гаррет. Я отдам вам свою долю. Мне она не нужна.

Я начал колебаться.

— Нет.

— Я оплачу все расходы из своего кармана. Вы получите десять тысяч чистыми.

Я замер в немом потрясении. Эту старую плешь, видно, специально натаскивали для работы дьяволом-соблазнителем.

— Сколько это мне будет стоить, мистер Гаррет?

— Почему вам так неинтересно отыскать эту особу?

— Я хочу взглянуть на нее, мистер Гаррет. Мне надо увидеть, какая женщина сумела сделать из моего сына мартышку. Назовите вашу цену.

— Все серебро мира окажется мне ни к чему, если дикие псы Кантарда разгрызут мои кости, чтобы полакомиться костным мозгом.

— Назовите цену, мистер Гаррет. Я старый человек, потерявший сына, который должен был последовать по моим стопам. Я состоятельный человек, но теперь мне незачем цепляться за мое богатство. Кроме того, я человек решительный и напористый. Мне необходимо увидеть эту женщину. Итак, еще раз прошу — назовите цену.

Мне следовало, будь он проклят, лучше подумать, на что я иду. Правда, по совести говоря, я прекрасно знал, что мне грозит. Вот уже десять минут я толкую про это.

— Гоните для начала тысячу под отчет. Я посмотрю, что здесь оставил Денни, и поразнюхаю слегка в городе. Не братья же за невыполнимую работу. Свое решение я вам сообщу.

Вернувшись назад, я придвинул стул к столу, на котором стопками были сложены письма и заметки Денни.

— Меня ждет работа, — заявил Тейт. — Я попрошу Розу принести вам завтрак.

Под звук удаляющихся шагов Тейта я раздумывал о возможностях дорогой Розочки подсыпать мне яду. Вздыхнув, я принялся за работу, надеясь, что предстоящий завтрак не станет для меня последним.

4

Для начала я решил поискать, не пропустило ли чего семейство Денни. У скряг всегда есть что-нибудь, что необходимо припрятать подальше. В подвале вроде этого, каким бы оголенным он ни казался, найдется тысяча нор, куда можно засунуть ценные вещи.

Я как раз обнаружил нужное место, когда на меня посыпалась пыль с потолка, служившего полом верхней комнаты. Я насторо-

жился. Ни звука. Кто-то, осторожно ступая наверху, мог бы выдать себя за кошку.

Мои ноги покоились на крышке стола, и я расширял свои литературные горизонты, когда на сцене появились Роза и мои лепешки. Я посмотрел на нее поверх страницы письма, в котором что-то показалось мне знакомым. Но я не смог как следует вникнуть в прочитанное. Аромат лепешек с медом диких пчел, куриные яйца, горячие тосты с маслом и несколько видов джема целиком завладели моим вниманием, и это было вполне естественно в моем состоянии.

Роза тоже отвлекала от работы. Она улыбалась.

Так улыбаются эмен перед тем, как ужалить.

Когда такая Роза улыбается, надо сразу же убедиться, что за твоей спиной нет амбала с ножом в лапе.

Улыбаясь, она поставила передо мной поднос.

— Здесь всего понемногу из того, что нашлось в кухне. Надеюсь, что-нибудь придется вам по вкусу.

Такая убежденность заставит вас занять боевую стойку спиной к стене.

— Вы скверно себя чувствуете?

Она бросила на меня изумленный взгляд.

— Нет. Почему вы так решили?

— Да по выражению вашего лица. На нем написано страдание. Никакой реакции. Только вопрос:

— Итак, старик вас уговорил?

— Уговорил на что? — Я удивленно поднял бровь.

— Найти женщину, с которой был связан Денни.

Ее слова, улыбка источали яд.

— Нет. Я сказал ему, что пороюсь в бумагах Денни и поброжу по городу. После этого скажу, что думаю. Это все.

— Вы согласитесь. Сколько он предложил за то, чтобы вы отыскали ее?

С каменным лицом игрока в покер я посмотрел прямо в ее ледяные зрачки. Я совершенно не верю в эту чепуху насчет зерка-

ла души. Мне приходилось видеть слишком много лживых глаз. А тут — ничего, кроме кремня и подернутой инеем стали.

— Я отдам вам двадцать процентов, если вы ее не найдете. Двадцать пять — если найдете мертвой.

С тем же выражением лица я принялся за свой завтрак. На подносе были еще ветчина и сосиски. Чай был настолько хорош, что я выдул полчайника, прежде чем прикоснулся к еде.

— Я могу быть очень щедрой, — продолжала она, повернувшись и продемонстрировав свои достоинства.

Да, у нее все было на месте, и весьма высокого качества. Превосходная упаковка. Но заполненная гнилью.

— Денни говорил, что вам нравятся маленькие женщины.

Одни — больше, другие — меньше, подумал я, а вслух произнес:

— Роза, я взял себе за правило не грубить людям. Поэтому самое сильное, что я сейчас могу сделать, так это заявить — меня ваше предложение не интересует.

Она прекрасно восприняла мой отказ. Просто проигнорировала его.

— Вы знаете, что я собираюсь ехать вместе с вами?

— Со мной? И куда же?

— В Кантард.

— Буду откровенен с вами, леди. Я не стану выполнять для вас грязную работу, а вы вместе со мной даже не перейдете через улицу. Благодарю за завтрак. Я был чертовски голоден и высоко ценю вашу заботу. А теперь убирайтесь и дайте мне возможность найти хотя бы одну причину, чтобы оказаться идиотом и ввязаться в это дело.

— Я упрямая женщина, Гаррет, и обычно добиваюсь своего. Если вы отказываетесь мне помочь, вам действительно лучше не встречать в это дело. Людям, оказавшимся на моем пути, бывает худо.

— Если вы не исчезнете до того, как я прикончу эту чашку чаю, я переброшу вас через колено, и вы получите все, что ваш папаша должен был вколотить в вас в нежном возрасте, когда это еще могло помочь.

Она отступила к лестнице.

— Я заявляю, что вы меня изнасиловали.

Я ухмыльнулся. Последнее средство негодяек.

— Хотя я и не так богат, как вы, но детектор лжи как-нибудь смогу себе позволить. Валяйте. Посмотрим, как ваш папаша перенесет потерю двоих детей за одну неделю.

Она отправилась вверх по ступеням. Игра окончена.

Я же прошел назад и вытащил темный сверток из тени между двумя балками, покоящимися на внешнем фундаменте. Он вовсе не был спрятан. Все пространство между балками было завалено, и я обратил внимание на сверток только потому, что он был обернут попоной. Денни придавал своей службе в кавалерии большое значение и хранил все напоминающее о ней. Несомненно, то, что завернуто в попоны, должно было представлять для него особую ценность.

Я же зашвырнул свой матросский мешок в воду в тот самый момент, когда в последний раз ступил на трап, чтобы оставить службу. Настолько я обожал свое пребывание в рядах Королевской Морской Пехоты.

Сверток содержал пачку военных карт Кантарда — по большей части наших, но и несколько венагетских. И те и другие хранить было опасно. Вас запросто могли арестовать за шпионаж. А следователи в наше время, как известно, не перестают задавать вопросы до тех пор, пока вы во всем не признаетесь.

Кроме карт в свертке оказалось несколько тончайших, почти прозрачных кожаных папок и несколько очень дорогих на вид, не очень толстых журналов для записей.

Я отнес находку на письменный стол Денни.

В каждой папке находилось описание и критический анализ всех важнейших сражений за последние шесть лет. Приводились имена капитанов судов, командующих и названия воинских частей. В одном

из журналов содержались характеристики каждого боевого командира и одно за другим перечислялись все подразделения.

Что за дьявольщина? Я не думал, что у Денни поехала крыша на почве военной истории.

Чтение документов кое-что прояснило.

Был там такой список офицеров Королевской армии:

1. Граф Агар. Импульсивен. Чрезмерно агрессивен. Склонен действовать даже при отсутствии достаточных разведданных.

2. Маркграф Леон. Робок. Желает быть во всем уверенным, прежде чем вступить в битву. Быстро теряется в ходе схватки.

3. Виконт Ноа. Нерешителен. В схватке безрассуден. Зря транжирит людские и материальные ресурсы.

4. Слави Дуралейник. Лучший командующий под знаменем Каренты. Блестящий тактик. Способен обучить самых глупых и ленивых солдат. Мешают: низкое происхождение, статус наемника и роль, сыгранная им в Мятеже Сейгода во время службы на стороне венагетов. Слабость — всепоглощающая ненависть к лордам Венагета.

В журнале был список и венагетских военачальников с перечнем их достоинств и недостатков. Если вы занимаетесь драгоценными металлами, всегда полезно знать, что за тип может контролировать серебряные рудники через несколько месяцев. Денни действовал весьма осмотрительно и не доверялся только фортуне.

Но вся деятельность слегка пахла вонью. Я нутром чуял вонь. Денни начинал бизнес со своей доли за обоз и денег, полученных при демобилизации. Нельзя, не срезав углов, превратить сорок восемь марок в сто тысяч.

В деловом дневнике Денни я нашел кое-какие намеки.

Записка от В: Агент Штурмлорда Атто интересовался стоимостью 50 фунт. серебра. Что это, первый признак готовящегося наступления?

Устный доклад Э: «Хэрроу» вошел в порт с 200 фунт. серебра, скрытыми в балласте. Необходимо продать прежде, чем Дуралейник захватит Фримантл.

«Хэрроу» отплыл на юг с 1000 фунт. гранулированного серебра в пустотелых балластных брусках. Самая большая сделка из всех. Молюсь о хорошей погоде.

Письмо от К: Военачальник Айронлок, 20 000 человек + три Властелина огня третьего порядка из Восточного Круга. Приказано двигаться к Лару. Наступление на Юлед? Оборону держит Виконт Блаш. Начать скупку серебра в монетах.

«В», «Э» и некоторые другие — скорее всего, приятели Денни по кавалерии, с которыми он близко сошелся. В бумагах были намеки на то, что дело ведет хорошо спевшаяся группа. Но «К» не был старым армейским дружкой.

Я снова взялся за старую любовную переписку, но тут передо мной возник один из кузенов.

Оказывается, уже настало время ланча.

— Тащите все, что у вас там осталось. И кварту пива. Да скажите старому Тейту, что он мне нужен.

Настал момент, когда я принялся за письма. И тут же часть меня потянуло вернуться в Кантард. Весь остальной организм отчаянно сопротивлялся этому безрассудству.

5

— У вас такой вид, будто вы увидели привидение, — сказал Тейт.

Я оторвался от письма, на которое писался минут пять.

— Что? О... Да. Почти. Мистер Тейт, вы сказали мне, что это — честно заработанные деньги.

Старик промолчал. Видимо, он подозревал, что дело все же не совсем чисто.

— Не объявлялись ли у вас неожиданные визитеры? Не задавали ли вдруг вопросов старые приятели Денни?

— Нет.

— Ну так зададут. И очень скоро. Здесь слишком много всего, чтобы они отступились. Будьте осторожны.

— Что вы хотите этим сказать?

Мне показалось, что старик в искреннем недоумении. Не исключено, что он недостаточно знает мир, чтобы понять написанное его сыном.

Пришлось ему кое-что объяснять.

Он не поверил.

— Не имеет значения, что каждый из нас думает, — сказал я. — Суть в том, что я заинтересовался делом и решил продолжать. Мне понадобится ваша тысяча. С самого начала предстоят крупные расходы. И еще коробка. Мне нужна большая коробка.

— Я распоряджусь, чтобы Лестер доставил деньги из конторы. Но зачем вам коробка?

— Чтобы упаковать все это хозяйство.

— Нет.

— Что нет?

— Вы ничего отсюда не возьмете.

— Я все забираю или убираюсь сам. Если вы хотите, чтобы я взялся за работу, то позвольте мне ее выполнять. Так, как я хочу.

— Мистер Гаррет...

— Папуля, вы оплачиваете результат, а не право вмешиваться в мои методы. Давайте коробку, и можете вколотить хоть фунт гвоздей в один ботинок. У меня нет времени на хныканье и споры.

Папочка еще не оправился от того, что я сказал о Денни. У старика не осталось сил для борьбы, и он отступил.

Странно, но я почувствовал себя так, словно в чем-то виноват. Будто я доставил ему неприятность лишь для того, чтобы поте-

шить себя. Я не хотел усугублять это неприятное чувство и во всем остальном позволил папе Тейту поступать так, как ему заблагорассудится.

Забавно, как иногда удается самому сделать с собой то, чего не позволил бы никому другому.

Я откинулся на спинку стула и следил, как с потолка сыпалась пыль от шагов следующего посетителя.

Появился кузен с ланчем и пивом. Я был занят едой, когда дядюшка Лестер притащил внушительных размеров денежный мешок и большую плетеную корзину с крышкой. Залпом прикончив пиво, я вытер губы тыльной стороной ладони.

— Что вы думаете обо всем этом, дядюшка Лестер?

— Не мне говорить об этом, — ответил он, пожимая плечами.

— Почему же?

— Ммм... хрм...

Как будто у них тут скотный двор — все мычат и хрюкают.

— Вы читали это?

— Да.

— Ваше мнение?

— Похоже, Денни вяпался. Впрочем, вам лучше знать...

— Вяпался. И при этом выступал не как профессионал, а как любитель, черт бы побрал этих новичков, которым везет. Вы догадывались, что он влип во что-то?

— Ни на йоту. Если не считать писем этой женщины. Их вечная переписка казалась мне странноватой. Не очень естественной.

— Вот как?

— Мальчик — мой родич, кроме того, он умер. Никому не хочется говорить плохо ни о родственниках, ни тем более о покойниках. Но этот молодой человек был немного странным. Вечно был один, пока не отправился на войну. Бьюсь об заклад, это была его единственная женщина за всю жизнь. Если, конечно, была. Вернувшись домой, он ни на одну не смотрел.

— Быть может, скрещивался с другими видами?

Лестер в ответ хрюкнул и облил меня полным презрения взглядом, как будто я ничего не знаю о Тейтах, об эльфах и обо всех гибридах, которых полно развелось.

— Я просто спрашиваю, лично мне казалось, что он вообще этим делом не интересовался. Мы не раз участвовали в попойках, там все хвастают своими успехами. Он же никогда ничего не рассказывал.

— Ну да. Представляю. Вежливо слушал, как меня, когда я рассказывал о приключениях молодости, — с ухмылкой произнес Лестер.

Этим он меня убедил.

Не часто случается так, что Гаррету бывает нечего сказать.

Дядюшка ослабилась и произнес:

— На этом я вас оставляю.

Я что-то буркнул ему в корму. Откинувшись назад с закрытыми глазами, я вернулся к видениям прошлого, из которых меня так жестоко вырвали. Такое совпадение просто не могло произойти без вмешательства дьявола.

Кейен Кронк.

Не удивляюсь, если все эти годы Денни действительно хранил в памяти свою любовь. Я сам пережил три тяжелых года, пока не сбросил наваждение.

Оставалось только одно. Отправиться на свидание с Покойником.

6

Его прозвали Покойником, потому что он был убит четыреста лет назад. Вообще-то он совсем не покойник, да и не человек вовсе. Он — логхир, а логхир не помирает из-за того, что кто-то ухитрился воткнуть в него дюжину ножей. Тела их проходят все стадии смерти: холодеют, в них возникает трупное окоченение, они ста-

новятся мертвенно-бледными с синюшным оттенком. Но не разлагаются. Во всяком случае, настолько, чтобы человек мог это заметить. Скелеты логхиров находили в развалинах на острове Хатар, и они сильно смахивали на высохшие человеческие костяки.

— Привет, Старые Кости! По тебе не скажешь, что ты на диете.

Покойник — это четыреста пятьдесят фунтов сарказма, слегка траченного по краям молю, муравьями и мышами. Он припаркован в кресле в темной комнате дома, который выглядит заброшенным и перенаселенным призраками. И подвигивает. Процесс разложения хотя и медленно, но идет.

— Да и ванну принять тебе не мешало бы.

Парапсихический холод, охвативший душу, заставил меня содрогнуться. Покойник спал. С этим кадавром нелегко общаться, даже когда он в лучшей своей форме, но если его разбудить не вовремя, он становится просто несносным.

«Я вовсе не сплю. Я медитирую».

В моей голове неожиданно зазвонили колокола.

— Ну это как посмотреть.

Парапсихологический холод сменился что ни на есть физическим. Из рта при дыхании извергались клубы пара. Пряжки на ботинках покрылись инеем.

Я поспешил начать умиротворяющую процедуру, необходимую, когда имеешь дело с Покойником. Только что срезанные цветы отправились в хрустальную вазу, стоящую перед ним на неимоверно грязном столе. Затем я зажег свечи. Его чувство юмора требовало, чтобы их было тринадцать, черного цвета, и чтобы они непременно горели, пока он дает консультацию.

Насколько я знаю, он единственный логхир, позволяющий использовать свою гениальность в коммерческих целях.

Ему не нужен свет, чтобы видеть цветы или рассмотреть посетителей, но он прикидывается, что не может обойтись без свечей.

«Ага, вот теперь я вижу тебя, Гаррет. Узнаю твою назойливость. Неужели ты не можешь оставить меня в покое? Ты хуже всякой плесени и мышей, и появляешься здесь через день».

— Я не видел тебя пять месяцев, Весельчак. И, судя по виду твоей норы, все это время ты медитировал.

Из-под его кресла пырснула нашедшая там убежище мышь. Покойник поймал ее телекинетической мощью своего разума и выбросил из дома. Покрывающая его мошь зароилась в воздухе, похожая на дым от неожиданного взрыва. Он не мог причинить серьезного зла ни единой козявке, желающей сожрать его, но был способен превратить в ад жизнь человека, пытающегося возвратить его к полезной деятельности.

— Тебе следует время от времени трудиться, — сказал я. — Даже покойники обязаны платить за постой. Да и кто-то должен тебя обмывать, убирать в доме и, между нами, обирать с тебя паразитов.

Большой, блестящий черный паук выбрался из похжей на свиную ноздри на конце десятидюймового хобота. Пауку явно не понравился мой вид. Он тут же нырнул обратно.

«Цветы опять дешевые».

Это было вовсе не так. Я никогда не давал ему законного повода для жалоб. А прогнать меня только потому, что ему не хотелось работать, Покойник не мог. Состояние его финансов было мне хорошо известно. Домовладелец уже приходил ко мне насчет платы за прошлый месяц.

«У тебя опять паршивый клиент, Гаррет? По-прежнему вынохиваешь неверных жен?»

— Тебе лучше знать.

Благодаря ему я давно уже не занимался подобными вещами.

«Сколько заплатишь?»

— Ты уже должен мне квартплату за последний месяц.

«У тебя отвратительный вид самодовольного человека с гарантированными доходами».

— И что с того?

«Сколько ты сможешь выдавить из клиента, прежде чем он заверещит?»

— Не знаю.

«Судя по твоему виду, порядочно. Ты похож на типа, наладившего доступ к горшку с золотом у дальнего конца радуги. Приступай к чтению».

— К чтению чего?

«Перестань изображать идиота, Гаррет. Ты слишком стар для этого. Ты приволок сюда корзину мусора, чтобы уморить меня скукищей. Скучать, Гаррет, гораздо хуже, чем быть покойником. Ты ничего не можешь делать».

— Логхирь, пока живы, вообще ничем не занимаются.

«Читай, Гаррет, не испытывай мое терпение».

Итак, я победил. В некотором роде. Покойник внимательно выслушал все от слова до слова, тщательно изучил все карты. Четкий, профессиональный доклад. Я споткнулся лишь дважды — в первый раз на имени Кейен и когда он заставил летать вокруг моей головы пищащую мышь. Все это заняло пару часов, и в горле у меня совершенно пересохло. Но я был готов к этому. Не в первый раз.

Один огромный глоток пива — и в моей башке опять зазвучали слова:

«Весьма подробно. Во всяком случае, то, что было произнесено. А теперь выкладывай, что опустил».

— Ничего не пропущено. Перед тобой вся картина.

«Ты врешь, Гаррет. И не очень убедительно. Правда, скорее всего, ты врешь больше самому себе, нежели мне. Ты споткнулся на имени женщины. Какое оно имеет для тебя значение?»

Верно, если вы лжете своему лучшему другу — значит, вы лжете себе. Покойник ничего не говорит просто так.

— Оно действительно имеет значение.

«Продолжай».

Я знал Кейен Кронк, когда служил в Кантарде. Ее отец был одним из Синдиков в Фулл-Харборе. Когда мы встретились, мне было девятнадцать, ей — семнадцать. Я крепко втюрился, думаю, она тоже. Но началась кампания на островах, большую часть времени я проводил в море, и мы встречались не чаще двух раз в неделю. Месяцев через шесть она начала охладевать ко мне. Однажды, когда я сошел на берег, меня ожидало очень милое письмо: я полюбила другого, ты не должен искать со мной встреч и т. д. и т. п. Обычная чепуха. Больше мы не виделись. До меня доходили слухи, что она встречается с каким-то кавалеристом и что ее папаша недолюбливает его больше, чем недолюбливал меня. До сегодняшнего дня я больше ничего не слышал о ней. Несколько лет было нелегко: разрыв дался мне тяжело.

Конец исповеди.

Длительное молчание.

«Твой друг никогда не упоминал этого имени».

Он никогда не говорил о женщинах.

«Странное совпадение, редкое, но не невозможное. Было бы неплохо выяснить, знал ли он имя ее предыдущего любовника. Как ты с ним встретился?»

— Мы встретились в таверне, где обычно болтались ветераны, и сразу понравились друг другу. Ничто не говорило о том, что он обо мне от кого-либо слышал. И он не походил на парня, способного на дружбу с бывшим любовником своей любовницы. Готов держать пари на все его состояние, что он не подозревал во мне того морского пехотинца, с которым Кейен гуляла раньше.

«Ладно, держи пари. Скажи мне, ты понимаешь, что размер наследства очень велик и этим делом неизбежно заинтересуются десятки людей?»

— Именно поэтому я и явился сюда. Мне необходим твой совет.

«Мой главный совет ты все равно отвергнешь».

— Какой?

«Брось это дело. Держись работы на пивоварне. Если не откажешься, тебя могут убить. Скорее всего в Кантарде. В события наверняка будут вовлечены, пусть и косвенно, весьма опасные типы».

— Каким образом?

«За кого вышла замуж эта женщина?» — ответил вопросом на вопрос Покойник.

— Не знаю. Но почему ты спрашиваешь? Считаешь, это важно?

«Осмелюсь предположить, что именно в этом суть дела».

— Почему?

«Из писем женщины очевидно, что она имела доступ к информации, весьма ограниченной по своему характеру и исключительно опасной для тех, кто ей владеет. Она передавала не только данные о передвижении войск и будущих планах ваших армий, но и такую же информацию о войсках венагетов. Вывод: она занимала совершенно уникальное положение. У вас, людей, не принято, чтобы особь женского пола достигала высокого положения в результате карьеры. Следующий вывод: она вышла замуж за человека, имеющего высокое положение».

Телепатическая связь Покойника обладала всеми особенностями обычной речи, если вы способны привыкнуть к полному отсутствию жестов и неизменно каменному выражению лица. Сейчас он был страшно доволен собой.

— Думаю, я и сам сумел бы об этом догадаться.

«Примерно к тому времени, когда тебе перерезали бы глотку. Ты пробиваешься нахрапом либо используя грубую силу вместо того, чтобы пораскинуть мозгами, найти обходной путь и миновать препятствие. Это беда вашей расы. По-моему, все вы считаете использование мозговых извилин либо постыдным, либо чересчур тяжелым делом. Вы обнажаете меч при первом намеке».

Кадавр отправился в свой излюбленный крестовый поход. Сейчас он начнет воспевать неизбывное превосходство логики и мудрости логхиров. Пришлось отключиться.

Это можно сделать, когда он упивается собственным великолепием, если при этом ничем не привлекать его внимания. Я спрятался за своей кружкой и начал считать в уме. Все это я уже не раз слышал и знал, сколько времени ему нужно, чтобы облегчить душу.

«Гаррет!»

Все же я на несколько секунд промахнулся. Впрочем, он мог и сжульничать. Ведь он меня тоже прекрасно знал. Но на этот раз Покойник оказался необычайно миролюбивым. Ни одной из его обычных детских выходок. Возможно, он был благодарен за то, что я несколько отвлек его от скуки мертвецкого состояния.

— Да?

«Будь внимателен. Я спросил, насколько ты утвердился в решении взяться за это дело».

— Еще не решил.

«Твоя душа клеймит твой же язык за ложь. Я даю тебе совет, поскольку ты, вопреки всякому здравому смыслу, твердо решил приняться за дело. Прежде всего — не действуй в одиночку. Не позволяй эмоциям возобладать над твоими обычно сильными инстинктами. Чем бы и кем эта женщина ни оказалась, помни, она совсем не та семнадцатилетняя девушка, которую ты любил. Да и ты, кстати, уже не тот неоперившийся девятнадцатилетний морской пехотинец. Если ты хотя бы на секунду поверишь в то, что те дни можно вернуть, тебе конец. Те дни умерли безвозвратно. Поверь эксперту в делах смерти. Ты не можешь вернуться обратно. Ты живешь памятью о прошлом и фантазиями о том, как все могло бы произойти по-иному. И то и другое может оказаться смертельным, если заставит тебя потерять чувство реальности».

— Ты кончил?

«Да, кончил. Ты меня внимательно слушал?»

— Слушал.

«Но слышал ли?»

— Услышал.

«Это хорошо. Хотя ты и отравляешь мое существование, Гаррет, но ты меня забавляешь. Я пока не хочу тебя терять. Будь осторожен в Кантарде. Там не окажется меня, чтобы спасти тебя от последствий твоих же глупостей. Это выводит меня из равновесия, но, боюсь, мне будет не хватать тебя, твоего высокомерия, непослушания и всего остального...»

Наверное, это были самые приятные слова в мой адрес, которые мне доводилось от него слыживать. Надо сваливать, пока мы оба не прослезились.

Я прикончил пиво, а затем обмыл Покойника и привел его логовище в относительный порядок.

7

Я ушел от Покойника довольно поздно, ближе к вечеру. Тени удлиннились и приобрели цвет индиго. Небо расцвело красками, какие можно увидеть лишь на рисунках эльфов. Это был длинный день, и еще многое оставалось сделать.

Первым делом следовало повидаться с домовладельцем Покойника и внести плату за жилье за несколько месяцев вперед.

Если я когда-нибудь сорву большой куш, то обязательно куплю для него этот дом, хотя, если бы он захотел, прекрасно мог сделать это и сам. Правда, для этого ему пришлось бы сосредоточенно трудиться не один месяц. Одна мысль о подобной перспективе вызывала у него психические спазмы.

Затем я хотел поискать Морли Дотса, которого имел в виду еще до того, как Покойник настоятельно посоветовал мне оставить тропу одинокого волка. Он совершенно прав. Кантард не то место, куда можно отправляться в одиночку.

Вдруг из-за угла вынырнула чья-то лапища, цапнула меня за руку и сильно рванула.

Выходит, и город может оказаться небезопасным.

Я врезался в стену и увернулся от кулака, который скорее почувствовал, чем увидел. Я провел отвлекающий прямой правой и одновременно ногой пнул противника в голень, как делают девицы, спасая свою честь. Гора мышц и сухожилий, нависающая надо мной, изобразила танцевальное па и отодвинулась настолько, что я сумел оценить ее истинные размеры. Внушительно.

— Плоскомордый Тарп!

— Привет, Гаррет! Старик, если б я знал, что придется иметь дело с тобой, ни за что не взялся б за эту работу.

— Чушь! Уверен, ты говоришь это всем, с кем имеешь дело.

— О... не груби, Гаррет. Ты же знаешь, каждый зарабатывает тем, что ему удастся лучше всего.

Краем глаза я заметил знакомую низенькую фигурку, наблюдавшую за нами с противоположной стороны улицы.

Я выудил из кармана пухлый кошелек, хранивший часть щедрот, ниспосланных мне чуть раньше ее дядей.

— Брось, Гаррет. Ты же знаешь, меня не купишь. Я не откажусь от контракта. Нет, правда, мне жаль, что это оказался ты. Но за работу уплачено. Что со мной станет, если по городу поползет слух: «От него можно откупиться»? Я превращусь в безработного. Очень, очень сожалею, Гаррет. Но мне придется сделать то, за что уже получены бабки.

Я и не надеялся, что получится, но попытаться все же стоило.

— Ты же знаешь, Плоскомордый, я последний, кто может попросить тебя смыгться, не отработав, — заявил я.

— Хо! Очень рад. Боялся, не поймешь.

— Хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал, Плоскомордый. Держи пять марок за работу.

— Хорошо. Я буду себя чувствовать лучше, если смогу что-то для тебя сделать. Что?

— Видишь бабенку на той стороне? Ту, что спустила тебя на меня. Когда закончишь здесь, отведи ее на Базар, раздень догола,

положи на колено и отвесь тридцать хороших шлепков по заднице. Затем отпусти и пусть валит домой.

— Гольшом? Тогда ей не выбраться с Базара, Гаррет.

— Получишь еще пять, если она целой и невредимой доберется до дома. Но пусть и не подозревает, что ты присматриваешь за ней.

— Заметано, Гаррет.

Ослабившись, он протянул похожую на лопату ладонь, и я положил в нее пять марок.

Когда рука опустилась в карман, я врезал ему по голове кошельком, вложив в удар всю силу. Затем я попытался бежать. Но успел сделать лишь два шага.

Он честно отработал полученные от Розы деньги и выполнил договор до последней буквы.

Я, само собой, пытался защищаться, и даже небезуспешно. Не многим удастся целую минуту противостоять Плоскомордому Тарпу. Разок я даже влепил ему так, что он должен был запомнить этот удар минут на десять.

Он всегда очень заботлив, этот Плоскомордый. Когда я оказался на земле в полной отключке, он сунул под меня кошель, чтобы его не увел случайный прохожий, пока я не оклемаюсь. Затем он отправился навестить следующего по списку клиента.

8

Болело все. Площадь ушибов была не меньше двух акров. Плоскомордый лупил по таким местам, о существовании которых я и не подозревал. Тело и душа требовали, чтобы я на недельку отправился на покой. Твердил, что настало время найти Морли Дотса. Даже Плоскомордый Тарп не посмел бы связаться со мной, если бы рядом был Морли.

В свалке и заварухе не найдется никого лучше Морли. А если верить его трепу, лучше Морли Дотса никого нет в любой ситуации. Некоторым хотелось бы, чтобы он схлестнулся с Плоскомордым, и посмотреть, что из этого выйдет. Но оба они без предоплаты и мухи не обидят. А Плоскомордый не идиот, чтобы заключать контракт на Морли. Да и Морли не настолько тщеславен, чтобы связываться с Плоскомордым. Им обоим плевать, кто из них окажется лучшим. Это кое-что говорит об их профессионализме.

Поиски стоило начать с заведения под названием «Домик Радости Морли».

Это название — одна из его дурацких шуток. В заведении вечно болтались эльфы, полукровки и прочие существа. Меню предлагалось строго вегетарианское и безалкогольное. Представление было таким бесталанным и унылым, что даже вид дохлого логхира по сравнению с ним был бы радостным зрелищем. Но завсегдатаям забегаловки все это, наверное, было по вкусу.

Когда я вошел, в зале воцарилась тишина. Не обращая внимания на недоброжелательные взгляды разнообразных существ, я захромал по направлению к месту, которое в приличных заведениях именуется баром. Так называемый бармен бросил на меня быстрый, но внимательный взгляд и одарил улыбкой, продемонстрировав остроконечные зубы темного эльфа.

— У вас дар восстанавливать против себя людей, Гаррет.

— Посмотрели бы вы на того парня!

— Посмотрел. Он заскочил сюда глотнуть брюссельской капусты. Ни одной царапины.

Позади меня возобновился гул общей беседы. Бармен был любезен не более, чем обычный темный эльф. То есть с трудом, но выносил присутствие в своем обществе сомнительной формы жизни более низкого порядка. Я чувствовал себя, как обожающая пиво собака в человеческой таверне.

— Значит, слух уже распространился?

— Каждый, кто так или иначе слышал о вашем существовании, знает все. Вы сводите счеты довольно грязными шутками.

— Вот как. Уже и это известно? Ну и как все прошло?

— Она сумела добраться до дома. Думаю, теперь эта перепелочка будет действовать иначе.

Он загоготал так, что по спине у меня поползли мурашки. Такое чувство, словно видишь кошмарный сон, хочешь проснуться и не можешь.

— В следующий раз крошка просто наймет кого-нибудь перерезать вам глотку.

Я уже подумывал об этом. Даже сделал в памяти зарубку, чтобы не забыть достать и почистить кое-что из своих лучших защитных приспособлений. Обычно на работе я полагаюсь на быстроту ног и только в редких случаях утруждаю себя ношением железяк.

Сейчас, по-видимому, и наступил тот самый редкий случай.

Покойник предупреждал меня.

— Где Морли?

— Там, — он ткнул вверх пальцем. — Но он занят.

Я направился к лестнице.

Бармен открыл было пасть, чтобы заорать, но в последний момент передумал. Это могло вызвать заварушку. Своим самым дружелюбным тоном он произнес:

— Гаррет, вы должны нам пять марок.

Я повернулся и одарил его ледяным взглядом.

— Плоскомордый сказал, что вы можете списать их с его счета.

— Вашу улыбку следовало бы отлить в бронзе, чтобы сохранить для потомства.

Его морда расплылась еще шире.

— Этот здоровый увалень не такой дурак, каким старается казаться.

Я повернулся спиной к залу. Не стоило демонстрировать кошель и дразнить ребят. Они уже окосели от принятого салата, и кто знает, что им придет в голову.

— Он вовсе не дурак.

Кинув пять монет, я заторопился вверх по ступеням, прежде чем бармен сумел остановить меня.

Я постучал в дверь Морли. Никакого ответа. Я заколотил сильнее. Дверь задрожала.

— Убирайся, Гаррет! Я занят.

Дверь оказалась не запертой, и я влез. Чья-то жена, пискнув, метнулась в другую комнату, волоча за собой одежку. Я успел увидеть только ее пышный хвост. Кажется, я ее не знал.

Морли выглядел прекрасно. На нем не было ничего, кроме носков на ногах и довольно злобного оскала на роже. Он не мог избавиться от него, хотя и был темным альфом всего лишь наполовину.

— Ты, как всегда, не вовремя, Гаррет. И манеры твои при тебе.

— Как ты узнал, что это я?

— Магия.

— Хрен, не магия! Ты, наверное, съел что-то не то. Если ты называешь пиццей тот силос, который обычно употребляешь.

— Думай, что говоришь. Ты уже должен мне одно извинение.

— Я никогда не извиняюсь. За меня это делает моя мама. Так как же ты все-таки узнал, что это я?

— Переговорная трубка с баром. У тебя, приятель, ужасный вид... Так что ты с ней сотворил?

— Не стал ради нее врать, обманывать и красть. И отверг ее, когда она предложила самую крупную взятку.

— Ты не способен ничему научиться, — рассмеялся он. — В следующий раз бери, что дают, и сваливай. Она станет предаваться воспоминаниям, вместо того чтобы насыпать на тебя головорезов.

Его улыбка исчезла.

— Чего ты хочешь от меня, Гаррет?

— Хочу предложить тебе работу.

— Надеюсь, не глупые игры с Плоскомордым?

— Нет. Я получил работу, и мне потребуется прикрытие. Спасибо Плоскомордому, он напомнил мне, чтобы я принимался за нее побыстрее, иначе мое здоровье может сильно пошатнуться.

— Сколько стоит?

— Для меня — десять процентов от ста тысяч марок плюс расходы. Ты представляешь собой чистый расход.

Он издал нечто вроде свиста, вытянув губы, что еще больше исказило и без того асимметричное темное лицо.

— И чем же нам предстоит заняться? Захватить одного из военачальников венагетов?

— Почти угадал. Я должен отправиться в Кантард и отыскать женщину, которая унаследовала здесь сто тысяч. Я должен уговорить ее прибыть сюда для востребования наследства либо отказаться от всего в пользу следующего по линии.

— Дело не из самых крутых. Если бы не надо было двигать в Кантард.

— Кое-кто может думать, что деньги не являлись собственностью покойного. Да и в самом семействе есть люди, которые настроены против передачи столь крупного наследства чужаку. Могут возникнуть сложности и со стороны наследника. Не исключено, что в ее отношениях с завещателем был элемент, как бы это помягче сказать, ммм... некоторой противозаконности.

— Мне ужасно нравится, Гаррет, когда ты начинаешь выражаться непристойностями. Мне также нравится, как на вас, людей, действует запах денег. Если бы не это, вы были бы невыносимо скучны.

Мне нечего было возразить. Люди действительно теряют головы при виде больших бабок.

— А чего хочет работодатель? Отдать состояние или удерживать его в семье?

— Все может быть.

— Несет такую же невнятицу, как и ты?

— Все может быть. Ты заинтересовался?

— Все может быть.

Я сморщился, как от боли.

Он радостно осклабился.

— Пожалуй, я похожу с тобой немного. Ты ужасно болтливый парень, Гаррет. Я тебя останавливаю, когда ты наговоришь достаточно для того, чтобы я смог принять решение.

— Счастливейший день моей жизни! Побывать в твоём обществе — и ничего не платить при этом. Здорово!

— Кто сказал: ничего не платить?

— Я. Кто не играет, тот не получает.

— У тебя могут возникнуть проблемы в отношениях с людьми, Гаррет. Ну да ладно. Что ты намерен сейчас делать?

— Погружу в себя полуфунтовый бифштекс.

Он сморщил нос.

— Из-за этого мяса вы, люди, так неприятно воняете. Так где мы встретимся?

Я удивленно поднял брови.

— Надо завершить одно дело, — сказал он без всяких эмоций.

Покосившись на дверь соседней комнаты, я протянул:

— Понимаю. Я вернусь сюда.

9

Морли трепался ни о чем, пока не прогнал прекрасное настроение, вернувшееся ко мне после пива и бифштекса.

— Все дело в твоём характере, Гаррет. Думаю, это проблема самооценки. Девяносто девять человек из сотни не задумываясь выпаливают любую глупость, которая придет им в голову. Их совершенно не волнует, что подумают об этом другие. Ты же даже выругаться пытаешься так, будто заключаешь контракт с богами.

Я посмотрел на свой дом. В окнах горел свет.

— Попробуй говорить, не думая, что из этого вытекают какие-то обязательства. Взгляни на меня. Каждое мое слово звучит как божественное откровение, когда я его произношу, но к утру оно уже мною забыто. Видимость искренности гораздо важнее настоящей правдивости. Люди хотят верить лишь время от времени. Им известны правила игры. Возьмем, к примеру, леди, с которой я только что проводил время. Люблю ли я ее? Любит ли она меня? Черта с два! Она ни за что не покажется со мной в обществе. Тем не менее я должен был произнести все приличные случаю слова.

Я не помню, почему он заговорил об этом. Это была бессвязная болтовня, и я почти все пропустил мимо ушей.

— Итак, включать тебя в платежную ведомость или нет?

Он посмотрел в сторону моего дома.

— А у нас будет компания.

— Похоже на то.

— Может быть, дружеская?

— У моих друзей хорошие манеры.

— Я-то думал, ты скажешь, что у тебя нет друзей. Войдешь?

— Да. Ты со мной?

— Пока да. Состояние моего кошелька сейчас не таково, каким я хотел бы его видеть. Недавно я пережил некоторые финансовые потери.

— Опять на гонках Д'Гуни?

— Хочешь мигом разбогатеть, Гаррет? Приходи к пруду и посмотри, на что я ставлю. Затем ставь на другого. Какого бы паука я ни выбрал, он сходит с половины дистанции и начинает ходить кругами, пока остальные не достигнут противоположного берега. Правда, иногда его сжирает рыба.

— Гонки выигрывает не обязательно самый быстрый, — глубокомысленно заметил я.

Только эльфы могут делать ставки на гонках водяных пауков, где победитель определяется совершенно случайно.

— Ты готов?

— Валяй действуй.

Дверь была не заперта. Какая заботливость! Их было четверо. Двое сидели на кровати, остальные оккупировали оба моих кресла. В троих я узнал ветеранов — кавалеристов из компании Денни. Один из них мог быть «В» в записках Денни. Все четверо старались выглядеть чрезвычайно крутыми.

Думаю, они искренне считали себя таковыми: ведь им удалось выжить в Кантарде. Но им явно не хватало той жесткости, которая появляется у людей, воспитанных улицей.

— Очень рад вам, ребята, — сказал я. — Чувствуйте себя как дома. Сообразите себе выпивку. Мой дом — ваш дом.

— Посмотри, Куинн, есть ли у него оружие, — бросил Васко.

— Он вооружен, — произнес из-за моей спины Морли. — Поверьте мне на слово.

— Глянь-ка, «В», — давясь смехом, проговорил один из гостей. — Темный полукровка, а одет как человек.

— Дилетанты, — произнес Морли.

— Дилетанты, — согласился я. — Но ведь все профи начинают дилетантами.

— Некоторым из них учеба достается тяжело.

Он хотел этим сказать, что каждый, действующий на грани закона, должен знать Морли.

Васко жестом остановил невоздержанного на язык типа:

— Мне кажется, Гаррет, ты знаешь, почему мы здесь. Но я хочу, чтобы ты все осознал до конца.

— Дилетанты, — повторил я. — Профи уже поняли бы, что проиграли.

— Эти деньги не принадлежат Денни, Гаррет. По меньшей мере на две трети.

— Кроме того, профессионалы не кладут все яйца в одну корзину и не ставят корзину там, где не смогут взять. На вашем

месте, ребята, я занялся бы чем-нибудь другим. Без связей Денни ваш старый бизнес превратится в дерьмо.

Васко помрачнел. Я слишком много знал.

— Мы предусмотрели это, Гаррет. Нам надо всего лишь получить бумаги Денни и изучить его стиль. Он не употреблял ни секретных кодов, ни шифров. На том конце не обязательно знать, что Денни нас оставил.

А ведь это могло сработать. Может быть, ребята не такие уж олухи.

Записи, письма, карты действительно могли оказаться настоящими серебряными копиями.

— Куда ты их подевал, Гаррет?

— Вот мы и добрались до сути дела?

— Да. Послушай эту суть. Мы готовы плюнуть на серебро, если получим все бумаги, а ты будешь держаться подальше от Кантарда. Мы бы предпочли получить и денежки, но ничего не поделаешь. Мой тебе совет — прячь в карман задаток и сваливай. Конечно, ты можешь разыграть спектакль. Уехать на несколько дней из города, а потом заявить, что не нашел ее. Или подделывать отказ от наследства.

— Неплохо звучит, — заметил я. — Прекрасный выход из положения.

Они явно почувствовали облегчение.

— Сложность лишь в том, парни, что, уходя из морской пехоты, я поклялся себе, что никому никогда больше не позволю распоряжаться собой. Вы сами служили в армии и знаете, что это такое.

Это их ошеломило. Придя в себя, Васко произнес:

— Судя по твоему виду, Гаррет, сегодня ты уже свое получил. Мне бы не хотелось наносить тебе ушибы на свежие синяки. Подумай, может, изменишь свою точку зрения?

— Ты свое сказал. Я изложил свою точку зрения. Теперь вам лучше удалиться. Вообще-то я не очень люблю незваных гостей.

Васко вздохнул. Так обычно вздыхал мой сержант в учебной команде, когда ему попадался особенно тупой новобранец.

— Куинн, последи за полукровкой.

Я подобрался, уже продумав следующий шаг.

— Двинься вбок, Гаррет, — прозвучал за моей спиной чуть дрожащий от сдерживаемого возбуждения голос. — Настало время продемонстрировать волшебную силу эльфов.

— Васко?

— Возьми его, Куинн.

Когда Морли вступает в дело, кажется, что у него вырастает еще с полдюжины конечностей. Он с такой скоростью пользуется всеми четырьмя, что вы просто не успеваете заметить их движений. А когда он не пинает ногами или не работает руками, он кусается, бьет головой, отшибает в сторону бедром или орудует коленом.

Он открыл сражение высоким прыжком, влепив Куинну — бах! бах! — каблуками между глаз. Не приземляясь, он долетел до следующей жертвы. Куинн же, смежив веки, отправился в страну сновидений.

Васко принялся за меня.

Да, шутки плохи, если имеешь дело с парнем, который почти так же хорош, как ты, но при этом твое тело задеревенело и болит от предыдущих побоев.

Васко вошел в клинч, после чего мы оказались на полу и перешли в партерную борьбу двух гигантских медведей. Он пытался ударить лбом в висок. Я же исхитрился захватить зубами его ухо и сжать челюсти. Это его малость обескуражило. Он приподнялся, и тут я, лежа на спине, выбросил вверх ногу и впаял ему в основание черепа. Противник, пошатываясь, отступил.

Я вскочил и, схватив его за шиворот и за штаны пониже спины, отправил к дверям, сопровождая полет подходящей к случаю полузабытой сентенцией об армейских недоумках, которые забывают о естественном превосходстве над ними представителей славной морской пехоты.

Громкий звон разбиваемого стекла заставил меня повернуться и броситься на помощь Морли.

Эльф, оказывается, уже наводил последний лоск. Глядя на распростертого на полу Куинна, он сказал:

— Возьми его с другого конца и помоги выбросить.

— Ты разбил мое окно.

— За это дело, Гаррет, тебе придется платить мне в двойном размере. Ты сам их спровоцировал.

— Не получишь от меня ни гроша. Ты вышвырнул кого-то через окно.

— Нет, ты не слышал ни слова из того, что я говорил об искренности и правдивости. Что тебе мешало закрыть дело, прислушавшись к совету «В» — прихватить задаток и сбежать. Так нет же! За спиной Гаррета стоит Морли Дотс, и Гаррет может болтать черт знает что, провоцируя хороших ребят.

— Я сказал бы то же самое, даже если бы тебя здесь не было.

Он вздернул голову и посмотрел на меня так, как смотрит птичка на незнакомую козявку.

— Жажда смерти. Суицидальные склонности. И знаешь, Гаррет, откуда это у тебя? Диета. Точно. Чересчур много мяса. Тебе же требуется больше отрубей. Если у человека плохой стул, у него неизбежно возникают опасные для жизни разрушительные настроения...

— Кое-кто собирается улучшить свое пищеварение. Ты обязательно должен был вышвырнуть кого-то из окна, разбивая его вдребезги?

— Оставишь ты в покое это проклятое окно?!

— А ты знаешь, сколько в наше время стоят стекла? Имеешь представление?

— Сотую долю того, во что тебе обойдется сейчас твое нытье, Гаррет, если ты его не прекратишь. Хорошо, хорошо! В следующий раз вежливо попрошу их проследовать к дверям, как благовоспитанных мальчиков. А сейчас давай пробежимся.

— Пробежимся? Куда? И зачем?

— Избавиться от избытка нервной энергии. Израсходовать кипящие в нас боевые гормоны. Пяти миль будет достаточно.

— Я скажу тебе, куда я побегу. Я покрою расстояние отсюда до кровати. После этого моим единственным движением останется дыхание.

— Ты шутишь. Завалиться спать в этом состоянии? Если ты не заставишь сейчас поработать все мышцы, а затем их постепенно не расслабишь, то завтра их сведет так, что ты и пальцем не шевельнешь.

— Знаешь что? Пробеги-ка ты и мои пять миль. Тогда я, может, забуду то, что ты сотворил с моим окном. — Рухнув в постель, я добавил: — Эх, сейчас бы галлон охлажденного пива...

Морли ничего не ответил. Он уже ушел.

10

Бам! Бам! Бам!

Утро — это прекрасно. Единственный его недостаток — оно всегда приходит не вовремя. Когда ранние птички, распевая свои песни, отправляются в полет, поднимая на ноги всех любителей полюбоваться рассветом. И почему-то меня в их числе.

Бам! Бам! Бам!

Два утра подряд. Интересно, может, я оскорбил непароком Семь Великих Демонов Модрела?

Я выдал обычную порцию проклятий и ругательств. Не помогло. Морли бы порадовался, увидев меня. Все мышцы сведены именно так, как ему хотелось. Прошло полных три минуты, пока я сел и свесил ноги.

И увидел: в разбитое окно на меня пялилась бородавчатая зеленая морда шириной в пол-ярда. Я смог вразумительно произнести: «Блюп...».

Морда ослабилась.

Это был гролла — гибрид человека, тролля и Твари с Даром Речи (о ней обычно не принято упоминать в приличном обществе). Я ослабился в ответ. Гролли неспешны разумом, но зато быстро выходят из себя.

Гигантская жабя пасть распахнулась, и из ее глубин возник низкий рев, который гролли выдают за разумную речь. Я не уловил, что он сказал. Понял лишь, что рев был обращен не ко мне.

Стук в дверь прекратился.

— Я тебя тоже приветствую, — прохрипел я, заставляя себя подняться на ноги. Лучше открыть дверь самому, чем ждать, пока его терпение истощится и он войдет сквозь стену.

За дверью оказался еще один. Выглядел он точно так же — «большой, широкий и безобразный». Уж никак не меньше двадцати футов в носках на босу ногу. Если, конечно, носки входят в его туалет. Вообще-то на нем не было ничего, кроме тряпицы, обернутой вокруг бедер, пояса с гнездами для нужных вещей и пустого выючного мешка.

Тряпица не очень прикрывала его прелести.

С этого момента я буду их обоих называть «Он» (с заглавной буквы). Мулы, глядя на Него, загнулись бы от зависти.

Оба гролля, заметив мое изумление, ослабились еще шире. Такое вот чувство юмора у этих созданий.

— Я бы пригласил вас войти, если бы вы смогли влезть, — сказал я.

С гроллями стоит быть вежливыми всегда, независимо от ваших расовых предрассудков. Иначе вам придется срочно пересматривать свои взгляды, оказавшись промеж двух огромных лап.

Вдруг из-за большого существа выступило еще одно — маленькое.

— Думаю, что помещусь, — произнесло оно. — И, по правде говоря, я был бы не прочь выпить.

— Кто вы такие, дьявол вас побери?

— По правде говоря, меня зовут Дожанго. А это мои братья Марша и Дорис.

— Братья?

— По правде говоря, мы — тройняшки, — ответил он. — Хотя, по правде говоря, у нас разные матери.

Тройня с разными матерями. Бывает. Вопросов задавать я не стал. И так частенько приходится напрягаться, пытаюсь понять, что имеют в виду обычные человеческие существа. А здесь — гролли.

— Какого дьявола вам здесь надо?

— По правде говоря, нас прислал мистер Морли.

— Но для чего, по правде говоря?

Один из больших гроллей слегка заворчал.

Я повернулся к нему и двумя пальцами растянул губы в подобие улыбки.

— Чтобы помочь в Кантарде.

В этот момент на сцене возник и сам злодей Морли Дотс.

— Итак, ты соизволил принять предложение? — спросил я.

— В данный момент я нахожу в нем определенную привлекательность. Принимая во внимание настроение моих кредиторов, весьма удобно получить работу за пределами этого города, — отвечал Морли.

— И что, воспользовавшись столь привлекательным предложением, можно приглашать ко мне всех своих друзей? Может, ты полагаешь, что мой работодатель не поставил никаких ограничений на затраты?

— Если бы ты был способен использовать хотя бы половину своих хваленых способностей детектива, ты восславил бы мощь моего предвидения.

— В такую рань я не способен даже припомнить, как меня зовут. Просвети же меня, о Ясновидящий.

— Ты подумал о мулах?

— Мулах? Они еще тут при чем?

— Мы отправляемся в Кантард, не так ли? Ни один дурак не рискнет дать нам в аренду лошадей или выючных животных. Нам придется их покупать. С другой стороны, вся плата Марше и Дорису не превысит цены пары мулов. А гролли способны поднять груза вдвое больше и тащить его вдвое дальше и совершенно незаменимы в драке.

Все это было не так глупо. Но...

— А как насчет нашего друга Дожанго?

— Да, Дожанго Роуз... — вздохнул Морли. — Знаешь, Гаррет, они не желают разлучаться.

Я охотно ему поверил и, скривившись, спросил:

— На хрена нам этот балласт?

— Дожанго в силах поднять клинок. Он может вынюхивать воду и поддерживать костер. Он понимает Маршу и Дориса. Если не спускать с него глаз, то он даже способен приготовить нечто съедобное, не спалив при этом всю округу.

— Сейчас у меня просто слюнки потекут от предвкушения всех его достоинств, — сказал я и оглядел тройню, у которой были разные матери. Улыбки на их рожах сияли дружелюбием гролля. Ребятки поняли, что Морли припер меня к стенке.

— Держи Дожанго подальше от спиртного, и он будет в полном порядке, — закончил Дотс.

Всем известно, что эти полукровки не могут устоять перед выпивкой. В улыбке Дожанго появилось смущение.

— И во сколько же мне обойдется весь этот бродячий цирк?

Морли назвал несусветную цифру. Я захлопнул дверь и бросился назад в постель. Негодяй использовал одного из тройни, чтобы тот поднял его повыше. Теперь он начал торговаться через разбитое окно. Я нарочито похрапывал, пока до моего слуха не начали долетать вполне приемлемые предложения. Морли оказался крайне покладист, что говорило о серьезном обострении его отношений с кредиторами.

— Твое ослиное упрямство, Гаррет, — прямой результат твоей диеты. И это тебе прекрасно известно. Все мясо, которое ты в таком количестве поглощаешь, пропитано флюидами ужаса убиваемых животных. А потом, ты избегаешь физических упражнений и не изгоняешь яд с потом из своего организма.

— Я и сам дошел до этого, Морли. Слишком много пива и мало сочных зеленых листьев.

— «Кошачий хвост», Гаррет, — вот что тебя спасет. Белая луковица корня молодого побега. Мелко шинкуешь и добавляешь в салат. «Кошачий хвост» не просто вкусный, он имеет почти мистическое свойство облегчать груз вины, отягощающий душу пожирателей мяса.

— «Конское дерьмо», Морли. Гораздо полезнее жрать «конское дерьмо».

Однажды, когда я служил в морской пехоте, мы высадились на одном из островов, и венагеты, не теряя времени, отрезали нас от десантных судов и загнали в болото. «Кошачьи хвосты» оставались основным и единственным блюдом нашего рациона до тех пор, пока военное счастье снова не повернулось к нам лицом. Что-то не припоминаю, чтобы эта диета смягчила нравы наших сержантов и капралов. Напротив. По мере поглощения белых луковиц они становились все кровожаднее и были готовы сожрать своих подчиненных по малейшему поводу. Да и мы не оставались в долгу.

Пришло время, и вся эта ярость обратилась против венагетов.

Может быть, все обстояло бы иначе, начни я питаться «кошачьими хвостами» в более нежном возрасте.

— Морли, когда-то я работал на университетского профессора. Он любил поразглагольствовать на разные темы. Так вот, как-то раз уважаемый ученый сказал, что в мире существует двести сорок восемь видов овощей, фруктов, зелени и клубней, которые едят люди. Из них свиньи едят двести сорок шесть. И не прикасаются только к зеленому перцу и луковицам «кошачьего хвоста». Это убедительно доказывает, что свиньи ведут себя разумнее, чем так называемые разумные существа.

— Пытаться спасти тебя, Гаррет, видимо, то же, что метать бисер перед свиньями. В своем медленном самоубийстве ты решил идти до конца. Скажи-ка лучше — ты берешь ребят?

— Беру. Надеюсь, мне не придется пожалеть об этом.

— Когда мы отправляемся?

— Ты торопишься, Морли? Хочешь побыстрее выбраться из города? Вот почему ты так охотно согласился двинуться в Кантард? Дотс пожал плечами.

Ответ был достаточно красноречив.

Напугать Морли с его талантами и репутацией могла только очень мощная сила. Я перебрал в уме и смог остановиться только на одном человеке. Самом большом. Король преступного мира.

— С каких это пор, Морли, Колчек начал играть на паучьих бегах?

Он тут же свалился куда-то вниз, и со мной остался только его голос:

— Ты слишком большой умник, Гаррет. И это не принесет тебе счастья. Настанет денек, когда твоя проницательность сыграет с тобой злую шутку. Пока! Буду держать связь. За мной, увальни! Дожанго! Немедленно положи это на место! Дорис!

Так орет погонщик мулов, заставляя бедных животных стронуть с места тяжелый фургон.

Я отправился обратно в постель, размышляя, не пустить ли мне часть денег Тейта на ремонт окна. На новое, броское стекло с моим именем, выписанным яркими красками.

11

Старушка Вселенная забывает о слове «милосердие», когда речь идет обо мне. Едва я начал посапывать, как дверь снова затряслась под чьими-то ударами.

— Что-то надо предпринять, — бормотал я, сползая на пол. — Может, тайно сменить квартиру?

Распахнув дверь, я увидел дядюшку Лестера с двумя племянничками.

— Надеюсь, вы пришли сказать мне, что вся программа отменяется?

Я заметил, что парнишки влипли в неприятную историю. Их физиономии были разукрашены снзяками и пластырями, а у одного рука болталась на перевязи.

— Что случилось?

— Недружественные посетители. Уиллард хотел бы поговорить о них с вами.

— Хорошо, иду.

Пришлось задержаться, чтобы привести себя в порядок, глотнуть воды и прихватить любимую дубинку.

Уиллард Тейт был в подавленном состоянии. Он ждал меня, заламывая руки. Всю жизнь я слышал это выражение, но само действие видел только у моей тетушки, для которой каждый вздох являлся актом высокой драмы.

— Что случилось?

Дядюшка Лестер оставался нем как рыба. Может быть, опасаясь, что, узнав страшную правду, я тут же брошусь спасаться бегством.

Папаша Тейт зажал мою руку в своих ладонях и качал ее, как рукоятку насоса, приговаривая:

— Я так благодарен вам за ваш приход. Так благодарен. Я просто не знал, что предпринять.

— Что случилось? — снова спросил я, пока он, судорожно впевпившись в мою руку, тянул меня за собой, как упрямого ребенка. Дядюшка Лестер и мальчики шли следом. Когда мы пересекали сад, направляясь к жилью Денни, я заметил очень бледную Розу, наблюдавшую за нами.

Тейт ничего не сказал.

Помещение было буквально разгромлено. Подмастерья все еще занимались уборкой. Некоторые из них щеголяли синяками, а кое-кто и повязками. Какой-то умник догадался заколотить дверь на улицу толстыми досками.

Уиллард взглядом указал на центр комнаты.

Там был труп. Он лежал на животе, одна рука была вытянута в сторону двери.

— Что случилось? — спросил я в очередной раз.

— Все произошло примерно в полночь. Я оставил здесь мальчиков на страже: вы говорили со мной таким тоном, что я начал беспокоиться. Пять человек вломились через уличную дверь. Мои ребятишки оказались на высоте. Один сумел поднять всех на ноги. Остальные укрылись в засаде и позволили налетчикам спуститься в подвал. Мы атаковали врагов, когда они собирались уходить. Мы хотели просто схватить их, но они запаниковали и начали отбиваться, не стесняясь при этом в средствах. И вот что мы теперь имеем.

Я наклонился рассмотреть убитого. Он уже начал распухать, но порезы и царапины, которые покойный получил, вылетая из моего окна, были еще заметны.

— Они что-нибудь утащили?

— Я посчитал, — ответил дядюшка Лестер. — Золото и серебро не тронуты.

— Они явились не за золотом или серебром.

— Вот как?

Все Тейты так и сияют. Но прячут свой свет под сосудом. Наверное, это рефлекс торговца.

— Они охотились за бумагами Денни. Его письмами к той женщине. Я все надежно спрятал, но здесь могло остаться что-то, чего я не заметил. Эти бумаги дороже всего металла, который они смогли бы унести.

Старый Тейт был ошарашен. Пришлось рассказать ему о нашей недолгой встрече с партнерами его сына. Он не хотел мне верить.

— Но это же...

— ...ведение торговых операций с врагом, если сорвать прикрывающие срам одежды и взглянуть правде в глаза.

— Я знаю своего сына, мистер Гаррет. Денни не мог предать Каренту.

— Разве я говорил что-нибудь об измене?

Правда, мысль об этом меня посещала. Причем более конкретного свойства: что сделают с дураками, когда их схватят за торговлю с венагетами. Меня лично это не коробило. Эта война была разборкой между двумя враждующими бандами аристократов и чародеев, пытающихся установить контроль над копиями, что означает господство над миром. И вызвали войну те же мотивы, что приводят к схваткам уличных шаек здесь, на улицах Танфера.

Будучи карентийцем, я, конечно, предпочитал, чтобы в сваре победила банда, стоящая во главе моей страны. Я обожаю оказываться победителем. Как, впрочем, и все остальные. Но меня совсем не задевает, если кто-то еще, помимо лордов, сумеет извлечь небольшую прибыль из схватки. Все это я постарался разъяснить Тейту.

— Дело в том, что связь с той стороной не прервалась, — сказал я. — И некоторые очень крутые парни желают ее сохранить. При этом они почему-то не хотят, чтобы мы вмешивались в их дела. Улавливаете?

— И они желают заполучить письма и бумаги Денни, чтобы можно было сохранить контакты с этой женщиной?

— Вы, папочка, быстро соображаете. Эти бумажки откроют им путь к металлу. Денни вечно будет жить в письмах, которых никогда не писал.

Он немного поразмышлял. Часть его души советовала сграбастать подвернувшийся под руку большой куш — пока не поздно. Но, видимо, другая часть отличалась диким упрямством. Может, если бы он был беднее...

Так или иначе, он принял решение и отлил его в бронзе. Изменившиеся обстоятельства не смогли его поколебать.

— Я должен встретиться с этой женщиной, мистер Гаррет.

— Что ж, вы рискуете головой. — Я выдержал многозначительную паузу. — И головами членов семьи. Здесь на полу мог валяться и кормить мух один из ваших мальчиков.

На этот раз я его достал. Он надулся, покраснел и выкатил глаза — типичная для эльфа-полукровки реакция. Челюсть отвалилась, и папочку начала бить дрожь.

Но старик не дал страху овладеть собой целиком. Через полминуты он произнес:

— Вы правы, мистер Гаррет. Степень риска мне следовало оценить более тщательно. Если эти типы, как вы утверждаете, бывшие солдаты, прошедшие через Кантард, то нам очень повезло, что погиб этот несчастный парень, а не несколько моих ребят.

— Как вы изволили заметить, они запаниковали и решили просто сбежать. Но в следующий раз они ни перед чем не остановятся.

— Вы уверены, что будет следующий раз? После того как их уже почти схватили?

— Мистер Тейт, вы не совсем поняли, что здесь поставлено на карту. За восемь лет Денни и его парни ухитрились превратить горстку монет в сто тысяч марок.

И это не считая того, что они потратили на свои развлечения, подумал я про себя, чтобы не лишать старика последних иллюзий.

— Только представьте, сколько можно накопить за следующие восемь лет, располагая таким капиталом.

И, возможно, попасться. Большое богатство всегда привлекает внимание. Но, думаю, Денни это понимал и собирался действовать осмотрительно.

— Не могу представить, мистер Гаррет. Я всего лишь сапожник. Мои интересы не идут дальше отношений отца с сыном. Я стремлюсь соблюдать семейные традиции, которые сохраняют у нас многие поколения. Традиции умерли вместе с Денни.

Плешивый старец явно рассердился. Думаю, он все понял и решил наплевать на последствия.

— Так вы уверены, что они вернутся?

— Изрыгая огонь, папочка.

— В таком случае я должен предпринять некоторые шаги.

— Лучшим шагом было бы любовное соглашение.

— Только не с этими наглыми свиньями. Они... и та женщина соблазнили моего сына. Сбили его с пути...

Я отключился и занялся подвалом. Насколько я мог заметить, ничего не изменилось. Похоже, они не нашли ничего, что я мог пропустить.

— Что? — спросил я. — Простите. Я не расслышал последние слова.

— Знаю, что у тебя со слухом, — обжег он меня взглядом.

Но когда в тебя упирается острое копьё, не дашь волю чувствам, поэтому Тейт спокойно сказал:

— Я спросил, не знаете ли вы, кого можно было бы нанять для охраны помещения.

— Нет.

Конечно, кое-кого я знал. Меня. Но я был сыт по горло длинными холодными ночами, когда в одиночестве приходится ждать чего-то, что не происходит, а если и происходит, то несет с собой смерть.

Но вдруг меня осенило:

— Подождите. Может быть, найдем. Парни, которых я предполагаю взять с собой в Кантард. Если мы разместим их здесь, то оба окажемся в выигрыше.

А особенно Морли, если в доме сапожника ему удастся укрыться от неприятностей.

Тейт страшно изумился.

— Так вы собираетесь поехать? Из ваших слов я понял, что вы категорически против.

— Я и сейчас категорически против. Это так же нелепо, как залезать в гнездо птицы Рух. Не вижу в этом никакого смысла. Но я сказал вам, что подумаю. Пока же окончательно ничего не решено.

Уиллард улыбнулся. Широко ослабился. Я испугался, что от радости он шлепнет меня по спине и травмирует почку. Однако папаша сдержался. Он вообще сдержанный парень, этот старый Тейт.

Он тут же стал серьезным:

— Что вы можете сделать с трупом, мистер Гаррет?

Я прикинул, к чему это может привести:

— Ничего.

— Как?

— Ничего. Это не моя проблема.

Старикан аж задохнулся. Но застенчивый сапожник все же взял в нем верх и выступил осторожно, на цыпочках:

— Вы настаиваете на дополнительной оплате? Я согласен. Сколько?

— Не утруждайте себя. Вам просто не хватит денег. Я пальцем не дотронусь до жмурика. Я такими делами не занимаюсь. Но могу дать бесплатный совет. Обратитесь к властям, вам нечего бояться — негодяй был убит во время грабежа.

— Нет. Я не желаю, чтобы власти совали нос в мои семейные дела.

— Тогда прикажите вашим людям забрать его и выбросить в реку или свалить в темном переулке у подножия холма.

По утрам из реки частенько вылавливают трупы. И мало кто обращает на это внимание, даже если это была важная шишка.

Тейт понял, что ничего не выжмет из моей страсти к наживе, и оставил дальнейшие попытки.

— Кончайте здесь и присылайте своих людей как можно скорее. Меня ждет работа. Держите нас в курсе дел.

Старик свалил. А я продолжил осмотр, раздумывая, не означает ли хищный блеск в глазах мистера Тейта его тайного намерения возложить заботу о жмурике на Морли и тройняшек.

12

С потолка сыпалась пыль. Несколько раз еще до ухода Тейта. Я подумал, что моя любезная подружка Роза опять подслушивает, и решил не обращать внимания.

Я все осмотрел, пропаж не обнаружил и уселся, чтобы продумать все с самого начала. Дело просто пухло от таящихся в нем угроз, а я неумолимо приближался к моменту, когда следовало принять окончательное решение.

Здесь, в городе, все решится само собой. Здесь нечего расследовать. Но зато там...

Мне пока не хотелось думать о другом конце цепи. Даже при самом благоприятном развитии событий там не ждет ничего хорошего. Мне становилось плохо от одной мысли, что снова придется побывать в Кантарде.

Где-то над моей головой хлопнула дверь. Тут же до меня донесся разговор двух женщин. Один голос, жутко сварливый, наверняка Розин. Интересно, кто ее собеседница?

Ее появлению в подвале предшествовал восхитительный аромат. Передо мной возникло очаровательное крошечное создание со жгучим взором, длинными прямыми рыжими волосами и парой высоких твердых грудей, отважно выпирающих из-под шелковой кружевной блузки. Между блузкой и телом не было ничего, кроме моей мечты.

— Где они вас прятали? — спросил я, поспешно вскакивая, чтобы принять из ее рук поднос. — Кто вы?

— Я Тинни. А вы Гаррет. Когда вы меня видели в последний раз, я была всего-навсего тонконогой пигалицей.

Она взглянула мне прямо в глаза и широко улыбнулась. У Тинни оказались белоснежные острые зубки. Захотелось протянуть руку и дать ей укусить меня.

— Ноги и сейчас могут оказаться тонковатыми. С такой юбкой разве поймешь.

Юбка доходила до лодыжек.

— Возможно, однажды вам улыбнется удача, и вы их увидите. Кто знает, — игриво произнесла она.

Моя удача была уже тут. Только она не улыбнулась, спустившись в подвал по лестнице.

— Тинни! Ты закончила дело. Убирайся отсюда!

Мы проигнорировали Розу.

— Ведь вы не сестра Денни? Он никогда о вас не упоминал.

— Кузина. Здесь вообще не говорят обо мне. От меня сплошные неприятности.

— Вот как? А я-то думал, что это привилегия Розы.

— Нет. У Розы просто несносный характер. Это никого не беспокоит. Мое же поведение заставляет Тейтов стыдиться. Роза злит и раздражает людей. А мои поступки вызывают пересуды соседей.

Роза залилась краской и начала медленно закипать.

— Увидимся позже, Гаррет, — подмигнула Тинни.

Хорошо бы. В этой крошке столько женщины, что она может заставить любого мужчину сесть и завязать на луну. Проходя мимо Розы, она вильнула бедрами и исчезла на лестнице.

Впрочем, если вас не пугает паучий нрав, то и Розу не стоит сбрасывать со счетов. Ее упаковка скрывала первосортный продукт, изготовленный из первоклассного сыра.

Покачивание ее бедер, казалось, сулило фейерверк наслаждений — если бы она того захотела. Но, увы, я знал, что этот фейерверк вспыхивает вам прямо в физиономию.

Мы пялились друг на друга, как пара котов перед дракой, и пришли к заключению, что и на этот раз ее задумки не сработают. Девница немного нервничала, потому что ничего нового в ее голову не приходило.

— Вам не мешало бы продумывать план прикрытия, когда вы на что-то решаетесь, — сказал я ей. — Как, к примеру, в деле с Плоскомордым Тарпом.

— Вы правы, Гаррет, будьте вы прокляты! И как это вам при вашем упрямстве удалось дожить до такого возраста?

— Правильно предугадывая ход событий. А вы могли бы быть неплохой девочкой, если бы в вашем мире нашлось место для других людей.

На какое-то мгновение мне показалось, что ей хочется, чтобы в ее мире действительно был другой человек.

— Очень жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах, — сказала она.

— Да, — подтвердил я, совершенно не разделяя ее чувств. При любых обстоятельствах от нее были бы одни неприятности. Так она устроена.

— Мы так и не найдем общий язык?

— Боюсь, что нет. Во всяком случае, пока вы не измените отношения к брату. Я любил Денни. А вы?

Похоже, я задел наконец какую-то струнку в ее душе.

— Какая несправедливость. Умереть так нелепо. Он был лучшим парнем из всех, кого я знала, хоть он и мой брат. Эта кантардская сука...

— Ну-ка полегче! — вырвалось у меня.

Возглас выдал меня. Она раскрыла рот и задумалась.

— Чего вы ищете в этом деле, Гаррет? Хотите набить карманы? Деньги — единственное, ради чего стоит отправляться в Кантард.

Когда она это сказала, я тут же вспомнил Морли Дотса. Затем подумал о себе. Зачем ты-то туда едешь, Гаррет, крутой парень? Тебя же никто не может подчинить. В мире нет силы, которая могла бы управлять тобой. И вот сейчас ты готов совершить такое, что ни одному идиоту в здравом уме не придет в голову.

Как и старик Тейт, я хотел увидеть женщину, которой удалось закомутать Денни.

Мы с Розой обменялись взглядами. Она решила, что я могу уступить.

— Будь осторожен, Гаррет. Постарайся остаться в целости и сохранности. Когда все кончится, дай мне знать о себе.

— Ничего не получится, Роза.

— А это могло бы быть забавным.

Она тронулась вверх по ступеням.

Снизу Роза смотрелась великолепно. Может быть...

Через несколько секунд после того, как за ней захлопнулась дверь и здравый смысл начал праздновать победу, в дверной проем просунулось обрамленное медью волос личико.

— Даже и не думайте об этом, Гаррет. Иначе я вас разлюблю.

И Тинни тут же исчезла.

Я набрал побольше воздуха, несколько раз произнес «Ух», принохался, взял след и загалопировал за ней.

Пока я доскакал до верхних ступеней, она уже испарилась, оставив меня наедине с покойником. С дружкой Денни. Я выглянул в сад и не увидел никаких признаков Розы или Тинни. Закрыв дверь, спустился обратно и обшарил карманы труп.

Какой-то стервятник обошел меня. Карманы были пусты.

13

Старик Тейт как-то избавился от труп. Думаю, бросил в реку. Я не спрашивал и ничего не слышал. О тех, кто отправился в свой последний заплыв, редко удается услышать.

Морли с тройняшками я разместил в жилище Денни; Морли решил, что идея замечательная. Весь вечер я провел в его забега-ловке, ловя на себе колючие взгляды полукровок и надеясь, что меня озарит и я пойму, почему Дотс с такой радостью согласился принять участие в моем безумном предприятии.

Озарило меня разве что пламя свечей. И еще я понял, что не был там единственным наблюдателем.

С течением времени у вас вырабатывается шестое чувство. Так вот, мое уже через пятнадцать минут выделило парочку тя-

желовесов. Один из них был человеком и на вид вполне мог бы сразиться с самим Плоскомордым Тарпом. Второй был настолько уродлив и так глубоко угнездилился в темном углу, что я не мог определить, какой он породы. Наверняка полукровка. Наверняка в нем есть и тролль, и кобальд, но не только они. Его можно было бы поставить на бок, и он не стал бы ниже. Морду его, судя по всему, пришлось переделывать несколько раз, и не исключено, что после этого она стала лучше.

Бармен знал, что у нас с Морли деловые отношения. Он держался в рамках вежливости, и я поинтересовался у него что это за типы.

— Я их не знаю. Уродина был здесь и прошлым вечером. Сидел всю ночь в своем углу и нянчил пиво, которое приволок с собой. Если бы он не заказал жратвы, я вышел бы его отсюда.

— Хотел бы я взглянуть на это представление.

Я взял пинту воды, которую здесь выдают за пиво, и дал ему на чай, чтобы он раскололся.

— Может, ребята босса?

— Да нет, разве что из пригорода.

Так я и думал. Я их не знал, но смотрелись они как ходячее преступление.

Впрочем, мне-то что. Пока меня не задевают.

Расправившись с пинтой, я вылез из тошниловки. Есть и другие места, где можно приложить ухо к земле и понять, что происходит. Пошарив в нескольких местах, я ничего не обнаружил.

Забавно.

По пути домой я размышлял, начал ли стекольщик работу. Я не испытывал утрызений совести, поставив починку окна в счет Тейту.

Новое окно оказалось на месте и было прекрасно, как блондинка в наряде Евы. Я не успел порадоваться, как пришлось продолжить путь, вобрав голову в плечи и потихоньку замедляя шаги.

Не исключено, что я не смогу попасть домой.

Возникли определенные проблемы. Одну из них воплощал тип, торчащий под дверью могильщика. Даже не видя огонька его трубки, я чувствовал запах «травки». Вторая проблема находилась в моем жилище. Кто бы это ни был, он зажжет все лампы, транжируя масло и повергая меня в уныние.

Я знал одного любителя «травки». Еще одного друга Денни. Еще одного бывшего солдата по имени Барбера, который накуривался так, что никогда не знал, в нашем он мире или в потустороннем. Парень этот вызывал жалость: его можно было подбить на что угодно, и он постоянно попадал впросак. Барбера был из тех, о ком Денни проявлял заботу.

И теперь приятели Денни решили, веселясь и хихикая, натравить Барберу на меня.

Я отступил в тень на углу квартала и уселся спиной к стене, которой не мешало бы иметь хоть один выступ. Вид отсюда был столь же приятен, как пейзаж с мусорной кучей.

Довольно долго ничего не происходило, не считая вспышек, когда охотник за мной в очередной раз раскуривал трубку, или появления алкашей, нагрузившихся настолько, что их не пугали ночные улицы. Наконец я кое-чего дождался: два человека появились проверить, как идут дела у любителя «травки».

Они прошептали мимо, не заметив меня. А я их рассмотрел: мои добрые приятели Васко и Куинн.

Выходит, ребята, это вы захотели учинить мне пакость?

Я не двинулся с места, хоть и хотелось раскроить парочку черепов. Но меня все больше беспокоили лампы в моем доме. Васко и Куинн не пытались вступить в контакт с теми, кто там находился. Быть может, тот, кто укрылся в доме, не из их компании?

Тогда кто это?

Мой друг могильщик вернулся из ночной смены, как всегда, пьяным в стельку. Когда я бывал не в духе, я частенько желал, чтобы он навсегда остался в одной из выкопанных могил.

Сейчас он подгреб к моему окну и заглянул внутрь. То, что он увидел, явно его заинтересовало. Он плясал с минуту. Бросив взгляд по сторонам и никого не заметив (что придало ему храбрости), парень подкатил к моим дверям и толкнул их.

Двери распахнулись.

Барбера выскочил из тьмы, бросился на могильщика и молотил его, пока тот не свалился. Покончив с этим делом, Барбера направился в мою сторону.

Итак, послание предназначалось мне, но почтальон спутал адреса.

Я решил, что оставить его без ответа было бы невежливо.

Я выступил из темноты, когда Барбера поравнялся со мной. Он успел заметить меня боковым зрением.

— Привет, — сказал я.

Его глаза округлились. Он хотел было развернуться, но тут я врезал ему по уху дубинкой.

Ветеран не упал. У него лишь подогнулись колени и помутнели глаза. Я ударил его ногой, нанес крюк левой и обрушил дубинку на лоб.

Он зашатался чуть сильнее.

Этих травокуров не так просто уложить, когда они под кайфом. Пришлось выдать ему по полной норме и немного добавить сверх нее. Когда он уже не понимал, на какой планете находится, я схватил его за задницу, отвел в темный проулок и отвесил еще несколько ударов дубинкой. Затем взял кисет с «травкой» и, отловив пьяную помесь гнома с гоблином, заплатил ему, чтобы тот доставил кисет Васко. И велел передать, что бывший кавалерист зря тратился на охоту за морским пехотинцем.

Покончив со всем этим, я решил заняться типом, который вторгся в мой дом.

Мне не пришлось ничего делать. Когда я дошел до места, откуда была видна дверь, то увидел вступающий в мое жилище

взвод Тейтов. Они перешагивали через воющего могильщика словно через кучу конского навоза. Почти сразу же они появились снова, волоча за собой недовольную, упирающуюся Тинни.

Так вот в чем дело. Всегда мне так везет. Скажем, если на конце радуги я вдруг нашел бы горшок с золотом, то по дороге к нему обязательно сломал бы ногу и лежал, со стонами наблюдая за клоуном, стребающим мое золотишко.

Я подождал, пока улица не очистилась. Затем вошел в дом, запер дверь и устроился с ведром пива. Больше меня никто не беспокоил.

14

Я собирался всех изумить, появившись у Тейтов на рассвете полностью готовым к отъезду. Но ночью мне пригрезился скелет логхира.

Это могло быть следствием выпитого пива. Пиво тоже было зеленого цвета. Но игнорировать такие сны не стоит. Вдруг это зов Покойника.

Самое скверное в утренних прогулках то, что на небе сияет солнце. Его лучи лупят прямо в глаза, и, войдя в дом, вы ни черта не видите.

Так и случилось, когда я вступил в обиталище Покойника. Там было темно, как в склепе.

«Почти вовремя, Гаррет. Ты что, добирался сюда через Хафе?»

— Значит, это был не сон?

«Нет».

— Чего тебе надо?

«Я не смогу издали следить за твоими похождениями. Если ты нуждаешься в моей помощи и советах, тебе придется время от времени меня информировать».

Я подумал, что это очень похоже на признание, что он предомной в долгу. Если тебе дают, надо хватать.

— Что ты хочешь знать?

«Все, что ты услышал или узнал со времени нашей последней встречи. Как можно детальнее».

Я рассказал, ничего не пропуская.

Он некоторое время размышлял.

«Запасись отравленными перстнями, Гаррет, а за голенищем носи нож».

Я ждал не такого совета.

— Зачем?

«Ты известен тем, что употребляешь подобное оружие?»

— Нет.

«Веди себя непредсказуемо».

— И ради этого я должен был сюда переться?

«Это самое лучшее, что я могу посоветовать, исходя из того, что ты мне рассказал».

Опять сделал виноватым меня. Как это на него похоже.

Я немного убрал помещение и сжег серные свечи, чтобы укрепить дыхательную систему облепивших Покойника паразитов. Интересно, что сказал бы Морли насчет пользы вдыхания испарений зеленых с мясистыми листьями растений?

Затем я последовал совету Покойника, отправился в оружейную лавку и до ушей нагрузился разнообразными смертоносными предметами. Даже обзавелся несколькими волшебными трюками, о которых слышал еще в морской пехоте. Теперь пусть они только попробуют сунуться. Я готов ко всему.

Лошади. Неизбежная неприятность в ходе длительного путешествия. Если, конечно, не отправиться пешим ходом. Морли Дотс очень высоко ценил верховую езду как прекрасное физическое упражнение. Лично я никогда не любил добровольно причинять себе боль или неудобства.

Я направился к знакомому военному поставщику — черному гиганту по кличке Плеймет. Он был человеком, но явно с приме-

сью чьей-то крови. Девять футов роста и племенные шрамы на щеках придавали ему весьма злобный вид. А на самом деле это был настоящий милашка и добрейший из людей.

Жуткие черты лица прояснились, когда Плеймет увидел, как я пересекаю его двор. Он бросился мне навстречу, раскинув руки и с такой улыбкой, словно я собирался экипировать целый батальон. Я увернулся, потому что в своем энтузиазме он вполне мог раздавить меня в объятиях. Он мог бы стать первоклассным профессиональным борцом, обладай он хоть каплей инстинкта убийцы.

В свое время я помог ему получить должок. Заставив того парня платить, я спас Плеймета от банкротства. Теперь он чувствовал себя в долгу передо мной. Но думаю, почти так же тепло он приветствовал бы любого незнакомца, заглянувшего к нему с улицы.

— Чем могу быть полезным, Гаррет? Назови, и это — твое на любой срок. Бесплатно.

— Пара лошадей и все необходимое для лагеря месяца на три-четыре.

— Получишь. Решил попробовать себя в охоте? Неужто здесь дела идут так плохо?

— Получил работу. Потребуется выехать из города.

— За три-четыре месяца можно проделать немалый путь. Куда же ты направляешься?

— В Кантард.

Я не очень-то уживаюсь с лошадьми. Могу ездить верхом, но очень плохо и когда нет другого выхода. Я городской парнишка и никогда не имел ни возможности, ни желания общаться с животными. Плеймет несколько притормозил. Он посмотрел на меня, как на безумного кузена, сморозившего вопиющую глупость.

— Кантард? Гаррет, ты великий человек, и моя вера в тебя не имеет границ. Если какому-нибудь штафирке и удастся живым выбраться из Кантарда, это будешь ты. Но я не настолько уверен в моих животных.

— Я не хочу, чтобы ты отдал их мне просто так. Я собираюсь их купить.

— Не надо говорить со мной таким тоном, Гаррет.

Каким тоном? Я совершенно не собирался обижать парня.

Мы вступили в берлогу, принадлежащую Их Сатанинским Величествам лошадям. Двадцать пар огромных темных глаз следили за мной. Я чувствовал, как они на своем тайном языке оценивают между собой мои стати, плетя против меня заговор.

— Вот это — Громовой, — Плеймет указал на огромного черного жеребца со злобным оскалом, — очень горячее животное, частично тренированное для боевых действий.

— Не надо.

Пожав плечами, мой приятель перешел к чудовищу чалой масти.

— А как насчет Урагана? Быстрый, сообразительный, хотя немного непредсказуемый. Совсем как ты. Вы прекрасно уживетесь.

— Не надо. А также мне не требуется ни Буря, ни Тornado. Ничего такого, что напоминает о стихийных бедствиях. Мне нужна старая кобыла с кличкой вроде Одуванчика и с соответствующим нравом.

— Это ужасно, Гаррет. Мужчина ты, в конце концов, илимышь?

— Перестань скрипеть! Лошади и я — мы плохо уживаемся вместе. Последний раз, когда я взбирался в седло, тварь ухитрилась посадить меня лицом к хвосту. Потом отказалась двигаться и при этом смеялась.

— Лошади не смеются, Гаррет. Они животные серьезные.

— Побудь со мной, и ты увидишь, как они умеют смеяться.

— Если у тебя такие проблемы с животными, зачем же пускаться в путь посуху? Садись на речную барку, отправляющуюся в Лейфмолд, а там найди каботажное судно, идущее на юг. И ты избежишь шестисот миль утомительного путешествия.

Почему-то такая мысль не приходила мне в голову. Иногда так глубоко забредаешь в заросли, что за деревьями перестаешь

видеть лес. Мне не хотелось ехать в Кантард, и я решил проделывать вынужденное путешествие как можно быстрее. Считается, что самый быстрый путь — самый короткий. А самая короткая дорога в Кантард проходит по суше.

Тяжелая, как окорок, лапа шлепнула меня по спине.

— Гаррет, ты выглядишь как человек, на которого только что снизошло религиозное откровение.

— Так и есть. И первым апостолом моей церкви будет Святой Плеймет.

— Согласен, если для этого не надо принимать мученический венец.

— Главное — верить, мой друг. И делать щедрые добровольные пожертвования. Это все, что потребует от тебя новая церковь.

— Все только и ждут новых откровений. Я тебе не рассказывал, как чуть было сам не основал религию?

— Нет.

— Я серьезно подумывал об этом, когда чуть было не потерял конюшни. Решил, что если существо моего размера облачить в подходящие одежды, то получится прекрасный пророк. Жителям такого тесно населенного богами города, как Танфер, постоянно хочется чего-нибудь новенького.

— Вот уж не думал, что ты такой циник!

— Я? Циник?! Да что ты! Когда тебе снова понадобится лошадь, Гаррет, заходи. Буду рад.

15

Появившись у Тейтов с дорожным мешком на плече, я обнаружил, что Морли и тройняшки выглядят крайне самодовольно.

— Ну что, парни, отработали свой хлеб? Или вы просто попрaktиковались в терпеливом ожидании нового появления безносог?

Морли оторвался от морковки, чтобы пробурчать:

— Утром пришлось проломить несколько черепов, Гаррет.

Дорис радостно закивал и что-то прорычал на своем диалекте.

— Утверждает, что лично проломил двадцать, — перевел Морли. — Он преувеличивает. Их всего-то было не больше пятнадцати. Некоторых я узнал. Все — второй сорт. Тот, кто их нанял, хотел сэкономить. Что заплатил, то и получил.

Интересно, узнал кто-нибудь из нападавших Морли?

— Что они сумели унести?

— Много синяков и несколько переломов.

— Я имею в виду что-нибудь предметное.

— Разве то, что я назвал, беспредметно?

— Кончай валять дурака. Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— С утра изволим пребывать в скверном настроении, не так ли? Ты так и не усвоил, что я говорил тебе о пользе богатой клетчаткой пищи.

— Морли!

— Нет, ничего не унесли.

— Наконец-то! Благодарю тебя.

— Что у тебя в мешке?

— Все, что нужно для путешествия. Мы трогаемся.

— Сегодня?

— У тебя есть причины задержаться?

— Вообще-то нет. Просто я не ожидал.

— Обо всем договорено. Твои ребята к путешествию готовы.

Мы немедленно отправляемся на корабль и прячемся там до отхода.

— Корабль? О каком корабле ты толкуешь?

Лицо Морли окрасилось в мертвенно-бледный цвет, словно он увидел привидение. Тройняшки остались зелеными, они выглядели очень мило со светло-зелеными ободками вокруг дыхательных отверстий.

— Корабль? — еще раз прокаркал Морли.

— Именно. Мы спускаемся на барке до Лейфмолда, а там пересаживаемся на каботажник, идущий к югу. Останемся на борту как можно дольше. Затем сойдем на берег и проделаем остаток пути по твердой земле.

— Я смешиваюсь с водой хуже, чем масло, Гаррет.

— Чепуха. Все великие мореплаватели происходили, как и ты, от эльфов.

— Все великие мореплаватели были безумцами. У меня начинается морская болезнь, когда я слежу за гонками водяных пауков. Возможно, поэтому я никогда ни черта не выигрываю.

— Возможно, твоей диете недостает крахмала.

Он взглянул на меня, как обиженный щенок.

— Давай поедem по суше, Гаррет.

— Ни за что. Я не могу ужиться с лошадьми.

— Ну так пойдем пешком. Тройняшки смогут нести...

— Кто здесь платит, Морли?

Он замолчал и нахмурился.

— Слушай хозяина. Мы плывем как можно дальше к югу и затем двигаемся по суше. Упаковывайся и навьючивай своих парней. Мы отправляемся через пятнадцать минут.

Я ушел, отловил папашу Тейта, сказал, что берусь за работу и уезжаю из города. Мы немного пободались насчет суммы расходов. Все кончилось тем, что мы оба получили, что хотели. Я — деньги, а он — рассказ о плане моих действий.

Естественно, ничто не помешает мне его изменить.

Не люблю никого ставить в известность о своих намерениях. Это подрывает мою репутацию непредсказуемой личности.

16

Речная барка «Цехин Бинки» напоминала жену лавочника. Среднего класса, среднего возраста, немного потертая временем, слегка толстоватая и исключительно упрямая. Убедить ее следо-

вать нужным курсом можно было лишь ценой массы усилий и уговоров. Но очень надежная, теплая и неизменно доброжелательная к своим детям. Морли возненавидел ее с первого взгляда. Он предпочитает длинных, тощих, вызывающе ярких и быстрых.

Мистер Арбанос — шкипер — был гномом-переростком из того этнического меньшинства, которое невежды принимают за хобгоблинов (хотя любому идиоту известно, что хобгоблины никогда не появляются днем, так как солнечный свет сжигает их глаза). Разместив нас в норе, которую он, посмеиваясь над собой, величал каютой, Арбанос отвел меня в сторону и сказал:

— Мы не сможем отойти до утра. Надеюсь, это не нарушит ваших планов?

— Нет.

Но я от природы любопытный и недоверчивый. Естественно, я поинтересовался, в чем причина задержки.

— Запаздывает груз. Самая важная часть груза. Двадцать пять бочонков «Танферского золотого», которое они не доверяют никому, кроме меня и брата. Только мы можем доставить его вниз по реке, не повредив.

«Танферское золотое» — первоклассное вино, но не любит перевозок.

— Вот и приходится сидеть, — жаловался он, — с восемью тоннами картофеля, двумя тоннами лука, тремя тоннами железа в чушках и сорока бочками соленой свинины для флота, которые наверняка потекут, пока они нянчатся со своим испорченным виноградным соком, доставляя его с Тагенда. Если бы мне не платили за вино больше, чем за весь остальной груз, я бы объяснил им, как следует поступать с этой «Танферской золотой» отравой! Держу пари, объяснил бы.

Декларация судового груза. Потрясающе интересно!

— Ничего страшного. Если мы попадем в назначенное место достаточно быстро.

— Можете не беспокоиться. Несмотря на задержку, мы будем почти в то же самое время.

— Вот как? Каким образом?

— Мы отойдем во время прилива, а это даст нам в самом медленном месте течения лишних пять узлов. Я заметил, что ваши друзья не показываются наверху, вдыхая внизу запах рыбы, и подумал, что вам не терпится убраться отсюда. А ваш приятель, как я понял, не выносит запаха трески.

Будучи по природе исключительно вежливым человеком, я не хотел употреблять слово «зловоние» и сказал:

— Раз уж вы подняли этот вопрос...

— Что?

— Подождите!

Один из кузенов (а может, племянников из семейства Тейтов) ковылял по пристани, пялясь безумным взглядом на ошвартованные суда. С головы до ног его украшали засохшие пятна крови. Люди расступались и молча смотрели ему вслед.

Заметив меня, кузен заковылял быстрее. Я двинулся ему навстречу.

— Мистер Гаррет! Они захватили Тинни и Розу! Говорят, что если мы не отдадим им бумаги Денни...

Он рухнул. Я подхватил его, взял на руки и отнес на борт «Цехин Бинки».

Шкипер Арбанос свирепо взглянул на меня. Но прежде чем он начал ныть, я успел бросить ему пару марок. Он мгновенно преобразился, как оборотень в полнолуние. Со стороны могло показаться, что наш шкипер — послушный маменькин сынок.

Когда в животе у парнишки забулькала добрая порция бренди, он смог рассказать, что произошло.

Роза и Тинни, как обычно, после полудня отправились за покупками. Их сопровождал Лестер со своими кузенами и племянниками и кое-кто из кухонной прислуги. Когда они возвраща-

лись и слуги с мальчиками тащили овощи и все остальное, разразилась катастрофа в лице Васко и полудюжины бандитов.

— Они схватили Розу и Тинни, прежде чем мы успели бросить покупки и выхватить оружие. Только дядя Лестер сумел... Они убили его, мистер Гаррет.

— Вы нанесли урон противнику?

Парнишка не выглядел бы так скверно, если бы не было попытки отбить девиц. Мне надо было узнать, сколько крови пролито, чтобы понять, остались ли у Розы с Тинни хоть какие-то шансы.

— Небольшой, — сказал он. — Думаю, мы никого не убили. Нам пришлось отступить первыми. Когда они сказали, что вернут заложниц, как только получают письма Денни, его записи и все остальное.

Им незачем идти на новое убийство. Баланс налицо: один из их компании за дядюшку Лестера. Можно начинать торговаться. Сложность в другом: если я начну участвовать в обмене, они поймут, что я отправляюсь на юг.

Я ухмыльнулся.

— Сдается мне, что дело скверно, — произнес Морли.

— А я думал, ты где-то прячешься.

Интересно, долго он сидит сзади на мешке с луком? Надеюсь, недостаточно долго, чтобы услышать лишнее.

Морли пожал плечами.

— Они сказали, где их можно будет найти?

— Да. У Железного...

Перед нами материализовался сам Уиллард Тейт. А я-то считал, что папаша никогда не выходит за пределы семейного обиталища. Трясаясь с ног до головы, он взял «Цехин Бинки» на бордаж. Уиллард пыхтел от усилий и пребывал в такой ярости, что мог только брызгать во все стороны слюной.

— Присаживайтесь, папочка, — сказал я. — Мы уже обдумываем ответные действия.

Он плюхнулся на другой мешок лука, удостоив Морли коротким кивком. Шкипер Арбанос был явно недоволен, но держал пасть на замке.

— Суть в том, — сказал я, — что нам следует пойти на обмен.

Тейт брызнул слюной, кивнул и затем выпалил:

— Если бы там была только Роза, у меня возникло бы сильное искушение послать их к дьяволу.

— Полностью с вами согласен. Теперь послушайте. Я сложил письма и все остальное в короб и взял с собой, чтобы эти клоуны не наложили на бумаги свои лапы. Да, я их недооценил. Теперь нам надо организовать обмен так, чтобы получить дам в целости и сохранности. Думаю, я смогу это сделать, но вы должны полностью мне довериться.

Старик снова принялся пускать слюни.

— Он собаку съел в таких делах, мистер Тейт, — вмешался Морли. — Дайте ему использовать свой опыт.

Его тон был гораздо дипломатичнее, чем мой.

— Хорошо. Я слушаю, — сказал Тейт, сверкнув в мою сторону глазами.

— Капитан Арбанос, во сколько мы отправляемся завтра утром?

— В семь часов пять минут.

— Вы, мистер Тейт, отправляйтесь к этому Железному... — я щелкнул пальцами в сторону кузена.

— «Железный Гоблин», — подсказал он.

— В «Железный Гоблин». Тому, кто вас встретит, скажите, что женщины должны быть доставлены сюда завтра утром в семь часов пять минут. Иначе — никакого соглашения. Я скажу, где они смогут достать бумаги, как только буду убежден, что женщины невинны и их возвращают. Если капитан Арбанос даст мне перо и чернила, я изложу инструкции на бумаге.

Тейт хотел заспорить. Ему постоянно хочется спорить. Даже если вы скажете, что небо синее. Я позволил ему дымиться, пока

царапал записку. Шкипер Арбанос скоро разбогатеет, оказывая мне услуги.

— Представьте себе, что вы — это я, — сказал я Тейту, закончив писать. — Никаких споров. Скажите: или они соглашались, или дело закрыто.

— Но...

— Они согласятся. Они не ждут, что я стану им доверять. Они предполагают, что я приму необходимые меры предосторожности. И попытаются узнать, что я из себя представляю. Они выяснят, что я провел несколько подобных операций и все кончилось так, как хотел я.

Это было чистой правдой. По крайней мере, до сих пор. Но на этот раз обменом дело не ограничивалось. Сам обмен был частью чего-то большего.

Кажется, я тоже начал воспринимать все слишком лично.

Тейт излил наконец свое раздражение, с трудом превратил страх в подчинение, взял мою записку и отбыл. Мы, промыв и перевязав парнишке раны, отправили его домой.

17

Васко не хотел играть по моим правилам, хотя и привел в порт женщин, появившись для переговоров. И появился вовремя, а значит, все пойдет по-моему, если я сумею проявить твердость.

Он оставил Розу и Тинни в пятидесяти футах от меня под охраной полудюжины своих людей и поднялся на борт.

— Не успокойсья, пока тебе не перережут горло? — поинтересовался я.

Васко сжал губы, но на приманку не клюнул. Там, в Кантарде, сержанты хорошо дрессируют сохранять самообладание. Отлядевшись по сторонам, он не заметил никакой опасности.

А следовало бы заметить. Я потратил массу сил, чтобы сдерживать Морли, который рвался атаковать бандитов и заставить их хорошенько искупаться в реке.

— Хочу предупредить тебя, — сказал я Васко, — что лично мне не нужны ни эти девицы, ни бумаги, за которыми ты охотишься. Поэтому я и согласился на обмен.

— Где документы, Гаррет?

— Где женщины?

— Там. Разве ты не видишь?..

— Я не вижу их на борту. Ты ничего не узнаешь, пока я не буду уверен, что у тебя не остается времени надуть меня.

— Но зачем мне тебя обманывать?

— Не знаю. В последнее время твои действия не отличались здравым смыслом.

— Ты не спровоцируешь меня на глупости, Гаррет.

— И не собираюсь. С этим ты прекрасно справляешься без моей помощи. Давай женщин сюда.

Шкипер Арбанос готовился отдать швартовы.

— Какие гарантии, что не обманешь?

Я начал приводить доводы:

— Во-первых, я всегда работаю честно. Тебе моя репутация известна. Во-вторых, мне эти документы ни к чему. В-третьих, я знаю тебя, и мне нет нужды усложнять себе жизнь. В случае чего я всегда смогу до тебя добраться.

— Изображаешь крутого, Гаррет? Смотри, обожжешься!

— Может быть, пошлешь Барберу наехать на меня?

Его губы сжались еще сильнее. Резко повернувшись, он спрыгнул на пирс и махнул рукой своим гориллам. Те отпустили женщин. Я поманил их к себе.

Девицы медленно двинулись вперед. Наверное, они думали, что вот-вот прольется кровь.

Васко стоял в нескольких шагах от края пирса.

— Так где же бумаги, Гаррет? — спросил он.

Отвечать пока не следовало. Васко все еще находился между мной и женщинами. Я лениво, как утомленный турист, обвел взглядом порт.

Тут я и заметил тех двоих, которых уже видел в забегаловке Морли. Большого и Безобразного. Не рядом. Но оба они болтались поблизости, стараясь ничем не выделяться в толпе портовых зевак и прохожих.

Я отступил на несколько шагов, как бы освобождая пространство, чтобы девицы могли подняться на борт.

— Посмотри-ка на парня, сидящего на тюке хлопка, — шепнул я Морли, который скорчился между мешками с луком.

— Гаррет, живее! — крикнул Васко.

Я проигнорировал его вопль. Женщины были в нескольких ярдах. Даже на кислой физиономии Розы появилась надежда.

Шкипер Арбанос начал отдавать швартовы.

— Вижу, — прошипел Морли. — Что в нем такого?

— Кто это?

— Откуда мне знать? Никогда его не видел.

— Зато видел я. Прошлой ночью. Вместе с тем амбалом, который стоит, опершись на бочки с солониной.

Я хотел было рассказать ему, где я их видел и когда, но решил приберечь рассказ к старости.

— Этого я тоже не знаю, — прошептал Морли.

— Говори же, Гаррет!

Васко решил, что я его обманываю, и двинулся к девицам.

— Бегите! — взревел я. И крикнул Васко: — Бумаги хранятся в коробке, в заброшенном доме на дороге Арлекина, в половине квартала к западу от Руки Чародея!

— Тебе не спасти задницу, Гаррет, если их там не окажется.

— В любое время могу тебе продемонстрировать ее, Васко. В любое время.

Барка начала отходить от пирса. Женщины последовали моему совету, припустили во весь дух и прыгнули. В мои объятия

упал очаровательный груз. Морли выскочил из-за мешка и подхватил Розу, пробормотав подходящие к месту слова о неожиданно свалившемся сокровище. Я одарил его насмешливым взглядом.

Васко зарылся прочь, отдавая на ходу приказы своему войску.

Я не удержался и хихикнул.

— Что здесь смешного? — спросила Тинни. Она и не собиралась отлипнуть от меня. Видимо, ее придется оттолкнуть... но не раньше чем через неделю.

— Я представил, что произойдет, когда они попытаются забрать бумаги.

— Вы хотите сказать, что соврали ему?

Мы находились в пятнадцати футах от пирса. Безобразный поднялся с хлопковых тюков. Он не обращал на нас внимания. Мне тоже, честно говоря, было трудно уследить за ним. Тинни держалась крепко.

— Нет, нет. Я сказал правду. Но я не сказал всю правду.

— Дилетанты, — произнес Морли, отрываясь от Розы, которая прилипла к нему, как Тинни ко мне. — Будь они профи, знали бы, что это обиталище Покойника. Ну и скользкий же ты хитрец, Гаррет. Напомни, чтобы я никогда не прихватывал тебя. Если тебя сильно сжать, ты обязательно выскользнешь и окажешься сверху.

Я посмотрел на двух незнакомцев на берегу и задумался.

— Я же говорила, что поеду с вами, Гаррет, — прокаркала Роза с таким видом, будто это она спланировала всю операцию. Девушка сумела быстро оправиться от страха.

— Возможно, вы так думали, — сказал я. — Возможно.

Я рассчитывал уговорить шкипера через пару миль придержать барку и посадить женщин.

Проклятье! У этой Тинни нет никакой жалости.

Я решил, что она мне нравится.

В этот момент на пристань притрусил старик Тейт, но успел лишь прокричать нам слова прощания.

— Капитан Арбанос, где бы вы могли притормозить, чтобы высадить на берег этих дам? — проорал я как можно громче, чтобы донести мое желание до папаши Тейта.

— В Лейфмолде.

В Лейфмолде. В самом конце нашего пути к побережью.

Он остался непреклонен и глух к предложениям денег. У него, видите ли, репутация, расписание и прилив, и он не пожертвует ничем ради жалкой суммы, которую я способен ему предложить.

Пока мы препирались, губы Розы не покидала нехорошая улыбка.

Улыбка Тинни обещала более приятные перспективы.

18

Главное, на этой проклятой посудине негде было уединиться. Если вы, поглаживая ручку, начинали нашептывать на ушко нежные слова, тут же откуда ни возьмись появлялись Дорис, Марша, Дожанго или кто-то из команды и начинали пялиться на вас. Мы с Морли едва не спятили. Роза явно желала поддерживать с ним весьма дружественные отношения. Надо сказать, у него дьявольское обаяние.

Видимо, в вегетарианской диете все же есть какая-то польза.

До Лейфмолда не так уж далеко. При первой возможности я отвел Морли в сторонку и спросил:

— Как мы сплавим эту парочку?

— Выбирай слова, Гаррет. Хотя я могу понять твоё утнетённое состояние. Имеют ли наши работодатели надежные связи в Лейфмолде?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Не было причин интересоваться.

— Скверно. Придется использовать все наши чары, чтобы получить надежную информацию от девочек.

Я не услышал оптимистичных ноток.

Роза рассмеялась нам в лицо, когда мы попытались что-нибудь выведать. Тинни просто прикинулась глухой.

Мы с Морли отправились на корму поразмышлять вместе.

— Мы не можем позволить себе этого, — пробурчал он после продолжительной паузы.

— Хмм... — выступил я.

— Абсолютно не можем.

— Хмм...

— Юбки в Кантарде. Хуже, чем яд, насколько мне известно. Если мы отправимся туда с дамами, мы покойники. На все сто.

— Знаю. Но мы не можем просто взять и убежать от них.

Он внимательно посмотрел на меня и произнес:

— Если бы это не повредило нашим деловым отношениям, я сказал бы, что ты излишне романтичен. Багаж есть багаж. И в них нет ничего такого, чего нельзя получить от других.

На реке царил оживление. Все захотели воспользоваться приливом. Большинство судов были быстрее, чем «Цехин Бинки». Но какое-то похожее на яхту судно, казалось, вело нас на поводке.

— Не знаю, как ты, имея такие взгляды, исхитрился до сих пор остаться в живых, — талдычил свое Морли.

Яхта могла гордиться изящными обводами и полосатыми красно-желтыми парусами. От нее так и разило богатством вкупе с властью. Красавица тащилась сзади, хотя без всякого труда могла нас обойти.

— Они обожают, когда с ними так обращаются, Гаррет. Если ты не относишься к ним как к крысам, они начинают считать, что сами отвечают за свое поведение. Ты же знаешь женщин. Они ни за что не согласятся признать, что получают удовольствие, суя нос в чужие дела.

— А что, если мы попробуем... — если на это пойдет капитан Арбанос?

— Я весь внимание.

— Перед самым входом в порт мы девиц свяжем. На время выгрузки и погрузки шкипер их куда-нибудь спрячет, а затем доставит назад в Танфер как часть своего груза.

— Звучит прекрасно. Когда будешь с ним говорить, не забудь спросить об этом корыте с полосатыми парусами.

А я-то думал, он ничего не заметил.

Шкипер Арбанос согласился с моей идеей, но повел себя как настоящий морской разбойник. Я был между молотом и наковальней, и он это знал. Пришлось заплатить. В конце концов, все траты пойдут из кармана Тейта.

Я поинтересовался яхтой с полосатыми парусами.

Он посмотрел на меня как на слабоумного, но все же ответил:

— Простите, я забыл, что вы человек сухопутный. Позади нас идет «Тайфун» — личный корабль Штурмлорда Громоголового. На реке всем это известно. Он постоянно ходит между Танфером и Лейфмолдом под флагом Штурмлорда.

— Ничего себе, — пробормотал я.

— Правда, самого Штурмлорда на яхте не бывает. Ею командует некто женского пола из племени картов — сука с нравом бездомной кошки. Сумела поцапаться со всеми. Поговаривают, что иногда по ночам она спускает цветные паруса и поднимает черные.

— Что это значит?

— Это значит, что когда никто не видит, она становится речным пиратом.

— Просто слухи? Или же в сплетнях есть доля истины?

Попасть в лапы пиратов, находясь на мирной речной барке! Классическое проявление моей «удачи». Среди богов наверняка есть парень, который занимается лишь тем, что чинит мне неприятности.

— Кто знает. Вообще-то пираты существуют. Однажды я даже видел их.

— И?..

Шкипер очень хотел, чтобы его просили продолжать.

— Они не оставляют свидетелей. Поэтому я никогда не принимаю на борт груз, который может показаться им привлекательным.

У меня в голове со скрипом, как в механизме водяных часов, начали вращаться шестеренки. Боюсь, эти часы шли чересчур медленно. Какой груз мог привлечь внимание пиратского судна, принадлежащего одному из Штурмлордов? И вообще, что все это может означать для меня?

Серебро. Милое, милое серебро. Топливо для локомотивов чародейства.

Неужели еще одно осложнение?

Наверное, так и есть, дьявол его поберет! Все остальные трудности вроде бы позади.

Я отвалил шкиперу Арбаносу щедрую порцию сладостного металла, и он заверил, что все мои желания насчет женщин будут выполнены неукоснительно. К ним будут относиться, как к членам королевской семьи, а по приходу «Цехин Бинки» в Танфер он, капитан Арбанос, лично доставит девиц старику Тейту.

Большого невозможно было желать.

Экипаж шкипера Арбаноса (все — его родственники) вступил в дело ночью, перед приходом в Лейфмолд. Они захватили барышень спящими.

Такого кошачьего концерта, такого потока непристойностей мне слышать не доводилось. Я ждал, что Роза окажется не слишком любезной. Но Тинни я считал наполовину леди. Она орала гораздо сильнее.

Но в целом операция прошла гладко.

* * *

Слева от нас открывалось море. В миле справа на высокие холмы карабкался Лейфмолд. Мы ждали лоцмана, его знания были необходимы, чтобы «Цехин Бинки» избежала многочисленных ловушек, расставленных против венагетских рейдеров.

Морли убивал время на баке.

— Подойди-ка, — сказал он, лениво махнув рукой. Он грыз сырую картофелину, похищенную из груза шкипера Арбаноса.

Я посмотрел на него с отвращением.

— Не так уж и плохо, если немного присолить, — пояснил Морли.

— Ну да, и полезно для здоровья.

— Несомненно. Взгляни-ка на эту гусыню. Там, в гавани.

Я посмотрел и понял, что он имел в виду.

Яхта с цветными парусами уже ошвартовалась у пирса. Она обогнала нас ночью и получила первого свободного лоцмана.

— Да, за ней надо бы последить, — сказал я.

— Ты читал записи Денни? Он упоминал где-нибудь о Штурм-лорде Громоголовом?

— Нет, но один-два других чародея назывались. Стоило бы поискать косвенные связи.

Когда вы подозреваете, что в ваше дело вовлечены чародеи, самое разумное — исходить из худшего.

Не исключено, конечно, что полосатые паруса не имеют к нам никакого отношения. Но я не желаю рисковать, и пусть думают, что у меня мания преследования.

Когда мы швартовались, женщины вопили на все голоса, но никто не обратил на это внимания. Морли, Дорис, Марша и я сошли на причал и отправились на поиски каботажников, которых порекомендовал шкипер Арбанос. Дожанго оставили для наблюдения за яхтой Штурмлорда. Даже если они задумали недоброе, узнать Дожанго они не могли.

На сей раз Фортуна нам улыбнулась. Мы нашли посудину под названием «Золоченая Леди», которая собиралась отчалить следующим утром. Капитан был настолько мил, что согласился принять плату за проезд. Физиономия Морли начала приобретать сероватый оттенок.

— Ты же прекрасно выдержал путешествие по реке.

— На рсках, Гаррет, не бывает волн. Здесь же они накатывают на берег, а мы пойдем вдоль валов. — Его глаза округлились. — Знаешь, давай не будем об этом толковать. Найдем местечко подзаправиться и отправимся в город. Я знаю одно заведение, которое даже лучше, чем мое, — только не говори никому об этом, — и там ты сможешь наконец попробовать...

— У меня что-то нет аппетита на корешки и орехи, Морли. Перед долгим путешествием я предпочел бы нечто более телесное.

— Телесное? Ты совершенно не заботишься о своем теле! Обещаю, тебе понравится это заведение. Порадуй свой организм чем-нибудь новеньким. Эта мясная пища в конце концов убьет тебя.

— Раз уж ты поднял этот вопрос, Морли, давай-ка посчитаем. Кто умрет раньше? Я, питаюсь, чем хочу, или ты, путаясь с чужими женами?

— Ты смешиваешь яблоки с апельсинами, приятель.

— Не смешиваю и говорю вполне серьезно.

Секунд пятнадцать он молчал, а затем проговорил:

— Зато я умру счастливым.

— Я тоже, Морли. Но без ореховой скорлупы, застрявшей между зубами.

— Сдаюсь, — сказал он. — Валяй, совершай медленное самоубийство, отравляя себя.

— Именно это я и намерен сделать, — сказал я, заметив на берегу таверну. Путешествуя по реке, мы не выпили ни капли, и я добавил: — Сначала хорошенько промочу глотку.

Дорис и Марша тоже заметили забегаловку. Они замечались, что-то бормоча. Морли тоже перешел на их тарабарщину.

Бог мой! Неужели вся тройня не в ладах с алкоголем?

Вслух я произнес:

— Как только найдем крышу над головой, надо будет сказать Дожанго, где нас искать.

Морли, кажется, нашел компромисс с Дорис и Маршей.

— Они могут получить по ведру на брата. И все.

— Ведру?

— Они же крупные ребята, Гаррет.

— Это я заметил.

Мы отправились в таверну. Еще было рано, и она оказалась полупустой. Тем не менее, едва мы переступили через порог, наступила тишина. И такая глубокая, что я понял — мы здесь нежеланные гости.

Они думают, что это меня остановит. Я бросил на стойку бара монетку:

— Кружку пива для меня и по ведру для больших ребятешек. Для моего третьего приятеля сойдет любое варево, приготовленное из пастернака.

Холодный взгляд. Ледяные слова:

— Их породу мы здесь не обслуживаем.

— Что ж, ваше счастье, что они не очень хорошо понимают по-карентийски. Посмотрите на них, они пока улыбаются. Их улыбки исчезнут, как только я переведу им ваши слова. Вы знаете, какими становятся гролли, если рассердятся.

Хозяин взвесил аргументы. Возможно, он вступил бы в спор, если бы чувствовал за собой поддержку сорока—пятидесяти человек. Но Дорис и Марша начали улавливать, откуда ветер дует. Улыбки исчезли, и на мордах зловеще зашевелились складки.

— Нам нужно пиво, — добавил я, — а не ваши бабы.

Хозяин не рассмеялся. Он направился к бочонку. В мире мало сыщется идиотов, готовых разозлить гролля.

— Пиво недурственное, — заметил я, осушая третью кружку, пока Дорис и Марша возились со своими молочными бутыл-

лочками. — И то, что вы нам его налили, не повредило вашему здоровью?

Бармен не был расположен к светской беседе.

Большая часть посетителей оставила заведение.

Мы последовали их примеру.

На улице толпилось полсотни мрачного вида мужчин.

— Нам следует осмотрительнее выбирать места для прогулок, — заметил я.

— Мне нравится твой образ мыслей, Гаррет.

В нашу сторону полетела половинка кирпича, брошенная тирпом по имени Некто. Дорис — а может, Марша — вытянул лапу и схватил метательный снаряд. Бросив на него взгляд, он сжал пальцы. На землю посыпался прах от раздавленного кирпича.

Это произвело сильное впечатление на меня, но не на толпу.

Тогда одному из трояншек пришлось вырвать столб, на котором болталась вывеска таверны, сорвать ее и замахнуться столбиком.

На этот раз до них дошло. Толпа начала испаряться.

— Скажи, мог бы мул совершить такое? — спросил Морли.

Мы были крайне осмотрительны, выбирая место для ночлега.

19

— Куда он, к дьяволу, запропастился? — сурово спросил я.

От Дожанго не было ни слуху ни духу.

Морли выглядел страшно унылым. Он унывал уже так долго, что я даже подумал, не стоит ли прикупить ему пучок морковки или чего-нибудь в этом роде.

— Наверное, придется прочесать все пивнушки и прилегающие к ним проулки, — пробурчал он.

— Я хочу взглянуть на ту яхту. Найди меня на пирсе, когда обнаружишь его.

Морли что-то сказал двум оставшимся близнецам. Те хрюкнули в ответ и отбыли. Я отправился туда, откуда можно было хорошо рассмотреть судно с полосатыми парусами.

Признаться, смотреть было не на что. Несколько человек лениво тащили груз с борта, потом поднимали другой груз на борт. Легко понять, почему Дожанго решил смыться. Наблюдение — скучное занятие. Только очень терпеливый парень смог бы заработать этим себе на жизнь.

Вдруг на юте возник какой-то тип, он облокотился на фальш-борт, зевнул и сплюнул в воду.

Любопытно. Это был Большой, которого я видел в заведении Морли и на пирсе.

Как будто услышав меня, он принялся внимательно изучать побережье. Затем, пожав плечами, Большой исчез в каюте.

Забавно.

Может, Дожанго не оставил бы свой пост, если бы тоже видел этого парня раньше.

Я расслабился в тенечке, мечтая о бочонке пива и гадая, почему так сильно задерживается Морли. Больше ничего не произошло, не считая того, что грузчики закончили работу.

Позади я услышал шарканье ног. Может быть, наконец...

Но, оглянувшись, я узрел перед собой Большого. Вид у него был явно недружелюбный.

Я скатился со своей кипы хлопка. Неужели придется воспользоваться смертоносным оружием?

Он приблизился и врезал короткой дубинкой по тому месту, где я только что находился. Никаких обвинений. Никаких вопросов. Чисто деловой подход. Чуть уклонившись в сторону, я двинул ему в солнечное сплетение.

Ну да, с тем же успехом можно нокаутировать бочку солонины.

Этой дубинкой, успел я ужаснуться, собираются разбить всмятку мои мозги. Я выхватил нож.

Воспользоваться им не пришлось. Кавалерия в лице Дориса и Марши, как и положено, вовремя прискакала на помощь. Гроль схватил Большого за руку и приподнял словно куклу, Зеленая морда медленно расплзлась в широкой ухмылке. Затем гроль небрежно швырнул свою жертву через тюки в воды гавани.

Большой за все это время так и не издал ни звука.

Мою же ругань, думаю, можно было услышать и за пятьдесят миль.

Дорис — а может, Марша — жестом пригласил меня следовать за ними. Я повиновался, ворча:

— Я бы и сам его уделал.

Примерно так, как я уделал Плоскомордого: колотясь башкой о дубинку, пока та не сломалась бы.

Не скажу, что все это улучшило мою самооценку.

Дожанго не упился до бессознательного состояния. Он накачался до состояния, в котором воют на луну и лезут на стены. Марша удерживал его, пока Дорис рассказывал, что произошло в порту. Или наоборот — Дорис удерживал, а Марша рассказывал. Различать их — выше моих сил.

— Плохо дело, — сказал Морли. Чувство юмора явно покинуло его.

Действительно, дело плохо. Мне и раньше приходилось схватываться с чародеями. Их можно одолеть, если у вас быстрые ноги. Они хуже уличной шпаны. Их мораль крива, как куриная нога. Если вы слышите о дурно пахнущей заварушке, знайте — в ней замешан чародей. При этом для публики они стремятся сохранить видимость порядочности. Поэтому носите в дорожной сумке немного дегтя — припутнуть при случае носителей магической мудрости.

— Завтра мы уже исчезнем отсюда, и тревоги будут позади.

— Тревоги будут позади, когда я научусь выигрывать на бегах Д'Гуни.

— То есть никогда?

— Или чуть позже.

— Я начинаю подумывать, не пересмотреть ли твою диету, Морли. Судя по твоему неизбывному пессимизму, возник дефицит существенных элементов.

— Единственный дефицит, который меня беспокоит, — нехватка удачи, средств и женского общества.

— Я думал, что ты и Роза...

— Как ты однажды тонко подметил, она стремится получить что-то ни за что. Перед ней открылась единственная в жизни возможность обогатиться незабываемым опытом, а она решила продать себя! Как будто в ней есть что-то особенное. Женщина с таким характером никогда не разовьет свои таланты. Я никогда не понимал вас, людей. То, что вы творите со своими женщинами...

— Мое обращение с ними ничем не отличается от твоего. Проблемы Розы — это ее проблемы. И вообще, мне не нравится, когда кое-кто начинает валить свои грехи на других.

— Стоп, Гаррет. Слезай с пьедестала.

— Прости. Я просто представил, какой мне завтра предстоит денек.

— Какой?

— Весь день выслушивать стоны и вопли Дожанго и наблюдать, как он выворачивает потроха за борт, возлагая ответственность за свое пагубное пристрастие на матушку или кого-нибудь еще.

Морли осклабился в ответ.

20

Дожанго, судорожно схватившись за поручни и издавая ужасные звуки, приносил жертву богам моря. Затем последовало жалобное стенание.

— О чем я говорил? — я не удержался.

Мы находились в двадцати футах от пристани.

Морли и сам слегка позеленел. В предвидении предстоящего главным образом. Судно лишь едва заметно покачивалось.

К нам подошел капитан. Теперь, когда корабль вышел в судовой канал, у него появилось время для пассажиров.

— Утром я разговаривал с начальником порта, — начал он. — Военная обстановка — спокойная. Путь свободен до самого Фулл-Харбора, и если хотите, можете оставаться на судне до самого конца.

— Конечно, хотим.

Морли застонал. Дожанго проскрипел, что прыгнет сейчас за борт и разом покончит со всеми страданиями. Я ухмыльнулся и начал торговаться с капитаном о размерах дополнительной платы.

Где-то на полпути по каналу гролли что-то забормотали, обращаясь к Морли. Мы подошли узнать, в чем дело, и увидели, что проходим мимо «Цехин Бинки». Девушки Тейт дышали воздухом на палубе. Они нас заметили, когда мы пытались улизнуть по правому борту.

— Сдается мне, они чем-то огорчены, — произнес Морли. Изобразив улыбку, он помахал рукой.

— У женщин отсутствует чувство пропорции, — сказал я, осклабился и тоже послал привет ручкой. — Слегка вильнут хвостом в вашу сторону и считают, что после этого вы обязаны есть из их рук.

Я взглянул на Тинни и подумал, что это, быть может, не так уж и плохо.

Пока девушки сотрясали воздух, я подумал, не вклеить ли в счет Тейту принесенные ради него жертвы.

Проскочив мимо «Цехин Бинки», мы выскользнули из канала. Когда «Золоченая Леди» начала разворот к югу, судно шкипера Арбаноса уже превратилось в далекое темное пятнышко.

— Будь я проклят!

Это было утро встреч старинных друзей. В лейфмолдский канал втягивалась речная шаланда, неся на своем борту Васко и его приятелей.

— Чтоб ты сдох, Покойник! — пробормотал я. — Надеюсь, ты хоть помолотил их слегка.

Они нас не заметили. Я заставил всех убраться с палубы, так, на всякий случай.

Я надеялся, что Покойник задержит их гораздо дольше, и теперь начал беспокоиться, не придется ли жалеть о том, что сделано.

— За этими пиратами нужен глаз да глаз, — ворчал Морли. — Они могут нас умертвить ночью, когда мы будем болтаться в подвесной койке и портить во сне воздух в кубрике, где и без того дышать нечем.

Судно закончило поворот и шло теперь в прибрежных водах.

Морли напрасно волновался. Команда относилась к нам превосходно. Путешествие прошло без приключений. Лишь однажды яхта Штурмлорда обогнала нас, взлетая и проваливаясь на морских волнах, для которых не была создана. Мы, похоже, ее не заинтересовали. В первом порту, куда мы зашли, ее не оказалось.

Один раз мы заметили королевский военный корабль, да марсовый на грот-мачте как-то прокричал, что видит на горизонте парус венагетов. Обе встречи ни к чему не привели. Через восемь дней после отплытия из Лейфмолда мы вошли в порт Фулл-Харбора. И там полосатого паруса не оказалось.

Для разнообразия во мне пробудился некоторый оптимизм.

21

— Прибыли, — ворчал на следующее утро Морли. — Что теперь?

Он давился печеными кактусами с жирной подливой. Из всего меню это блюдо более всего напоминало вегетарианский завтрак.

— Теперь я попытаюсь отыскать след женщины. Ее родичи должны находиться здесь. Возможно, они что-нибудь знают.

Даже для меня это звучало слишком просто. Но иногда ведь получается именно так, как вы задумываете. Вот будет здорово, если она вдруг обнаружится в доме папочки. Я произнесу нужные слова и отбуду восвояси, унося с собой ее «да» или «нет».

Фулл-Харбор изменился и в то же время остался прежним. Новые здания. Новые верфи. Новые улицы, проложенные после расчистки развалин, возникших после набега венагетов три года назад. Но все те же старые проститутки, жральни, ломбарды, сверхдорогие ночлежки и портные, наживающиеся на мальчишках — солдатах и моряках, вырванных из дома и брошенных в объятия смерти. Только боги знают, сколько я убил времени и истратил денег в подобных местах. Всякие реформаторы выступают с призывами положить конец притонам похоти и прочим подозрительным заведениям. Ничего не получится. Ребятам просто негде будет проводить время.

Я ждал ядовитых комментариев Морли Дотса, но он приятно разочаровал меня:

— Вы, люди, — несчастные существа, и здесь сосредоточено все самое лучшее, о чем только может мечтать солдат.

Наверное, в нем заговорила его человеческая ипостась.

Мы — единственная раса на планете, которая постоянно ведет крупные войны. Остальные, особенно эльфы и гномы, время от времени затевают свары — редко больше одной за поколение. Происходит одна схватка с минимумом волшебства. Победитель получает все.

Многие из них участвуют в наших деяниях. Они могут оказаться полезными, но на них нельзя полагаться. У них напрочь отсутствует понятие о дисциплине.

— Ты прав. Итак, ищем себе базу и приступаем к работе.

Мы, как лица гражданские, привлекали к себе всеобщее внимание. Мне это вовсе не нравилось. В моем деле лучше оставаться незаметным.

Мы нашли место, где принимали и гражданских, и различных гибридов и при этом не старались обождать до нитки. Я подкупил хозяина, чтобы он держал алкоголь подальше от тройняшек, и вместе с Морли отправился на улицу.

На карте Фулл-Харбор несколько напоминает омар: голова между двумя клешнями. Город как таковой, порт и инфраструктура расположены на выдающемся в море участке суши. Клешни прикрывают его от самых свирепых штормов. Город легко защищать. Венагетам лишь дважды удавалось захватить его, потеряв при этом почти всю армию. Чем дальше от моря и военно-морских сооружений, тем «цивилизованнее» становилось поселение. На перешейке полуострова возвышалось несколько пологих, поросших деревьями холмов — прибежище домов самых богатых граждан.

Военачальники в городе не жили. Не желали подвергать риску себя и свою собственность в случае молниеносного, подобного тропическому урагану нашествия венагетов.

Забавно: те же люди были готовы ради славы и прибыли сражаться в первых рядах кантардской армии, но...

Я понимаю их не больше, чем лягушек. Наверное, эта ущербность — результат моего низкого происхождения.

Папаша моей Кейен был одним из Синдиков и обитал на холмах с женой, четырьмя слугами и восемью детьми. Кейен была старшей.

Нахлынули воспоминания, неся с собой ностальгию. Пока напавший нами экипаж удалялся от моря, поднимаясь на холмы и вновь спускаясь в долины, картины прошлого становились все ярче.

— На что ты уставился с таким мечтательным видом? — поинтересовался Морли.

Мы оставили тройняшек в гостинице. Меня это сильно смущало, хотя Морли и заверил меня, что у зеленых любителей пива нет ни фартинга.

— Воспоминания о былом. Юношеская любовь. Первая любовь. Среди этих самых холмов.

Я не стал посвящать его в подробности. В конце концов, телохранителю не обязательно знать все пикантные детали.

— Я сам по натуре чувствительный романтик, Гаррет. Но никогда не подозревал, что этим страдаешь и ты.

— Я? Рыцарь в заржавленных доспехах, всегда готовый спасти недостойную девицу или сразиться с драконом, рожденным бредом сумасшедшего? Неужели я не вписываюсь в этот образ?

— Вот видишь? Романтические образы... Ты готов работать на психа, если у него водятся деньги. Ты понимаешь, что одержимого можно ободрать как липку, высосать его, как паук муху.

— Я никогда так не поступаю.

— Знаю. Ты действительно жаждешь спасти девиц и сторонников гиблого дела — пока получаешь достаточно смазки для ржавых шарниров своих лат.

— А еще я люблю пиво.

— Ты начисто лишен честолубия, Гаррет. В этом твоя главная беда.

— Знаешь, напиши-ка ты книгу обо всех моих недостатках, обнаруженных Морли Дотсом.

— Я лучше займусь сочинением о твоих достоинствах. Потребуется гораздо меньше труда. Миленькая, коротенькая сказка. «Он любил свою маму. Не бил жену. Его детки никогда не бегали босиком по снегу».

— Ты не в духе сегодня?

— Непривычная диета. Долго мы еще будем здесь болтаться, высматривая призраки того, что могло бы быть?

Я решил, что пора признаться:

— Я не романтик, Морли. Я просто потерял дорогу.

— Заблудился? А я-то думал, что ты знаешь эти места как свои пять пальцев.

— Знал. Но с тех пор многое изменилось. Деревья и кусты, которые служили ориентирами, теперь выросли, либо срублены, либо...

— Значит, остается только спросить кого-нибудь, так? Эй! — завопил он, стараясь привлечь внимание садовника, подстригающего живую изгородь. — Гаррет, как зовут парня, которого мы ищем?

Садовник прекратил работу и посмотрел на нас рыбьими глазами. У него была располагающая улыбка.

— Кляус Кронк.

Имя произносилось мягко: «кляус», но Морли решил, что это всего лишь прозвище. Спустившись с повозки, он приблизился к садовнику.

— Скажи мне, добрый человек, где мы можем найти Синдика Клауса Кронка?

Добрый человек обратил к нему изумленное лицо. Изумление сменилось издевкой:

— Покажи-ка мне вначале, какого цвета твои монеты, черно-мазый.

Морли спокойно приподнял шутника и перебросил через живую изгородь, перепрыгнув через кусты, перебросил обратно, легонько наступил на него, слегка вывернул руку и произнес:

— Скажи мне, добрый человек, где мы можем найти Синдика Клауса Кронка?

И он даже не запыхался.

Садовник решил, что по крайней мере один из нас — псих, и поспешил объяснить направление.

— Благодарю тебя, — сказал Морли, — ты был чрезвычайно вежлив и очень нам помог.

Он вложил в ладонь несчастного пару монет, сжал его пальцы в кулак и занял место в экипаже рядом со мной.

— Первый поворот налево и затем прямо до самой вершины холма, — пояснил он.

Я оглянулся на садовника, который все еще сидел у обочины дороги. В его припухших глазах мелькнул огонек злорадаства.

— Ты считаешь, Морли, разумно наживать себе здесь врагов?

— От него нам не будет никаких неприятностей. Парень считает, что я буйно помешанный.

— Не понимаю, как можно так о тебе подумать, Морли.

Мы свернули налево. С обеих сторон тянулось кладбище.

— Теперь ты наверняка знаешь, где мы, — заметил Морли. — Ориентир вроде этого забыть невозможно.

— Я помню его лучше, чем ты думаешь. Но мне кажется, наш приятель садовник здорово посмеялся над нами. Увидим через минуту.

Я проехал между двумя колоннами из красного гранита, обозначавшими границу семейного участка Кронков.

— Так он умер?

— Сейчас выясним.

Папа Кронк действительно ушел в мир иной. Его имя было выбито последним на каменном обелиске в центре участка.

— Судя по дате, помер во время последнего вторжения венетов, — заметил я. — Очень на него похоже, насколько я помню его характер. Папаша был готов биться за Каренту до конца.

— Что будем делать?

— Стоит поискать остальных членов семьи. Он один нашел здесь приют.

Морли удивленно поднял брови.

— Отсюда я могу найти дорогу. Мы с Кейен пробирались сюда ночами, чтобы...

— На кладбище?!

— Ничто лучше надгробий не напоминает о бренности всего земного и о том, сколь мало времени отпущено нам для радостей.

— Вы, люди, — загадочные существа, Гаррет. Если тебе понадобится возбуждающее средство, имей в виду: племя сидхов в бассейне реки Бенесель производит отличную вещь из клубней похожего на картофель растения. Твой солдат много часов будет

стоять по стойке «смирно». И это не все. Оно гарантирует, что ты не станешь папой.

Вегетарианское возбуждающее? По любому пути можно зайти слишком далеко.

22

От кладбища я добрался до жилища Кронков довольно легко, ошибившись всего лишь раз. С улицы соседнее здание показалось мне более похожим на то, что мы ищем, чем настоящий дом моей бывшей возлюбленной. Мы уже почти миновали въездные тумбы, когда я заметил вольеры для павлинов.

— Кругом и налево! — заявил я. — Недолет на один дом.

Я вспомнил, какой адский вопль в шесть глоток учиняли эти многоцветные дьяволы, если Кейен не удавалось бесшумно выскользнуть из дома. Правда, это не срывало наших тайных встреч. Старик, хоть и понимал, что к чему, не мог утнаться за дочерью. У моей Кейен были быстрые ноги.

Я все объяснил Морли, и мы вернулись на улицу.

— Как случилось, что такой недотепа, как ты, сумел подцепить цыпленка из столь роскошного курятника?

— Мы встретились на вечеринке, которую устроил адмирал для холостых офицеров. Там собрались все более менее заметные юные леди на выданье.

Он одарил меня полным недоверия взглядом.

Пришлось признаться:

— Я обслуживал столы.

— Наверное, это проявление животного магнетизма, чувства опасности и вкуса запретного плода, таящихся в связи с представителем низшего класса, — заявил он невозмутимо.

Я не мог решить, обижаться или нет.

— Чем бы оно ни было, это — величайшее событие моей юности. Ничего подобного со мной больше не происходило.

— Я же говорил, что ты романтик.

И он оставил эту тему.

— С тех пор здесь многое изменилось, — сказал я. — Дом полностью перестроен.

— Ты уверен, что это именно тот?

— Да.

Память твердила — здесь. По этой земле мы ходили под бдительным взглядом любящей мамыши, которая считала наши чувства мимолетным эпизодом в жизни дочери и не поверила бы своим глазам, если бы догадалась пробраться за нами на кладбище.

Морли поверил мне на слово.

Мы были еще в пятидесяти футах от дома, когда вышел человек в ливрее и двинулся к нам навстречу.

— Похоже, он не очень рад, что мы решили заглянуть на огонек. Он не похож на обычного швейцара, — пробурчал Морли.

И точно. Он смахивал на Плоскомордого Тарпа, оставившего позади свои лучшие годы, но по-прежнему весьма опасного.

— Чем могу служить, джентльмены?

Надеясь на лучшее, я решил идти напрямую, не сильно удаляясь от правды.

— Не знаю. Мы прибыли сюда из Танфера в поисках Кляуса Кронка.

Похоже, с этой стороны он удара не ожидал.

— А я-то думал, что уже слышал все идиотские шутки.

— Мы только сейчас узнали, что он умер.

— Ну и отправляйтесь туда, откуда явились, раз парень, которого вы ищете, откинул копыта.

— Я желал побеседовать с ним лишь с целью выяснить, где я могу найти его старшую дочь. Я знаю, что она вышла замуж, но не знаю, за кого. Я рассчитывал, что ее мать или кто-то из родственников еще живут здесь и смогут подсказать мне нужное направление поисков. Остался ли кто-нибудь из них в этом доме?

Он выглядел так, будто все это для него слишком сложно.

— Вы, наверное, толкуете о людях, которые здесь жили раньше? Так они съехали пару лет назад.

Изменения в доме казались свежими, что подтверждало слова ливрейного Тарпа.

— Вам не известно, где она может находиться?

— Откуда? Я даже не знал ее имени, пока вы мне не сказали.

— Благодарю вас за ваше внимание и потраченное на нас время. Попытаемся отыскать ее как-нибудь еще.

— Для чего вам потребовалась эта мачушка?

Пока я обдумывал ответ, Морли выпалил:

— Чтобы бросить ее в болото и посмотреть, как запрыгают лягушки.

— Мы представляем интересы душеприказчиков в завещании, по которому она является основной наследницей.

— Обожаю, когда ты изъясняешься юридическими непристойностями. — Морли перевел нашему новому приятелю: — Она унаследовала кучу денег. — Почти превратившись в чревоутолятора, он прошипел мне: — Врежь ему цифрой, посмотрим, как он вытаращит глаза.

— Это составит примерно сто тысяч марок, за вычетом гонорара душеприказчиков.

Глаза он не вытаращил. Даже не мигнул. Наш друг просто сказал:

— А я-то думал, что уже слышал все идиотские шутки.

Я тоже повторил:

— Благодарю вас за ваше внимание и потраченное на нас время, — и направился в сторону улицы.

— Куда дальше? — поинтересовался Морли.

— Пспрашиваем в домах на противоположной стороне. Те, кто там живет, знали это семейство. Может, что-нибудь подскажут.

— Если они тоже не съехали. Что скажешь об этом парне?

— Пока воздержусь, надо побеседовать с другими людьми.

* * *

В следующем доме у нас состоялась не такая воинственная, но такая же бесполезная беседа. Живущие там люди переехали в этот район всего год назад и знали о Кронках лишь то, что Кляус был убит во время последнего вторжения венагетов.

— И что ты об этом думаешь? — спросил я, развернув экипаж и направив его назад в сторону обиталища павлинов.

— О чем?

— Они сказали, что Кронк был убит «во время последнего вторжения венагетов», а не «убит венагетами».

— Неточность, проистекающая из лениости ума. Без сомнения.

— Не исключено. Но это тот нюанс, который стоит принять во внимание. Именно из таких деталей создается полная картина. Они подобны отдельным мазкам кисти художника.

Павлины засекли нас и теперь орали в тринадцать дьявольских глоток. Они вопили так, словно у них много лет не было повода покричать.

— Господи, — прошептал я, — да она вовсе не изменилась.

— Она всегда была такой старой уродиной? — спросил Морли, уставясь на женщину на балконе, которая следила за нашим приближением.

— Не изменила даже одежду. Будь с ней осторожен. Она наполовину халдер и что-то вроде ведьмы.

Маленький человечек в зеленом сюртуке и длинном колпаке перебежал нам дорогу. Он что-то верещал на непонятном мне языке. Морли поднял камень, чтобы запустить им в человечка, но я его остановил.

— Что ты делаешь?

— Это же паразиты, Гаррет. Пусть они бегают на задних лапах и издают звуки, напоминающие речь, но они всего лишь паразиты. Не лучше крыс.

Но камень он все же выронил.

У меня свое отношение к крысам, которые бегают на задних лапах, говорят и даже занимаются общественно полезной деятельностью. Я понимал настроние Морли, хотя и не разделял его предрассудка.

Старая Ведьма (я не слышал, чтобы ее звали иначе), скалясь, пялилась на нас сверху. Это был классический беззубый оскал. Она выглядела точно как ведьмы в детских сказках. Я ничуть не сомневался, что она сознательно выработала для себя этот образ.

До нас донеслось безумное хихиканье. Павлины ответили на него новым воплем.

— Страшно, — сказал Морли.

— Таков ее образ. Своего рода игра. Вообще-то она безвредна.

— Это ты так говоришь.

— Так считали все, когда я был здесь. Безумна, как гном, накурившийся «травки», но абсолютно безвредна.

— Тот, кто дает убежище этим крошечным ядовитым гадам, не может быть безвредным. Или невинным. Как только вы позволяете им приютиться в вашем саду, они начинают размножаться, как кролики, и скоро вы обнаруживаете, что все приличные люди, раздраженные их грязными трюками, бегут от вас.

Мы уже находились под самым балконом. Я воздержался, не стал упоминать о его реакции на расизм садовника. Это не принесло бы пользы. Каждый почему-то склонен полагать, что его собственный расизм — проявление божественного вдохновения и не подлежит сомнению.

Само собой, моя собственная нелюбовь к крысиному народу — исключение из этого нелогичного образа мышления.

Старая Ведьма снова захихикала, ее поддержал мощный хор павлинов. Затем она прокричала:

— А ведь его убили!

— Кого? — спросил я.

— Человека, которого ты ищешь, рядовой Гаррет. Синдика Кляуса. Они думают, что об этом никто не знает. Но они ошибаются. Их видели. Не так ли, мои милые крошки?

— Откуда вы?..

— Неужели ты думаешь, что ты с той девчонкой могли незамеченными убежать по ночам на кладбище, чтобы удовлетворить свою похоть? Маленький народец все видит и рассказывает мне. А я никогда не забываю имен и лиц.

— Что я тебе говорил? Настоящие паразиты. Прятались в тени надгробий, выслеживая тебя. И, думаю, хохотали в глубине своих маленьких черных душонок, потому что нет зрелища более смешного, чем совокупляющиеся люди.

Я постарался проигнорировать его слова, но слегка покраснел.

— Кто его убил, — спросил я, — и почему?

— Мы могли бы назвать некоторые имена, не так ли, мои милые крошки? Но зачем? В этом нет теперь никакого смысла.

— Но не могли бы вы по крайней мере сказать, почему он был убит?

— Он узнал нечто, оказавшееся опасным для его здоровья. — Она вновь хихикнула. Павлины приветствовали ее ором. Видимо, это была удачная шутка. — Не так ли, мои милые крошки? Слишком много знал.

— Что это могло быть?

Радость исчезла с ее лица. Глаза посуровели.

— От меня ты ничего не узнаешь. Может быть, этой мачушке Кейен что-нибудь известно. Спроси ее, когда отыщешь. Скорее всего и она ничего не знает. А мне плевать на всю эту историю.

Во второй раз за короткое время я услышал, как Кейен называют «мачушкой», и во второй раз я слышал это слово, после того как ушел из морской пехоты и убрался из Кантарда. Это было особенно грязное слово из уличного сленга венагетов. Так называют женщину человеческой расы, путающуюся с существами иных

видов. В нашем языке есть что-то подобное: «кобальдоложец» или «гроллесексуалист».

— Вы знаете, где она?

— Нет. Не знаю.

— Не подскажете ли вы мне, где можно найти ее родственников?

— Не знаю. Может быть, они все присоединились к ней. Может быть, бежали куда-нибудь, чтобы скрыться от позора.

Она хихикнула, но явно не от всего сердца. Павлины поддерживали ее тоже не очень искренне. Это был не чистосердечный вопль, а скорее из милости.

— Можете ли вы мне хоть чем-нибудь помочь?

— Могу дать тебе совет.

Я обратился в слух.

— Будь осторожен, когда затеешь с кем-нибудь игры меж могильных камней. Особенно это относится к Кейен. Она может показать тебе могильную плиту, на которой начертано ее имя.

— Пора сматываться, — сказал я. — Больше ничего не выудим.

Морли согласился. Я поблагодарил Старую Ведьму, и мы отступили. Она тщетно пыталась продлить приятную беседу.

— Ну что, стоило с ней болтать?

— Безусловно.

Перед нами возник человечек в зеленом и красном. Он стащил шапочку, поклонился и поприветствовал Морли весьма красноречивым непристойным жестом. Хихикая, малютка скрылся в кустах.

На этот раз я не остановил Морли, когда он швырнул камень. Подглядывать из-за могильных камней?!

Хихиканье прервалось кратким «Ой-ой!».

— Надеюсь, мне удалось проломить ему черепушку, — проворчал Морли. — Что будем делать?

— Вернемся в гостиницу и подкрепимся. Проведаем тройняшек. Выпьем пивка. Подумаем. А после попробуем полистать приходские книги и муниципальные записи.

— Зачем?

— Узнать, за кого она вышла замуж, если бракосочетание состоялось здесь. Она была правверная девочка. Ее бракосочетание должно было быть красочным представлением. Может, удастся найти ее через мужа, если выясним его имя.

— Не хочу тебя огорчать, Гаррет, но боюсь, что женщина, которую мы найдем, окажется вовсе не той девушкой, которую ты так трогательно ищешь.

И мной владели те же грустные предчувствия.

23

— Куда, черт побери, они делись? — орал Морли на хозяина гостиницы.

— Откуда, черт побери, я могу знать! — орал в ответ хозяин, явно привыкший пререкаться с постояльцами. — Вы просили не давать им спиртного. Но вы и слова не сказали о том, что я должен состоять при них нянькой и следить, чтобы они не болтались по улицам. Если вас интересует мое мнение, я скажу: они уже достаточно большие мальчики и могут играть самостоятельно.

— Он прав, Морли. Отстань.

Мне не хотелось, чтобы он перевозбудился и для успокоения отправился в пробежку миль на десять. Гораздо лучше, думал я, нам держаться как можно ближе друг к другу. Если верить карканью Старой Ведьмы, где-то поблизости болтался убийца, которому может не нравиться, что мы всюду суем свой нос.

— Остынь и пораскинь мозгами, — повторил я. — Ты их знаешь. Чем они могли заняться?

— Всем чем угодно, — прорычал он. — Поэтому я и не могу остыть.

Он все же последовал моему совету и развалился на стуле:

— Мне требуется приличная пища. Или что-нибудь женского пола. Видишь, что со мной.

Я не успел внести даже грошового вклада в продолжение беседы. В помещение, пританцовывая, вошел Дожанго. Выглядел он как петух на параде — руки глубоко в карманах, плечи горделиво отведены назад, гарцующая походка.

— Спокойно, — предупредил я Морли. Шкура на мордах Марши и Дориса выглядела побитой, как кожа заношенных туфель, но они тоже лыбились до ушей. Принять горделивый вид, как Дожанго, они не могли — до потолка было всего двенадцать футов.

Морли вел себя прекрасно и ограничился вопросом:

— В чем дело, Дожанго?

— Мы вышли погулять и сцепились с матросней. Двадцать рыл. И смели их с улицы.

— Спокойно, — сказал я Морли, придерживая за плечо.

Судя по виду Дожанго — в сравнении с братьями, — его участие в битве было условным.

— Может быть, лучше начать сначала? — предложил Морли. — Например, с того, какого черта вас понесло на улицу?

— О... Мы решили прогуляться по гавани и посмотреть, не появилось ли там чего интересного. Ну парней с яхты с полосатыми парусами, или тех парней, что захватили подружек Гаррета, или даже самих девиц.

У Морли хватило ума прикинуться заинтересованным.

— И?.. — произнес он.

— Мы возвращались назад, когда наткнулись на матросов.

Дорис — а может, Марша — пробормотал что-то. Морли перевел:

— Говорит, что они всячески обзывали их. — И с каменным лицом продолжил: — Что-нибудь полезное вы совершили, кроме очистки улиц от хулиганствующих и оскорбляющих вас моряков?

— Мы видели, как в порт вошло судно с полосатыми парусами. Один парень — тот, которого Марша скинул в воду, — сошел на берег. Он взял рикшу. Мы решили, что он заметит, если мы последуем за ним. Поэтому даже и не пытались. Но мы подобрались поближе и слышали, как он приказал рикше доставить его к гражданской мэрии.

В Фулл-Харборе существуют две администрации — военная и гражданская. Их постоянная вражда делает городскую жизнь весьма интересной.

— Прекрасная работа, — брюзгливо буркнул Морли.

— Наверное, она даже стоит пива? — спросил Дожанго.

Морли посмотрел на меня. Я пожал плечами. Тройняшки — его проблема.

— Хорошо, — произнес он.

— Как насчет двойной порции?

— Здесь вам что? Аукцион?

Мы с Морли влезли в коляску. Морли спросил:

— Куда теперь, несравненный детектив?

— Я думал, что мы сначала обратимся в гражданскую администрацию, но Дожанго заставил меня изменить решение. Пока можно, я постараюсь избегать новой встречи с тем парнем.

— Такая предусмотрительность заслуживает всяческих похвал, на тебя это совсем не похоже. А сейчас разуй глаза и пойми место, где можно прилично поесть.

— Разуйте глаза, ребята, — произнес я, обращаясь к лошадям. — Найдите полянку, где Морли мог бы попасться.

Я ничего не понимал. Мы вошли в церковь, а там ничего не происходило. У правоверных, как я думал раньше, каждый день был днем какого-нибудь торжества.

Священник лет двадцати, чье лицо еще не нуждалось в бритве, спросил нас:

— Чем могу вам помочь, джентльмены?

Он явно нервничал. Пройдя лишь несколько шагов под сводами церкви, мы каким-то непостижимым образом показали, что мы язычники. Наверное, забыли преклонить колена или что-то в этом роде.

Я собирался действовать прямо через церковь, естественно, не посвящая ее служителей во все подробности. Поэтому я сказал попу, что мы ищем его бывшую прихожанку Кейен Кронк, которая унаследовала весьма крупное состояние в Танфере.

— Я рассчитываю, что кто-нибудь из работающих здесь или ваши книги помогут нам напасть на ее след. Не могли бы мы побеседовать с вашим боссом?

Он поморщился, но произнес:

— Я доложу ему о цели вашего визита.

Едва дождавшись, пока парнишка отойдет, Морли прошипел:

— Раз уж ты решил вести с ними переговоры, тебе следовало хотя бы прикинуться верующим.

— Как? Я не имею ни малейшего представления, с чего начинать.

— Мне помнится, ты говорил, что посещал со своей девицей службы.

— Я же неверующий и большую часть церемоний проводил в дреме. Кстати, венагеты во время вторжения храм не разорили.

— Почему ты так решил?

— Взгляни на все это золото и серебро. Среди венагетов почти нет правоверных, они должны были бы все ободрать и отослать добычу домой с первым же судном.

Труся рысцой, вернулся священник:

— Сейр Ложда сказал, что предоставит вам пять минут, чтобы вы смогли изложить дело. — Когда мы двинулись вслед за ним, он добавил: — Сейр привык иметь дело с неверующими, но даже от них он ждет уважения и почтения к своему сану.

— Будьте уверены, я не стану хлопать его по спине и предлагать хлебнуть пивка, — отвечивал я.

* * *

Первым делом Сейр пожелал удостовериться в моих полномочиях. Я передал бумаги, и он их придирчиво изучил. Обещанных пяти минут нам предоставлено не было. Едва я раскрыл рот, как он прервал меня:

— Вам следует встретиться с отцом Райном. Он был исповедником Кронков и их духовным наставником. Майк, проводил джентльменов к отцу Райну.

— Что тебя так развеселило? — спросил я у Морли, как только мы вышли от Сейра Ложда.

— Когда ты видел служителя церкви, который потратил бы меньше трех часов, чтобы пожелать тебе доброго пути?

— О...

— Он похож на маленькое гнилое деревце, ислеканное дятлами.

— Думаешь, что болтаешь, Морли.

Он был прав. Мне лицо Сейра Ложда показалось похожим на гнилой персик, который полгода сушили под ярким солнцем пустыни.

Отец Райн по-своему тоже оказался замечательной личностью. Пяти футов ростом и примерно столько же в ширину. Лыс как колено, но на затылке и из-за ушей росло столько волос, что их хватило бы на полсотни голых черепов. Он был гол по пояс и предавался физическим упражнениям. Мне в жизни не доводилось видеть такой густой и длинной поросли на лице и торсе.

— Еще пару минут, ребята.

Он продолжил свои труды, истекая потом.

— Отлично. Брось-ка полотенце, Майк. Хочу скинуть десятка два фунтов, — объяснил он нам.

Я снова с самого начала пропел свою песню, не пропустив ни единого куплета.

Немного подумав, отец Райн произнес:

— Майк, приготовь для джентльменов что-нибудь освежающее. Мне принеси пива.

— Мне тоже! — прошепел я.

— О! Еще один знаток и любитель. Этот джентльмен мне явно по душе.

Морли забурчал, что пивоварение — бесполезный перевод зерна, из которого после помола каменными жерновами можно было бы выпечь обогащенный клетчаткой хлеб, столь необходимый для улучшения диеты тысяч и тысяч людей.

Отец Райн и отец Майк смотрели на него как на безумца. Я решил не рассеивать их подозрений. Вместо этого я сказал отцу Майку:

— Попробуйте отловить крупную брыкву. Если она не будет слишком злобной, выдавите из нее пинту крови и дайте ему.

— Достаточно стакана чистой ключевой воды, — вмешался Морли.

Сказал он это холодно и жестко. Я решил обращаться с ним помягче.

Когда наш гид покинул комнату, отец Райн признался:

— Я хотел, чтобы Майк ненадолго нас оставил. Он любитель посплетничать. Вы же не желаете распространяться о своих делах на всю округу. Итак, вы ищете Кейен Кронк. Но почему именно здесь?

— Кронки были очень религиозны. Это их приход. Я знаю, что несколько лет назад она вышла замуж, но мне неизвестно даже имя мужа. Шумное церковное бракосочетание было бы в ее характере. В таком случае оно произошло бы в этой церкви, и имя жениха значилось бы в книгах.

— Нет, в церкви она не венчалась. Ни в этом приходе, ни в каком другом.

Он произнес это как-то странно и даже зловеще.

— Не могли бы вы слегка намекнуть, где бы я мог найти ее или хотя бы родственников, готовых помочь в розыске?

С полминуты он смотрел на меня.

— Вы, похоже, честный парень, хотя и не слишком откровенный. Но наше ремесло в этом отношении сходно. Вы понравились Сейру, а у него орлиный глаз, когда требуется распознать характер человека. Я постараюсь помочь, насколько позволяет тайна исповеди.

— Хорошо. И как же вы мне поможете?

— Не знаю. Во всяком случае, не могу сказать, где ее можно найти.

— Тайна исповеди?

— Нет. Просто не знаю.

— А как насчет имени парня, за которого она вышла?

— Этого я тоже не могу сказать.

— Тайна? Или не знаете?

— Шесть частей первого и полдюжины частей второго.

— Хорошо. Тогда скажите мне, где я могу встретиться с кем-нибудь из ее родственников?

— Нет. — Прежде чем я открыл рот, он жестом остановил меня: — Тайны исповеди здесь нет. Последний раз я слышал о Кронках два года назад. Ее брат Кейет был награжден и произведен в кавалерийские майоры за участие в битве у Мертвого источника.

Морли обеспокоенно задвигался. Естественно. Еще один кавалерист. Это могло иметь значение, но не обязательно. Кейет был моложе Кейен, а значит, намного моложе меня и Денни. То есть время их службы не могло совпадать.

Идиот! Им не обязательно было служить вместе, чтобы встретиться! Ведь Денни стал ее любовником после меня.

— Вы не припоминаете, в какой части он служил?

— Нет.

— Не важно. Это несложно установить. Когда вы в последний раз видели Кейен?

Он задумался. Я подумал, что он не может припомнить, но ошибся. На самом деле отец Райн размышлял о том, как лучше

сформулировать свой ответ. Он назвал точное время и дату чуть больше шести лет назад и добавил:

— В этот момент в глазах церкви она перестала существовать.

— Что это значит?

— А то, Гаррет, что ее отлучили, — вмешался Морли.

Отец Райн согласно кивнул.

— За что?

— Причины отлучения известны лишь душе, отрешенной от милости Божией.

— Подождите, — растерялся я. — Мы говорим об одной и той же женщине?

— Не волнуйся, Гаррет, — сказал Морли. — Отлучение вовсе не обязательно означает, что она стала разбойницей, нарушившей все церковные заповеди. Они отлучат тебя, если не смогут вытянуть все твое состояние. Что касается женщин, то их отлучают, если они не поддаются божественным домогательствам.

Это была сознательная провокация. Однако отец Райн воспринял ее лучше, чем я мог ожидать.

— Я слышал, что на севере такие вещи случаются. Но не здесь. В нашем епископстве воинствующая церковь. Любого ее служителя, если он решится на подобную низость, ждет участь вампира. Его проткнут кольями. Причины отлучения Кейен полностью находятся в рамках церковных законов.

Я вмешался до того, как Морли успел изложить свое мнение об этих законах, которые объявляли его лишенным души, а посему лишенным их бесценной защиты.

— Это не совсем та информация, которая могла бы мне помочь, святой отец. Если, конечно, причины отлучения не связаны с тем местом, где она сейчас находится.

Отец Райн покачал головой, но не совсем уверенно, давая понять, что такая связь не исключена.

— Моя цель, моя единственная цель состоит в том, чтобы найти эту женщину и сообщить ей, что она унаследовала сто

тысяч марок. После этого я должен спросить ее, желает ли она принять наследство. Если согласна, то я препровожу ее в Танфер, так как она обязана востребовать наследство лично. В случае отказа я потребую от нее юридически заверенный документ, чтобы следующие по линии наследования могли воспользоваться своим правом. Вот так. И это все.

— Тем не менее у вас есть и личная заинтересованность.

Видно, не зря меня прозвали «Гаррет — стеклянная дверь». Как ни старайся, все видно насквозь.

— Завещатель был моим хорошим другом. Мне хочется посмотреть, какая женщина побудила его оставить ей все состояние, хотя он семь лет не видел ее...

Легкая улыбка скользнула по губам отца Райна. Я умолк в замешательстве.

— ...в тени надгробных камней, — вставил Морли.

Это все поставило на свои места. Отец Райн был ее исповедником. Он не проронил ни слова, но помнил ее признания в грехах, включая и морского пехотинца по имени Гаррет.

— Хорошо. По крайней мере, прояснились позиции каждого. Вам известно, в чем суть моей работы. Я считаю, что задал вполне уместные вопросы — хотя некоторые и могли оказаться не к месту, — и вы на них честно ответили. Не припомните ли что-нибудь еще, для нас полезное?

— Ну-ка, Гаррет, помолчи немного, — произнес Морли, беззвучно, как облачко, подплыл к двери и резко распахнул ее. Отец Майк едва устоял на ногах.

А я-то удивлялся, почему он так долго не появляется.

— О! Вот наконец и наше пиво! — На лице отца Райна засияла широкая радостная улыбка, но глаза остались холодными. — Оставь поднос, Майк, и отправляйся по своим делам. Я поговорю с тобой позже.

Отец Майк удалился, надеясь, что это позже никогда не наступит.

Райн решил притвориться, что все нормально и ничего не произошло. Он разлил пиво из чудовищной величины кувшина в столь же гигантские глиняные кружки. Воду для Морли налили в стеклянный сосуд примерно таких же размеров. Я едва успел сделать первый глоток, а отец Райн уже оторвался от своей кружки, простонав «Ааа-х». Он вытер губы мохнатым предплечьем, громогласно рыгнул и стал наполнять свою посудину по новой.

Прежде чем поднести ее к губам, он произнес:

— Что еще я могу подсказать? Ну, во-первых, в Фулл-Харборе вы ее не найдете. Во-вторых, ступайте очень осторожно. Я почти уверен, что найдутся люди, не желающие, чтобы вы ее отыскиали. В-третьих, советую вам забыть образ, обитающий в вашем сердце. Ту вам никогда уже не найти.

— Благодарю, отец Райн. Пиво превосходное.

— Мы сами его варим. Что-нибудь еще?

— Нет... Впрочем, есть вопрос, с потолка. Я слышал, что ее отца убили. Что вы об этом скажете?

Он отвел глаза в сторону.

— Возможно.

По его лицу я прочитал, что, кроме этого неопределенного заявления, мы не услышим ни слова.

Я поставил кружку на поднос. Морли последовал моему примеру. Он проявил любовь к воде, выдув ее столько, что хватило бы спустить небольшую шляпку. Мы направились к выходу.

— Спасибо за все, — сказал я.

— Не стоит. Если вы найдете Кейен, скажите — мы не перестали любить ее, хотя и не можем простить. Это может помочь.

Наши взгляды скрестились. Я понял, кого имел в виду этот клубок шерсти, произнося «мы», и понял, что его чувства так же чисты, как у рыцаря из старинного романа к своей даме сердца.

— Я скажу, как вы просите, святой отец.

— Еще один, — произнес Морли, когда мы вышли на улицу. — Мне необходимо взглянуть на эту женщину.

В его голосе не было ни капли сарказма.

24

— Мы продвинулись хоть немного? — спросил Морли, взбываясь в экипаж.

— Конечно. Избавились от бесполезного хождения по церковным приходам Фулл-Харбора. Зато нам надо посетить военную администрацию и выяснить, как нам найти майора Кейета Кронка.

Честно говоря, мне не очень-то хотелось туда идти. Не исключено, что войки примут нас за венагетских шпионов.

— А что сейчас?

— Попробуем заглянуть в мэрию. Хотя, думаю, там мы мало что найдем. Можно, конечно, вернуться в гостиницу. Тогда я завалюсь на кровать и стану размышлять о том, что должна была сотворить молодая, в здравом уме женщина, чтобы оказаться отлученной от церкви.

— Это не слишком продуктивно. А бодание с военными, даже чтобы услышать приказ убираться и оставить их в покое, займет целый день.

— Тогда остается мэрия.

Мы поднимались по ступеням, когда сзади раздалось:

— Эй! Вы двое!

Мы обернулись. Около экипажа топтался городской служащий, из тех, что таскают на себе оружие и предположительно призваны охранять граждан от злодеев. Занимаются они в основном тем, что набивают свои карманы и защищают интересы могущественных и богатых.

— Это ваша телега?

— Да.

— Здесь оставлять запрещено. Нам не надо, чтобы лошадиные яблоки растаскивались по всей мэрии.

Несмотря на «дружелюбный» тон, в словах присутствовал определенный смысл. Я вернулся.

— Быть может, вы подскажете, как поступить с экипажем?

Этот тип не знал, кто мы. Мы приехали в прекрасной коляске. Хорошо одеты. Морли несколько напоминает телохранителя. Я выгляжу невинно, словно херувим. В его башке медленно ворочалось подозрение. Я задал ему прямой вопрос. Он обсасывал его, как лапу, засунутую в пасть. Сделаем так, чтоб он ей и подавился.

— Обычно мы просим посетителей оставлять их транспортные средства во дворе суда, за мэрией, сэр. Я могу перевести ваш экипаж туда, если желаете.

— Вы весьма любезны. Премного благодарен.

Я выудил из кармана чаевые. Они были раза в полтора больше, чем причиталось за подобную услугу. Достаточная сумма, чтобы произвести впечатление, но слишком маленькая, чтобы вызвать протест или подозрение.

— Большое спасибо, сэр.

Мы следили, как он провел коляску в узкий проход между зданием мэрии и городской тюрьмой.

— Скользкий Гаррет.

— Что?

— Тебе следовало бы стать аферистом. Ты купил его, используя лишь интонацию, осанку и жесты. Скользкий, одним словом.

— Это был всего только эксперимент. Если бы у него была хоть пара унций мозгов и умей он использовать обе унции одновременно, мой трюк не сработал бы.

— Если бы у него была хоть пара унций мозгов, он зарабатывал бы на жизнь честным способом.

Похоже, Морли относился к так называемым гражданским служащим так же цинично, как и я.

Следующий гражданский служащий, которого мы встретили, имел две унции мозгов. Но не более.

Копаясь в документах, которые изображали собой данные о населении Фулл-Харбора, я обнаружил, что ни один из четырех детей Кронка там не значится. Морли по своей инициативе принялся просматривать папки с бумагами о передаче собственности. Вытащив оттуда один листок, он уселся на пол и увлекся чтением.

В этот момент из ниоткуда возник Двухунцевый и проорал:

— Какого дьявола вы здесь расселись?

— Исследовательская работа, — объяснил я своим самым миролюбивым тоном.

— Убирайтесь немедленно!

— Но почему? — все еще миролюбиво поинтересовался я.

На какое-то мгновение вопрос поставил его в тупик. Обе унции споткнулись обо что-то. Видимо, искали более веский аргумент вместо привычного для мелкого служащего: «потому что я так сказал».

В дело вступил Морли:

— Это официальные данные, по закону доступные для общественности.

Двухунцевый не знал, насколько утверждение Морли соответствует действительности, и ему оставалось только одно:

— Я позову охрану, и она вышвырнет вас отсюда.

— В этом нет необходимости. — Морли закрыл папку. — Не надо сцен. Дело потерпит до ваших объяснений в суде завтра утром.

— В суде? Каком еще суде?

— В том, где судья задаст вам вопрос, почему два исследователя из Танфера не могут изучать документы, к которым имеет доступ любой уличный бродяга Фулл-Харбора.

Он прошел к полкам, чтобы поставить на место папку. Двухунцевый смотрел на меня, но казалось, не видит ничего, кроме грозящей катастрофы. Нет существа более незащищенного, чем мелкий чиновник, наслаждавшийся в течение многих лет своей

синекурой. Он так долго ничего не делал, что вообще разучился что-либо делать. Потеря места была бы для него смертельна.

— Ты готов? — спросил Морли, вернувшись.

— Жду тебя.

— В таком случае идем. До завтра, приятель.

Чиновник отрешенно смотрел нам вслед. Судя по нему, яд наших слов уже возымел действие.

Ненависть и жажда власти руководят поступками лжецов, которые утверждают, что служат народу.

25

— Как я выступил? — с самодовольной ухмылкой спросил Морли, распахивая дверь на улицу.

— Неплохо. Если и переборщил, то самую малость.

Он хотел поспорить, но я его опередил:

— Узнал что-нибудь?

— Ничего, если не считать, что мадам Кронк продала дом вскоре после появления надписи на обелиске. Собственность была приобретена типом с немислимым именем Зек Зак по разумной рыночной цене. Когда-нибудь слышал о таком?

— Нет.

— А ты что выяснил?

— Только то, что городское управление отвратительно следит за рождениями и смертями своих сограждан.

— О... Если так поступают с выдающимися семействами вроде Кронков, то как же обращаются с простыми людьми?

Я пожал плечами:

— Придется перевернуть камни, чтобы напасть на след. Интересно, где тот клоун, что увел наш экипаж?

— В ближайшей тошнеловке. Пропивает чаевые.

— Мы уже большие мальчики и можем сами забрать коляску. Думаю, справимся.

Пришлось свернуть в проход между зданием мэрии и тюрьмой. Там было на удивление чисто, но ввиду позднего часа мрачновато.

— Мы могли бы подкупить судью, чтобы он поддержал наше заявление, — предложил Морли.

— Боюсь, старик Тейт взбунтуется, если мы предъявим к оплате эти расходы.

Что-то очень большое шагнуло из тени стены футах в двенадцати от нас. Смутный силуэт в скудном вечернем свете.

— Сзади! — бросил Морли, а сам, издав боевой клич, ринулся вперед.

Я повернулся, резко пригнувшись. Вовремя. Дубинка рассекла воздух там, где только что была моя голова. Я пнул парня в корень его фантазий, а когда он молитвенно склонился, врезал по щеке. За ним оказался еще один, удивленный еще больше меня. Я прыгнул, захватил его руку и попробовал ударить коленом. Он пытался вытащить нож, с неподдельным ужасом глядя через мое плечо.

Я понял, что Морли вот-вот закончит свою работу.

Мой противник старался достать меня коленом, я пытался ударить коленом его. Пока мы так танцевали, парень решил, что лучше закончить бал. Вырвавшись из моих рук, он припустился прочь.

Я был удовлетворен и оглянулся.

Противник Морли валялся в нокауте. Сам Морли привалился к стене, сложившись пополам. Его выворачивало наизнанку. Похоже, ему достался достойный противник.

Мой первый враг бился в конвульсиях, издавая булькающие звуки.

— Что ты с ним сделал? — прохрипел Морли.

— Пнул ногой.

— Может, он подавился языком? — предположила Морли, осторожно опускаясь на одно колено.

Тип у моих ног дернулся в последний раз и затих навсегда.

Морли провел кончиками пальцев по щеке трупа. Царапина от моего перстня. Весьма зловещего цвета.

Я посмотрел на свою руку. Морли тоже. Капсула с ядом на одном из перстней вскрылась от удара.

— Надо от него избавляться, — сказал Морли.

— И быстро. Пока никто сюда не забрел.

— Я приведу коляску. Оттащи-ка их обоих в сторонку, чтобы ненароком не переехать.

С этими словами он поспешил за экипажем.

Интересно, увижу ли я его снова? В этой ситуации он должен бы не оглядываясь дуть прямо в порт.

Морли вернулся, но прошло, как мне показалось, часов двадцать. Он закрепил постромки и вскарабкался в коляску.

— Поднимай его сюда.

Я поднял. Морли потянул. Когда труп оказался наверху, Морли посадил его спиной к месту возницы.

— Его же увидят.

— Твое дело править лошадьми. Его я беру на себя. Не впервой.

На этот раз мне пришлось изрядно поработать вожжами. Обычно, когда лошади в упряжи, между нами устанавливается вооруженное перемирие. Но сейчас представители дьявольского племени не могли упустить благоприятный момент и перешли к открытым военным действиям.

— Возьми поводья! — взмолился я.

— Я останусь здесь, а ты пошевеливайся, пока нас никто не застукал. Мы — тройка подгулявших городских парней. Не спеша, но езжай побыстрее.

— Так не спешить или побыстрее? — саркастически поинтересовался я, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

Усевшись рядом с трупом и обняв его за плечи, Морли начал ему что-то тихо нашептывать. До меня доносились лишь отдельные слова. Потом он принялся отчитывать жмурика, что бессовестно так нажираться до захода солнца.

— Стыдись! Что я скажу твоей старухе? Думаешь, нам приятно тащить тебя в таком виде?

Несколько позже, когда мы оказались в окрете, где экипаж с пьяными встречался так же редко, как яйцо под курицей-несушкой, Морли прекратил причитать и спросил:

— Кто, по-твоему, были эти ребята, Гаррет?

— Понятия не имею.

— Может, просто попытка грабежа?

— Сам знаешь, что это не так. Место, время, поведение чиновника, исчезновение стража порядка — все говорит об обратном.

— Ребята из-под полосатого паруса? Один из них заходил в мэрию и...

— Сомневаюсь. Только местные обитатели смогли бы все так быстро организовать. Мы явно наступили кому-то на мозоль.

— Ты так думаешь?

— Мне кажется, предполагалась предупредительная порка. Работа в стиле Плоскомордого. Затем нам посоветовали бы отправляться домой на ближайшем судне. Но мы взорвались у них в руках.

— Согласен. Но остаются главные вопросы: кто их послал и почему мы заставляем его нервничать?

— Его?

— Не думаю, что за этим стоит Старая Ведьма.

— Нет, не она. И не церковники. Пожалуй, стоит выяснить, что за тип этот Зек Зак.

— Жаль, что нельзя спросить у нашего приятеля.

— Ты его осмотрел?

— Мертвее не бывает. Настало время подумать, как лучше закончить вечеринку.

— Мы не можем его просто выбросить. По ночам патрули морской пехоты прочесывают все побережье в поисках венагетских шпионов. Они никогда никого не ловят, но это не снижает их бдительности.

Я тоже внес свою лепту в это бесплодное занятие. Я был очень юн тогда и относился к патрулированию со всей серьезностью.

Те, кто пришел после меня, столь же юны и не менее серьезны.

— Найди самую грязную и самую переполненную тошнилловку. Мы ввалимся туда вдрызг пьяными, наш друг будет волочиться между нами. Отыщем темный угол, присядем, закажем выпивку на троих и попросим мадам не беспокоить нашего приятеля, так как он в стельку пьян. Затем по одному выпьем у стойки и слиняем. Они не тронут его, пока посетители не начнут расходиться. К тому времени о нас забудут, и жмурик станет их проблемой.

— А если наткнемся на кого-нибудь из его знакомых?

— Во всяком деле есть доля риска. Если мы бросим парня здесь, те, кто его послал, поймут, что произошло. А если сделаем по-моему, они останутся в полном недоумении. Кстати, у тебя в перстне был блокшауш?

Это слово из языка эльфов. Мы называем этот яд «черный соус».

— Да.

— Хорошо. Пока босс его найдет, даже мастер-чародей уже не сможет установить, что парень был отравлен.

Последние слова он произнес весьма задумчиво. Я знал, о чем Морли размышляет. Пытается догадаться, какие еще не типичные для меня сюрпризы я держу в рукаве. И думает о том, что я приятельствую с Покойником и в результате обзавелся ядом. Сейчас он старается угадать, сколько и каких именно советов дал мне Покойник.

Я решил, что легкое беспокойство пойдет ему только на пользу. Оно отвлечет его на некоторое время от мыслей о желудке.

Мы избавились от нашего друга способом Морли. Я боялся, что вокруг шастают шайки его приятелей, но все прошло как нельзя лучше. Босс никогда не догадается, что приключилось с его парнем.

Но кто этот босс, и почему он старается отбить у меня охоту заниматься этим делом?

26

Я упаковал ланч, предвидя, что мне предстоит длинный день в стенах военной администрации. Военные ни за что не пропустили бы к себе Морли, и я предложил ему заняться личностью Зек Зака. А тройняшек послал в порт следить за прибывающими судами.

— Будь осторожен, — предупредил я Дожанго, — они могут вас арестовать и допросить как венагетских шпионов.

— По правде говоря, мы и вчера думали об этом, — ответила Дожанго. — Нам так долго приходилось существовать на грани закона, что мы теперь чувствуем, когда начинаем чересчур испытывать судьбу.

Возможно. Возможно.

Подхватив корзинку для пикника, я отправился на службу.

Сначала был клерк, затем старший клерк, затем разнообразные сержанты, за ними последовала пара лейтенантов, которые передали меня капитану, который признал, что не уверен, добыю ли я своего без встречи с майором. Каждый из них проверял мои полномочия. А некоторые по два раза.

Все это время я хранил на роже улыбку, был вежлив и держал язык на коротком поводке. Когда надо, я умею играть по правилам.

Я подумал, что честно заслужил каждую марку, которую получил от Тейта за этот день. Кроме того, все мои действия были частью общего плана.

Взять негодяев измором.

В майоре сохранилось нечто человеческое. Даже казалось, что он не совсем еще утратил чувство юмора. Он извинился за задержку, а я предложил разделить со мной ланч.

— Вы прихватили с собой ланч?

— Естественно. Мне и раньше приходилось иметь дело с армией. Если бы дело было более сложным, я принес бы с собой одеяло или спальный мешок. Я знаю, что надо забраться в брюхо системы и чинить ей постоянное беспокойство, пока в конце концов не сыщется тот, кто возьмет на себя смелость и либо сообщит вам, что требуется, либо распорядится вышвырнуть вас вон, чтобы вы не путались под ногами. Мне настолько щедро платят, что я готов и на это.

На мгновение мне показалось, что я в нем ошибся. Ему мои слова не понравились. Своего рода безусловный рефлекс. Что ж, не будем спешить с выводами.

Он задумался, затем произнес:

— Вы циник, не так ли?

— Профессиональная болезнь. Люди, с которыми мне приходится сталкиваться, не улучшают моего отношения к человеческой природе.

— Хорошо. Начнем все сначала и предположим, что я как раз тот самый человек, который разрешит все ваши проблемы, либо ответив на вопросы, либо вышвырнув вас коленом под зад. Итак, чего вы хотите?

— Найти способ встретиться с кавалерийским майором Кейетом Кронком, единственным членом семьи, о существовании которого мне известно. Я намерен спросить, не скажет ли он, где я могу найти его сестру. Я считаю, что армия могла бы сообщить мне, что майор приписан к такому-то форту. Я бы отправился туда и задал ему вопрос. Но боюсь, не получится. Армия будет действовать, исходя из совершенно справедливого предположения, что весь Военный Совет венагетов много лет мечтает, кол-

лективно затаив дыхание, выяснить место службы майора. Поэтому моя связь с ним будет установлена самым сложным способом.

— Вы все-таки циник.

— Разве я не прав?

— Возможно. Так какой же сложный способ вы предлагаете?

— Я пишу ему длинное письмо, обрисовываю положение и прошу его встретиться со мной здесь или, если это невозможно, ответить на ряд подготовленных письменно вопросов. Слабая сторона этого предложения в том, что дело полностью в руках армии. Приходится доверить ей доставку моего письма и ответа Кронка. Циник, сидящий во мне, подсказывает, что это вряд ли будет сделано.

Майор смотрел на меня с каменным выражением лица. Чутье подсказывало офицеру, что я готовлю какую-то ловушку, и он изо всех сил напрягал извилины, пытаясь понять, в чем она состоит и каким образом я постараюсь его туда загнать.

— Да, пожалуй, это самое лучшее, что вы могли бы сделать. Вообще-то армия здесь ни при чем. Но мы, когда можем, всегда помогаем нашим людям в семейных вопросах.

— Я буду очень благодарен за любую помощь, даже если вам она покажется незначительной.

Майор пока ничего не решил, что выдавало его слабое знакомство с механизмом штабной работы. После очередной фазы раздумья он сказал:

— Я проконсультируюсь с начальством. Зайдите ко мне завтра утром. На всякий случай принесите с собой письмо. Незапечатаемое, но готовое к отправке.

На этом закончилась видимая часть моей игры с армией.

Я рассчитал, что болтаюсь в штабе уже довольно долго и объяснил свою проблему достаточному количеству людей, чтобы слухи обо мне разползлись по всему зданию. Я поблагодарил майора, пожал ему руку и заявил, что иду напрямик в гостиницу. Не желает ли он, чтобы я оставил ему остатки ланча? Нет.

Я отправился в путь по бесконечным коридорам, замедляя шаги на каждом углу. Наконец он нашел меня. Этот парень, видимо, решил, что я не агент венагетов и не представляю угрозы для безопасности Каренты. Поэтому он не видел ничего зазорного в том, чтобы несколько укрепить свое материальное положение, подсказав, где я могу найти того типа.

На этом и строился весь мой расчет.

— Форт Каприз? — переспросил я, опуская в его ладонь серебро. Он кивнул, и мы расстались.

Я был разочарован: майор Кронк, по крайней мере сейчас, не служит в части, в которой служили Денни и его приятели.

Дожанго и его братишки вернулись в гостиницу раньше меня. Когда я прибыл, они предавались обжорству с таким азартом, будто решили до конца недели растратить все мои наличные средства.

— Сообщить, по правде говоря, нечего, — приступил к докладу Дожанго. — Сегодня ничего не происходило. Но мы дали взятку смотрителю причала, чтобы завтра утром он пропустил нас встречать родственников. Большая удача, так я считаю, по правде говоря.

— Огромная, — согласился я. И решил не интересоваться, откуда у тройняшек взялись деньги для подкупа смотрителя причала. Эти ребята ничем не могли удивить меня. А ведь я не рассказывал и о половине их трюков.

Морли вернулся через час после меня.

— Отловил что-нибудь, Гаррет?

— Я узнал, где служит брат. А ты?

— Кое-что.

— Зек Зак?

— Прелюбопытный тип. Кажется, что вокруг него нет никакой тайны. Его все знают. Никаких явных связей с Кронками. Он — кентавр, ветеран вспомогательных войск, получил гражданство за свою

службу. Сейчас выполняет роль посредника между племенами кентавров и торговцами Фулл-Харбора. Самые мрачные слухи о нем касаются его ночных итриц. Зек Зак любит побаловаться с женщинами из племени людей. Чем дама больше и толще — тем лучше.

— Я не стал бы вешать парня за подобные штуки, — решил я продемонстрировать широту своих взглядов.

— Значит, мне повезло.

Поведение Морли и его приятелей подтверждает, что межрасовые связи слишком популярный вид спорта, чтобы можно было линчевать всех ироков.

— Он действительно владеет домом, — продолжал Морли, — но там не бывает, так как не бывает в городе.

— Но это не все?

— О...

— Тебя выдает блеск в глазах.

— Это потому, что я наконец-то обнаружил место, где можно прилично поесть, и подкрепился достойной пищей.

— Нет. Весь твой вид говорит: «А я кое-что знаю!»

Я пригрозил ему новым путешествием по морю. Тогда он признался.

— Хорошо, — начал он. — Вчера кто-то решил, что мы слишком любознательны и заслуживаем выволочки. Этих парней натравили на нас еще до того, как мы выехали из гостиницы. Мы явно наступили на чью-то болезную мозоль. Если это, конечно, не наши друзья с яхты под полосатыми парусами.

— ...или Васко прибыл в город без нашего ведома, — добавил я.

— Возможно. Но я все же решил начать расследование с людей, с которыми мы уже говорили, — с того соседа и Старой Ведьмы. Ничего. К парню из дома Зек Зака я не обращался, от него все равно не было бы никакой пользы. Я подкупил одного из маленьких паразитов, чтобы следил за домом. Что скажешь?

— Не отвлекайся! Ты отправился в церковь?

— Прежде чем пойти туда, я поспрашивал в округе. Помнишь, ты толковал о золоте и серебре?

— Да.

— Церковь находилась в руках венагетов тринадцать дней. Все восхваляли Сейра за то, что он уговорил врагов не грабить ее. Затем он и его паства убедили армию совершить столь же благородный жест и отпустить сто двадцать пленных венагетов. Все считают его великим человеком, снисходительным к врагам и преисполненным любовью к церкви.

Я уже все понял, но ему очень хотелось, чтобы я расспрашивал дальше. Пришлось продолжить:

— Но ты выяснил, что это вовсе не так? Морли, рассказывай же, что тебе стало известно.

— Примерно треть отпущенных солдат-пехотинцев были офицерами, за которых можно было бы получить выкуп или хорошенько допросить. Они сдались в помещении церкви, натянув мундиры убитых солдат. По приказу главного венагетского шпиона в Фулл-Харборе.

— Сейра?

— Вот видишь, ты сам все понял.

— Ты говоришь так, словно сам при этом присутствовал.

— Нет, я беседовал с человеком, который там был.

Я приподнял бровь. Мне это очень хорошо удается. Один из моих выдающихся талантов.

— Пришлось пригласить на прогулку отца Майка. Он мне все рассказал, когда я заверил его, что не интересуюсь политикой и не использую сведения против него. Майк — личный помощник старика.

— Все попы замешаны в этом деле?

— Нет, только эти двое. Остальных при приближении врагов Сейр услаивал в безопасное место. Понимаешь, почему?

— Меньше свидетелей. Итак, старик натравил на нас псов, потому что мы могли его скомпрометировать?

— Нет.

— Постой...

— Отец Майк уверен в этом.

— Но кто же, если мы устранили все возможности?

— Всегда сыщется место еще для одного игрока. С волосатым попом я не беседовал. Остальные, с кем мы говорили, никому о нас не рассказывали. Исключение — дом Старой Ведьмы. Припомни, один из этих паразитов нас подслушивал. Мы ведь не знаем, кому он докладывает.

— Да. — Это следовало обмозговать. — Но блеск в твоем взоре все еще не угас. Сдается, ты сегодня был энергичен, как ураган.

— Мы, полукровки, можем двигаться быстро, если надо. Энергия гибридов.

— Итак?

— Твой друг Кронк умер в церкви в тот день, когда она была освобождена. Отец Майк весьма туманно изъяснялся на этот счет. Кронк был одним из десятка партизан, захваченных в плен венагетами. Отец Майк не думает, что он знал о нем и Сейре, но может ошибаться. Он считает, что Кронк был убит, когда венагеты уже не контролировали церковь. Тело обнаружили через шесть часов после вступления нашей армии. В то же время погибли еще два пленника. У меня есть имена выживших — на случай, если ты решишь провести дальнейшее расследование в этом направлении.

— Я здесь не для этого. Но я буду иметь их в виду. Вдруг какое-нибудь из них всплывет на нашем пути. Теперь я вижу, что сияние во взоре угасло. Родник иссяк?

— Да. Что теперь?

— Сейчас я составляю письмо майору Кронку, чтобы утешить другого майора. Тем временем информация настоится.

— Хочешь сказать, замаринуется. Уверен, ты собираешься залить мозги парой галлонов пива.

У меня не было настроения соревноваться в остроумии. Слишком многое предстояло переварить.

— Завтра утром я встречу со своим майором. Затем возьмем еще парочку интервью. Если не нападём на что-нибудь горяченькое, то послезавтра отправимся в Кантард.

— Может, подкупить одного из попов, чтобы он помолился об успехе? — спросил Морли. — Я не дрожу от восторга при мысли о предстоящем путешествии.

— Думаешь, я дрожу?

27

Достижения у нас были. Но они, как говорится, носили неоднозначный характер.

Я отправился к майору сразу после завтрака: яичница из трех яиц на сале из полуфунта первоклассного бекона, который приятно хрустел на зубах, и гора лепешек, обильно намазанных сливочным маслом и политых клубничным джемом. Морли впал в уныние. Он беспокоился о моем здоровье.

Пока я наслаждался завтраком, он отправился за добычей: коренья, ягоды, клубни и салаты. Это займет его надолго.

Тройняшки направились в порт встречать родственников. Я искренне надеялся, что таковых поблизости не объявится, но помнил о своей невезучести и опасался, что на меня, как на ступени церкви, свалится взвод сироток-гроллей.

Майор не заставил меня долго ждать под дверью. Я воспрянул духом.

После небрежного приветствия он взял мое послание, пробежал его глазами и сказал:

— Приемлемо. Пойдет с первым фельдъегерем, отправляющимся в нужном направлении.

— И вы не станете проверять, нет ли в нем надписей симпатическими чернилами?

Он одарил меня одним из тех взглядов, которые вояки отработывают перед зеркалом, пока подбрасывают себе виски. Я никак не отреагировал.

— Вы сегодня в воинственном настроении.

— Я провел пять лет на службе. К ней трудно относиться серьезно после того, как избавишься от аркана на шее.

— Вы действительно хотите, чтобы ваше письмо было доставлено адресату?

Я не стал говорить, что, как я понимаю, адресатом окажется ближайшая мусорная корзина. Майор, успокоительно потрепав меня по плечу, произнес:

— Больше нас не беспокойте. Мы вас известим, когда поступит ответ.

Я, в свою очередь, не стал извещать его, что появился у него с письмом только ради приличия.

Думаю, он и сам сможет сообразить.

— Вижу, вас не очень заботит судьба письма. Очевидно, кто-то из сотрудников вас пожалел и помог... за теплую благодарность подходящих размеров.

Я промолчал.

— Понимаю, — протянул он. — Я так и думал. Удивляться тут нечему. Некоторые из нас не только умеют думать, но даже могут — главным образом майоры и полковники — самостоятельно зашнуровать ботинки по утрам. Я не стану спрашивать, кто назвал место службы Кронка, если вы ответите на несколько других вопросов.

— С какой стати?

— Ну, скажем, мне нужна свежая, независимая точка зрения на некоторые проблемы.

— Идет.

— Я начну с перечня имен. Если услышите знакомое, скажите, что вам известно о нем или о ней.

— И это все?

— Пока все.

— Валяйте.

Я набрал три с половиной очка примерно из тридцати возможных. Одно — Зек Зак. Второй — командир венагетов, сражавшийся против моей части на островах и позже принимавший участие в атаке на Фулл-Харбор. Третьим стал один умник из гномов, которого казнили за кражу, мошенничество и извлечение незаконной прибыли: то есть он что-то украл у армии, не отвалив части прибыли нужному офицеру. Пол-очка мне причиталось за то, что я узнал имя, но не мог вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах встречал этого человека. Насколько я знал, из всех троих лишь Зек Зак пока оставался в живых.

Я решил не говорить о том, что узнал еще одно имя. Имя человека, тоже находившегося в плену у венагетов в день смерти Кляуса Кронка.

— Это все?

Я не мог уловить никакой связи между именами в списке. Вполне возможно, никакой связи и не существовало. Или она могла оказаться очевидной лишь для человека, знавшего всех этих людей.

— Почти. По-видимому, вы тот, за кого себя выдаете. В последнее время вы здесь активно занимались вынюхиванием. Не встретилось ли вам чего-нибудь такого, что могло бы представлять интерес для человека в моем положении?

Майор считал, что я знаю, каково его положение. Теперь я знал.

— Нет, — соврал я.

Наверное, как патриот я должен был доложить о Сейре. Но, прибыв к майору, я бессознательно решил не затрагивать эту тему.

— Не желаете ли немного поработать на Каренту, занимаясь своим основным делом? Это не потребует много времени и не заставит вас свернуть с маршрута.

— Нет.

Он был готов вступить в спор.

— Я выполнил свой так называемый патриотический долг, — объявил я. — Пять лет моей жизни ушло на то, чтобы не позволить их шайке воров прихватить шайку наших воров. Ничто не заставит меня снова влезть в эту чертову мельницу.

Тут меня осенило. Иногда такое случается. Майор заметил, как в моих глазах сверкнула искра.

— Что?

— Мы могли бы совершить взаимовыгодную сделку (у меня был для обмена поп), если бы вы сообщили мне, где находится Кейен Кронк.

— Не можем.

— ?..

— Я впервые услышал о ней во время вашего вчерашнего визита. Она не относится к кругу лиц, которыми когда-либо интересовалась наша служба.

— Что ж, нет так нет. Благодарю вас за внимание и за потраченное на меня время. — Я направился к двери.

— Гаррет, заскочите, когда будете возвращаться из форта...

Он взглянул на меня так, словно я хитростью чуть было не заставил его проболтаться.

— Заскочите, когда будете возвращаться. Возможно, у нас отыщется пара-другая сюжетов, которыми мы могли бы обменяться.

— Хорошо. — Я поторопился выйти, пока он снова не остановил меня.

Утро выдалось великолепным. Слишком хорошим, чтобы заходить в гостиницу за Морли и отправляться с ним еще раз в мэрию. Такие замечательные дни создаются специально, чтобы предаваться ничегонеделанию, вдыхая полной грудью свежий бриз. Я направил свои стопы в порт.

Вдруг тройняшки нуждаются в помощи для встречи родственников?

Я застал их за тем занятием, о котором мечтал сам. Близнецы наслаждались солнцем, развалившись на горе армейских мешков с зерном, ожидающих отправки в Кантард. Со стороны пирса их совсем не было видно. Я забрался к ним, нежно прижимая к себе бочонок с холодным пивом. Прежде чем приступить к беседе, я пустил его по кругу.

— Как дела, Дожанго? Родственников пока не видно?

Когда бочонок вернулся ко мне, он весил вполовину меньше. Пришлось приложиться к нему как следует, прежде чем отправить его дальше.

— По правде говоря, Гаррет, вы явились вовремя, точка в точку. — Он не пошевелился, пока не отпил из бочонка.

Тройняшки переложили несколько мешков, образовав своего рода парашют. Они могли наблюдать за пирсом, оставаясь незамеченными, а если кто-то вдруг стал бы задавать нескромные вопросы, братья объяснили бы, что используют мешки в качестве подушек.

— Кто-нибудь из ваших кузенов?

— По правде говоря, да.

Старое, потрепанное каботажное судно находилось с подветренной стороны футах в тридцати от единственного свободного у причала места. Подветренная сторона — очень точно сказано. Довольно сильный бриз отгнал корыто обратно в море. Человек пятьдесят держались за швартовы, пытаясь подтянуть судно к причалу. Оно отказывалось повиноваться и даже побеждало в перетягивании каната.

— Почему бы не обменять пустой бочонок на полный? — спросил Дожанго.

— Почему бы и нет? — Я отсчитал для него несколько монет.

У каждого, кто наблюдал за этими безрезультатными усилиями полусотни парней, сама собой развивалась сильная жажда.

Каботажник вызывал интерес: на его палубе нетерпеливо топтались Васко, Куинн и еще несколько старых знакомых.

Я решил было оставить идею посетить форт Каприз и последить за этими приятелями в надежде, что они выведут меня на Кейен. Но, рассмотрев этот вариант со всех сторон, я в конечном итоге отверг его. Эти ребята явились в Фулл-Харбор не для того, чтобы встретиться с Кейен. Они прибыли, чтобы помешать мне встретиться с ней.

Несколько минут я посвятил изучению яхты с полосатыми парусами. Она казалась пустынной. Лишь какое-то короткое и широкое существо дремало в тени невысокой кормовой надстройки.

Прибыл Дожанго с бочонком. Но скоро и этот пал под нашим могучим напором. У Дожанго хватило наглости предложить сбегать за новым подкреплением.

— Как это ни печально, но нам предстоит работа. Твои кузены знакомы с твоими братьями?

— Никогда не видели, по правде говоря. Но им известно, что вы путешествуете в сопровождении гроллей.

— Они не единственные гролли в нашем мире.

Пока мы сползали с горы мешков, я объяснял Дожанго, что хочу сделать.

— По правде говоря, я думаю, что это безумное предприятие. Но посмотреть со стороны будет забавно.

Во всей операции ему отводилась роль наблюдателя и хранителя ценностей.

— Скажи ребятам.

Там, внизу, на судно налетел шквал, и оно накренилось. Тянувшие за перлинь взревели. Четверо или пятеро из них свалились в воду.

— Они знают свои роли.

— Пошли.

Я вышел из-за кучи мешков. Дорис и Марша топали следом, с широкими придурковатыми ухмылками гроллей на рожах. Они захватили пару канатов и принялись тянуть. Я взялся за третий. Мне хотелось, чтобы именно мои усилия оказались решающими.

Каботажник сопротивлялся, как престарелая форель на удочке, но был пойман.

Васко и Куинн обратили внимание на разыгранную мной сцену. Они заметили меня в тот момент, когда береговая команда, толпясь вокруг Марши и Дорис, восторженно хлопала их по спинам. Кто-то закричал. Люди начали прыгать с борта на пирс. Изобразив на лице ужас, я бросился наутек.

Пробегая мимо горы мешков, я не заметил на ее вершине Дожанго. Это означало, что на яхте с полосатыми парусами ничего не изменилось. Я помчался в ее сторону, слыша за собой топот множества ног.

Резко изменив направление, я вбежал на трап. Короткий-Широкий-Ужасный открыл глаза и вскочил на ноги. Я пересек палубу, прежде чем чудовище успело меня перехватить. Заметив преследующую меня стаю, оно сделало стойку.

А я, не останавливаясь, перемахнул через фальшборт на противоположной стороне палубы. Уже в полете я охнул. Вода оказалась настолько густой от грязи, что мне еще повезло, что я не отскочил от ее поверхности, как мячик.

Мы воссоединились в гостинице. Я заказал бочонок, чтобы отпраздновать событие, и Дожанго рассказал, как все происходило.

Васко, Куинн и еще четверо бросились за мной вдогонку. Об этом мне можно было и не говорить. Они начали подниматься по трапу, но тут же увидели Короткого-Широкого-Ужасного. Замерев на секунду, мои преследователи разбежались, как тараканы, на которых неожиданно упал луч яркого света.

— Они даже не вернулись к себе в каюты забрать барахло, — сказал Дожанго. Рассмеявшись, он отхлебнул пива.

- А страшнissime на яхте? Он-то что сделал?
 - Вбежал в надстройку.
 - И?
 - По правде говоря, ничего больше не произошло.
 - Значит, произойдет, — тоном пророка изрек я.
- Поджидая Морли, мы успели прикончить еще один бочопок.

28

Морли не объявлялся довольно долго. Он вошел, немного запыхавшись, но я знал, что если он и убегал от кого-то, то только от себя. Больше он никого не боялся.

— Небольшая пробежка после еды? — поинтересовался я.

— Да, вроде того. Я вернулся, но вас не застал и решил сделать миль пять — десять, пока есть время. Я не тренировался со времени нашего отплытия из Танфера.

Для Морли Дотса он выглядел чересчур бледным.

— Что-нибудь случилось? Влип в историю?

— Не совсем. Дай мне отдышаться и поведай о ваших успехах.

Я поведал. Мне показалось, что сцена на пирсе его немного развеселила.

— Теперь твоя очередь.

— Вначале вывод, а затем пара фактов в его поддержку. А вывод такой: ты, Гаррет, взялся за дело, которое превосходит наши возможности. Похоже, на мозоль мы наступили какой-то большой шишке. И она начинает на это реагировать.

— Выкладывай факты.

— Моя пробежка привела меня в знакомые места, и я решил проверить, какие результаты принесла моя подачка одному из этих паразитов-грызунов. Случилось чудо из чудес: я получил кое-какие сведения. Зек Зак вернулся в город. Он

появился сегодня ранним утром. Часом позже к нему пошли визитеры. Я выдал паразиту премию и приказал не спускать глаз с Зек Зака.

— Это одна группа фактов, Морли. Как насчет тех фактиков, которые нагнали на тебя страху?

Он не вступил в спор, а это доказывало, что он действительно нервничает.

— Я решил заскочить к отцу Райну. Чтобы никого не беспокоить, прошел через черный ход. В главном зале шла какая-то служба.

Он все никак не хотел добраться до сути. Это означало, что суть ему совсем не нравилась.

— Гаррет, Райн умер. Он сидел за своим письменным столом, мертвый, как колода. Еще не успел остыть.

— Убит?

— Не знаю. Ран я не видел. Но есть и другие способы.

Способов множество: и колдовство, и яд.

— Он не похож на человека, который кончает с собой только потому, что не сумел ответить на вопросы пары незнакомцев. Особенно если учесть, что его босс и отец Майк стали призраками.

Морли хотел сказать, что они исчезли.

— Когда?

— Вскоре после завтрака. На первое подавали сливы. Отец Майк за завтраком присутствовал. Когда я сообщил службе, что отец Райн выглядит не вполне здоровым, ни Сейра, ни Майка найти не удалось. Никто не заметил, когда они ушли.

— Может, они просто решили избежать встречи с таким болтуном, как ты?

— Может быть. Отец Райн, умирая, попытался оставить записку. Я не понимаю, что это значит, но прихватил ее с собой, поскольку ты ищешь замужнюю женщину.

Он передал мне скомканный клочок бумаги. Я расправил его на столе. Всего лишь два слова, начертанные дрожащей рукой крупными печатными буквами:

ВЕНЧАНИЕ КРОВЬЮ.

— Венчание кровью? Что это может значить?

— Не представляю, Гаррет. Я знаю лишь одно: отец Райн — четвертый. Они мрут вокруг нас как мухи.

Морли был прав. Четыре смерти. Три казались непредумышленными: грабитель в жилище Денни, дядюшка Лестер и налетчик рядом с мэрией. Теперь еще одно убийство при невыясненных обстоятельствах.

— Похоже на то, Морли.

— Мы меняем планы?

— Нет. Пойдем поболтаем с парнями в мэрии.

Серебряная монета подхлестнула память охранника, и парень честно признал, что ему щедро заплатили за то, чтобы он на час оставил свой пост. Он дал нам превосходное описание ничем не примечательной личности, совершившей эту сделку. Видимо, это был тот самый тип, который не пережил нашей встречи.

Клерк не был рад снова нас видеть. Он даже вдруг попытался покинуть вверенный ему участок, но Морли набросился на него, как волк на кролика. Вновь образованный комитет отправился в пустой зал провести небольшую конференцию.

Чиновник помог нам не больше, чем охранник. Но он сказал, что они появлялись снова, чтобы еще раз расспросить о нас. Как я понял, уже после того, как мы блестяще отбили атаку в проулке. Клерк уверял, что после разговора эти типы решили, что мы вовсе не те, кого они ждали, и что ошиблись, заподозрив не тех людей.

— Кто же, черт побери, мы такие?

Их обескуражили слова «исследователи из Танфера».

Отпустив чиновника, мы двинулись в гостиницу.

— Этот парень был не совсем откровенен, — заметил я.

— Он у кого-то на заметке. И испутан так, что нам не напугать его сильнее.

29

Помещение, которое мы занимали, с большой натяжкой можно было назвать комнатой. Это было превращенное в жилье стойло, вплотную примыкавшее к гостинице. В нем было не слишком уютно, и мы проводили много времени в общем зале. Но это оказалось единственным местом, где гролли могли разместиться более или менее комфортабельно.

В этот вечер мы отправились к себе раньше обычного, у нас не было настроения давиться в толпе посетителей. Все собирались здесь, чтобы хлебнуть немного и обменяться свежими небылицами. К тому же я собирался подняться с восходом солнца.

Я должен был вернуть экипаж владельцам и подыскать верховых лошадей. Остальное снаряжение, не гоняясь за химерами, мы уже прикупили в разных местах.

Это был спокойный вечер. Даже Дожанго почти не болтал. Он страдал от похмелья, а Морли не позволил ему ни капли для облегчения мук.

Гибриды отвратительно переносят алкоголь.

В шуме, доносящемся из общего зала, вдруг появилось что-то необычное, хотя я и не смог бы определенно сказать, что именно. Морли тоже наострил уши и, помрачнев, распорядился:

— Дожанго, взгляни, что там происходит.

Дожанго исчез, но уже через секунду возник снова.

— Шестеро парней допрашивают хозяина. По правде говоря, им нужны вы и Гаррет. На вид они очень крутые ребята, Морли. Плохо дело.

Морли заворчал. Затем замычал, зарычал, захрюкал и залаял на языке гроллей. Дорис и Марша тут же расположились по обе стороны двери. Дожанго скрылся за спиной Морли. Мне Морли сказал:

— Отойдем как можно дальше от дверей. Предоставим им побольше пространства, если они пожелают войти.

Шкура гроллей начала менять окраску. Они сливались с ландшафтом.

— Не знал, что они способны на такое.

— Гролли предпочитают этим не хвастать. Как ты там, Дожанго?

— По правде говоря, мне надо выпить. Очень надо.

— Не дрейфь, все будет в порядке.

Бабах! Сорванная с петель дверь влетела в комнату, а следом за ней и пара типов, сильно смахивающих на Плоскомордого Тарпа. За ними следовал их бесстрашный лидер. Арьергард сил вторжения прикрывали еще три глыбы мышц. Штурмовая группа расступилась, чтобы босс мог нас лицезреть.

Босс замер. То, что он узрел, явно пришлось ему не по вкусу. Выяснилось, что мы его ждали.

Морли бросил несколько слов. Марша и Дорис что-то прорычали в ответ. Наши гости оглянулись, и один из них произнес:

— О... похоже, мы влезли в дерьмо.

Морли улыбнулся командиру отряда и спросил:

— Что же, может быть, вы желаете приступить к делу?

— Ммм... мы заглянули передать вам одно сообщение.

— Как мило с вашей стороны, — заметил я. — И что, оно такое длинное, что каждому из вас пришлось запомнить по целому слову? И не находите ли вы, ребята, обременительными те дубинки и железки, что таскаете с собой?

— На улицах по ночам небезопасно.

— Держу пари, вы правы. И столь же небезопасными могут оказаться некоторые помещения.

— Не перебарщивай, — сказал мне Морли.

— В чем суть послания?

— Сомневаюсь, что его целесообразно излагать при сложившихся обстоятельствах.

— Однако я настаиваю. Представляете, я прибываю в незнакомый город, где, как мне кажется, никого не знаю, и вдруг кто-

то шлет мне привет. Я взволнован и заинтригован. Дожанго, сходи за бочонком и кружками, чтобы мы могли достойно принять гостей.

Дожанго, покидая комнату, обошел наших гостей стороной. И после его ухода они не двинулись с места. Видимо, их не вдохновило изменение в соотношении сил.

Из вещевого мешка я извлек маленький бумажный пакетик.

— Так в чем же суть послания?

Внезапно севшим голосом вожак прознес:

— Убирайтесь из Фулл-Харбора. Если ему еще раз доведется встретиться с вами, можете считать себя покойниками.

— Ну уж это совсем не по-соседски. Таинственный «он» даже не находит нужным назвать себя и объяснить, почему его так заботит состояние моего здоровья. Почему бы ему не просветить нас, чем мы так его обидели?

Несмотря на незавидность своего положения, наш гость начал дымиться. Пожалуй, я все же немного переборщил. Совсем чуть-чуть. Морли был прав.

Вернулся Дожанго с бочонком и кружками.

— Разливай, — распорядился я и, обращаясь к гостю, продолжил: — Послушайте, дружище, мне очень хочется побеседовать о человеке, который настолько заинтересовался мною, что прислал вас. Хотя бы узнать, в чем причина визита. Кто вас послал?

Он сжал зубы. Такой реакции я и ожидал. Я открыл бумажный пакетик и высыпал часть содержимого в заполненные Дожанго кружки.

— Не волнуйтесь. Это всего лишь безвредное вещество, которое вырубает слона на десять часов, а человека — на двадцать четыре.

Я подал знак.

Дожанго набрался мужества и поднес полную кружку человеку, стоявшему ближе всего к гроллям. Тот отказался принять

напиток. Морли что-то пролаял, и Марша — а может, Дорис, — сграбастав кружку и гостя, перелил ее содержимое в его глотку. Ему это составило труда не больше, чем матери, поящей молоком несмышленишка-ползунка. Затем он раздел посетителя догола и выбросил из единственного окна комнаты.

Если у парня имелась хоть капля рассудка, ему следовало бы отыскать себе укрытие до того, как наркотик начнет действовать. Народ в Фулл-Харборе весьма отрицательно относится к появлению голых в общественных местах. Обнаруженные в столь непристойном виде вполне могли окончить свои дни, трудясь в поте лица на рудниках Кантарда.

Остальные обладатели крепких мышц решили, что настало время удалиться. Один из гроллей держал оборону в дверях, пока братец не пришел ему на подмогу. Когда все успокоились, я спросил:

— Кто вас послал?

— Можете считать себя покойником.

— Пусть мысль об этом утешает и согревает вас все долгие годы на рудниках. — Я передал Дожанго вторую кружку. На этот раз кормящей матерью стал второй гролле... — Мы будем продолжать процедуру до тех пор, пока вы не назовете имя. Вы будете последним. Если очередь до вас дойдет, вы получите дозу поменьше. В самый раз, чтобы забыть, кто вы и где находитесь, но недостаточную, чтобы перестать держаться на ногах. Так что проблем вам не избежать.

— Ради Бога, Швиц, — взмолился один из громил, когда я вручил Дожанго следующую кружку. — За это нам не платили. Этот гад держит нас за яйца.

— Заткнись. Все будет улажено.

— Чушь дерьмовая! Ты же знаешь, что он и пальцем для нас не пошевелит. Скажет, что мы этого заслуживаем. Да если и захочет, у него не хватит влияния, чтобы нас выручить.

— Заткнись!

Один из гроллей схватил недовольного.

— Черт, подождите! — заорал тот. — Нас послал Зек Зак. Я изумился, но скрыл истинную причину изумления, спросив: — Кто такой, дьявол его побери, этот Зек Зак?

Бесстрашный лидер застонал.

Морли дал сигнал. Гролли уложили свою добычу на пол, но остались стоять рядом.

— Мы не станем отправлять вас на рудники, — сказал я. — Но мне необходимо, чтобы вы хорошенько поспали. Устраивайтесь поудобнее, кто где хочет, а мы тем временем обслужим вас пивком.

— Считай, Траск, что ты уже сдох, — произнес лидер.

— Бьюсь об заклад, что проживу дольше тебя, — ответил Траск.

Пока они препирались, я все устроил наилучшим образом. Троицким дали выпить пива. Затем мы уселись послушать нашу певчую птичку.

— Одно условие, — сказал Траск. — Тот парень, которого вы выбросили первым, — мой брат. Вы принесете его сюда, или я не скажу ни слова.

— Морли?

Морли откомандировал Дожанго и Дориса.

Траск не сказал нам почти ничего, чего бы мы уже не знали. Он не имел понятия, почему Зек Зак желал нас измолотить и выставить из города. Лично он не видел кентавра. С ним встречался и разговаривал Швиц. Парень даже не знал, находится ли кентавр в городе.

Я задал массу вопросов, но ничего интересного не добился. Зек Зак позаботился, чтобы его войско как можно меньше знало о нем.

— Что ж, ты со своей стороны выполнил наш договор, который включал статью в пользу твоего брата. — Брат уже оказался в помещении и даже был кое-как приодет. — Теперь я выполняю ту статью соглашения, которая призвана пойти на пользу мне. Дожанго свяжет тебя достаточно крепко, чтобы на освобождение

ушло не меньше двух часов. Когда освободишься, можешь забрать брата и исчезнуть.

Дожанго с честью выполнил почетное задание. Он постоянно прикладывался к бочонку и с каждой минутой все больше храбрел.

— Недурно для импровизации, — сказал Морли.

— Да. Я тоже так думаю.

— Что теперь?

— Мы разденем трех остальных и бросим там, где их наверняка обнаружат. Затем отправимся на встречу с кентавром по имени Зек Зак.

Морли эта идея пришлась не по душе. Но он согласился. Ведь он получал от меня приличные бабки и оставался недосыгаем для своих кредиторов. Чего тут еще желать? Капусты и «кошачьих хвостов»?

30

Морли вел нас старой тропинкой от кладбища к дому. Я тоже знал тропинку, зато он умел видеть в темноте. Через каждые пятьдесят шагов Морли останавливался и звал в темноту:

— Хорнбакл?

Ответа не было, пока мы не приблизились к зоне слышимости павлинов.

Я не переставал удивляться гроллям. Несмотря на свой рост и массу, они двигались через заросли гораздо тише, чем люди.

— Сядьте, — приказал Морли, когда в ответ на очередной призыв раздался слабый писк.

Мы присели.

Вокруг нас и между нами зашмыгали крошечные существа. Каждому из них Морли дал по кусочку сахара. Для маленького народа нет лучшей подачи. Крошки потребовали еще. Он обещал. Если... Малютки выслушали и рассыпались в разные стороны дозором.

Готов держать пари — в этот момент Морли ненавидел самого себя.

— И мы можем им доверять? — спросил я.

— Не очень. Но им хочется получить остатки сахара. Я сохранил запас, пока мы не уйдем отсюда.

Мы замолчали и стали ждать. У меня зачесалось между лопатками, такое бывает, когда за вами кто-то тайно наблюдает. Или вам кажется, что наблюдает.

Наконец перед нами возник прохвост Хорнбакл и издевательски отрапортовал Морли.

— Сколько их?

— Четверо. Два человека. Очень нервничают. Один кентавр. Обеспокоен и зол. И еще один... одно... Они ждут от кого-то сообщения, и этот кто-то запаздывает. Где сахар?

— Пока рано. Задействованы ли там охранительные заклинания, системы тревоги или ловушки? Опасные сторожевые животные?

— Нет.

— Чего еще нам стоит опасаться?

— Кентавры очень злобны. Это все.

— Заставь молчать павлинов, когда мы будем проходить мимо.

— А сахар?

— Я отдам весь сахар, когда мы будем уходить.

— Но вы можете вообще не уйти отсюда.

— Почему?

— Да потому, что они злобные существа. Очень злобные. Особенно одно из них, — хихикая, ответил маленький негодяй.

— Хорошо, — Морли протянул ему сахар. — Кусок тебе и по полкуска твоим друзьям. Остальное получите, когда мы будем уходить. Теперь покажи, как нам лучше до них добраться.

Мы поступили с ними так же, как поступил с нами их парень по имени Швид.

Бабах! Гролли один за другим ворвались через разбитую дверь в обширный зал. За ними вбежал Морли, следом за Морли я. В качестве арьергарда выступил Дожанго.

С их стороны было очень мило собраться в единственном помещении, где гролли могли обладать свободой маневра. Потолки в этом зале были не ниже восемнадцати футов.

Они бросились врассыпную, как мыши при виде кота.

Дорис и Марша захватили двоих мужчин — по одному на брата. Морли пробежал между ними, преследуя нечто, тенью скользнувшее к окну у дальней стены зала и скрывшееся во тьме ночи.

Где же кентавр?

Вот он, изготовившийся к лихой кавалерийской атаке силой в одну полулошадь. Я ухитрился выбросить вперед ногу. Удар пришелся ему в основание шеи — не знаю, как это называется у лошадей. Кентавр бил копытами, нанося непоправимый ущерб ковру. На этот вандализм было больно смотреть.

Сильный толчок швырнул меня на что-то массивное и очень твердое, по-видимому, из черного дерева. От удара я выдохнул, наверное, литров сорок воздуха. Кто-то орал истошным голосом:

— Морли! Морли, помоги! Я его держу!

Я с трудом поднялся на ноги.

Дожанго действительно держал кентавра.

Зек Зак обладал средним для представителей его племени ростом, то есть был размером с небольшого пони. Он не мог тащить на спине сто тридцать фунтов живого веса. К тому же Дожанго сумел обвить руками и ногами худощавый торс человека-лошади. Зек Зак был не в силах вдохнуть. Он брел, пошатываясь и натываясь на мебель. Еще немного, и он упал на колени передних ног.

Я накинул ему на шею удавку, помог Дожанго разжать клещи и огляделся по сторонам.

Гролли уже утомили своих противников. Морли возвращался от окна с пустыми руками и изумленным видом.

Я перевел дыхание, привел в порядок одежду и вывел Зек Зака на освещенное место. Морли обыскал его: оружие или другие смертельные сюрпризы были нам ни к чему. Кентавр стоял неподвижно, с остекленевшим взглядом.

— Что случилось? — спросил я у Морли.

— Не знаю. Я был там через три секунды после того, как оно юркнуло в окно. Но за окном ничего не оказалось. Никаких следов.

— Что это было?

— Понятия не имею. Даже не удалось как следует рассмотреть.

Гролли принесли свою добычу и сложили рядом на пол. После событий в гостинице они пребывали в игривом расположении духа.

— Морли, ты видел меня? — бубнил Дожанго. — Нет, скажи, по правде говоря, ты меня видел? Я завалил эту проклятую лошадь. Ты это видел, Морли?

— Да. Видел. Заткнись, Дожанго.

Казалось, Морли был чем-то серьезно встревожен.

Он не сводил глаз с распахнутого окна.

— Итак, ты захомутил его, Гаррет. Что ты намерен с ним сделать?

— Да-аа... — протянул я. — Конечно, — и, посмотрев на кентавра, произнес: — Я столкнулся с небольшой проблемой, мистер Зек. — Кентавры, отдавая дань предкам, ставят фамилию впереди имени. — Все стараются меня высечь, а я не могу понять, за что.

Зек Зак промолчал, хотя, несомненно, слышал меня.

— Хорошо. В таком случае я поведаю вам одну историю. Затем будет ваша очередь. Если ваш рассказ мне понравится, мы расстанемся друзьями.

По-прежнему никакой реакции. Я понял, что мне попался крепкий орешек, который уже бывал в подобных переделках.

— Когда-то, не очень давно, далеко на севере умер один молодой человек. Все свое состояние он завещал девице, которую

знал еще в те времена, когда служил в армии. Его отец нанял меня, чтобы я нашел девицу и выяснил, желает ли она вступить в права наследства. Очень простая работа. Мне постоянно приходится заниматься подобными делами. Но в этот раз на меня нападают какие-то типы, кто-то посылает головорезов измолотить меня, и при этом никто не желает дать мне прямой ответ. Должен сказать, что я от этого слегка нервничаю.

Я сделал паузу, чтобы кентавр мог высказаться. Он продолжал хранить молчание.

— Все стремятся обидеть меня, и мне, увы, приходится отвечать тем же. Я задам вопросы и буду ждать немедленных ответов. Вы согласны? Итак, что же такое есть в Кейен Кронк, ради чего стоит снимать головы?

Он ничего не ответил.

— Вы готовы умереть ради этого?

На этот раз реакция последовала: легкое дрожание век. Он считает, что я не очень похож на убийцу. Но не уверен до конца.

— Гаррет, похоже, лошадь начинает прислушиваться, — заметил Морли. — Однако мы должны перенести сеанс убеждения в другое место. То, что скрылось, может привести подкрепление.

— Я думаю, сахар послужит хорошим средством предупреждения об опасности. Ты понимаешь что-нибудь в кентаврах? Я никогда не имел с ними дело.

— Немного. Они тщеславны, алчны и способны на любую низость. Достоинства назвать затрудняюсь. Да, забыл еще упомянуть, что большинство из них — воры и лгуны.

— Их уязвимые места?

— Разве я не назвал трусость? Ты избрал правильный путь, накинув ему на шею удавку. Слегка придуши его, и он станет покладистым.

— Я не хочу действовать жестоко. Пока мы еще никому не причинили зла. Я предпочитаю вести переговоры, чтобы добиться соглашения, перестать тузить друг друга и объединить усилия в

поисках женщины. Я устал. Слишком многие начали интересоваться нашей деятельностью, и я не знаю почему.

Зек Зак, похоже, заглотнул приманку. Я чуть не расхохотался, услышав его писклявый голос.

— Вы можете доказать, что вы именно тот, за кого себя выдаете? Если то, что вы говорите, — правда, в отношениях между нами не возникнет никаких сложностей.

Первый шаг сделан!

Морли приказал Дожанго:

— Свяжи этих двух парней, чтобы Дорис и Марша освободились.

Гролли, покончив с обязанностями няnek, помогли нам образовать кольцо вокруг Зек Зака. Я вручил кентавру все имеющиеся в моем распоряжении документы, которые он принялся внимательно изучать. Морли сидел как на иголках.

— Все это настолько глупо, что действительно похоже на правду, — заключил Зек Зак. — Все сомнения я решил толковать в вашу пользу. На данный момент.

— Гаррет, у нас нет времени, — вмешался Морли. — Лучше придуши его слегка.

— Это вам ничего не даст. Я могу рассказать вам много интересного, но в этих рассказах будет для вас мало пользы. Я постоянно нахожусь на виду, поэтому мне не позволено знать ничего важного. Я верю, что вы тот, кем себя называете.

Я молча ждал продолжения.

— Мне известен некто, знающий человека, способного свести вас с этой женщиной.

— Вот как?

— Упоминал ли я вероломство среди их качеств? — поинтересовался Морли.

— Я хочу подвергнуть вас еще одной проверке, — продолжал Зек Зак. — Я назову ряд имен, названий мест, произнесу

некоторые слова. Вы же скажете, что из этого вам приходилось слышать. У меня прекрасный слух на ложь.

Мне успешно и неоднократно доводилось врать людям, утверждавшим то же самое.

— Валяйте, — бросил я.

На сей раз я выбил всего лишь половину очка. Те же самые пол-очка, которые присутствовали в армейском наборе имен. Зек Зак был изумлен и, взглянув искоса на меня, процедил:

— Похоже, вы говорите правду... Да... Может быть, в этом даже есть какой-то смысл... Думаю, теперь я знаю, что происходит. Надо проверить.

Он принялся думать. Все остальные принялись ждать, причем Морли с большой неохотой.

Наконец Зек Зак спросил:

— Где я мог бы оставить для вас известие?

Я использовал свой коронный номер, подняв бровь.

— Не доверяя мне, вы, естественно, смените место обитания. Мне теперь не хватит людских ресурсов, чтобы снова быстро вас отыскать. Я постараюсь организовать для вас возможность встретиться с той женщиной и завершить вашу миссию. Если мне это удастся, я должен буду подать вам весть.

Я был почти уверен, что он собирается сделать то, о чем говорит, но отнюдь не для того, чтобы облегчить мне жизнь. У него были скрытые мотивы, которых я не мог уловить. Похоже, они имелись у всех, кроме меня.

— Обратитесь к хозяину гостиницы. Мы постараемся оставить у него приятные воспоминания о себе. — Сняв удавку с его шеи, я продолжил: — Полагаясь на свою интуицию, я решил рискнуть и довериться тебе, кентавр. Возможно, это не интуиция, а отчаяние. Но если ты посадишь меня в дерьмо, нарушив обязательства, или опять нашлаешь на меня своих головорезов, тебя ждут кру-у-упные неприятности.

— Понимаю. Как я сказал, я весь на виду. И весьма уязвим, как вы блестяще продемонстрировали это сегодня вечером.

Я решил, что именно на этой ноте нам следует удалиться.

Морли, уже давно страстно желавший эвакуироваться отсюда, будет теперь ворчать, что мы бездарно потеряли половину ночи.

— Пошли, Морли, время позднее.

31

Мы сидели на полоске травы неподалеку от дома Старой Ведьмы. Нас окружали представители маленького народа, уже изрядно забалдевшие от сахара. Двое или трое из них оставались трезвыми настолько, чтобы время от времени слабо хихикать.

Морли перешел от дискуссии к размышлениям.

— Знаешь, что самое интересное в этом деле, Гаррет? Спикс. Шестнадцать пунктов. Но шесть из них — это одно и то же понятие в переводе на шесть разных языков. Любопытно. Особенно если учесть, что это вовсе не имя, и никто из нас не мог бы узнать его ни в какой из шести форм.

— Что же это?

Он повторил слово, на котором я наверняка бы сломал язык.

— Я мог бы перевести слово на карентийский, но оно не будет иметь никакого смысла.

— Все же попытайся. Кроме карентийского, я никаким не владею.

— Есть два возможных варианта перевода: «рассвет после Ночи Милосердия» и «рассвет после Ночи Безумия».

— Это же бессмыслица.

— А о чем я тебе толковал?

— На каком языке для понятий «милосердие» и «безумие» используется одно и то же слово?

— На языке темных эльфов.

— О...

Я посмотрел в сторону жилища кентавра. Со времени нашего ухода там ничего не изменилось. Я перевел взгляд на дом ведьмы. В одном из окон верхнего этажа горел свет. Его не было, когда мы крались по тропе.

— Почему бы вам, ребята, не пройти на кладбище. Я скоро к вам присоединюсь. Мне надо кое-что проверить.

Я думал, Морли пустится в спор. Но нет. Что-то проворчав, он встал на ноги, поднял тройняшек, и они исчезли в ночи.

Кто-то крошечный, но с широкой улыбкой нежно прислонился ко мне, что-то пища. Я мягко отстранил его, слегка потрепал по плечу, поднялся на ноги и направился в сторону дома, вглядываясь в окна.

— Рядовой Гаррет, я здесь, наверху.

— Отлично. Я как раз хотел поговорить с вами, но не желал будить.

Я все еще не мог ее видеть.

Ведьма рассмеялась. В смехе преобладало простое веселье, но можно было уловить и издевательские нотки. Она мне не поверила. И знала, что я на это и не рассчитывал.

— Чем я могу помочь тебе, рядовой Гаррет?

— Начните с того, что перестаньте величать меня «рядовой Гаррет». Покинув ряды морской пехоты, я тотчас забыл о ней. Затем, вы могли бы сказать мне, известно ли вам о некоем существе по имени «Рассвет после Ночи Милосердия» или «Рассвет после Ночи Безумия»?

Старая Ведьма надолго замолчала, и я решил, что она оставила меня в одиночестве. Затем до меня донеслось: «Гобблуот» — то слово, которое произносил Морли на языке темных эльфов. В голосе старухи слышался вопрос.

— Точно.

— «Гобблуот», мистер Гаррет, вовсе не существо. Это пророчество, и при этом крайне неприятное, если взглянуть на него вашими глазами. Слово «гобблуот» принадлежит языку темных эльфов, но пророчество к ним не относится. Это всего лишь эхо, отголосок дыхания глубокой ночи.

Она была верна себе и продекламировала эти слова, как текст высокой драмы, а затем замолчала, оставив меня в прежнем неведении.

Я попытался задавать вопросы. Но это оказалось пустой тратой времени. Она покончила с проблемой «гобблуот». Тема была полностью закрыта, когда старуха произнесла:

— Я говорила под влиянием минуты. Что тебе по-настоящему от меня надо?

Продолжать было бессмысленно.

— Вы еще не отошли от дел? Мне надо бы купить кое-что из вашего товара.

Она издала классический смешок ведьмы. Это действительно было смешно. Я улыбнулся от уха до уха. Даже павлины и те вступили в действие, хотя их вопль мог бы быть дружнее.

— Ступай за угол к парадной двери, — сказала Старая Ведьма. — Она не заперта.

Когда я присоединился к Морли и тройняшкам, у меня было пять плотно сложенных листков бумаги. Я их тщательно спрятал. Каждый листок нес на себе мощное заклинание. Про себя я повторял инструкции, полученные от ведьмы. В основном от меня требовалось лишь развернуть листок в подходящий момент, хотя в паре случаев нужно было успеть прошептать необходимые слова.

— Итак, ты нашел дорогу, — сказал Морли, — а я уже собрался на поиски. Что теперь?

— Идем в гостиницу, поспим сколько удастся. Рано утром в путь. В форт Каприз.

— А я думал, ты доверишь кентавру вести для тебя поиск.

— Напротив. Я не доверяю ему ни на йоту. Если у него что-то получится — прекрасно. А я продолжу поиски самостоятельно. Он ждет, что мы от него спрячемся. Я не знаю для этой цели места лучше, чем Кантард. Убиваем двух зайцев одним выстрелом.

— Должен же я был уточнить.

32

Путешествие в форт Каприз кончилось пшиком.

Он лежал в четырех днях пути от Фулл-Харбора. Каждому нашему шагу в Кантарде сопутствовала удача гораздо большая, чем того заслуживали пятеро идиотов. Мы не только не повстречались со своими карентийскими патрулями, но даже не наткнулись на рейнджеров венагетов или на представителей многочисленных племен Кантарда. Эти племена всегда каким-то боком вовлечены в войну, и их лояльность определяется успехами сторон. Они меняют свои привязанности быстрее, чем хамелеон — цвет кожи.

Форт Каприз не лежал в сердце серебряной страны. Основные копи находились в сотнях миль к югу от него. Майор Кейет Кронк, несмотря на свой нежный возраст (двадцать шесть лет), оказался полковником Кронком. Я не стал напоминать ему о наших прежних встречах, хотя и уверен, что он вспомнил меня еще до окончания краткой беседы. Я сказал, что разыскиваю его сестру Кейен, и объяснил, почему. Он ответил, что у него нет сестры по имени Кейен.

Вот, собственно, и все. Я попробовал настаивать, но он еще крепче стоял на своем. Наконец, рассердившись, полковник приказал паре солдат выпроводить меня на свежий воздух. Мы поболтались среди обитателей форта Каприз, но узнали только, кто из трактирщиков разбавляет вино и кто из женщин наградит вас тем, чего вы до нее не имели. Поэтому нам ничего не оставалось,

как отправиться в четырехдневный путь назад, в Фулл-Харбор. И на обратном пути нам опять сопутствовала удача дураков.

Мы с большой пользой провели время, совершив вылазку в Кантард.

Оставалось надеяться, что кентавр сдержит свое обещание и второй раз этого делать не придется.

Хотя это значило бы хотеть от судьбы слишком многого.

Мы отсутствовали в Фулл-Харборе девять дней.

33

Майор из военной администрации поджидал нас у ворот городской стены. В этом не было никакой магии, и без помощи волшебства он знал, сколько времени занимает путь в форт Каприз и обратно. Он выхватил меня из стада.

— Ну как, удачно съездили? — спросил он.

— Нет. Ноль. Зеро. Что вам от меня надо?

— У меня есть еще один список имен.

— И моя реакция на них настолько важна, что вы торчите здесь, встречая меня?

— Не исключено.

— Выстреливайте.

Он начал чтение.

На этот раз я выбил пять из двенадцати. Отец Майк. Отец Райн. Сейр Ложда. Мартелло Куинн и Абен Курц из приятелей Денни. Я отметил, что знаю последних двух как друзей друга и что они, кажется, связаны с судоходным бизнесом. Затем я спросил:

— В чем дело? Какая между ними связь?

— Все эти люди плюс еще трое, имен которых мы не знаем, умерли или исчезли за последние одиннадцать дней. Я уверен, что вы узнали бы еще нескольких, если бы увидели их. Имело Кларк был стражником у мэрин, а Еган Руст служил там клерком. Вы с

ними беседовали. Я не был уверен, что вы связаны с Куинном и Курцем. Но раз это так, могу предположить, что какая-то связь существует также между вами и Лафтом и еще тремя неизвестными, которые прибыли на яхте из Танфера.

— Что вы, черт побери, хотите этим сказать?

— Не ерепеньтесь, Гаррет. С моей стороны вам ничего не грозит. Во время переполоха вас в городе не было. Вы были, конечно, рядом с отцом Райном в критический момент. Но я удовлетворен показанием вашего помощника, что он лишь обнаружил труп.

Я промолчал. Мои мысли разбегались по двадцати направлениям. Что, черт побери, здесь происходит?

— Для меня ясно, что во всех случаях кто-то проводил очистные работы, идя по вашему следу. Удивительно, что вы сами еще не ушли в мир иной.

— Меня пытались туда отправить пару раз, — бездумно проболтался я.

Ему тотчас потребовались подробности. Он желал знать детали. Я кое-что рассказал, не упоминая о кентавре, об убитом мною человеке или еще о чем-то, что могло ему действительно помочь. Он заявил, что мы здорово придумали отправить одну из групп на серебряные копи.

— У меня такое чувство, что вы многого мне не рассказываете, как бы тактично я ни ставил вопросы. Например, какое место во всей этой истории занимают другие пришельцы из Танфера, — заметил он.

— Я бы сказал и раздумывая, если бы знал сам. Что с ними случилось?

Курц и Куинн, оказывается, погибли вечером того же дня, когда мы покинули Фалл-Харбор. Их нашли в темной аллее на южной окраине города. С первого взгляда казалось, что они стали жертвой грабительского нападения. Лафт, которого опознали по

его робе — на ней были вышиты его имя и название яхты, — умер той же ночью на кладбище, служившем местом игр для меня и Кейен, когда мы были молодыми. Почти в то же самое время на яхте произошел сильный взрыв, и она загорелась. Неизвестно, сколько человек погибло на борту. Несгоревшие останки судна затонули. Только чудо спасло от пожара пирсы.

— Круто, — заметил я. — Ставки в игре, наверное, не ниже, чем до небес. Я не хочу прослыть настырным тупицей, но каковы ваши интересы во всей этой истории? Мне кажется, что это дело гражданских властей. Разве нет?

— Война — единственная причина существования Фулл-Харбора. Все, что здесь происходит, может повлиять на военную ситуацию. Гаррет, я убежден, что вам известны факты, которые я хочу знать. Но я не стану на вас давить. Когда у вас возникнет потребность облегчить душу, заходите. И я обменяю ваши сведения на имя человека, ставшего ее мужем. До тех пор я использую вас как прикрытия.

— Хорошо.

Я сделал ему ручкой. Однако сердце у меня было не на месте: следовало хорошенько пораскинуть мозгами и разобраться, что он мне подбросил — каштан или кусок конского дерьма.

Морли и тройняшки присоединились ко мне.

— Кто это? — спросил Морли.

Я объяснил.

— Он хотел сообщить что-нибудь интересное?

Пришлось пересказать услышанное.

— Война бандитских шашек и вампиры, — задумчиво пробормotal он. — Ну и городок.

— Вампиры?

— Несколько человек утверждают, что на них на этой неделе нападали упыри. Пока все из области разговоров. Знаешь, как это бывает. Через месяц они начнут видеть вампиров в каждой тени.

34

Мы заночевали в той же гостинице. Другие места не сулили большей безопасности, к тому же старое помещение хорошо подходило для гроллей.

У хозяина оказалось для нас пять посланий. Все они были от Зек Зака, приходили подряд каждый день и с каждым разом становились все более резкими. Создавалось впечатление, что он действительно жаждет встречи со мной.

— Подождет до завтра, — сказал я Морли. — Сегодня вечером я намерен валяться здесь, размышлять и тянуть пиво, прополаскивая глотку от пыли Кантарда. Пока я все так же далек от этой женщины, но, кажется, начинают вырисовываться контуры другой аферы. И она, по-моему, не имеет отношения к серебру. Похоже, заварилось три или четыре интриги с разными или частично совпадающими целями. Скорее всего, женщина служит для них общим звеном. Не думаю, что мы единственные, кто блуждает здесь в темноте. Кто, к дьяволу, эти другие? Чего они хотят?

Здесь я замолчал. Морли, если пожелает, может попытаться раскинуть мозгами самостоятельно. Я принялся за пиво, стараясь полностью освободиться от мыслей.

Кто-нибудь мог бы сказать, что я отлыниваю от работы.

Зек Зак объявился на следующий день и начал с выяснения отношений.

— Разве я тружусь на вас? — удивился я.

Он огляделся. На него смотрело несколько недружелюбных физиономий. Кентавры не пользуются популярностью, что, видимо, объясняло стремление Зек Зака проводить как можно больше времени вне города. Он притих, продолжая кипеть негодованием, и вручил мне запечатанное письмо.

— Здесь ваши инструкции. Вам следует прибыть одному.

— Вы перекурили «травки»?

— Что?

— Я с места не двинулся в одиночестве. В этом городе слишком высок уровень смертности. Четверо скончались рядом с вашим домом.

— Вы пойдете один, или вам не позволят встретиться с нею.

— Что ж. В таком случае буду искать другой путь.

Тут вошел Морли, возвратившийся со своих лугов. Шлепнув Зака по крупу (этот унижительный и фамильярный жест привел кентавра в ярость), Морли произнес:

— Прошлой ночью, Гаррет, в городе появлялся еще один вампир. Похоже, на этот раз подлинный.

— Напомни мне надеть водолазку, когда я вечером отправлюсь по барам.

Его плотно сжатые губы говорили, что есть еще сообщение, которое он не намерен выкладывать в присутствии кентавра.

— Теперь вы видите, насколько опасно в одиночестве бродить по улицам, — сказал я Зек Заку.

— Я им все передам. Боюсь, что они очень рассердятся на нас обоих. Им пришлось приложить огромные усилия, чтобы доставить женщину. Но, возможно, учитывая новые обстоятельства, они пойдут навстречу вашей просьбе.

Я провел свой любимый трюк с бровью. Моей просьбе?

— Что ж, хорошо. Проверьте. Вы знаете, где меня можно найти.

— Инструкции, — он протянул руку. — Они скорее всего потребуют изменения.

Я вернул пакет, и он убрался, одарив меня парочкой мрачных взглядов.

— Он хотел, чтобы я появился у «них» в одиночестве, — пояснил я Морли. — Встретился лицом к лицу с «ними», кто бы эти «они» ни были.

— Кто бы они ни были, им удалось заставить кентавра от страха полить кипятком свои копыта. А ведь у него репутация очень крутого негодяя.

— Я заметил, что ты нервничаешь. Выкладывай.

— За нами ведется наблюдение. Кто-то следовал за мной по пятам туда и обратно. Я не разглядел хорошенько, кто это: не хотел показывать, что заметил слежку. И видел еще двоих. Думаю, это всего лишь вершина айсберга.

— Черт возьми! Они работают целой командой! Теперь они знают, что я веду дела с Зек Заком.

— Не убереглись! Кто это может быть, как думаешь?

— Армейская скотина. Правда, не пойму, с какой целью. У Васко или людей с яхты нет таких людских ресурсов. Кентавру незачем следить за каждым нашим вздохом. Он считает, что держит нас на крючке.

— Может, майору хочется рассмотреть тебя поблизи?

— Возможно, хотя мне даже неизвестно его имя. Да и не желаю узнавать. Мне бы поскорее разделаться с той работой, за которую я получаю деньги.

— Похлебка заваривается все гуще, — произнес Морли. — Я и сам иногда ловлю себя на том, что мечтаю о возвращении домой.

— Придется денек побродить туда-сюда, посмотрим, насколько они хороши в деле, — сказал я, наклонившись поближе к Морли. — Надо создать впечатление, будто мы опять готовимся к путешествию за пределы города. Поесть сможем по пути домой, если дела пойдут так, как надо, и я узнаю то, что хочу.

— Надо будет заодно продумать возможные способы избавления от слежки.

— Да, дело, похоже, не станет сложнее, даже если нанять трех чародеев, чтобы специально запутать его.

35

Само собой, я ошибся. Дело могло осложниться. И оно осложнилось.

Мы все бегали целый день как затравленные, разрабатывая способы избавления от слежки, хотя, похоже, их было человек двадцать, и они наблюдали за нами двадцать четыре часа в сутки. Но стряхнуть со своего следа ищеек не так уж и трудно, особенно в таком безумном городе, как Фулл-Харбор.

Морли отправился поужинать. Я решил перекусить вместе с Дожанго в общем зале. Его братишки оставались в комнате, где чувствовали себя вполне комфортно.

Если быть снисходительным, то с Дожанго можно провести время совсем неплохо. Он знал пикантных историй больше, чем любой из моих знакомых, хотя рассказывал их отвратительно. По правде говоря,

Дальнейшее осложнение нашего дела ввалилось через дверь.

— Плоскомордый Тарп, — простонал я.

— Превалет-Позвоночник, — Дожанго имел в виду парня, замыкающего группу из четырех человек.

— Дорис! Марша! — завопил он.

Когда Дожанго хотел, он мог пользоваться голосом. Вопль перекрыл шум общего зала.

Двое, идущие посередине, не нуждались в представлении. Мои старинные подружки, мои любимые Тинни и Роза. Тинни топала вслед за Плоскомордым, который окинул взглядом гроллерей. Их вид ему явно пришелся не по душе.

— Вижу, что венагеты вас не захватили. А ведь говорят, у их моряков наметанный глаз на драгоценности, — сказал я.

Роза замерла, расставив ноги и уперев кулаки в бедра.

— Вы, Гаррет, настоящий сукин сын! Знаете вы это?

— Да. До меня доходили разговоры об этом. И это правда, так что не думайте, что вы мне льстите. Как прошло путешествие? Давно ли прибыли?

Я не сводил глаз с Розы, которая смотрела так злобно, как стая волков, окружившая добычу. Плоскомордый и Позвоночник, которых никакие чувства не обуревали, сунули руки в карманы и предусмотрительно не вынимали их оттуда.

— Еще не ужинали? Присаживайтесь. Я угощаю. Здесь, конечно, не «Гамбит Единорога», но пища все же в желудке удерживается.

— Вы!.. Вы!.. — верещала Тинни. — Он сидит с таким видом, будто ничего не случилось! Ведите себя со мной прилично, а не так, как вы привыкли обращаться со своими армейскими приятелями, негодяй!

Пламя в ее глазах потихоньку угасало. Она уловила окружающее нас молчание и поймала несколько насмешливых взглядов.

— Вы ведете себя не подобающим для леди образом, — заметил я. — Присаживайтесь, моя единственная настоящая любовь. Позвольте мне поднести вам еду и питье.

— За деньги дяди Уилларда?

— Естественно. Это законные деловые расходы.

Несмотря на всю решимость оставаться сердитой, она не удержалась от улыбки и плюхнулась на стул, который обычно занимал Морли.

— Дожанго, принеси еще стульев, чтобы все наши гости смогли разместиться.

Дожанго посмотрел на меня, как на безумца, но просьбу выполнил.

— Вам, друзья, повезло, что вы явились именно сейчас. Через час здесь будет столько народу, что пришлось бы стоять. Привет, Плоскомордый. Я заплатил по твоему счету в забегаловке Морли. Ты доволен?

— Да. Конечно. На это я и рассчитывал. Как поживаешь, Гаррет?

Он был явно смущен тем, что оказался в компании двух женщин. Что станет с его репутацией?

— Не очень-то здорово. Оказался в центре такой заварухи, какой еще ни разу не выдывал.

Цивилизованное поведение порождает цивилизованную реакцию. Роза, включившись в игру, вела себя как настоящая леди, когда Дожанго предложил ей стул.

— Роза, — сказал я, — вы выглядите еще прекраснее, чем обычно.

— Должно быть, морской воздух. И диета.

— Надеюсь, не корни и ягоды? — спросил я, глядя на Тинни. Та недоуменно мигнула.

Я обратился к Превалету-Позвоночнику:

— Мистер Превалет, я много слышал о вас, но, по-моему, раньше мы не встречались.

— Нет, Гаррет, мы не встречались. Но я тоже о тебе слышал.

За весь вечер он больше не произнес ни слова. Но и сказанного было достаточно, чтобы держать ухо востро. Голос звучал нейтрально, но от него веяло могильным холодом.

Если Плоскомордый и Морли считались лучшими в своей профессии, то Позвоночник, по меньшей мере, не уступал ни одному из них, а по моему мнению — даже превосходил обоих. При этом поговаривали, что он был не столь разборчив и щепетилен в выборе работы.

Явился хозяин заведения лично принять наш заказ. Люди вроде него обладают шестым чувством. Он хотел оценить масштабы конфликта прежде, чем он возникнет. Я широко ему улыбнулся.

— У вас были сложности? — с надеждой спросила Роза.

— Небольшие. Точнее, я сам их создал. Все, с кем я встречался, оказались вскоре мертвыми.

Это их заинтересовало, и я дал отредактированный и прошедший строгую цензуру отчет о наших приключениях. Я забыл упомянуть о Зек Заке.

Я все еще вел беседу, стараясь придумать, как избавиться от них при появлении кентавра, когда в зал вошел Морли.

Мой друг не стал тратить времени зря. Подойдя сзади к Розе, он нежно провел пальцем по ее шее и произнес:

— Чудо! Я готов был поклясться, что пираты...

Его оборвала Тинни:

— Гаррет уже выступал на эту тему. Только он говорил о венагетских солдатах.

— В таком случае добавьте плагиат к списку его грехов, — Морли поставил на стол передо мной небольшую коробку: — Четвероногий кулинар прислал тебе салат из морской капусты. Раз ты уже поел, оставь его на поздний ужин.

Невзирая на предупреждение, я приподнял крышку и заглянул внутрь. Салат из водорослей.

— Он дал его тебе?

— Чтобы я доставил его сюда. Кулинар знал, что у тебя компания, и не хотел беспокоить.

— Я не очень люблю морскую капусту, но раз он проявил заботу...

Морли продолжал поглаживать шею и плечи Розы. Войдя, он кивнул Тинни, но совершенно проигнорировал Плоскомордого и Позвоночника.

В салате наверняка спрятаны инструкции для предстоящей встречи. Что же делать?

— Вам удалось подкупить шкипера Арбаноса? — спросил я у Тинни.

— Эту водяную крысу? Он сделал, как обещал вам. Лично, из рук в руки, передал нас дяде Уилларду.

— Прошу прощения, я совсем запамятовал об этой моей просьбе.

— У вас есть возможность попытаться повторить все сначала.

— Как вы сумели...

— Наш добрый дядюшка Лестер оставил каждой из нас небольшое наследство, — прервала меня Роза.

— Понимаю...

Обычная история. Женщины становятся ужасно независимыми, стоит им обзавестись собственными деньгами.

Коробка с салатом стояла на столе и умоляла, чтобы я ее открыл, а я не представлял, как избавиться от всей этой толпы.

— Но, Тинни, почему здесь оказались вы? Ну Роза — понятно. Еще бы, сто тысяч марок — лакомый кусок. А вы?

Морли беседовал с гроллями. Оставалось надеяться, что его воображение окажется более плодотворным, чем мое.

— Я приехала свести счеты с одним негодяем, который связал меня и отослал назад, как мешок турнепса.

— И это после того, как он мужественно вырвал вас из рук похитителей? Как прикажете поступать при виде столь черной неблагодарности?

У нее хватило совести покраснеть.

Подошел Морли и изысканно вежливо попросил Дожанго уступить ему место рядом с Розой. Тот с недовольным видом повиновался и присоединился к братьям.

Морли послал мне улыбку и принялся очаровывать Розу.

Дожанго, юркнув в дверь, отправился в нашу комнату.

Через пяток минут у меня тоже возникла непреодолимая нужда оставить на время компанию. Я взял коробку и пообещал немедленно вернуться. Вставая, я погладил Тинни по волосам. Она шлепнула меня по руке, но это была скорее ласка.

Дожанго ждал меня.

— Через окно. Обычным ночным курсом. Морли советует прочитать инструкции и как можно скорее спустить их куда следует.

На это у меня разума хватало. Мог и не напоминать.

— Кто следующий?

— Морли. Он будет беспокоиться и пойдет посмотреть, что вас так задержало. Затем Дорис, а после я. Марша задержится и не даст им уйти через дверь.

— Звучит прекрасно. Осталось сделать, как задумано.

36

Я легко шагал по тропе, направляясь к кладбищу.

Рандеву было назначено на участке Кронков. Очень удобно. Зек Зак или его посланец должны были появиться в полночь с другого участка в двухстах ярдах от нас и проводить на встречу.

Я добрался до места, где первый из пришедших должен был залечь в кустах, поджидая остальных.

— Морли, за мной все чисто.

Из темноты возник не Морли, а Дожанго.

— Что вас так задержало?

— За мной тащилось хвостов больше, чем у йогура. Все профи. Пришлось потратить время, чтобы сбить их со следа. Где Морли?

— Раздает сахар.

— Дорис и Марша?

— На участке. Все-таки появились. Они почти забыли обо всем, веселясь при виде людей, пыхтевших за ними в пробежке по городу.

— А как дамы?

— Вам с Морли лучше забыть о них. Безопаснее пинать ногой улей.

— Разозлились?

— В ярости, по правде говоря.

Закончив шушукаться с крошечным народцем, появился Морли.

— Ты как раз вовремя, Гаррет. Надо бы кое-что проверить.

С этими словами он двинулся через кладбище. Подойдя к дряхлому мавзолею, Морли внимательно изучил дверь. Не знаю, что он в ней увидел.

— Хм... — проворчал Морли. — Может, они и не зря болтали. Марша, открой.

Гроль повиновался. Я не услышал звуков ломающихся запоров. Я вообще не услышал ни звука. Любопытно, особенно когда имеешь дело с дверью, которую не открывали десятилетия.

Из склепа донеслось зловоние.

Я хотел состричь насчет кладбища слонов, но передумал — со смертью не шутят.

— Нам нужен свет, Морли, — сказал Дожанго.

— Я это предвидел и попросил камень Люцифера у моего друга Хорнбакла.

Он вынул камень из чехла. Камень был свежий и светил ярко.

Мне совсем не хотелось входить внутрь, но пришлось. Я оставался там ровно столько, на сколько удалось задержать дыхание. Но и этого оказалось достаточно. Останки были в очень плохом состоянии, но я узнал в них отца Майка, Сейра и клерка из мэрии. Кто были двое других, я не имел понятия.

Марша закрыл дверь и весь путь до участка Кронков мы проделали в полном молчании.

Наконец Морли произнес:

— Чья-то свалка.

— Кто пригашил их сюда?

— Солдаты. «Солдаты не в мундирах», если цитировать Хорнбакла.

— Понимаю.

Я понял многое. Это не имело отношения к моим поискам Кейен, но зато было тесно связано с безымянным майором.

— У меня нет доказательств, но я готов держать пари, что твой майор был в части, освободившей церковь в тот день, когда умер папаша твоей девицы.

— Никаких пари. Даже десять против одного.

Офицер, занимающий такой пост, не стал бы тихо избавляться от венагетского резидента, действующего на вверенной ему территории. Он должен был доставить его в штаб и получить все причитающиеся награды. Майор не сделал бы этого лишь в одном случае: если бы опасался, что агент назовет ненужные имена или выдаст другого агента, внедренного лучше, чем он сам.

— Исследователи из Танфера, так ты сказал? Он решил, что мы люди короля и ведем следствие по его делу. С какой стати нас вдруг заинтересовало семейство по имени Кронк?

— Или люди императора, — я покачал головой. — Моя бедная, милая, глупенькая Кейен. Она ошиблась, выбрав себе такого отца и таких мужей.

Помрачнев, Морли переспросил:

— Мужей? Ты даже не знаешь, кто ее единственный муж.

— Я знаю, что это тот человек, которого прячут от нас Зек Зак и его хозяева. Они ведь прячут вовсе не ее. Кейен всего лишь женщина, ведущая с бывшим любовником переписку, приносящую ей прибыль.

— А как насчет твоего майора?

— Ты меня знаешь. Я готов договориться даже с кентавром. После того как я оставил морскую пехоту, я убил всего лишь двух человек — одного из них случайно. Но я считаю, что этой змее, этой гадине надо отрубить башку, пока он не разделался со всеми нами.

Мы тщательно прочесали территорию. Не было никаких признаков того, что кентавр ведет двойную игру. Но в нашем деле никогда нельзя быть уверенным до конца.

Зек Зак явился лично. Это говорило кое-что о характере его взаимоотношений с существами, стоящими за его спиной.

Он начал с обвинений:

— Вы явились слишком рано.

— Вы тоже.

— Я сказал им, что мне необходимо убедиться, что вы ничего не замышляете. На самом деле мне необходимо поговорить с вами.

— Следовательно, вы нам доверяете?

— Доверяю, насколько можно доверять в данных обстоятельствах. Ваши слова получили независимое подтверждение от лиц, которые не стремились облегчить вашу миссию.

— От кого же?

— Насколько я помню, они называли себя Куинном и Курцем.

Итак, мне следовало еще раз пересмотреть свою точку зрения на события той кровавой ночи.

— Мистер Гаррет, ради вас мне пришлось потратить массу усилий. Должен признать, что я рисковал головой в том случае, если бы кое-кто узнал о моих записках вам. В то же время я спас ваши жизни, убедив их, что самый простой способ от вас избавиться — выдать вам заверенный по всем правилам документ. Вы должны также отметить устранение двух ваших смертельных врагов, что еще повышает ваши шансы на выживание.

— Вам что-то от меня надо?

— Простите, сэр, я не совсем вас понимаю.

— Мне кажется, вы пришли сюда не затем, чтобы удовлетворить мое любопытство относительно писем или моей безопасности. Можете назвать это интуицией.

— Да. Я буду говорить прямо. Время у нас еще есть.

— Итак?

— В молодости я совершил один весьма неблагоприятный поступок. Некий джентльмен раздобыл документы, которые, попав в руки моих работодателей или карентийских военных, поставили бы меня перед лицом чрезвычайно серьезной опасности. Угрожая разоблачением, он вынуждал меня выполнять задания, которые только снижали мои шансы дожить до преклонного возраста. Местонахождение документов известно только ему. Он не позволяет мне напрямую выходить на него. Между тем вы можете это сделать.

— Картина ясна. — Я не был намерен ради него отправлять кого-то на тот свет, но в игру вступил. Следовало сохранять с ним приятельские отношения. — Кто?

Он замялся.

— Бросьте. Я не стану ничего делать, пока не услышу имя.

Он давно решил сказать все, если я буду настаивать.

— Священник по имени Сейр Ложда, из церкви у...

— Я его знаю.

Мы с Морли обменялись взглядами. Кентавр не знал, что Сейр уже откинул копыта. Я не настолько уважал дохлого негодяя, чтобы не извлечь пользы из его смерти.

— Договорились, приятель. Считайте, что он уже покойник. Если я увижусь с женщиной и вернусь цел и невредим, вы увидите его труп еще до восхода солнца.

— Договорено?

— Договорено и скреплено подписью.

— Хорошо. Пошли, они, наверное, уже дымятся от нетерпения.

37

Зек Зак вел нас по тропе, спускавшейся от кладбища к его дому. Павлины бешено орал.

— Когда-нибудь я зажарю всю стаю, — сказал кентавр. — Каждую ночь они будят меня своими воплями.

Он провел нас через черный ход. Когда-то его использовала Кейен, выскальзывая из дома. Затем мы прошли по коридору для слуг, ведущему в парадный вестибюль.

— Темно, как в преисподней, — жаловался Морли. — Что вы имеете против света, кентавр?

Если здесь было темно для него и тройняшек, то каково приходилось Зек Заку и мне — мы и вовсе не обладали ночным зрением.

В вестибюле присутствовал намек на освещение. Туда пробивался лучик из-под двери, ведущей в зал. Света хватало лишь на то, чтобы мы заметили тень ожидавшего нас человека.

— Здесь вы должны оставить ваше оружие, — сказал кентавр. — А также все металлические предметы. Дальше вы пойдете вооруженные лишь тем, чем наградила вас природа.

Я начал разоружаться. Мне казалось, что конец поисков близок, и я решил отбросить опасения и рискнуть довериться Зек Заку.

— Ну и холодина же здесь, — проворчал Дожанго.

Он был прав. А я-то думал, что клацаю зубами от страха остаться лишь с оружием, дарованным мне матушкой-природой.

— Готово, — объявил я.

— Подойдите ближе, мистер Гаррет, и позвольте этому человеку удостовериться, — сказал Зек Зак. При этом он даже и не подумал принести извинения.

Я сделал пару шагов вперед. Передо мной на мгновение мелькнуло одутловатое, серого оттенка лицо. Бесцветные глаза на мгновение встретились с моими. Во взгляде не было никаких эмоций, кроме застарелого чувства безнадежности.

Страж очень ловко ощупал меня в поисках оружия. Быстро и профессионально. Лишь один поступок не соответствовал профессиональной этике.

Он что-то опустил в мой карман.

Это было сделано незаметно. Страж лишь слегка надавил на меня в этот момент, чтобы я обратил внимание. После этого он принялся за Морли.

Зал освещался единственной свечой. Кроме нее на столе находилось лишь гусиное перо и чернильница. Сам же стол (четыре фута в ширину и восемь в длину) расположился в центре помещения; его длинная сторона была обращена ко мне. Точно напротив друг друга стояли два кресла. Я подошел к ближайшему креслу и бросил на стол все документы, включая и те, что подтверждали мои полномочия. Дрожа от холода, я сунул руки в карманы и стал ждать.

Это не было плодом моей фантазии. Мои пальцы нащупали сложенный листок бумаги.

Я проверил диспозицию своих войск. Морли прикрывал мое слабое место — левый фланг. Он стоял в двух шагах сбоку и чуть

сзади. Дожанго занимал такую же позицию справа. Гролли находились за спиной. Нос Морли дернулся три раза. В комнату вошли три существа. Они остановились у противоположной стороны стола.

Из темноты выплыло еще одно создание.

Она была прекрасна. И в ней было что-то еще. «Эфирная», — сказал бы поэт. Я бы сказал: «Призрачная».

Она двигалась настолько легко, что казалась плывущей по воздуху. Свободное одеяние из белоснежной полупрозрачной ткани обвивало ее стан. Бледная кожа почти сливалась с нарядом. Светлые волосы (их называют платиновыми) чуть колыкались при движении. Ее глаза, похожие на голубые льдинки и не отражающие никаких чувств, слегка прищурились, словно свет свечи был для нее слишком ярким. У нее были тонкие губы, слегка фиолетовые от холода. И никаких следов косметики.

— Вы Кейен Кронк? — спросил я, когда она остановилась рядом со своим креслом.

В ответ последовал едва заметный наклон головы.

— В таком случае присядем и покончим с делами.

Она отодвинула кресло и легко опустилась в него.

Усаживаясь, я успел бросить взгляд на Морли и Дожанго. Они напряженно вглядывались в темноту, похожие на занявших стойку выдрессированных волкодавов. Никогда не замечал за Дожанго таких способностей.

Я посмотрел на противоположную сторону стола. Она ждала, скрестив руки на груди.

Мой рассказ занял много времени. Он включал в себя историю гибели Денни, содержание завещания и закончился предложением: либо отправиться в Танфер, чтобы вступить во владение наследством, либо составить письменный и заверенный по всем правилам отказ от всего, что завещал ей Денни Тейт.

Изъясняясь на языке, который Морли называет юридическими непристойностями, я постоянно перекладывал свои бумаги. Под

их прикрытием я ухитрился развернуть листок, оказавшийся в моем кармане. Да, это была записка. Она гласила:

Приезжайте и заберите ее. Как можно скорее. Пока еще есть шанс на спасение.

Я задрожал, но постарался убедить себя, что это от холода.

Перечитав записку, я, якобы делая заметки, сумел набросать ответ:

Разверните вложенный листок только в ее присутствии. Сделайте это, иначе — никаких надежд.

В записку я завернул одно из заклинаний, приобретенных у Старой Ведьмы. Часовой у двери не изъял у меня эти волшебные бумажки, если вообще их заметил. Засунув послание в карман, я целиком сосредоточился на этой призрачной женщине.

Постаравшись изобразить изумление, я воскликнул:

— Неужели, находясь в здравом уме, вы отказываетесь от ста тысяч марок? За вычетом гонораров, естественно. Сто тысяч серебром!

Она наклонила голову, выражая согласие, мне показалось, что на ее лице мелькнула тень отвращения. За все время нашей беседы — единственное проявление каких-либо эмоций.

— Прекрасно. Я не стану притворяться, будто что-либо понимаю, но тем не менее начну готовить формальный документ, подтверждающий ваш отказ.

Я неторопливо принялся за писанину, добавив:

— Один из моих помощников выступит свидетелем с моей стороны, а кто-то из сопровождающих вас джентльменов — с вашей.

Последовал еще один наклон головы.

Закончив писать и поставив подпись, я сказал:

— Морли, мне нужна твоя закорючка.

Морли приблизился и расписался. Он все еще был напряжен, как отведенная до упора тетива арбалета.

Перебросив документ и передвинув чернильницу к противоположной стороне стола, я спросил:

— Взгляните, вас это удовлетворяет?

Она внимательно изучила бумагу, кивнула, взяла документ, чернильницу и перо, поднялась и ушла во тьму.

Я, в свою очередь, собрал все бумаги и, встав рядом с креслом, принялся ждать. Очень скоро прекрасное видение приплыло обратно и положило подписанный по всем правилам документ рядом со свечой, избежав, таким образом, физического контакта, который обязательно возник бы при передаче бумаги из рук в руки. Я взял документ со стола и спрятал в карман.

— Благодарю вас, мадам, за ваше внимание и за то, что вы согласились потратить на нас ваше драгоценное время. Больше я вас не побеспокою.

С этими словами я направился к выходу.

Я обратил внимание, что ни Морли, ни Дожанго, ни гролли, отступая, не повернулись к залу спиной. Бывают случаи, когда отсутствие ночного видения является только благом.

Передать ответную записку не составило никакого труда. Кентавр так жаждал выпроводить нас из своего дома и убраться самому, что просто ничего не замечал. Уже через полминуты (мы едва успели забрать наше оружие) Зек Зак, ругаясь и ворча, тащил нас через темный коридор к черному ходу.

38

Павлины орали благим матом, будто их окружили дикие псы, и спастись можно было, лишь сотрясая воплями небеса. Я их понимал. Совсем недавно я чувствовал себя точно так же. Но

если бы я тогда взревел, враги бы догадались, что я все знаю, и непременно напали.

Когда мы приблизились к дому Старой Ведьмы, раздалось хихиканье. Оно слышалось отовсюду и ниоткуда. Затем прозвучал вопрос:

— Как вам понравилось частичное исполнение пророчества, мистер Гаррет?

И снова хихиканье.

Морли и тройняшки, кажется, ничего не слышали. Зек Зак с изумлением посмотрел на дом. Я опустил голову и прошествовал дальше. Мне не хотелось даже думать об этом.

Кентавр, видимо, решил от нас не отлапывать. Я ждал, что вот-вот прозвучит имя Сейра Ложды, и Зек Зак меня не разочаровал. Он начал ныть уже на половине пути к кладбищу.

— Подождите, — бросил я и перестал слушать его стенания.

Морли уселся, выбрав местом для привала участок, где мы встретились с Зек Заком. Я последовал его примеру.

— Надо поговорить, — сказал Морли.

— Безусловно, — согласился я.

— Сейчас вы мне заявите, — бубнил Зек Зак, — что не можете выполнить вашу часть договора?

— Нет, — ответил Морли. — Мы выполним ее быстрее, чем вы успеете оглянуться. Дело-то в том, что вы не выполнили своей.

Я вопросительно посмотрел на Морли. Он объяснил:

— Ты передал ей документ вверх ногами; она его не перевернула. Дама не умеет читать. Есть все основания предполагать, что Кейен была грамотной.

— Кейен получила образование. Ты совершенно прав. Это была не она. Ничего общего. Они просто не знали, что я когда-то был с ней знаком.

Зек Зак выглядел подавленным. Я не стал ничего обсуждать, а просто сказал:

— Один вопрос, старый конь. Кому принадлежала идеякупить этот дом — вам или попу?

— Попу.

— Какое не случайное совпадение! Он нашел то, что, как он опасался, там было спрятано?

— Нет.

— А вы? Уверен, что тоже искали.

К кентавру начало возвращаться утраченное равновесие духа. Ослабившись, он произнес:

— Я разобрал дом по камешку. Мне было необходимо найти средство, чтобы противостоять шантажу с его стороны.

— То есть вы ничего не откопали.

— Нет.

— Гаррет, — спросил Морли, — ты удовлетворишься полученной бумагой? Она принесет тебе твои десять процентов?

— Я вовсе не это обещал старику Тейту. Наследницу я пока еще не нашел.

Морли хмыкнул. В темноте не было видно, но мне показалось, что ответ пришелся ему по душе.

— В таком случае нам надо разработать план действий — что делать и как уберечь свои задницы. — Поднявшись на ноги, он продолжил: — Твой дружок обвел нас вокруг пальца, хотя, возможно, у него не было выбора. Я сказал, что мы выполним нашу часть договора, а его пусть мучает груз неоплаченной благодарности. Следуйте за мной, кентавр.

В его голосе было что-то такое, что мне не очень понравилось.

Не знаю, почему Зек Зак последовал приглашению Морли. Может, он не хотел возвращаться домой. А может, ему собственными глазами хотелось удостовериться в смерти священника.

Морли направился напрямиком к мавзолею.

— Открой его, Марша.

Марша повиновался.

По каким-то признакам Зек Зак заметил, что дверь открывали.

— Вы уже сделали это? Еще до... Бросили труп здесь?

Морли передал кентавру камень Люцифера.

— Взгляните сами. Извините, мы не станем вас сопровождать. Сегодня мы там уже побывали, а у нас, в отличие от вас, желудки не железные.

Их взгляды схлестнулись. Если б Зак мог, то с радостью стер бы Морли в порошок. Но его шансы в этом деле равнялись нулю. Кентавр резко повернулся, поднял светящийся камень и начал спускаться в склеп.

Морли что-то произнес на языке гроллей.

Марша захлопнул дверь.

— Морли!

— Маленькие ночные делишки. Помнишь, я говорил о них, докладывая о кентавре в первый раз. Любовь к женщинам, невинная контрабанда, думал я. Ты понимаешь, чем он их снабжал?

Я знал Морли, пусть не очень хорошо, уже много лет. Мне приходилось видеть его в ярости, но он никогда не терял контроля над собой. И ни разу на моей памяти он не был снедаем такой ненавистью, как сейчас.

— Ты понимаешь, Гаррет, во что мы с тобой вляпались?

— Да уж.

И последнее послание отца Райна, и причины отлучения Кей-ен от церкви стали обретать новый смысл. И слухи о ночных нападениях — тоже.

— Что-то следовало предпринять, — Морли начал приходить в себя. — Он мог отправиться на рысях к себе и рассказать им, что трюк не удался. Что мы не купились. А с ним пока ничего не случится. Нам теперь известно, что у него крепкий желудок. Выпустим его позже, если хочешь. Наверняка после нескольких дней, проведенных в склепе, он захочет сказать, где мы можем ее найти.

— Я и так теперь знаю, как ее довольно быстро обнаружить.

Я не стал распространяться на эту тему, несмотря на недоуменный взгляд Морли.

— Ты знаешь, на что идешь? В договоре с Тейтом нет ни слова о том, что ты подряжаешься извлечь ее из гнезда Обитателей тьмы.

— Знаю.

Я действительно знал. К тому же природа наградила меня богатым воображением, и я способен был живо представить самые ужасные последствия.

— Если нас схватят, меня и тройняшек можно сразу считать покойниками. Мы им не нужны — в наших жилах очень мало человеческой крови. Но ты...

— Я же сказал, Морли, что все знаю. Оставим эту тему. Сейчас нам следует волноваться по поводу майора. Ему известно, что мы общались с кентавром. Подозреваю, он знал о том, что священник шантажировал Зек Зака. Со смертью Сейра рычаг влияния исчез. Достойный майор может опасаться, что мы, кое-что разнюхав, тоже захотим исчезнуть. Чтобы нас найти, он перерывает весь город. На каждом перекрестке будут его люди. Здесь нам оставаться нельзя. С восходом солнца появятся могильщики засеивать свои плантации. И вернуться в гостиницу мы не можем: она будет под наблюдением всех заинтересованных сторон.

— Не впадай в панику. Мы укроемся в лесу. Найдем контрабандиста, который знает, как выбраться из города под покровом ночи. Я бы предпочел беспокоиться о наших ночных друзьях в их гнезде, а майор пусть беспокоится о себе сам.

Морли был прав, сам того не подозревая. Чем больше суеты учинит майор, разыскивая нас, тем больше шансов, что начальству захочется выяснить, что же происходит в городе. Он не осмелится привлечь внимание к своей персоне и вызвать подозрение у командиров.

Майор станет действовать крайне осторожно.

39

Я проснулся от звонкого «харрumpf-харрumpf» — гролли смеялись. Пришлось открыть глаза. Что-то коричневое и пушистое мелькало перед моим лицом. Чуть поодаль сидел на корточках под кустом представитель малого народца. Я придушил гнев в зародыше, чуть приподнялся и прислонился спиной к стволу дерева. От сна на земле все тело одеревенело.

Морли не преминул бы заметить, что это весьма полезно для моего организма.

— Куда запропастились Морли и Дожанго?

В ответ я получил лишь широченные улыбки гроллей да писк из-под кустов.

— Ладно, пусть так и будет.

— А сахар? — пропищал тоненький голосок.

— Даже если б он у меня был, вы сперли бы его, пока я спал.

— Как же, тут сопрешь... когда вас охраняют эти огромные чудища.

Спорить мне не хотелось. Утром можно лишь предаваться жалости к самому себе. Да и это требует чрезмерных усилий.

— Есть ли кто-нибудь в доме кентавра или поблизости? — Вспомнив, что с этим народцем надо быть точным, я добавил: — Люди или иные существа.

— А сахар?

— Сахара нет.

— Тогда привет.

Что же, обычное дело. Без оплаты нет информации. Проклятые маленькие наемники! Я поразмыслил над тем, не стоит ли спуститься вниз и произвести опустошения в кухне кентавра. Но голод не настолько мучил меня, чтобы рисковать: я не был уверен, что хозяева Зек Зака сразу же ушли, оставив меня с подписанным по форме документом. Да и вообще не хотелось подниматься и что-либо делать.

Я сидел, стараясь в мыслях сопоставить Кейен, которую я знал, с Кейен, обитающей сейчас среди кошмаров. Я перебрал в памяти ее письма к Денни. Там не было ничего особенного, кроме редких намеков на то, что она чувствует себя не очень счастливой. Ни слова о местонахождении или окружающей обстановке. Она явно не гордилась собой.

Нет смысла ломать над этим голову — добьешься лишь головной боли и нервного возбуждения. Она сама все объяснит, когда я до нее доберусь.

Морли объявился около полудня. Он сгибался под тяжестью какого-то груза.

— Что это? — спросил я. — Ты планируешь вторжение? И где Дожанго? Что вы задумали?

— Я потратил кучу времени, играя на твою задницу с Васко, Розой и майором. Когда ставки дошли до половины марки, мне удалось скрыться. А это тебе.

Он сбросил к моим ногам половину груза. Я заметил мешок, в котором, казалось, лежали съестные припасы. Я сразу же развязал его.

— А это что за барахло?

— Сырье. Для изготовления оружия, которое нам потребуются, если мы полезем в их гнездо спасать твою даму сердца. Они чувствуют металл с расстояния в десять миль. Кстати, ты умеешь делать каменные наконечники для стрел?

— Никогда не пробовал.

— Неужели вас там в морской пехоте не научили ничему полезному? — ехидно поинтересовался он.

— Нас учили трем тысячам способов уничтожения венагетов. Я потребитель оружия, а не его изготовитель.

— Ну вот, опять вся нагрузка ляжет на Маршу и Дориса.

Он забормотал что-то на языке гроллей и передал большим ребятам груз. Через минуту, ворча и пыхтя, они принялись стро-

гать наконечники. Они работали споро и аккуратно, их лапищи двигались, словно лапки мыши.

— Они ужасно недовольны, — пояснил Морли. — Заявляют, что это работа для гномов. Интересуются, почему им нельзя выстругать дубину футов десять длиной, чтобы сокрушать ею черепа. Гролли не всегда сразу разбираются в ситуации.

Я немного умел орудовать ножом и решил смастерить себе меч из дощечки железного дерева. Древесина оказалась очень твердой, и лезвие можно было сделать почти таким же острым, как стальное. К сожалению, оно быстро тупится. Я не стал его делать обоюдоострым. На тупой стороне я проделал отверстия и загнал в них остроконечные осколки — отходы производства гроллей. Получилось вполне зловещее и грозное оружие.

Время шло. Я пытался в работе утопить свое беспокойство.

— Побойся Бога, Гаррет, неужели ты хочешь выточить и канавки для стока крови?

Я осмотрел меч. Взвесил в руке, проверил балансировку:

— Почти кончил. Еще несколько прикосновений, и отполирую, чтобы уменьшить трение при ударе.

— И ты еще смеешь называть меня кровожадным?

— Для нашего дела лучше подошла бы сабля.

— Обойдешься. Тебе придется ограничиться тем, что имеешь. Заканчивай. Я уже вырезал несколько стрел для арбалета. Надо их заострить и вставить оперение. Потом я обмажу наконечники ядом.

Морли старательно удалял все металлические детали арбалета, заменяя их деревянными. Модернизированное таким образом оружие долго не проработает, но, как он заметил, на один рейд его хватит.

— Старик Тейт позеленеет от ярости, услышав о наших расходах. Но к чему яд? От него не будет никакого толка, — сказал я, заостряя арбалетные стрелы и закрепляя оперение.

— Да потому что не все, кого мы встретим, будут иметь к нему иммунитет.

Верно. Слуги по крови будут яростно сражаться, отстаивая для себя возможность когда-нибудь в будущем вступить в ряды ордена Владык.

— Гаррет, ты знаешь что-нибудь об их гнездовьях в Кантарде?

— Кто о них вообще что-нибудь знает?

— Ну да, тот, кто знал — не выжил. Но все же?

— Ходят лишь слухи. Из-за войны Обитатели тьмы в Кантарде не столь скрытны, как в других местах. К тому же здесь изобилие легкой добычи. Никто особенно не беспокоится о пропадающих время от времени солдатах. Поэтому и гнезда здесь должны быть крупнее, чем обычно. Когда я служил, поговаривали о шести гнездовьях. Их стало меньше после того, как однажды карентийские агенты захватили дочь военачальника венагетов и подстроили все так, чтобы ее утащили в одно из гнезд. Военачальник, забыв обо всем на свете, кинулся ее спасать, нашел и разорил притон дотла. В результате его самого тоже убили. Пока его войско охотилось за Обитателями тьмы, наши доблестные части зашли к нему в тыл. Это все, о чем я слышан. Правда, я знаю, что ночное племя счастливо, видя, сколько серебра уплывает из этой части мира.

— Они, наверное, знают все о серебре, как думаешь?

— Я уверен, они знают все обо всем. Потому-то Кейен так успешно помогла Денни разбогатеть.

Серебро так же смертельно для Обитателей тьмы, как яд кобры — для человека. Оно их убивает быстро и неотвратно. Других столь же эффективных средств нет. Остальные металлы беспокоят их гораздо меньше.

Появился Дожанго, сгибаясь под тяжестью копий, заготовок для луков и прочего снаряжения.

— И сколько глаз ты за собой привел? — поинтересовался Морли.

— Не волнуйся, братец. Я прибыл чистеньким. По правде говоря. Лошади и все необходимое будет ждать нас на заброшенной мельнице в трех милях от места под названием Северный Ручей. Они сказали, что пробудут там до утра, а потом уведут лошадей и вернутся опять к вечеру, если мы не объявимся в первый раз. По правде говоря, ребята побаиваются ждать за городом в глуши.

— Боюсь, нам придется вернуть к жизни кентавра, — заметил Морли и, обращаясь к Дожанго, добавил: — Садись и начинай превращать эти палки в стрелы. Гаррет, ты знаешь этот самый Северный Ручей?

— Да.

Меня все время подмывало спросить, кто здесь главный, но я пересилил себя и промолчал. В конце концов, Морли занимался совершенно необходимыми вещами.

Дожанго принялся за производство стрел. Не прекращая работы, он сказал:

— Когда я уже возвращался, услышал интересные новости. Вчера вечером, примерно в то время, когда мы лазали в склеп, Слави Дуралейник без чьей-либо поддержки, по правде говоря, атаковал Синие Ключи.

— Синие Ключи? — недоверчиво переспросил я. — Так это миль сто к югу от самой дальней точки, которую когда-нибудь достигала наша армия. И он попытался сделать это без магической поддержки?

— Не только пытался, — сморщил нос Дожанго, — но и сделал, по правде говоря. Застал их спящими. В стремительной атаке убил военачальника Шомадзо-Дза со всем его штабом и уничтожил половину армии. Остальные бежали в пустыню босиком в ночных рубашках.

— Хорошая охота для Обитателей тьмы, — пробормотал Морли.

— А также для единорогов, диких псов, хиппогрифов и других тварей, жаждущих человечины, — добавил Дожанго.

— Морли, это грозит нам осложнениями, особенно если мы там задержимся.

— Каким образом?

— Если все это — правда, то армия венагетов потерпела беспрецедентное поражение. Когда Слави Дуралейник перешел на нашу сторону, он поклялся отомстить пяти военачальникам венагетов. Много лет он делал из них дураков, заставляя плясать под свою дудку по всему Кантарду. Теперь же он нанес удар по традиционно безопасной территории и раздавил одного из пяти как букашку.

— Ну и что из этого?

— А то, что венагеты станут слепо отмахиваться, как боксер с залитыми кровью глазами. С другой стороны, карентийские войска начнут продвижение, чтобы развить успех. Все племена Кантарда попытаются извлечь из этой неразберихи свою выгоду. Через неделю заварится такая каша, что жизнь там не будет стоить ни гроша, если не быть постоянно начеку.

— В таком случае нам следует выступить как можно скорее.

Я всем сердцем разделял его настроение. Но моя записка, тайно переданная слуге по крови в доме Зек Зака, пока не дала результатов... По моим расчетам, Откровение могло произойти лишь через несколько дней. Если произойдет.

40

Зек Зак был на удивление покладист — общество трупов сделало свое дело. Он не протестовал до тех пор, пока не узнал, что призван под наши знамена и ему предстоит участие в длительном походе. К этому моменту Зек Зак успел вывести нас за городскую стену через прорытый контрабандистами туннель.

Морли, пребывавший в проказливом настроении, выступил с речью.

— Сэр, — начал он, обращаясь к кентавру, — неужели вы не видите, что ваш кошачий концерт не имеет под собой ни малейших оснований. Хорошенько подумав, вы — я в этом убежден — не сможете не признать, что мы правы. Если бы мы, допустим, вас отпустили, на чем вы столь безосновательно настаиваете, вы бросились бы вскачь обратно в город и, не теряя драгоценного времени, предприняли бы действия, способные причинить нам массу неприятностей, воображая нас виновниками всех ваших бед и не задумываясь о том, что корень зла — в вас самом.

Свою армию я построил в форме ромба. Один гроль возглавлял, второй замыкал строй. Дожанго шел справа, Морли — слева. Ничего не видя в ночи, я маршировал в центре, а между мной и Морли, спотыкаясь, плелся Зек Зак.

Кентавр на удивление быстро примирился с неизбежным. Он проявил еще одну дотоле неизвестную черту своего характера и вступил в спор с Морли на таком же цветистом и подчеркнуто вежливом языке.

Вид моего войска потряс поджидавших нас разбойников. До них вдруг дошло, что не удастся, получив деньги, отнять лошадей и припасы, чтобы продать их снова. Вид гролей убедил их и в том, что не стоит пытаться нас убить с той же целью.

Завершив сделку, мы тотчас расстались. Продавцы придерживались теории, что длительное пребывание ночью на воздухе опасно для жизни. Мы же исходили из гипотезы, что мудрый человек старается убраться подальше от тех, кто хочет его убить.

Но не тут-то было. До лошадей, очевидно, дошел слух обо мне, и они сообразили, что самым разумным будет вообще не трогаться с места.

Их-то ведь никто не хотел убить.

Настроение животных не улучшилось, когда взошло солнце и они сообразили, что мы движемся в сторону Кантарда.

Морли тут же обвинил меня в антропоморфизме и преувеличении естественного нежелания безмозглых тварей топтать по незнакомой местности.

Это говорило только о том, что они его обвели вокруг пальца, точнее, копыта. Эти чудовища весьма изобретательны в своей злобности — единороги в лошадиной шкуре.

Откровение запаздывало, и мне пришлось самому выбирать направление движения. Я установил курс точно на запад. Именно в этом направлении лежали граничащие с Карентой самые пустынные земли Кантарда. В представлении жителей Танфера это были земли романтических сражений с венагетами, земли, заселенные странными народами. Лучшего места для гнездовья Обитателей тьмы не сыскать. Природа в тех краях была настолько негостеприимна, что отпугивала большинство племен. Никаких природных богатств, способных вызвать поток старателей и их телохранителей. Для ночного племени там имелась изобильная добыча — многочисленные зек заки служили загонщиками на охоте.

На второй день путешествия Морли начал подозревать, что я не совсем уверен в правильности избранного направления, и решил приступить к обработке кентавра.

— Бесполезно, Морли, — сказал я. — Они не настолько глупы, чтобы ему доверять.

Позади нас что-то пробормотал Дорис. Я наконец научился различать гроллей, заставив их носить разного цвета шапки.

— В чем дело? — спросил я.

— Он говорит, что нас преследует собака.

— Ох...

— Опасность?

— Возможно. Но, чтобы выяснить это, нам следует на нее напасть. Найдите место, где мы окажемся с подветренной стороны.

Не исключено, что все выяснится само собой. Пес может оказаться потерявшимся домашним животным, жаждущим человеческого общества. Но это маловероятно. Возможно, это изгой из диких. Скорее всего бешеный. Но наиболее вероятное и самое неприятное — если это охотничье животное, специально натасканное на поиски добычи.

В нижней части склона холма, который мы огибали, Марша нашел подходящее скопление валунов. Он двинулся вверх по крутому извилистому проходу между ними, туда, где была тень и откуда долетало до нас звонкое эхо. Морли, Дожанго и я слезли с седел и последовали за ним, таща лошадей и осыпая упирающихся скотов непристойной бранью на нескольких языках.

— Что я тебе говорил о лошадях, Морли?

Дорис залег между скал и начал менять цвет шкуры.

— Не останавливайся, Морли. Они руководствуются не только чутьем, но и зрением. Им надо видеть движение.

Морли что-то проворчал. Марша, не прекращая восхождения, ответил ему ворчанием. Через несколько секунд снизу раздался возмущенный вопль собаки, лишившейся сытного мясного обеда.

Спускались лошади гораздо охотнее. Что за ленивые чудовища!

Дорис вчистую разделался с ублюдком. Он стоял над раздавленным псом с такой самодовольной ухмылкой, будто сразил все вражеское войско.

— Да, — заметил я, — похоже на попавшую под колесо крысу. Нам повезло, что цела голова. — Присев, я изучил уши пса. — Проклятье!

— Что такое? — спросил Морли.

— Это был охотничий пес. Хорошо натасканная собака. Видишь дыры в ушах? Это проколы от зубов единорогов. Охотничья команда наверняка всего в нескольких милях от нас. Они идут по следу собаки, если та не возвращается. Это значит, что нам

следует подготовить для них как можно больше неприятных сюрпризов. Просто так нам от них не ускокать.

— Сколько обычно их бывает?

— Взрослый самец и все самки гарема — те из них, что не вынашивают или не выкармливают потомства. В табуне может быть и несколько молодых самок, которые пока не отбились. Всего от шести до двенадцати особей. Если они до нас доберутся, концентрируй внимание на старшей самке. Вожака в свалку не полезет. Охоту, как и всю остальную тяжелую работу, он оставляет дамам. Самец-единорог ограничивается тем, что отдает распоряжения, покрывает жен, убивает отпрысков мужского пола, когда те отобьются от матери, и пытается похитить наиболее привлекательных особ из чужого гарема.

— Весьма разумный образ жизни.

— Мне всегда казалось, что ты придерживаешься такого же.

— Может, если убить вожака, гарем разбежится?

— В таком случае, как я слышал, они бьются до полного истребления или их, или врага.

— Точно, — вмешался Зек Зак. — Эти единороги — отвратительнейшие чудовища. Один из самых неудачных экспериментов природы. Наступит день, когда мой народ завершит их истребление...

Он заткнулся: понял, что у всех остальных имеется несколько иное мнение по поводу самого неудачного эксперимента природы.

Мы торопливо двинулись в путь. Чуть погодя Зек Зак заговорил снова, но лишь для того, чтобы поведать нам о самых лучших ловушках, которые его народ использует в борьбе с единорогами. Некоторые из них действительно отличались злобной изобретательностью и эффективностью.

До этого Зек Зак занимался только тем, что критиковал нас. Неожиданная помощь с его стороны говорила о том, что единороги неподалеку и страх перед ними заставил кентавра поджать хвост.

41

Задержавшись у ручья с противной солоноватой водой и набрав топлива для костра, мы в поисках места для лагеря почти ползком преодолели несколько сот футов каменистой осыпи у подножия гигантского, в форме бочки монолита. Хорошее место нашлось в глубокой нише, к которой даже мышь не смогла бы подобраться бесшумно. Отсюда открывался великолепный вид, однако ни один из нас, даже вооружившись биноклем, не заметил в сумраке никаких движущихся объектов.

Мы разожгли небольшой, прикрытый от посторонних взглядов костер. Чтобы поднять настроение, пришлось прибегнуть к помощи крошечного бочонка, в котором пива хватило лишь по хорошему глотку для меня, Зек Зака и Дожанго и по небольшой порции для Дориса и Марши.

— Да, — заявил я, — любовь к выпивке — вторая ошибка моей жизни.

— Мне не хватает смелости спросить, в чем заключалась первая. Подозреваю, что это было твое появление на свет. — Морли ухмыльнулся. — Боюсь, что пиво, поболтавшись по жаре во выюке, утратило кое-какие качества.

Мы сидели у костра, наблюдая, как постепенно умирает пламя, время от времени обмениваясь шутками и байками, но в основном выдвигали различные предложения, как лучше разделаться с единорогами, если дело дойдет до схватки. Мой вклад был невелик, так как мысли мои были далеко: меня начало волновать отсутствие Откровения.

Здесь что-то не так. По моим расчетам, они уже должны были достичь гнездовья. Неужели слута по крови чем-то выдал себя? Неужели мое послание с заклинанием обнаружили?

Если так, то дело худо. Мы можем без толку блуждать по Кантарду до глубокой старости.

В какой-то момент я буду вынужден признать поражение и отправиться на север с фальшивым отказом от наследства. Поиски придется прекратить, когда мы настолько истощим наши припасы, что их останется только на сухопутное путешествие до Тилрифа — ближайшего к нам (кроме Фулл-Харбора) порта. Возвращаться отсюда, из пустыни, прямо в лапы майора казалось мне совершенно нелепым.

Один из гроллей что-то весело рассказывал Морли. Тот непрерывно хихикал. Не обращая на них внимания, я стал подремывать.

— Эй, Гаррет. Послушай, что мне рассказал Дорис. Ты лопнешь от смеха.

Я со стоном открыл глаза. Огонь в костре зачах, превратившись в тлеющие угольки, дающие совсем немного света. Но даже при таком скудном освещении я заметил, что радостный тон Морли не вяжется с выражением его лица.

— Еще одна скучнейшая и бессвязнейшая притча о том, как лис прогнал медведя из ягодника, сам объелся этих ягод, убежал и умер от поноса? — пересказал я самую лучшую из всех слышанных мной притчей гроллей, в которой, впрочем, все равно не было ярко выраженной морали.

— Нет. Эта тебе очень понравится. Но даже если придется не по вкусу, смейся, чтобы не обидеть Дориса.

— Что ж. Раз надо, значит, надо.

— Надо. — Он подсел ко мне и тихо произнес: — Притча начинается так. За нами наблюдают двое из Ночного племени. Смейся.

Я выдавил из себя смешок, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не оглянуться. Пожалуй, смех прозвучал вполне естественно.

Дорис что-то сказал Марше, а тот ответил брату чистосердечным хохотом гроллей. Как будто они поспорили о моей реакции, и Марша выиграл.

— Дорис и Марша готовы напасть на них. Может быть, они совладают с вампирами, а может, и нет. Не оглядывайся. Когда я

закончу рассказ, мы встанем и направимся к Дорису. Хихикни и кивни головой.

— Обойдусь и без твоей режиссуры, — заявил я, хихикая и кивая головой.

— Когда Дорис двинется, ты последуешь за ним и сделаешь то, что требуется. Я отправлюсь с Маршей.

— А Дожанго? — И, шлепнув себя по колену, я залился хохотом.

— Он останется следить за кентавром.

Зек Зак забился в узкую щель, где никто не мог достать его сзади. Сложив под себя ноги, он, похоже, крепко спал, положив голову на согнутую в локте лапу.

— Готов? — спросил Морли.

Я постарался придать своему лицу геройское выражение, которое означало: я бесстрашный истребитель вампиров, возвращающийся из похода.

— Веди меня, герой. Я следую за тобой.

— Хохочи!

Я разразился смехом, как будто услышал историю о невесте, которая не знала, что курочку, прежде чем жарить, следует ощипать. Морли ухмыльнулся и поднялся. Я последовал его примеру, одновременно пытаясь размять слегка онемевшие ноги. Мы направились в сторону Дориса.

Дорис и Марша прыгнули с поразительной быстротой. Пробежав всего два шага, я заметил среди камней какую-то возню темных тел. Дитя ночи оказалось в лапах Дориса. Между ними завязалась битва. Второе существо промчалось за моей спиной, я не стал оглядываться.

Когда я подоспел к месту схватки, Дорис сжимал вампира в могучих медвежьих объятиях, отворачивая от чудовища лицо. Его мышцы были напряжены до предела. Несмотря на всю свою силу, гролль с огромным трудом удерживал исчадие ада. Из рассеченного ударом когтей бока Дориса потоком лилась кровь.

Запах крови приводил вампира в неопишемую ярость. Его клыки клацали совсем близко от руки гролля.

Если этот дьявол сумеет укусить, с Дорисом будет покончено. Он получит дозу страшного яда, способного уложить мастодонта. Не зная, что предпринять, я замер: в одной руке нож, в другой — серебряная монета в полмарки. Нога вампира дернулась в мою сторону, и я попытался перерезать ему ахиллесово сухожилие.

Вдруг стало светлее — это Дожанго подбросил в костер топлива.

Дорис сумел зажать между колен лодыжки вампира, а я прыгнул вперед, стараясь вонзить лезвие как можно глубже под колено чудовища. Клинок проник на дюйм, острие ножа уперлось в кость, и я прорезал сверху вниз плоть, которая оказалась тверже копченой колбасы.

Из глубокой раны, длиной в целый фут, выдавилось три капли какой-то жидкости. Вампир издал короткий вопль ярости и боли. Его налитые кровавым огнем глаза обратились ко мне, он старался поймать мой взгляд, чтобы загипнотизировать меня своим несущим гибель взором.

Я успел сунуть серебряную монету в рану, прежде чем она начала затягиваться.

Я сделал это инстинктивно, но настолько умело, быстро и эффективно, что до сих пор не перестаю удивляться своему поступку.

Вампир замер на несколько секунд. Затем мертвые губы разомкнулись, и раздался вой, способный ужаснуть скалы. Наверное, он был слышен в двадцати милях от нас. Вопль создания, утратившего бессмертие. Я зажал ладонями его рану, чтобы удержать монету. Ночное чудовище задергалось, как человек при последних судорогах столбняка. Оно зашипело, захрипело и содрогнулось с такой силой, что мы едва сумели его удержать.

Плоть под моими ладонями начала размягчаться. Вокруг монеты она превратилась в желеобразную массу и сочилась между пальцами.

Дорис отшвырнул от себя чудовище. На большом зеленом лице гролая, освещенном неровным светом костра, сменяли друг друга отвращение и ненависть. Вампир, шипя, катался меж камней, пытаясь когтями скрюченных пальцев скрестить рану. Нам попался очень крепкий экземпляр. Яд серебра должен был давно прикончить его. Но они, по-видимому, все отличаются чудовищной мощью. Иначе дети ночи не были бы тем, чем являются.

Дорис поднял валун раза в два выше меня и с силой бросил на голову чудовища.

Несколько секунд я следил за тем, как его плоть, превращаясь в желе, стекала с костей. И тут ко мне пришло Откровение, словно гибель вампира явилась для него сигналом.

Теперь я знал направление.

Когда наступит день...

Если он наступит. Морли и Марша все еще продолжали битву. Дорис спешил им на помощь. По дороге он прихватил сведе десятитонное оружие. Меня била дрожь, и я не мог никому помочь, кроме самого себя.

Не знаю как, но второму вампиру удалось вырваться. Он ударился о землю и взвился в громадном, на сотни футов прыжке, том самом, что заставляет невежд верить, что вампиры умеют летать.

И оказался буквально в нескольких футах от меня.

Думаю, это получилось случайно. Скорее всего он прыгал, ничего не видя, с глазами, застланными пламенем ярости. Но теперь он увидел меня. Его пасть открылась, сверкнули клыки, глаза вспыхнули светом, когти потянулись ко мне...

«Он» или «оно»? При жизни этот вампир был мужчиной. Наверное, он все еще не потерял способность воспроизводить себе подобных. Но заслуживало ли?..

Дубина Дориса со смачным звуком обрушилась на нелюдь. Вампир отлетел туда, откуда явился, и рухнул прямо к ногам

Марши. Марша опустил на него валун прежде, чем вампир пошевелился (если он еще мог шевелиться).

Я не стал смотреть, что будет дальше. Я направился к костру, туда, где хранились наши бочонки: выпить пива, чтобы немного протрезвиться.

Дожанго дрожал сильнее, чем я, но не бросал порученного дела. Одной рукой он подкидывал топливо в костер, а в другой держал направленный на Зек Зака арбалет. Он даже не оглянулся посмотреть, кто или что приближается к нему.

Еще один ужасный вопль разорвал ночную тьму.

42

— Всего двенадцать, — сказал я. — Один хромой. Не могу больше паяльаться через эти линзы, у меня выскочат глаза.

Морли принял из моих рук бинокль и начал изучать резвящихся у ручья единорогов, старательно делающих вид, что им неизвестно о нашем присутствии.

Морли передал бинокль Дожанго и сказал, обращаясь к Зек Заку:

— Одна из ваших ловушек сработала.

Этим утром кентавр не утомлял нас своей беседой.

Я поднялся повыше для лучшего обзора и стал размышлять о вчерашнем Откровении, которое все еще оставалось со мной.

Откровение давало направление, образуя прямую линию, проведенную через меня и Кейен. Но беда в том, что линия проходила сквозь меня, и я не знал, какой луч вел к Кейен, а какой — от нее.

Старая Ведьма не упоминала о такой возможности.

Я бы выбрал путь на юго-запад. В этом случае гнездо оказалось недалеко от Фулл-Харбора и от зоны военных действий. Кроме того, в том направлении неподалеку от воображаемой линии находилась многообещающая гора.

— Эй! — прокричал я вниз. — Кто-нибудь, принесите мне бинокль!

Морли, ворча, поднялся ко мне.

— Почему ты так долго не мог вчера разделаться с этой нежитью? — поинтересовался я.

— Пытался разговорить его. Мне попался новичок, который еще совсем недавно был слугой по крови. Он не был рожден вампиром. Думал, он расколется. Смотри! Вожак и две самки отделились от табуна.

Это было действительно так. Единороги поскакали по нашему следу, но не к нам, а в противоположную сторону. Оставшаяся часть табуна скрылась за развесистыми деревьями, теснящимися вдоль ручья.

— И тебе удалось узнать что-нибудь полезное?

— Ничего интересного. Что там происходит?

— Кто-то следует точно нашим путем. Еще слишком далеко, чтобы точно сказать — кто. Но, кажется, большой отряд.

Он взял у меня бинокль.

— О, Судьба, ты — беззубая, ухмыляющаяся шлюха! Мы сидим здесь, загнанные в угол единорогами, а оттуда (я готов держать пари) наползает твой лучший друг майор.

— Пари не принимаю, пока они не приблизятся настолько, что можно будет рассмотреть рожи.

— Ты любишь выигрывать наверняка, да?

— Во всяком случае, на моей шее никогда не висели крупные проигрыши.

С недовольным видом он вернул мне бинокль

Единорог-самец вскоре возвратился. Он и его натасканные псы, укрывшись за живой изгородью у ручья, ждали, пока им принесут добычу. Самки отошли примерно на милю и притаились в сухом овраге.

Отвечая на вопрос Морли, я пояснил:

— Самки неожиданно выскочат и попытаются посеять панику среди лошадей. Это не так уж сложно, если лошади специально не тренированы. Затем они нападут на отбившихся, сожрут упавших лошадей, а всадников и всех остальных отгонят к единорогу, не принимавшему участия в нападении. Если же всадники успеют перегруппироваться и контратаковать, то они рассыпятся по сторонам и станут выжидать.

— Думаю, отряд приблизился настолько, что мы сможем их разглядеть.

Я поднес бинокль к глазам. В клубах пыли мелькали отдельные фигурки всадников, но лица были еще неразличимы.

— Пятнадцать всадников и два фургона. Взгляни и скажи, что думаешь по этому поводу.

Он начал вглядываться, бормоча:

— Выправка солдатская. Похоже, мы попадаем из огня да в полымя. Создается впечатление, что в отличие от тебя они знают свой путь.

— Я тоже знаю, куда направляюсь. К той столовой горе.

— Туда, откуда мы прибыли, потратив на это целый день? И когда же тебе явилось столь потрясающее Откровение?

Я проигнорировал вопрос. В конце концов, ему вовсе не обязательно знать все.

Всадники миновали укрытие единорогов-самок.

— Нападение готовится с тыла.

Я взял у него бинокль.

— Интересно. Ты хорошо рассмотрел первый фургон?

— Нет.

— А тебе не приходила в голову мысль о двух девицах, болтающихся в Кантарде в сопровождении Плоскомордого Тарпа?

— Не может быть! Ну-ка дай мне эту штуку. — Он поднес бинокль к глазам. — Безумная сучка! Проклятие! Там же и твой друг Васко со своими приятелями. Очередное собрание членов

«Общества любителей Гаррета». Похоже, дамы попали в плен. Я насчитал десять солдат и одного офицера.

Наступила моя очередь воспользоваться биноклем. Морли был прав.

— Там мой безымянный майор, и это налагает на меня моральные обязательства.

— Да?

— Я не могу допустить, чтобы женщины пострадали.

— Да девиды сами запросились на неприятности! Как бы они, по-твоему, поступили, поменявшись с нами местами?

Я не успел ответить. Единороги выскочили из оврага. Поначалу казалось, что их тактика далека от совершенства. Всадники мгновенно рассыпались и вдруг разом повернулись, выставив копыя в сторону нападавших.

Две группы сшиблись в схватке. Единороги вышли из нее первыми и поскакали к оврагу. Один солдат и две лошади остались лежать. У единорогов потерь не было, но раненых оказалось предостаточно.

Стрела ударила в плечо самой медлительной самке. Та споткнулась и упала на колени. Не успела она вскочить, как в нее вонзилось несколько копий. Безымянный майор прокричал что-то язвительное. Он направил пять человек засыпать стрелами укрывшихся в овраге. Разъяренные единороги выскочили с ужасным ревом. Через несколько мгновений в новой схватке погибли еще один солдат, единорог и две лошади. Безымянный майор, удержав позиции, продолжал издеваться над нападавшими. Солдаты, потерявшие лошадей, компенсировали утрату за счет пленников.

— Мне кажется, что он ненавидит единорогов, — заметил Морли.

— Старшая самка отправилась к хозяину за распоряжениями.

— Я пошел вниз. Подай сигнал, если он прикажет ей использовать собак.

— Ладно.

Майор готовился к битве. Он построил укрепление из фургонов и багажа, снятого с вьючных животных. Лишние лошади были укрыты за баррикадами. Пленников тоже вооружили и приказали ждать в фургонах. Интересно, что майор им сказал?

Самец-единорог либо был глуп, либо потерял самую любимую из жен. Они в этом случае становятся весьма импульсивными.

Я просигналил Морли, дав понять, что догадался о его намерениях. Идея мне не нравилась, но иного выхода не было.

Собаки, завывая, неслись к отряду майора. Следом летели единороги. В пыли закружилась замечательная свалка.

Самец, видимо, не интересовался происходящим и не следил за битвой. В результате Морли удалось пробежать незамеченным от подножия осыпи до самого ручья.

За Морли следом бросился Зек Зак. Не найдется четвероногого быстрее, чем кентавр, влекомый глубокими личными мотивами.

Заслышав топот копыт, единорог обернулся, но было поздно. Зек Зак прыгнул на него и продемонстрировал всем, как в молодые годы он разделялся с единорогами в схватке один на один. Все кончилось очень быстро.

Тем временем я скатился вниз по склону. Пора было подумать об отходе.

43

Когда я сбежал вниз, все и вся были готовы к отъезду. Я вскарабкался в седло. На сей раз, для разнообразия, в моей армии царило полное согласие. Мы были командой с единым мозгом. И мозг принял решение — «оставлять следы».

Я возглавил отряд, чтобы показать пример, как это следует делать. Я провел своих людей вокруг подножия монолита, чтобы путь наш снова лежал на восток. Перед нами открывалось поле битвы. Все путешествие заняло полтора часа.

Отряд остановился. Я поднял бинокль. Никакого движения, если не считать нескольких грифов. Отсюда трудно было определить степень катастрофы. Я только видел, что один из фургонов валяется на боку, а на колесе восседает гриф.

— Стоит посмотреть поближе, — сказал я, взглянув на Зек Зака.

Кивнув в ответ и не проронив ни слова, он захватил пару дротики и ускакал. За это утро с ним произошла удивительная метаморфоза.

— Он вполне мог бы вернуться в армию, — сказал я Морли. Он неопределенно хмыкнул.

— Не забывай, его прошлые заслуги получили настолько высокую оценку, что кентавру даровали карентийское гражданство, — добавил я.

— Важно не прошлое, Гаррет, а настоящее. А этот кентавр — худшая разновидность ночного торговца. Он продает представителей вашей расы Обитателям тьмы.

Да, Морли был прав.

Зек Зак проскакал несколько раз вокруг места схватки, каждый раз сужая круг. Затем кентавр поднял дротик и послал сигнал, зная, что я наблюдаю за ним в бинокль.

— Поехали.

Зрелище оказалось преме́рским. Все собаки валялись мертвыми. Такая же участь постигла большинство единорогов и дюжину лошадей. Но мы не увидели ни единого человеческого трупа.

— Они продолжили путь, — заметил кентавр.

— Для венагета он прекрасно изучил боевую тактику карентийцев, — сказал я Морли. — Атакуй единорогов при первом удобном случае. Уноси с поля боя своих мертвецов. Отравляй мясо убитых животных.

Каждую убитую лошадь раз десять ткнули ножом. Эти раны имели по краям синеватый оттенок: в них втерли яд в виде порошка.

Никто не должен получить пользу от мертвых животных, принадлежащих армии.

Я насчитал восемь убитых единорогов. Они продолжали биться, пока не погибла старшая самка. Те, что выжили, видимо, находятся в плачевном состоянии.

Некоторое время единороги в этой части Кантарда будут искать себе более легкую добычу.

Я поднял бинокль и изучил подножие монолита. Майор и его люди были там. Они смотрели в нашу сторону.

— Ты их видишь? — спросил Морли.

— Да. Хоронят своих мертвецов. Не могу никого различить, кроме Плоскомордого.

Зек Зак понял мои слова как намек и помчался галопом в сторону бочкообразного монолита, туда, где майор возвращал земле ее детей.

— Старается втереться в доверие, — заметил Морли. — Чтобы ты ослабил вожжи, когда наступит нужный ему час.

— Когда, по-твоему, он от нас убежит?

— Лишь только мы двинемся в гнездо. У нас не будет возможности его преследовать. К тому же мы отвлечем внимание вампиров, что тоже повысит его шансы на успех. В конце концов, это его территория, и обычно он диктует Обитателям тьмы место и время встреч.

Я понаблюдав за Дожанго. Он занимался сбором сувениров, вырезая когти, выбивая острые, как бритва, зубы и размышляя, как лучше выломать рог. Каждый рог мог принести ему пятьдесят марок в Фулл-Харборе и не меньше чем кьюрио — в Танфере.

— Как думаешь поступить с кентавром? — спросил Морли.

— Позволю ему сбежать. Он мне больше не нужен.

Зек Зак прискакал назад гордой иноходью и доложил, что живыми из схватки вышли майор и еще четыре человека. О Плоскомордом я уже знал. Один по описанию походил на Васко. Остальные двое могли быть кем угодно.

— Выйти живым не значит остаться невредимым, — пояснил кентавр. — Им всем прилично досталось.

— А женщины?

— Там обошлось без ран. Немного помяты.

— Держу пари, что за их сохранность нам следует благодарить этого тупицу Плоскомордого, — пробурчал Морли.

— Одна из дам, — продолжил Зек Зак, — твердила, чтобы я передал вам: она сделает из вас яичницу и скормит единорогам. Когда главный начальник попытался даму урезонить, она укусила его и ткнула коленом промеж ног.

— Моя милая маленькая Роза! Какой замечательной женой она станет для пока еще неизвестного бедняги. Ну ладно. В путь.

Я с трудом заставил свою лошадь повернуть на восток. Единство нашего отряда начало распадаться.

— Не правда ли, она быстро приходит в себя? — произнес Морли, и в его голосе я уловил нечто похожее на восхищение. — Разве нам обязательно надо уезжать?

— Да. Майор не станет больше брать пленных. У них там возникнет своеобразный брак по расчету из трех человек, но они, по крайней мере, станут друг о друге заботиться... Скажи-ка лучше, ты сможешь заставить Дориса и Маршу тащить фургон? Он мог бы нам пригодиться.

Фургон был не поврежден, а просто повален на бок.

— Он армейский. Будет плохо, если мы с ним попадемся.

— Не попадемся.

Морли заговорил с грольями. Они, как мне показалось, ответили ему крайне невежливыми словами. Морли перевел:

— Они хотят собрать рога. От рогов больше пользы, чем от любого фургона. Если рог воткнуть в вампира, тот сдохнет быстрее, чем от серебра. И вампиры не могут учуять рога на расстоянии.

— Скажи им: рога за фургон. Времени достаточно. Похороны и перебранка займут наших неприятелей надолго.

Гролли охотно пошли на эту сделку. Крак! Фургон стал на колеса. После этого гролли принялись бродить от единорога к единорогу, видимо, мечтая приобрести впоследствии пивоваренный заводик.

Две молоденькие и очень израненные самки выскочили из укрытия, возмущенные осквернением трупов сородичей. Было больно смотреть, как гролли, даже не особенно утруждаясь, забили их своими дубинами.

44

В этот день мы решили в гнездо не лезть. Я хотел сделать это пораньше с утра, когда Обитатели тьмы улягутся спать на день, а не вечером, когда они вот-вот начнут просыпаться. Когда вампиры крепко спят, разбудить их практически невозможно, и даже старшие слуги по крови с трудом реагируют на окружающее.

Так гласят легенды.

Уйдя из поля зрения преследователей, мы приступили к запутыванию следов. Зек Зак из всех сил старался продемонстрировать свою незаменимость. Он знал множество трюков. Один раз даже заставил гроллей протащить фургон на руках целых две мили, чтобы оставить ложный след колес.

На ночь мы устроились на вершине небольшой возвышенности, не дальше двух миль от обрыва столовой горы, в котором находился вход в гнездо. Моя голова гудела от близости Кейен. Со своего пригорка я мог следить и за тем, что происходит рядом с горой, и за передвижением наших преследователей.

— Ночью никаких костров, — сказал Зек Зак, пока я, скорчившись, наблюдал в бинокль за успехами нашего друга майора. — Кроме того, всем следует рассредоточиться и оставаться рядом с гема скалами, которые больше всего нагрелись за день. Вампиры находят ночью свою добычу по излучаемому ею теплу. И желательно не скапливать в одном месте слишком много металла.

— Надеюсь, вы не станете им сигнализировать? — поинтересовался я. — Чтобы заработать несколько очков.

— Никто не скажет, что я склонен к самоубийству. Всем известно, что я горяч и тороплив, не слишком умен, часто даже глуп. Но самоубийство... Я люблю жизнь и множество прекрасных вещей, которые ей сопутствуют. — Кентавр ушел в себя. И прошептал: — Люблю. Даже, может быть, чересчур.

— Советую помнить, что майор желает заполучить вас не меньше, чем меня. Поп, который вас шантажировал, был его другом, а вам об этом известно.

— Майору придется убраться из Кантарда до того, как он успеет причинить мне какую-нибудь неприятность. Ему еще предстоит пережить эту ночь. Прошлой ночью он был слишком силен для них. Теперь же дело обстоит иначе. Особенно если они сильно проголодались. Те двое, которые появились в Фулл-Харборе, уже не имели сил сдерживаться, хотя их ночные вылазки были для них смертельно опасны.

— Но почему вы думаете, что они обнаружат его раньше, чем нас?

— Несколько людей гораздо легче найти, чем одного.

— О...

День был на исходе. Нашим преследователям не повезло, и сейчас их больше всего интересовало, как лучше устроиться на ночлег.

— Посмотрим, — сказал кентавр, указывая на обрыв, который уже начал погружаться во тьму.

Я перевел бинокль.

Летучие мыши. Мириады летучих мышей. Все они вылетали из той точки, через которую проходила мистическая линия, ведущая меня к Кейен.

Морли вернулся из небольшой разведывательной экспедиции по окрестностям. Для городского паренька он очень быстро ос-

ваивался с обстановкой. Я пересказал ему советы кентавра. Он посмотрел на Зек Зака и коротко кивнул.

— Разумно. Только не засыпай слишком крепко, Гаррет.

Верно. Хотя сейчас я вряд ли вообще смогу сомкнуть глаза. Никогда не признаешься своим ребятам, что ты боишься. Ужасно боишься. А на этот раз ставка действительно могла быть больше, чем жизнь. Я рисковал умереть, но продолжал двигаться и думать.

Если меня спросят о разнице между героем и трусом, я скажу так: герой ухитрится обмануть себя и заставить идти вперед вместо того, чтобы действовать так, как подсказывает здравый смысл.

Впрочем, никто никогда не говорил мне, что я обладаю хоть толикой здравого смысла.

Я все же уснул. И проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Надо мной склонился Морли.

Я услышал все раньше, чем он успел мне сказать. От подножия столовой горы доносился страшный шум. Господи, как мне хотелось подбежать к ним и предупредить, когда они решили разбить лагерь в миле от входа в гнездо. Но, как и Зек Зак, я не знаменит суицидальными склонностями.

Как сказал Морли, наименьшему риску подвергались женщины, а только о них мы и беспокоились. Правда, я еще испытывал теплые чувства к Плоскомордому Тарпу. Плоскомордый был неисправимым романтиком. Таких следовало бы сохранять как последних представителей рыцарского племени.

Я поднялся чуть выше и увидел два затухающих лагерных костра. Огни погасли, и минуты через две крики и шум под горой затихли. И еще через пару минут кто-то из нашей компании произнес первые слова. Кажется, это был Дожанго.

— Думаю, нам больше не стоит беспокоиться по поводу армии.

— Да. Я тоже так думаю.

Теперь никто не мог уснуть. Я пялился на звезды, размышляя о размерах некоторых пастей и о том, как Роза, Васко и майор восприняли все это. Интересно, согласятся ли они бежать, если мы вдруг придем им на помощь?

— Завтра нам следует быть крайне внимательными, Гаррет, — произнес Морли где-то под утро. Он не счел нужным поинтересоваться, бодрствую ли я. Он знал. Да и я знал, что он и все остальные лежат с открытыми глазами, зажав в руке кусочек серебра.

45

Мы отправились в путь на два часа позже, чем я планировал накануне. Это дало солнцу еще два часа, чтобы подняться повыше и залить лучами вход в гнездовье. Обитателям тьмы было предоставлено два лишних часа, чтобы глубже погрузиться в сон. И наконец, эти два часа пошли на то, чтобы мы смогли лучше подготовиться к экспедиции и окончательно обезуметь от страха. Все наши чувства взывали: «Немедленно бегите отсюда!»

Морли провел два часа, проверяя и перепроверя все, что мы должны были взять с собой: осветительные патроны, зажигательные бомбы, копья, арбалеты, мечи, ножи, рога единорогов — список казался бесконечным. Я через бинокль рассматривал вход в гнездо, отыскивая дополнительные выходы, и одновременно помогал тройняшкам расправляться с остатками пива. Зек Зак намечал извилистый путь, следуя которым мы могли долго оставаться незамеченными. Гролли (после того, как с пивом было покончено) развлекались тем, что натаскали для лошадей воды не меньше чем на пару дней. Дожанго привязал животных так, чтобы они смогли освободиться самостоятельно, если мы не вернемся. Все это происходило в молчании. Редкие убогие шутки встречались дружным смехом. Всем требовалась разрядка.

Морли раздал смертоносные предметы и осветительные патроны и проинструктировал каждого, как ими пользоваться. Мы все упаковали, наполнили канистры и выпили изрядное количество воды к тому времени, когда солнце, на мой взгляд, оказалось в нужном месте. Я отдал команду:

— В путь!

— Хотел бы я знать, известно ли им, что мы приближаемся, — бормотал Морли. — Если им о нас уже известно, то мы могли бы взять металлическое оружие. И много-много серебра.

Он беседовал сам с собой. Я же, обращаясь в пространство, бурчал:

— Не волочил на себе столько оружия со времени высадки на острове Малгар.

В тот день мы все тоже обезумели от страха. Сейчас те венагеты казались мне дружелюбными щенками.

Путь, проложенный кентавром, привел нас в разоренный лагерь. Зек Зек знал, что мы захотим посмотреть, какая судьба постигла наших преследователей.

Еще издали мы слышали вопли дерущихся гриффов. И жужжание мух. Здесь, в Кантарде, эти твари так разжирили, что гудели, как шмели.

Мы протиснулись между двумя валунами, и перед нашими глазами предстала картина разгрома.

Думаю, она была не ужаснее других мест массового истребления. Но тела были настолько изуродованы нападавшими — хищными птицами, дикими псами и другими неизвестными существами, что нам пришлось считать валявшиеся головы. Только четыре человека из отряда майора достались пожирателям трупов. Лежали здесь и два тела одетых в черное слуг по крови, но эти были не тронуты. Даже мухи и муравьи-трупоеды избегали их.

Все молчали. Мертвецов было невозможно опознать; что тут скажешь. Мы продолжили путь. На смену страху нарождалась

ярость, та ярость, что заставляет человека истреблять людоедов, кто бы они ни были — волки, тигры или вампиры.

Ближе к входу мы изменили порядок построения. Мы с Морли осторожно с двух сторон подошли к пещере разведать, нет ли каких неприятных сюрпризов. Пока ничто не вызывало подозрений. Все собрались у самого входа в туннель. Нас обдало зловонием, исходящим от обитающих в пещере летучих мышей. Никаких признаков вампиров не было видно, но на моем пальце была намотана прядь рыжих волос. Я снял ее с растущего неподалеку колючего куста.

Морли и я вошли первыми, держа в одной руке меч, а в другой — рог единорога. За нами следовал Дожанго, нагруженный осветительными патронами и зажигательными бомбами. Его прикрывали гролли с копьями и арбалетами. Зек Заку я предложил выступить в качестве арьергарда, так как мы были уверены, что он сбежит. Не хватало еще, чтобы на пути к выходу он путался под ногами.

Было решено, что, добравшись до гнезда, мы применим гибкую тактику и нужное оружие, исходя из обстановки.

Я подал сигнал. Все, кроме кентавра, закрыли глаза. Он досчитал про себя до ста и зашипел по-змеинному. Чуть-чуть приоткрыв глаза, мы осторожно шагнули в преддверие ада.

Мы двигались крайне медленно, замирая после нескольких шагов и вслушиваясь в тишину. Мы с Морли вставали на колени, чтобы у тройняшек было больше пространства в случае внезапного нападения. Так мы и продвигались, и чем больше мы погружались во мрак, тем чаще делались остановки.

По праву способности лучше видеть в темноте Дожанго следовало бы занять мое место. Но Морли опасался, что его могут подвести нервы. Я согласился. Дожанго, бесспорно, возмужал и окреп духом, однако шагать в первых шеренгах ему пока рановато.

Боже, как же воняло в этой дыре!

Первая сотня футов оказалась не очень трудной. Пол пещеры был ровный и чистый. Своды высокие. За спиной оставалось пятно дневного света. Кроме того, нас вроде бы не ждали.

Затем туннель начал уходить вглубь и повернул вправо. Потолок стал ниже, и гроллам пришлось шагать на полусогнутых. Темень сгустилась и наполнилась шорохом и писком потревоженных летучих мышей. Через несколько шагов мы все пропитались той мерзостью, которая служила источником смрада. Заметно похолодало.

Зек Зак зашипел.

Мы замерли. Я был поражен, как тихо он двигался на своих копытах. Я-то думал, что кентавр уже успел испариться.

Шипенье было единственным звуком в пещере. Кентавр что-то передал стоящему впереди Дожанго. У того между пальцами мелькнул огонек, и он передал предмет дальше.

Это оказался камень Люцифера, который Морли дал кентавру перед тем, как запереть его в склепе.

Меня охватил холод нехорошего предчувствия. При свете камня я заметил, что Морли обуревают те же мысли — не объявляет ли кентавр, что наступил час расплаты. Если мы навсегда останемся здесь, ему станет жить намного легче.

Я видел, что Морли борется с желанием придушить Зек Зака на месте. Здравый смысл победил. Но с величайшим трудом. Кентавр отдал мне камень, потому что мое зрение было слабее, чем у остальных. Я взял источник света в правую руку и прижал пальцами к рукоятке деревянного меча. В случае необходимости я мог поднять один или два пальца и осветить себе путь.

Вперед. Солнце, свобода и свежий воздух остались в тысячах миль и тысячах лет от нас. Продвижение замедлилось еще сильнее: из каждой щели и за каждым выступом мы ожидали засаду.

Это выглядело как мумифицированный труп. Беззубый рот открыт. Глазницы зияют черной пустотой. Череп покрыт редкими

длинными всклокоченными волосами. Вдруг одна из скрюченных рук скелета выпрямилась, едва не коснувшись моего лица. Я упал и в диком ужасе, не глядя, отмахнулся мечом, усеянным острыми осколками камней. Удар пришелся по костью, и тот рассыпался в прах.

Существо, толкнувшее в мою сторону руку скелета, выпрыгнуло из тьмы. В то же мгновение его насквозь проткнуло копье одного из гроллей. На меня без всякого выражения смотрели глаза, ледяное, зловонное дыхание обожгло лицо. Я изо всех сил вонзил в него рог и вновь увидел выражение, которое видел столетия назад: предавшее бессмертие.

Оно попыталось вонзить мне в горло клыки. Клыки еще не были полностью развиты. Болезнь зашла не слишком далеко.

Но страшно мне стало.

Нога Дожанго вошла в контакт с нависшей надо мной головой.

Я подобрал выпавший камень Люцифера и поднялся. Старые кости и слуга по крови остались лежать. Однако на нашей вечеринке появились его братья.

Их оружием были клыки, когти, злоба и вера в свою непобедимость. И все это превращало их в серьезных противников.

Мы с Морли сумели сдержать первый напор. Дожанго, отступив за спину братьев, запалил осветительный патрон. Обитатели тьмы вскрикнули и прикрыли глаза руками. Через мгновение все было кончено.

Их было всего четверо, если не считать мертвяка, усопшего много лет назад. Но мне показалось, что на нас напал батальон.

Мы с Морли осмотрели друг друга в поисках ран. У него оказалась одна неглубокая царапина. От перевязки он отмахнулся, будучи не настолько человеком, чтобы волноваться.

Итак, встреча с врагами состоялась. В первой схватке мы взяли верх. Наш дух окреп, страхи поставлены под контроль. Дожанго был страшно горд собой. Он доказал, что способен думать и действовать, несмотря на охватывающий его ужас.

Отдышавшись, мы продолжили движение. Но уже без кентавра по имени Зек Зак. Невозможно было определить, в какой момент он дезертировал. Скорее всего во время схватки, когда он был уверен, что никто не заметит его исчезновения.

Позади нас догорал осветительный патрон. Летучие мыши начали успокаиваться. Становилось все холоднее.

46

Второй отряд врага хоть и был покрупнее первого, но тоже не добился успеха. Это были слуги, немного дальше продвинувшиеся по кровавой тропе. Их было труднее убить, но они также боялись света, а рог единорога действовал на них более эффективно. Но все же они заставили нас попотеть.

Третий отряд оказался самым мощным.

Все говорило за то, что мы приближаемся к гнезду. Отряд состоял из слуг по крови, которые, миновав все ловушки и сложности, настолько продвинулись в болезни, что были готовы пополнить собой ряды владык. Это означало, что они обладали почти такой же мощью и быстротой и были столь же смертоносны, как те двое, которых мы уничтожили во время ночной стоянки. После того, как мы проткнули одного рогом, остальные не давали дотронуться до себя, даже ослепленные ярким светом. Во тьме, в которой они обитали, им практически не приходилось пользоваться зрением. Не обращая внимания на боль в глазах, они целиком полагались на слух.

Один из них проскочил мимо меня и Морли. Гролли пришили его к стене, а затем добили рогами единорога. Дрожащий от ужаса Дожанго остановил еще двух, забросав их зажигательными бомбами. Мы прикончили их, пока они метались в пламени и орали.

— С элементом неожиданности покончено, — констатировал Морли. — Если он вообще существовал.

— Да.

Это были первые слова, произнесенные после вступления в подземелье, не считая негромкой ругани Дориса, сломавшего рог о ребра одного из слуг по крови.

Зажигалки погасли. Мы изготовились к новой схватке.

— Уже недалеко, — бросил я.

Морли что-то буркнул, соглашаясь.

— Наши шансы, наверное, улучшились, — предположил я.

Морли снова что-то пробурчал. Интересный собеседник! При свете камня Люцифера он показался мне очень странным. Уж не задумал ли он упасть в обморок?

Но Морли собрался и зашагал вперед, стуча рогом по мечу и прислушиваясь к эху. Через полсотни шагов эхо пропало.

Я пустил лучик света между пальцами.

Стены расступились. Потолка не было видно.

— Дожанго, передай Дорису осветительный патрон.

Грольм знал, что делать. Они вообще умеют метать предметы высоко и далеко.

Мы стояли на платформе, возвышающейся на сорок футов над полом огромного зала. Вниз вели вырубленные в камне и постепенно расширяющиеся ступени. А там... там толпилось не меньше сотни этих... созданий... Они вопили, повернувшись в нашу сторону и прикрывая глаза руками. С десятков из них были одеты в белое, и они почему-то напомнили мне извивающихся червей на разлагающемся трупе собаки.

Неожиданно Марша ударил копьём. И какой-то подросток из числа слуг по крови покотился по ступеням.

— Ну и как ты думаешь проглотить, не подавившись, тот кус, который отхватил? — поинтересовался Морли. Он дрожал от холода.

— Знаю лишь одно — не время менять планы. Надо непрерывно наступать, держа их в состоянии паники.

Он что-то прорычал гроллам. Я бросил взгляд вдоль линии, проходящей через мою голову, и увидел полдюжины женщин в белом, некоторые из них держали детей, рожденных по крови. Кто в этой группе Кейен, я определить не сумел.

Морли, кажется, тоже кого-то выискивал в толпе.

— Они там, — произнес Дожанго, указывая на клетки в глубине зала. Из-за решеток на нас смотрели пленники, в глазах у некоторых теплилась надежда.

Осветительный патрон почти выгорел, но гролли, открыв заплечные мешки, стали забрасывать толпу зажигательными бомбами. Дожанго начал собирать мощный фонарь. Мы с Морли подняли луки и пускали стрелы, когда нам казалось, что паника начинает спадать.

— «Пора что-то предпринимать», как заявила беременная девица своему парню, — сказал я, обращаясь к Морли, и, сгорбившись под тяжестью мешка с оружием, двинулся вниз по ступеням. Опять вооруженный рогом и мечом.

Морли избрал то же вооружение и потуже затянул заплечный мешок. Дожанго остановил свой выбор на роге и арбалете. Его мешок был пуст, и он его попросту бросил. Гролли тащили мешки на спинах, но вооружились они только своими устрашающими дубинами, которые протащили через все преграды от самого входа в пещеру. Дубины, заткнутые за пояса, волочились за близнецами по земле, похожие на длинные толстые хвосты.

— Сначала пленники? — спросил Морли.

— Да нет. Даже если им можно доверять, они все равно станут мешаться под ногами. Только вперед. Туда, куда направляются женщины. Наверняка они идут к своим владыкам.

Наконец мы достигли пола пещеры. Гролли шагали впереди, вращая над головами своими дубинами. Морли что-то пробормотал, провалившись по щиколотку в отбросы. И тут же ударил ногой одну из ночных тварей. Некоторые из них пришли в себя настолько, что начали оказывать сопротивление.

Роза и Тинни визжали так, что перекрывали общий шум. Я улучил мгновение и отсалютовал им мечом. Девиды не оценили моего рыцарского жеста.

Морли отшвырнул ногой со своего пути человеческую бедренную кость.

— Ты, кажется, интересовался, чем питаются слуги по крови, пока развивается их болезнь?

— Нет. И не надо делиться со мной своими догадками.

Мы приблизились к лазу, через который бежали женщины и дети. Это была нора не больше четырех футов высотой и трех шириной. У лаза толпились слуги по крови. Отталкивая друг друга, они торопились проникнуть в узкую щель под защиту своих владык.

Гролли молотили спасающихся дубинами с энтузиазмом шахтеров, наткнувшихся на золотую жилу.

— А ты хотел купить мулов, — проворчал Морли.

Щелкнула тетива арбалета. Это Дожанго сразил героя, покушавшегося на собранный и оставленный им у входа фонарь.

Обитатели тьмы начали контраступление. Скверно. Вооруженные или нет, они могли задавить нас просто своей численностью. Правда, у меня сохранилось несколько козырей, припрятанных в рукаве и за голенищем, но я старался сберечь их на будущее.

Гроллям наконец удалось очистить лаз.

Морли им что-то сказал. Братишки отребли в сторону останки тварей и стали протискиваться через дыру. Я последовал за ними с камнем Люцифера. Морли шел последним.

Никто не пытался нас преследовать.

«Что ж, мы добрались до самого сердца гнездовья. Совсем как герои древних легенд. Но для них этим завершалась самая трудная часть дела. Для нас же она только начинается».

Невесты по крови толпились около каменных саркофагов своих любимых, которые пока еще не пробудились. Невест было пятнадцать. Из них только у четырех болезнь прошла полный

путь. Одну из четырех я видел за столом напротив себя в доме, где я когда-то любил другую. И она была здесь. Ее болезнь развивалась всего лишь несколько лет, и еще были шансы на выздоровление. Рядом с ней стоял слуга по крови, по выражению его лица я понял, что это он передал мне записку. Встретив мой взгляд, она задрожала и схватила за руку стоявшего рядом.

Вам когда-нибудь хотелось рыдать?

Из лаза позади нас раздался голос Дожанго:

— Они захватили фонарь. Все зажигалки погасли. Хотя не похоже, что они собираются прорываться сюда.

— У нас и без того хлопот хватает. Гаррет, она здесь?

— Да.

— Отбей ее от стада, и покончим с этим.

Я поманил Кейен.

Она двинулась вперед, опустив глаза и потянув за собой спутника.

Остальные невесты и семь или восемь слуг по крови задвигались и зашипели.

Острые рога, который держал Морли, поднялось и уперлось в горло спутника Кейен.

— Клемент, говори — где он?

— Убей его здесь, Дотс, только не забирай с собой.

— Если я не заберу его с собой, они убьют меня. Где он?

Ну и ну. Что, черт побери, здесь происходит?

— Там, — слуга по крови показал в направлении невест. — Прячется вместе с детьми. И тебе не добраться до него, не разбудив владык. — Он посмотрел на меня, взгляд был полон мольбы. — Уведите ее отсюда. До того, как они проснутся.

Прекрасное предложение, я бы охотно на него откликнулся. Но меня останавливало одно — мы не можем уйти отсюда, не оставив владык по-настоящему мертвыми.

Это диктовалось вовсе не эмоциями, а всего лишь простой необходимостью. Если мы оставим их живыми, они, едва зайдет

солнце, бросятся за нами в погоню. И убежать от них невозможно. Они не могут позволить нам уйти. На них обрушится вся карентийская армия, как только мы сообщим о местонахождении гнездовья.

— Мне надо поговорить с тобой, Морли.

— Позже. Валентин, вылезай оттуда.

Между саркофагами что-то задвигалось, издавая шипение. Шипение складывалось в едва различимые слова:

— Попробуй достань меня.

Я обратился ко всем присутствующим:

— Ребята, через минуту здесь возникнет крайне неприятная обстановка. Некоторым предстоит умереть по-настоящему. Вы наверняка не хотите, чтобы это случилось с вами. Желающие могут покинуть пещеру. Когда мы покончим со всем этим, они смогут эмигрировать в другое гнездо.

Если же нам это не удастся, мы сами окажемся их ночной закуской.

Через несколько секунд одна из недавно обращенных женщин прошествовала мимо нас, опустив глаза. Большинство слут по крови мужского пола тоже колебались недолго. Среди женщин таких всегда меньшинство. Их обычно подбирают и доставляют владыкам ночные торговцы вроде Зек Зака.

Одна из самых пожилых женщин запротестовала и попробовала вернуть дезертирку.

Стрела из арбалета Дожанго вонзилась ей в лоб дюйма на четыре.

Старуха упала, забившись в конвульсиях. Одной стрелы было недостаточно, чтобы убить ее, но вполне хватило, чтобы лишить рассудка.

Я пропустил беглянку мимо себя.

— Кто еще?

Женщины посмотрели на упавшую подругу, прислушались к скрипу натягиваемой тетивы, слегка пошипели и решили оставить

нас на милость своих господ. Постепенно вся небольшая толпа рассосалась. Малышек тоже увели.

Все же у этих созданий совершенно отсутствует чувство локтя.

47

— Добей эту мерзость! — выпалил Морли и тут же повторил приказ на языке гроллей.

Марша принялся колотить бьющееся в конвульсиях создание, пока оно не затихло.

— Валентин, вылезай!

В ответ — снова шипение. Я поднял повыше камень Люцифера, чтобы разглядеть, кем это так интересуется Морли.

И сразу многое стало на свои места.

Я узнал это лицо: Валентин Перманос.

Шесть лет назад главный подручный короля преступного мира некий Валентин Перманос и его брат Клемент исчезли, прихватив с собой половину состояния шефа. Ходили слухи, что братья скрылись в Фулл-Харборе. Морли мог бы, наверное, рассказать все подробно, но я пока был вполне удовлетворен тем, что узнал.

— Приступим, Гаррет. — Морли взялся обеими руками за рог.

Валентин Перманос начал расталкивать одного из покоящихся владык.

Его лицо было искажено ужасом. Говорят, что скорость, с которой прогрессирует болезнь, сильно зависит от воли жертвы. У Валентина процесс зашел значительно дальше, чем у его брата. Он активно желал превратиться в одного из них.

Я вспомнил слухи о том, что в то время, когда Валентин грабанул босса, он уже медленно умирал от какой-то болезни.

Морли с силой вогнал рог точно в сердце ближайшего к нему вампира. Я последовал его примеру... Он справился с третьим. Я сравнял счет.

Изрыгнув крепкое ругательство, Морли приказал:

— Дожанго! Кинь мне другой рог!

— Это же сто марок, Морли! Чем плох тот, что у тебя, по правде говоря?

— Он застрял в ребрах гнуса! Швыряй новый, тебе говорят!

Я двинулся к следующей жертве. Дрожь в теле прекратилась. После этого останется всего шестеро. Перевал преодолен. Главные трудности позади, еще несколько минут — и мы можем уходить.

Я изо всех сил ударил вниз рогом.

Внезапно тот, которого тряс Валентин, прыгнул на меня.

Я отклонился в сторону. Стрела из арбалета Дожанго рассекла чудовищу лицо. Морли вонзил в него рог. Потолок был так низок, что гроллам приходилось стоять на коленях. И все же Дорис изловчился ткнуть монстра в брюхо своей дубиной. Я заметил на груди вампира подвеску с крупным рубином и схватил Морли за плечо, не дав ему ударить.

— Ко мне все! Живо! — закричал я, отступая. — Это сам Владыка по крови. Хватайтесь за меня! Все прикоснитесь ко мне!

В меня вцепились руки моих соратников.

— Закройте глаза!

Нащупав в рукаве помятый и пропитанный потом клочок бумаги, я быстро разорвал его пополам, ожидая, что в любой момент в меня вонзятся клыки и когти.

Я открыл глаза.

Они все уже восстали из своих гробов. Руки поднесены к вискам, пасти разинуты в беззвучном вопле. Вампиры раскачивались взад-вперед — разум оставил их.

— Две минуты! — проорал я. — Меньше двух минут на то, чтобы покончить с ними!

Признаться, я несколько приуменьшил отпущенное нам время, потому что не полностью доверял магическим силам Старой

Ведьмы. И еще мне показалось, что Владыка по крови не был полностью выведен из строя.

Это была отвратительная, грязная работа, которой я не могу гордиться, хотя мы уничтожали «их». Мы отбрасывали тела назад, а гролли своими дубинами добивали вампиров, превращая их головы в бесформенное месиво. Победа завоевывалась нелегко. Несмотря на временное безумие, они чувствовали, когда их атаковали. Я получил не меньше дюжины неглубоких царапин, которые позже следовало тщательно обработать и перевязать. Морли чуть было не перегрызла горло, потому что он из странного благородства оставлял Владыку по крови для меня.

Дубинки гроллерей вовремя разбили череп древнего чудовища.

Дожанго вел репортаж о происходящем в большой пещере: толпа слуг решила наконец вмешаться в схватку. Морли был занят тем, что выковыривал из щели своего пленника. Я приказал гроллам повернуть назад, отшвырнув одновременно в сторону Кейен и ее парня, чтобы их ненароком не забили зеленые братишки.

Услышав резкий вопль, я оглянулся.

Морли уже выдергивал рог единорога из груди Клемента.

— А это было вовсе не обязательно, — осканился я и взглянул на Кейен. Интересно, пойдет ли она теперь со мной? Она опустилась рядом с Клементом и взяла его руку в свои ладони. Я посмотрел на лаз, запустил руку в заплочный мешок и швырнул несколько зажигательных бомб мимо гроллерей. Вспышка света отбросила слуг по крови назад.

— Уходим! — приказал я. Оглянувшись, я увидел, что Морли уже двинулся, волоча за собой пленника. Кейен неохотно поднималась на ноги, с лицом холодным, как смерть, рядом с которой она только что находилась. Но Дожанго...

— Чтоб ты сдох, Дожанго! Чем, черт побери, ты занялся?

— Гаррет! Это же подлинный камень-кровавик, принадлежащий Владыке по крови. Знаешь, сколько он может стоять? Ты

только взгляни на паразита. Ему же не меньше трех-четырех тысяч лет.

Три-четыре тысячи лет. Столько времени это чудовище охотилось на людей. Надеюсь, ему подыщут особое место в преисподней, где полыхает самое жаркое пламя.

Я прополз через лаз вслед за гроллами, разбросал остаток зажигательных бомб и кинул в толпу парочку осветительных патронов. Общий вопль снова усилился. Я опустился на колено, держа меч наготове, а гролли принялись размахивать дубинами с невиданной яростью.

На мое плечо опустилась рука. Я обернулся и взглянул в печальные, нежные и даже прощающие глаза.

Морли, держа одной рукой мешок и пленника, начал швырять зажигательные бомбы. Я слышал удары тетивы арбалета Дожанго.

— Что это ты сотворил, Гаррет?

— Потом.

— Я нюхом чую колдовство. И много еще осталось у тебя в рукаве?

— Освобождаем пленников и уходим.

Жители подземелья, чуть отступив, начали группироваться у входа в туннель, ведущий к свету. Они не хотели сдаваться. Остановив нас, они смогут сохранить свой образ жизни. Обитатели тамы станут ждать, пока один из рожденных по крови не возмужает и не станет столь могущественным, что превратится в нового Владыку.

Из темноты вылетела стрела и отскочила от плеча Марши. Кто-то добрался до оставленного нами у входа оружия. То, что для толстой шкуры гролла было пустяком, могло принести смерть остальным.

— Двигайтесь! Ты, Дожанго, первым!

Роза и Тинни завывали не хуже, чем тысяча дерущихся котов. Мы пробилась к клеткам. Большинство пленников были блед-

ны, как и их хозяева. Ночное племя высасывает у жертв кровь медленно, не так, как паук. Я удивился, что они все еще живы.

— Привет, Плоскомордый, — произнес я, не обращая внимания на женщин. — Ты все такой же принципиальный и упрямый? Я не хочу оставлять тебя здесь.

Надо отдать должное Плоскомордому. У него не очень много мозгов, но с юмором все в порядке. Он даже ухитрился ухмыльнуться.

— Все в порядке, Гаррет. Я — безработный. Уволен, потому что не смог вытащить нас из этого дерьма.

Судя по количеству ран на теле, Плоскомордый сделал все, что мог. Он посинел от холода. А я даже не замечал арктического мороза, настолько был возбужден.

— Значит, ты свободен для работы. Считай, что получил от меня задаток.

— Заметано, Гаррет.

— Ну а как вы, Васко? Все еще полагаете, что сможете разбогатеть, остановив меня? Взгляните сюда. Это — девица Денни. Сколько времени, по-вашему, она могла бы продержаться? Год? Да и то, если бы вам повезло. Все ваши друзья умерли не за понюшку табаку.

— Не надо проповедей, Гаррет. Я сам скороню своих мертвецов. Он заскрипел зубами.

— А как насчет тебя, Позвоночник?

— Я никогда не ссорился с тобой, Гаррет. И сейчас не намерен.

— Отлично.

Оставались еще два карентийских солдата. Но они были в таком отвратном состоянии, что я решил не тратить времени и не стал спрашивать, не учинят ли они мне пакость.

Тем временем Морли мило болтал с дамами. Они расположились в отдельных клетках. Роза уже обещала ему луну с неба, если он вытащит ее отсюда. Она говорила «меня», а не «нас». Любящая, заботливая, семейственная Роза! Тинни старалась

держаться с достоинством, насколько позволяли обстоятельства. Я решил, что в будущем (если оно наступит) к этой крошке стоит приглядеться повнимательнее.

— Как думаешь, стоит их освобождать? — осведомился Морли.

— Решай сам. Вообще-то они замедлят наше движение.

Диалог был краток, но Дожанго решил, что и это чересчур.

— Вы, парни, прекращайте словоблудие, — заявил он, — или мы с братьями отправимся в путь без вас.

Он владел камнем-кровавиком, несколькими рогами единорогов и ощущал себя богачом. Теперь он беспокоился за свою жизнь — хотелось насладиться состоянием.

Щелкнула тетива арбалета Дожанго. В то же мгновение над нами просвистела выпущенная кем-то стрела.

— Ты знаешь, Морли, ведь он в чем-то прав.

Морли произнес что-то на языке гроллей, и они несколькими точными ударами дубин сбили с клеток замки. Не слушая протестов Дожанго, мы вооружилч освобожденных рогами единорогов. Гролли швырнули оставшиеся осветительные патроны в толпу, и мы двинулись к свободе

48

Свобода оказалась не слишком доступной дамочкой.

Вначале показалось, что мы сможем прорваться одним махом. Но враги, преисполненные решимости сохранить тайну своего логова, сомкнули ряды и начали кидать в нас все, что попадало им под руку. Когда я говорю все — это значит все: дерьмо, кости, камни и самих себя. Некоторые слуги по крови обладали почти такой же мощью, как и их владыки. Мы потеряли одного из освобожденных пленников. Они не были вооружены и двигались словно мухи в сиропе.

Упал еще один солдат. Васко был ранен, но удержался на ногах. Я приобрел очередной набор царапин. Плоскомордый свалился и поднялся с большим трудом. Когда Дорис бросился ему на помощь, его облепила стая чудовищ. Я был уверен, что гроллаю пришел конец. Но, оглянувшись, увидел, что гигант все еще жив. Меня охватило отвращение к себе: в какой-то момент я пожелал, чтобы его убили и нам не пришлось бы выволакивать его на себе.

Обитатели тьмы отступили и замолкли. Интересно, почему? Примерно тридцать из них еще способны были продолжать битву. Тут я заметил, что догорают два последних осветительных патрона.

Через несколько секунд мы окажемся в их стихии — темноте.

Настало время вновь что-нибудь вытащить из рукава. Хорошо, что у меня хватило выдержки не продемонстрировать этот фокус раньше.

— Все ко мне! Оружие острием наружу! Поднять лица вверх и закрыть глаза!

Нашлись желающие задать вопросы, а кое-кто даже готов был пуститься в спор.

— Кто ослушается — ослепнет, — соврал я.

Морли выпалил приказ на языке гроллей. Тройняшки повиновались беспрекословно. Этот треклятый Дорис не только оказался на ногах, но и ухитрился волочить за собой Плоскомордого.

Последний осветительный патрон погас.

Обитатели тьмы начали надвигаться с шорохом и шипением.

На этот раз заклинание было не в рукаве, а в голенище сапога.

— Закрыть глаза! — проревел я, разрывая листок.

Выброс сернистого газа заглушил вонь пещеры. Яркий свет пробивался даже сквозь прикрытые веки. Обитатели тьмы взвыли.

Медленно досчитав до десяти, я приказал:

— Открыть глаза и — вперед!

Ослепительное сияние превратилось в яркий, но вполне терпимый свет. Старая Ведьма сказала, что такая иллюминация продер-

жится несколько часов. Свет напоминал солнечный. Для Обитателей тьмы он невыносим.

Если они не поспешат скрыться в тень, навсегда лишатся того, что заменяет им разум.

Мы поднялись по ступеням. Сорвав с мертвого слуги по крови одежду, я бросил ее Кейен, чтобы она прикрылась от света. Она уже страдала от боли. Надо было бежать, но Морли и Дожанго вдруг решили развлечься и пострелять из оставленных нами луков.

— Уходим, пока можно! — гаркнул я. — Нам и так до сих пор невероятно везло. Не будем больше искушать судьбу.

Марша сграбастал Дожанго и поволок за собой. Остальные двигались самостоятельно. Морли, увидев, что ему придется играть одному, бросил лук и поспешил за нами.

О передышке не было и речи. Туннель — единственное место, где Обитатели тьмы могли спрятаться от света и с новой силой напасть на нас.

Все же мы оказались проворнее и достигли выхода раньше, чем враги сумели нас догнать.

49

— Что за дьявольщина? — прохрипел Морли, когда нам пришлось пробиваться сквозь металлическую сетку или, если хотите, паутину, образовавшуюся у выхода из туннеля за время нашего пребывания внизу.

— Откуда я знаю? Давай работай! — Я не мог ему помочь, так как нянчился с Кейен. Пока она не произнесла ни слова, а лишь жалобно скулила, как маленький щенок. Сначала я думал, что она просто боится вернуться в мир, оставленный ею несколько лет назад. Но когда понял, что сеть, в которой мы запутались, сплетена из металла, все стало ясно — прикосновение к металлу причиняло ей боль.

Кто же поставил сеть? Я был готов держать пари, что это дело рук Зек Зака. Но где удалось ему раздобыть столько проволоки? И что должно было означать для нас возведение этой преграды? Мы вырвались наружу. Там царил изнуряющая жара.

— Полночь, — простонал Морли. — Мы оставались внизу дольше, чем я предполагал.

— Не задерживайся. Нам еще многое надо успеть.

Мы были уже на половине спуска, когда позади раздались крики. В них слышалась боль, но больше всего там было ярости бессилия.

Дожанго, вздохнув от страха, проговорил:

— Говорят, они могут оправиться от любых ран. Как ты думаешь, владыки не могут броситься за нами в погоню?

Я честно ответил:

— Не знаю. Мы сообщим о гнезде военным при первой возможности.

Сбившись в тесную группу, мы добрались до нашего лагеря. Идти было нетрудно — светила почти полная луна. Кейен продолжала ныть, но теперь от слишком яркого для нее света. Ей вторил пленник Морли.

Когда мы вскарабкались к нашему лагерю, Дотс сказал:

— Надо засыпать их влажной землей и хорошенько завернуть, чтобы защитить от солнца.

— А нам с тобой надо поговорить.

— Еще бы.

— Что случилось с майором? Тинни, вы случайно не знаете?

Она, как и Кейен, держалась поближе ко мне.

— С тем, который нас арестовал? Не знаю. Думаю, его убили во время нападения вампиров.

— Васко, вы не знаете, что с ним произошло?

— Я был слишком занят.

— Кому-нибудь известно хоть что-то?

— Мне кажется, я видела, как они его утаскивают, — высказалась Роза. — Но могу и ошибаться. Когда вы появились, в клетках его не было.

— Может, они его сожрали? — предположил Дожанго.

— По числу трупов все сходится, — заметил Морли и покосился в мою сторону с таким видом, словно я что-то знаю, но пытаюсь от него скрыть.

Я действительно знал кое-что. А молчал потому, что меня самого осенило всего пару минут назад.

— Имя, которое появлялось в обоих списках, предложенных мне майором, — прошептал я. — То, которое я знал, но не мог вспомнить человека. Теперь я все вспомнил.

— И это?..

— Легендарный агент венагетов. Предположительно из числа Меняющих форму. Предположительно схвачен и казнен. Но если это так, то почему некоторые — бесспорно имеющие связь с венагетами — так им интересовались?

— Не знаю и знать не хочу. Я всего лишь желаю унести ноги из этих Богом забытых мест и оказаться там, где могу вкусить мою любимую и полезную для здоровья пищу, которой не видел уже месяц. Так ты полагаешь, что мы его спасли? В таком случае нам следует принять меры предосторожности, — без всякого перехода закончил Морли.

— Это вполне возможно.

— Кто из них?

— Выбор за тобой.

— Включая женщин?

— Нет. Одна из них догадалась бы, что вторая изменилась. Я бы предложил кого-нибудь примерно его роста.

— Итак, действуем, исходя из предположения, что он среди нас?

— Именно.

Мы были приятно удивлены, обнаружив наш лагерь в том же виде, в котором его оставили. Вещи были на месте, лошадей не сожрали, и животные терпеливо ожидали нашего возвращения. Морли послал Маршу за землей, а на себя взял обязанности часового. Остальные принялись за обработку ран друг у друга. Я убедился, что мои царапины не грозят мне опасностью заразиться и стать вампиром, и отправился на поиски Дотса. Пристроившись на вершине огромного валуна, он внимательно изучал пространство между лагерьем и столовой горой.

— Ты так и не сказал ей ни слова, — заметил Морли.

— Я поговорю с ней, когда она этого захочет. Пока придется удовлетвориться тем, что она позволила мне увести себя после того, как ты убил Клементя. Сейчас же, по-моему, настало время, чтобы ты объяснил мне последние ходы в игре, Морли.

— Наверное, настало. Ты ведь все равно от меня не отстанешь. Тебе известно, что шесть лет назад самый близкий подручный короля преступного мира бежал, прихватив с собой половину его состояния.

— Это не новость. Я даже слышал, что он вместе с братом скрылся в Фулл-Харборе.

— Чтобы выяснить это, потребовалась пара лет. Большой Босс послал за ними своих парней. Те, видимо, как и мы сейчас, подняли волну. С ними что-то случилось. Вернулся лишь один и сообщил, что Валентина в Фулл-Харборе больше нет, а его брат после короткого и бурного романа женился на девице по фамилии Кронк. Она отбыла с мужем и его братцем в неизвестном направлении.

— Значит, ты с самого начала знал, за кого она вышла замуж?

— Ясное дело. Но даже если бы я тебе и сказал, все равно это делу не помогло бы. Их след был давно потерян.

С трудом сдерживая гнев, я произнес:

— Итак, босс бандитов направил тебя сюда.

— Не совсем. Я сам вызвался. Когда ты попросил меня составить тебе компанию, это прозвучало как ответ небес на молитву девственницы. Подлинное чудо, явленное Богом. Большой Брсс уже был готов занести мое имя в список тех, кто пошел на корм рыбам. Твое предложение открыло мне новые горизонты. Я отправился к нему, рассказал всю историю и пообещал доставить Валентина, если он спишет мои долги. Он согласился, потому что хотел заполучить Валентина гораздо сильнее, чем прикончить меня. Итак, я явился к тебе и сделал ставку с очень низкими шансами на выигрыш. Я надеялся, что ты сможешь найти женщину и что ее роман с Клементом продолжался несколько дольше, чем с тобой или твоим приятелем.

Он замолчал и уставился в темноту. Там двигались тени. К нам они не приближались: они не обладают столь же развитыми чувствами, как владыки. Морли продолжил:

— До того момента, когда в доме Зек Зака объявились вампиры, я не имел ни малейшего представления, в каком направлении поведут нас твои поиски. И вдруг все стало на свои места. Я знал Валентина. Он умирал медленной смертью, а совести у него не больше, чем у акулы. Валентин решил по-своему обмануть смерть. А деньги прихватил с собой, видимо, на тот случай, если для достижения цели придется кого-нибудь подкупить. Насколько я его знаю, он наверняка рассчитывал лет через пятьдесят стать одним из владык.

Теперь концы с концами сходятся. Почти. Остается одна непонятная вещь. Кто эти люди с яхты? Чем они занимаются? Почему проявляют к нам такой интерес?

На этот счет у меня имелись кое-какие соображения, и признания Морли им не противоречили. Но я решил пока попридерживать их у себя. Моя догадка могла оказаться полезной. Я не был уверен, что яхта с полосатыми парусами окончательно вышла из игры.

— Но зачем тащить Валентина с собой? — поинтересовался я.

— Для того, чтобы в душе у Большого Босса воцарился покой. И в моей тоже. Я не хочу, чтобы он хотя бы на секунду засомневался в моей честности.

Я обратил взор к пустыне.

— Что они там делают? — спросил я.

Те, что вышли из пещеры вслед за нами, разбредались в разные стороны, словно слепые мыши.

— Не знаю... Есть еще одна нерешенная проблема — Зек Зак.

— Здесь мы мало что можем сделать.

— Следовало перерезать ему глотку.

— И после этого ты смеешь утверждать, что мясо порождает у меня кровожадные наклонности?

— Марша вернулся. Пошли упаковывать свои призывы.

— Чем мы станем их кормить?

— Пусть поголодают, пока не станут покладистыми и не начнут лопать то, что им предложат. — Соскользнув с валуна, он спросил: — Куда теперь путь держим?

— Назад, в Фулл-Харбор. Посмотрим, насколько взбудоражены горожане по поводу нашего отсутствия. Кроме того, мне крайне не хочется оставлять там пожитки. Закупка нового барахла нанесет непоправимый ущерб бюджету экспедиции.

— Скорее всего хозяин гостиницы давно все распродал.

— Посмотрим. Не своди глаз с наших друзей. На тот случай, если среди них обретается майор.

В моем рукаве еще оставалась парочка фокусов, которые, возможно, помогли бы обнаружить майора, но я решил без особой нужды их не использовать. Заклинания, полученные мною от Старой Ведьмы, слишком ценны, чтобы разбрасываться ими за здорово живешь.

Мы засыпали наши призывы, как окрестил их Морли, доставленной Маршей землей. Смочили водой, завернули в одеяла и

погрузили в фургон. Несмотря на усталость, я решил с рассветом отправиться в путь.

Когда я укутывал Кейен, она в первый раз взглянула мне в глаза и наградила слабой улыбкой.

Оказалось, что девятнадцатилетний морской пехотинец жив. Его все еще можно было растрогать.

50

Васко и Плоскомордый тоже поместились в фургоне, а легко раненный солдат занял место кучера. Дорис утверждал, что вполне способен помочь Марше тянуть колымагу. Прекрасно. Хочет — пусть тянет. Пусть изойдет кровью. В конце концов, я ведь не его мамочка.

Миссис Гаррет приучила своих детишек никогда не спорить с гроллами.

Женщины разместились в седлах. Остальным предстояло топтать ногами — нравится им это или нет.

Мы уже были готовы двинуться, когда Морли позвал меня со своего валуна.

— Захвати бинокль! — крикнул он.

Когда я подошел к нему, то услышал крики. Они доносились со стороны пещеры. Я настроил бинокль. Было еще темно.

— Те из них, что вышли наружу, не могут вернуться.

— Боже, Боже! Разве это не печально? — невнятно пробормотал Морли и указал на что-то рукой.

— Рад за нас. Похоже, нам удалось ускользнуть от крупных неприятностей, — заметил я.

— Точно. Папа возвращается домой. Джуди выскочила через окно и скрылась. Он скоро поймет, что дочка снова ускользнула.

Теперь я мог их хорошо рассмотреть.

— Никогда еще не видел такого огромного табуна.

Наверное, Зек Зак вывел все свое племя. Там было не меньше пятисот голов. Кентавры двигались строем, которому мог бы позавидовать любой кавалерийский командир. Они меняли направление и перестраивались с такой же легкостью, как стая птиц. При этом не было заметно никаких сигналов и не слышались команды.

— Стоит ли оставаться здесь, чесать языки и ждать, пока они нас схватят?

— Разумно, — ответил Морли.

Отряд двинулся в путь.

Зек Зак и его народ не мешали нам, хотя я был уверен, что их разведчики знают о нашем присутствии. Мы заторопились на восток с максимально возможной для нас скоростью. Я замыкал шествие, поминутно оглядываясь назад и размышляя, кто из моих спутников может оказаться майором.

Весть о подвиге Слави Дуралейника прокатилась по всему Кантарду. Край пришел в движение. Трижды нам пришлось прятаться, пропуская отряды солдат. Все они двигались на юг. Небольшими группами проходили рейнджеры венагетов. Трудно сказать, где они были в тот момент, когда весть о разгроме достигла их ушей. Сейчас они шли домой. Мне было глубоко наплевать на всех. Я не желал быть втянутым в королевские игры.

Признаться, мы с Морли пристальнее следили за своими полутчиками, чем за рейнджерами венагетов. Майор, если он и был среди них, ничем себя не выдавал. Я и не ждал этого, но не хотел упустить ни малейшего шанса.

Мы двигались до тех пор, пока все не начали спотыкаться и останавливаться. Мы не знали, что с нами может сделать Зек Зак, но у него не было причин быть дружелюбным. Кантард был полон и других опасностей, которые вызвал к жизни Слави Дуралейник, подобно тому, как ливень пробуждает к жизни пустыню.

Мы не могли пройти спокойно и пяти миль. Ночи были менее тревожными, чем дни.

Без особых злоключений нам удалось добраться до заброшенной мельницы. Настроение мое улучшилось.

— Здесь мы отдохнем денек-другой, — объявил я.

Некоторые подброшенные мне судьбой сотоварищи попытались спорить. Им я сказал:

— Потолкуйте на эту тему с гроляями. Если сможете уломать их тянуть воз, поступайте как хотите.

У меня не было ни малейшего желания изображать из себя демократа.

Лишь только Роза могла попытаться сбежать.

Надо отдать должное этой ведьме. Она была упорна и решительна. Несмотря ни на что, она стремилась завладеть наследством Денни. Вначале эта сучка попыталась обработать Морли, но он уже достиг той стадии, когда не можешь думать ни о чем, кроме сэндвичей из водорослей. Тогда Роза принялась за Плоскомордого, но Тарп обязался служить мне, и даже сами боги не смогли бы освободить его от обязательства, пока я сам не отпущу его. Она хотела привлечь на свою сторону Васко, но друг Денни полностью ушел в себя и мечтал лишь побыстрее добраться до дома. Превалет-Позвоночник послал ее к дьяволу, заявив, что уже получил все сполна.

Тогда Роза решила взять судьбу за рога самостоятельно.

Я застал ее в тот момент, когда она выбирала место на свертке с Кейен, чтобы вонзить деревянный кол. Боюсь, что несколько утратил контроль над собой, перекинул девицу через колено и отколотил палкой.

— Тебе следовало оставить ее в круту ее собратьев по духу, — заметил Морли.

Она обожгла его уничтожающим взглядом.

Мне показалось, что его замечание задело ее сильнее, чем телесное наказание, хотя при ее темпераменте порка оставит в ней

неизгладимый след, и она вечно будет лелеять свою ненависть ко мне. Она забилась в угол, чтобы, сидя в одиночестве, находить все новые и новые аргументы в оправдание своих поступков.

В конце концов Роза все же решила поступить по-своему и сбежала, пока мы отсиживались на мельнице, ожидая возвращения посланного на разведку Дожанго.

О ее бегстве мне тут же доложил Морли.

— Может, стоит ее вернуть?

— Думаю, не надо. Надеюсь, что ее убьют либо продадут в рабство. У меня нет никаких обязательств перед ее семьей. Мы знаем, что она ничему не учится на собственном опыте. Если мы поможем ей выбраться из беды, она тут же совершит очередную пакость.

Тинни сидела рядом со мной. Ее плечо почти касалось моего. Мы беседовали с ней о посторонних вещах, как частенько поступают мужчина и женщина, когда у них на уме совершенно иное.

— Лучше бы ты ее прикончил, Гаррет, — вздохнул Морли.

— Ему не позволила бы совесть. Впрочем, как и вам, Морли Дотс, — заметила Тинни.

— Совесть? — рассмеялся Морли. — Какая совесть? Я слишком утончен, чтобы обладать ею, а Гаррет чересчур прост.

— Морли, ступай и стреножь ее, — распорядился я.

Когда он удалился, Тинни спросила:

— Неужели вы оба действительно хотели, чтобы ее...

— Не обращай внимания, рыженькая. Мы всегда так говорим друг с другом. Это всего лишь треп.

Роза не отбивалась, когда Марша приволок ее в освещенное нашим костром пространство. Воинственное настроение, похожее, покинуло ее. Морли приблизился ко мне и доложил:

— Она с чем-то или с кем-то столкнулась. Мы это спутнули. Девка не говорит, что это было, но тебе стоит подумать об удвоении охраны и о том, чтобы начать молиться за здоровье Дожанго.

— Хорошо.

Отдав нужные распоряжения, я возвратился на свое место.

В свете костра я заметил, что Роза сильно не в духе.

Тинни коснулась моей руки:

— Гаррет, когда мы вернемся домой...

— Если мы вообще вернемся домой. Пока нам рано даже думать об этом.

Это прозвучало достаточно резко, и она сердито замолчала.

51

Дожанго вернулся только к полудню, и я услышал от него именно то, что хотел услышать. Никто в Фулл-Харборе не интересовался бандой бузотеров из Танфера. За время нашего отсутствия ничего необычного не случилось. Все говорили только о Слави Дуралейнике и его эпическом походе на юг. Наши пожитки по-прежнему находились в гостинице: хозяин их сохранил в знак благодарности за то, что мы подарили ему одежду тех парней, которых пустили гулять в чем мать родила.

— По правде говоря, он так утверждает, — внес дополнение в свой доклад Дожанго.

— Мы последуем за ним. Начинайте паковать багаж. Я хочу пройти туннель сразу после наступления темноты. Все остальное тебе тоже удалось устроить?

— Без проблем. К нашему приходу они уже будут стоять у черного хода гостиницы.

— Были сложности с организацией отправки?

— По правде говоря, никаких. Подобный груз отправляется постоянно. Практически каждый корабль, идущий на север, доставляет его в семьи, которые себе это могут позволить. Рутинное дело, по правде говоря.

— Прекрасно. Морли, остается последняя проблема, и, думаю, сегодня ночью мы столкнемся с ней вплотную.

Мы с Морли медленно брели, отделившись от остальной компании.

— У тебя уже есть кандидат на примете? — спросил он.

— Если бы меня вынудили, то в первую очередь я назвал бы Васко. Но только потому, что я его достаточно хорошо знаю и вижу, что его поведение отличается от обычного. Впрочем, у него достаточно оснований, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке.

— Ты придумал какой-то ход? Проверку?

— Сразу же, как мы выйдем из туннеля. Я хочу, чтобы Дожанго, Марша и Плоскомордый шли первыми. Ты, я и Дорис будем замыкающими. Если мы нагрузим остальных нашими пожитками, они ничего не смогут предпринять, к тому же будут зажаты с обеих сторон.

— Какие способности к планированию операций! Тебе следовало бы возглавить преступный мир.

— Надо все продумать заранее. Иначе можно опоздать. Мы имеем дело не с ребенком-несмышлеником. Этот тип наверняка разрабатывает собственные планы, просчитывает наперед все свои ходы.

— Выходит, у нас нет других способов вывести его на чистую воду.

Мы вернулись в лагерь. Во второй половине дня все были проинформированы о плане проведения ночной операции. Не все остались довольны моей диспозицией, но и у недовольных хватило ума понять, что самых доверенных людей я помещаю туда, где они смогут принести максимальную пользу.

Покинув лагерь, мы двинулись в указанном мной порядке. Единственное исключение: гролли, меняясь местами, тянули фургон поочередно. Я предложил Плоскомордому путешествовать в экипаже, пока мы не достигнем стены, но он уверил меня, что у него хватает сил идти на своих двоих. Васко и раненый солдат тоже пошли пешком, объяснив, что хотят чувствовать себя сво-

боднее. Мы с Морли брели в хвосте, глотая поднятую отрядом пыль.

Пару раз я проходил вперед проверить, хорошо ли укрыта Кейен. После второй проверки, вернувшись на свое место, я сказал:

— Как я заметил, ты не пытаешься ничего предпринять, чтобы избавить свой приз от голодной смерти.

Желудок Кейен принимал очень мало из того, что я ей давал. Разворачивая ее, я оставлял руки и ноги связанными. Когти я обрезал при первой возможности после того, как мы вышли из гнезда. У нее еще сохранились клыки и постоянный голод, хотя в те моменты, когда Кейен приходила в себя, она из всех сил сопротивлялась болезненным позывам.

— Ты мог также заметить, что Валентин впал в спячку, которая обычно возникает, когда вампиры голодают. До Танфера он продержится. А это все, что мне требуется.

Я не одобрял поступка Морли, но все же понимал, что убийство Клемента было наилучшим исходом. Смерть супруга по крови освободила Кейен.

Хотя мы не обменялись ни словом, я понимал, что она вошла во врата ада только потому, что этот путь выбрал ее муж. Кейен принадлежала к «следую-за-тобой-мой-милой» типу женщин. Клемент же, в свою очередь, пошел этой тропой на шестьдесят процентов из-за угрызений совести, а на сорок — из чувства мести. Кейен носила белые одежды не потому, что являлась его супругой по крови. Один из владык взял ее себе.

Я надеялся, что она не носит в своем чреве лишенного души плода. Иначе надежды на исцеление нет. Ни одна женщина не способна оправиться после такого.

Все шло великолепно. Спасенные внесли в туннель наши призывы. Проход был достаточно широк и для фургона, но мне не хотелось показываться на улицах города с армейской собственностью, происхождения которой я объяснить не мог. С другой стороны стены мы сможем нанять какую-нибудь повозку.

Это случилось, когда мы с Морли находились в пятидесяти футах от конца туннеля. Дорис плелся чуть позади нас.

Откуда-то спереди донеслось бурчание Марши.

— Проклятие! — выругался Морли и перевел: — Нападение. Девять мужчин и одна женщина. Банда из-под полосатых парусов. Видимо, они выследили Дожанго, когда он был в городе.

— А я-то хотел приберечь это на будущее. Хватайся за меня, скажи Дорису, чтобы он тоже взялся покрепче.

Со стороны выхода из туннеля раздался вопль Розы:

— Гаррет! Спасите! Морли!

— Заткнись, безумная сука! — прошипел Морли.

— Безумная, говоришь? Да она хочет таким образом задаром решить все свои проблемы.

Крик оборвала пощечина, настолько сильная, что звук долетел до наших ушей.

— К стене! — распорядился я.

Они оба крепко вцепились в меня. Я разорвал листок с заклинанием. Спустя две секунды четверо громил с обнаженными мечами ворвались в туннель. Парни казались готовыми на все. Оглядевшись по сторонам, они никого не обнаружили.

Один из головорезов проорал:

— Никого нет!

Ответа я не услышал. Громилы удалились.

— Что теперь? — поинтересовался Морли.

— Пока мы будем двигаться медленно и бесшумно, без резких движений, они нас не увидят и не догадаются о нашем присутствии. Проскользнем поближе и посмотрим, что там происходит.

А происходило там вот что. Два головореза, которых я видел на яхте, женщина-командир и семеро незнакомых бандитов выстроили моих людей вдоль стены подвала, служившего устьем туннеля. На Маршу была наведена баллиста, такие же, но чуть больше, применяют при осаде крепостей.

Из их вопросов я понял, что они разыскивают кого-то конкретного, но не против прихватить и других. Мои люди взирали на них в молчаливом недоумении. Только Роза разыграла свой спектакль, пытаясь заманить нас. Я понял, что красное пятно на ее щеке оставила ручонка Тинни.

— Что ж, — прошептал Морли, — мы можем взять их, если Дорис уберет баллисту.

— Крови не нужно. Попробуем сблефовать. Ты подойдешь к ним и проорешь: «Не двигаться!» Дорис в этот момент разберется с баллистой. Я поднесу ножик к горлу милой леди. Возьми-ка.

Я передал ему пару метательных звездочек из запасов не типичного для Гаррета оружия.

В дальнейших объяснениях Морли не нуждался. Он сказал Дорису, что делать, и мы разошлись. Я подкрался к леди-командирше (наверняка это о ней столь нелестно отзывался шкипер Арбанос). Дожанго визгливым голосом стал объяснять ей, что все другие отряды, вышедшие из города, были полностью истреблены единорогами и вампирами.

— Что за черт? — закричал один из головорезов, увидев, как баллиста развернулась в противоположную сторону. — Шкипер, это место заколдовано!

Баллиста взвилась в воздух и ударилась о балки, поддерживающие потолок.

— Всем стоять на месте!!! — взревел Морли.

Я приставил клинок к горлу дамы и прошептал:

— Я весьма дружелюбное привидение. Стойте спокойно и дышите ровно. Прекрасно. Теперь скажите своим ребятам, чтобы сложили оружие.

Дорис в порыве юношеского восторга вмазал троим или четверым бандитам. Морли уронил на пол головореза с яхты, который вознамерился броситься в мою сторону.

Дама отдала приказ и добавила:

— Вы вмешиваетесь в дела Короны. Вы все будете...

— Ничего подобного. Я, кажется, догадываюсь, за чем вы охотитесь, и буду счастлив вам помочь. Но я не хочу, чтобы при этом пострадали мои люди. Вы располагаете средствами выбрать из группы то, что нужно?

— Выбрать? Кого?

Она решила разыграть из себя дурочку.

— Вы и вправду считаете, что только у вас имеются мозги? С вами говорит засланная лошадка, под прикрытием которой вы вели охоту. Я вычислил вас уже месяц назад, — соврал я, оттащил ее на пять шагов от остальных и прошептал в порыве внезапного вдохновения: — И еще я знаю, что Большой, тот, что с яхты, служит другой стороне. Он пытался убить меня в Лейфмолде, что разрушало все ваши планы.

Большой двинулся поближе к оружию.

В него вонзились две метательные звездочки, за ними тут же последовал кулак гроляя.

— Это на многое проливает свет, — сказала женщина. — Я уже подумывала, что мы, возможно, пригтели змею. Отлично. Чего вы хотите, Гаррет?

— Оставьте в покое меня и моих людей. Забирайте вашего человека, если сумеете выбрать его из группы. Он мне не нравится, потому что строил против меня козни. Я даже облегчу вам работу, черт побери, и назову тех, кем он быть не может. Я уже думал об этом. Правда, его могли убить. Там погибло много народа.

Я отдал распоряжения. Женщины, Плоскомордый, Дожанго и Марша (он тащил на себе Кейен и Валентина) отошли в сторону.

— Выбирайте нужный товар среди остальных, — закончил я.

— Вы отпустите меня?

— Почему бы и нет? Мне кажется, у вас, леди, нет склонности к самоубийству.

— Еще раз назовете меня «леди» и узнаете на своей шкуре, есть у меня склонность к самоубийству или нет.

— Ты, Гаррет, обзавелся еще одним другом на всю жизнь, — заржал Морли.

Ее ответ не поддавался воспроизведению.

— Что здесь? — спросила она, указывая на свертки.

— То, за чем я охотился.

Морли начал светиться по краям, потому что был не в силах удержаться от резких движений. То же происходило и с Дорисом. Я двигался замедленно, поэтому заклинание на меня все еще действовало. Я на цыпочках последовал за женщиной, которая была не леди.

Осмотрев всю группу, она запустила руку в карман и вытащила амулет: в центре его светился кусок янтаря с утонувшим в нем насекомым.

Превалета-Позвоночника вдруг оставило сонное безразличие, и он впал в неистовую ярость. Все произошло настолько быстро, что я изумился бы, будь у меня на то время. Одной рукой он выбил амулет, а другой вцепился в горло дамы.

Я ударил его ножом по руке, полоснул по щеке и отступил, потому что — да простится мне это выражение — леди вступила в дело.

Я с удивлением обнаружил, что рад тому, что злодеем оказался не Васко.

Позвоночник помчался прочь. Женщина, подхватив амулет, кинулась следом. Ее соратники — те из них, что оставались на ногах, — не двигались, так как не знали, чего ждать от нас.

— Линяем отсюда, — предложил Морли.

— Да.

Дожанго обладал многими качествами, и некоторые из них мне не нравились. Но дураком он не был. Заметив, что все заняты своими делами, он начал выводить людей из подвала.

Позвоночник ринулся к выходу самостоятельно и нарвался на кулак гролля. Женщина тут же оседлала беглеца и, не дав ему опомниться, сунула в рот амулет.

Он начал изменяться.

Я слышал, что Меняющий форму не имеет собственного облика. Говорят, не имеет даже пола и воспроизводит себе подобных, делясь на неравные части. Не знаю, не знаю...

Позвоночник превратился в майора, затем — в типа, слегка смахивающего на пирата, потом стал отдаленно знакомой мне женщиной. Агент венагетов явно проходил через все свои предыдущие ипостаси.

Все остальные уже ушли. Я тоже решил не дожидаться конца представления. У меня не было оснований подозревать людей с яхты в избытке доброжелательности по отношению ко мне.

52

Только перед самым рассветом мы добрались до гостиницы. Я отпустил солдат, полагая, что они счастливы вернуться живыми и не станут в ближайшее время чинить мне неприятности. Пришлось по этому поводу поспорить с Морли, который считал, что солдатиков следовало передать в руки шайки с яхты. Та принялась бы их допрашивать и мучила бы вопросами, пока мы не убрались бы из города.

Короткая беседа с хозяином гостиницы подтвердила мои подозрения. Он держал наш номер и хранил пожитки по просьбе людей с яхты, которые рассчитывали снова напасть на наш след, если мы вернемся в Фулл-Харбор. Что, собственно, и случилось после визита Дожанго.

Целых пять часов я проспал как убитый, после чего отправился организовывать возвращение домой. Полоса удач, видимо, закончилась. Я вернулся в гостиницу и объявил:

— Первый корабль, на котором будет достаточно места для всех, отойдет только послезавтра. Ситуация, вызванная действиями Славя Дуралейника, заставляет наиболее слабых духом со-

граждан двигаться на север. Корято, что я нашел, годится разве что для перевозки мусора. Но приличного судна пришлось бы ждать еще целую неделю.

Я решил не упоминать, что даже это жалкое транспортное средство истощило мои финансы. Если путешествие затянется, нам придется голодать.

Усевшись рядом с Морли, я заявил:

— Ничто теперь не заставит меня взяться за работу вне Танфера. Даже стотысячный гонорар.

— Раз ты заговорил о деньгах, скажи, когда мы получим честно заработанное? Для меня это не так важно — я отправился в Кантард не ради оплаты. Но тройняшки начинают дергаться.

— Придется подождать, пока я загоню в угол Тейта и выдам из него очередную порцию. Все, что у меня осталось, уйдет на возвращение домой.

— Они доверяют тебе, Гаррет. Не разочаруй их.

— Ты же меня знаешь. Так или иначе я вытряхну из Тейта бабки, и вы, ребята, свое получите. Дожанго! Где ящики? Ты ведь не пропил деньги, которые я тебе выдал?

— По правде говоря, я пришел сказать, что заказ прибыл. Хозяин бьется в припадке, он вопит, что если мы внесем их в помещение, то распугаем ему всех посетителей.

— Сейчас я устрою припадок — танцы на его башке, — проворчал, поднимаясь, Морли.

Мы разместили призы в гробах той же ночью. Это были стандартные дешевые изделия, которые покупают жители севера, чтобы доставить домой с войны своих сыновей. Дожанго все же признал, что маленько выпил. Он сумел сэкономить, поскольку продолжительный спад военных действий в Кантарде поверг в кризис гробовщиков Фулл-Харбора.

Я рассердился, но сцен закатывать не стал.

После наступления темноты я распаковал свой приз и, прежде чем поместить в гроб, слегка почистил его. Тинни помогла мне, и

Кейен не очень протестовала. Во всяком случае, она не вскрикивала.

При изготовлении белых одеяний, очевидно, использовалось какое-то колдовство: одежды Кейен не порвались, и к ним совсем не прилипла земля.

Морли был не столь деликатен. Он насыпал в гроб свежей земли, развернул свой приз, переложил в ящик и начал прибивать крышку. Стук разбудил Валентина, он заорал и попытался вырваться. Пришлось звать на помощь Маршу.

Едва мы успели его усмирить и тем самым утешить хозяина, как появился Зек Зак.

Кентавр прибыл один и поначалу держался вполне дружелюбно.

— Вам удалось вызвать ее, мистер Гаррет?

— Да.

— Вы позволите на нее взглянуть? Я не видел ее с тех пор, как она ушла во тьму вслед за своим мужем-идиотом. Ушла, следуя своим извращенным представлениям о преданности. Я должен был бы ее задержать.

— Это было бы весьма мило с вашей стороны.

Морли и Плоскомордый бросали на него косые взгляды. Тарп кентавра не знал. Но я боялся, что сейчас произойдет столкновение и посыпятся искры. Однако Зек Зак их обезоружил:

— Я не прикасался к ней и ни при каких обстоятельствах не стал бы этого делать. И не только потому, что ее отец был моим другом.

Как однажды заметил Морли — еще один.

Я открыл крышку. Она спала. Кентавр некоторое время молча смотрел, затем отступил назад и произнес:

— Достаточно. Закройте крышку. Возможно ли будет ее исцелить, мистер Гаррет?

— Думаю, мы успели вовремя. Она сама изо всех сил сопротивлялась болезни. Надеюсь, в ней еще осталось достаточно человеческого.

— Хорошо. Теперь к делу. Кто-то из вас захватил в гнезде предмет, который по праву принадлежит моему народу.

Эти слова вызвали недоумение. Мы с Морли обменялись изумленными взглядами.

— Амулет Владыки по крови. Знак его могущества. Камень-кровавик.

Не помню, кто из нас рассмеялся первым.

Кентавр собрал все свое достоинство и попытался укрыться им, словно щитом.

— Джентльмены, — начал он. — Я прошел сквозь ад и через годы унижений для того, чтобы отыскать гнездо, дать моему народу разгромить его и собрать достаточную добычу, чтобы эмигрировать из Кантарда. Вы можете забрать двоих слуг по крови. Один из них принадлежит мне, но я дарю его вам, а другой не стоит того, чтобы о нем говорить. Но все остальное в гнезде — моя собственность.

Мы обменялись взглядами. Дожанго начал заметно нервничать. Я не хотел затевать свару, но и не желал терпеть подобный тон в разговоре со мной.

— У вас, видно, яйца больше, чем мозги, если вы полагаете, что можете приходить и выдвигать ультиматумы. Это может сильно повредить вашему здоровью.

— Над моей головой теперь не висит угрожающий меч, мистер Гаррет. Кроме того, у меня в городе найдутся друзья, которые будут счастливы оказать мне помощь в возвращении камня.

— Какое интересное совпадение, — сказал я. — Только вчера у меня появился новый друг — леди из Танфера, которая ведет облаву на друзей вашего венагетского попа. Я не собирался называть вашего имени.

Он молча пялился на меня, пока не решил, что мой блеф требует ответа.

— Что ж, действуйте. Но тем не менее камень доставьте завтра вечером в мой дом или начинайте подыскивать для Кейен другого телохранителя.

— Он безумен, — вступил Морли. — Тебе следовало позволить мне прирезать его, когда у меня впервые возникло такое желание. Теперь это будет сложнее.

— Большая группа моих друзей ждет на улице. Они не хотели бы устраивать беспорядки в общественном месте, но будут вынуждены пойти на это, если я не появлюсь в назначенное время.

— Убирайтесь, — сказал я, — пока мы не решили проверить, блефуете вы или нет.

Кентавр удалился, не забыв напомнить нам доставить камень к вечеру следующего дня. В противном случае...

— Ты же не будешь возвращать ему амулет, Гаррет? Ведь правда? — спросил Дожанго.

— Мы вернем ему все, — прорычал Морли, — только это будет вовсе не так, как он думает!

— Полегче, Морли Дотс, — сказал я. — Лучше подумай. Похоже, он готовит для нас ловушку.

— Знаю. Но с нашей стороны было бы непростительно не разрушить план, разработанный столь умственно отсталым существом, как кентавр. Во всяком случае, у нас куча времени. Пока поспим, а волноваться начнем завтра.

53

Я проснулся довольно поздно. Мои сладкие сны прервал топот входящих гроллей и Плоскомордого. Вскочив с постели, я обнаружил, что меня оставили в компании женщин и Васко. Пришлось проверить, нет ли на теле ножевых ран.

— Где Морли и Дожанго? И что вы, парни, затеваете?

— Они тут неподалеку, — протянул Плоскомордый. — Морли говорил что-то о поисках приличной пищи. Мы отнесли гробы и большую часть барахла на судно, чтобы быть готовыми к отплытию завтра утром.

Слегка поворчав, я отправился завтракать в одиночестве. От Дожанго и Морли не было ни слуху ни духу, но беспокоиться я начал лишь после полудня. Я внимательно смотрел на Плоскомордого: его совесть явно была нечиста, а скрыть это ему не очень-то удавалось. Затем я обнаружил тела.

Собственно, это были не совсем тела. Это были Кейен и Валентин, тщательно завернутые в одеяла и спрятанные за всякой рухлядью, оставшейся с тех времен, когда наша «комната» служила стойлом. Я начал догадываться, что задумал Морли.

Плоскомордый, почувствовав огромное облегчение, пояснил:

— Морли велел мне сидеть тихо и сказать, что они где-то поблизости, если кто-нибудь поинтересуется.

Через две минуты я обнаружил, что исчез последний листок с заклинанием. Я все-таки до конца не понимал, что затеял Морли, ведь он не мог знать, что произойдет, когда листок будет надорван. Я продумал пятьдесят версий, но ни одной разумной среди них не оказалось. Нет существа более непредсказуемого, чем темный эльф-полукровка вроде Морли.

Когда наступил вечер, я уже не находил себе места. Гролли тоже начали беспокоиться и наверняка отправились бы на поиски, если бы не получили строгих указаний. Наши с Тинни взаимные поддразнивания утратили всякую прелесть. Роза, хотя и не знала, что происходит, начала нервничать, глядя на остальных. Один Плоскомордый сохранял спокойствие. Я с трудом подавил искушение заявить, что он ведет себя так только от недостатка разума.

Ничего не происходило почти до полуночи, когда появился один из «друзей» Зек Зака, чтобы упрекнуть нас.

Пришлось ему объяснить:

— Мы как раз ждем, когда он прибудет растерзать нас на куски. Передайте ему, чтобы он не забыл прихватить с собой ланч: ему потребуется много времени.

Гонец отбыл, слегка возбужденный. Я размышляла о состоянии нервной системы Зек Зака.

Ведь не успел он выйти из склепа, как начал замышлять против нас всякие пакости, и каждый раз мы ускользали от него. Вот и сейчас он предусмотрел все наши возможные действия и не учел лишь одного — полного отсутствия действий с нашей стороны. Оставалось надеяться, что Морли не попал ни в одну из расставленных кентавром ловушек.

Два часа спустя немногие посетители, оставшиеся в зале, подняли шум. Я отправился узнать, в чем дело. Оказывается, разнеслись слухи о большом пожаре на Холмах. Горел один из особняков.

Морли начал игру, решил я.

В следующие три часа ничего нового не произошло. Затем в помещение, бормоча что-то на языке гроллей и едва волоча ноги, вошел бледный, весь израненный Дожанго. Он тут же упал, а Марша и Дорис выскочили на улицу.

— Итак? — осведомился я.

— Они хотят принести гробы.

Я его осмотрел. Мне помогала Тинни. У нее была легкая рука на раны.

— И это все, что ты можешь мне сказать?

— Морли отослал меня, потому что я ранен, по правде говоря. Сам он продолжает их обрабатывать. Если четвероному и удастся спасти свою шкуру, это достанется ему дорогой ценой.

Больше я от него ничего не добился.

Тем временем, волоча на себе гробы, ввалились гролли. За ними следом топал хозяин, вопя во всю глотку о том, что он думает о нашей банде, которая таскается с гробами через общую комнату, когда все уже давно спят.

Ни за что больше не покину Танфер, еще раз пообещал я себе, а вслух гаркнул:

— Перестаньте скулить! Вы на нас сколотили состояние, играя за все стороны. Так или иначе, мы через час съезжаем. Окажите мне последнюю услугу — исчезните.

Мой вид помог ему без труда понять намек.

Снова заполнив и забив гробы, мы собрали свои оставшиеся пожитки. Тинни, Розе, Плоскомордому и Васко делать было нечего. Им оставалось радоваться, что после всех походов они не остались голышом. Я вспомнил, как Дожанго обшаривал руины их последнего лагеря в поисках монет, и хотел было перетрясти его багаж, чтобы вернуть награбленное, но передумал. Разумнее, если все они полностью будут зависеть от меня.

Мы отбыли под вздохи хозяина и его шайки.

Без всяких приключений мы добрались до порта и поднялись на борт.

Время шло. Начинался прилив. Матросы готовились к отходу. От Морли по-прежнему не было ни слуху ни духу.

— Дожанго, где он может быть, дьявол его поберет?

— Морли говорил, чтобы мы не беспокоились. Велел нам не задерживаться из-за него, — сказал Дожанго. — Мне показалось, что он не совсем искренен.

Я не верил своим ушам. Не было существ, ради которых Морли Дотс мог бы пожертвовать собой.

— Да вон он двигается! — крикнул Плоскомордый.

Палубная команда отдавала последние швартовы — носовой и кормовой.

Он действительно двигался, вернее, мчался со скоростью, на которую способен лишь эльф. Зек Зак неся в тридцати ярдах позади. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

— Замечательно, — прошептал Дожанго.

Замечательно? Черта с два. Без помощи со стороны Морли не спастись. Я огляделся в поисках оружия, но ничего не увидел.

— Смотри! — завопил Дожанго и добавил: — По правде говоря.

Дама с яхты и ее братия появились на пирсе, держа наготове заряженные арбалеты. Морли прибавил ходу. Зек Зак резко остановился, заскользив по инерции на всех четырех. Его начала бить дрожь. Морли сделал гигантский скачок с пирса, я схватил его за руку и дернул к себе на борт.

— Вы говорили про этого кентавра? — спросила с пристани женщина.

— Именно про этого, дорогая, — тяжело дыша, прохрипел Морли.

Лицо его сияло улыбкой.

— Проклятый идиот! — завопил я. — Тебя же могли прикончить!

— Но, как видишь, не прикончили.

54

Путь на север занял больше времени, чем путешествие на юг. Ветры оказались менее дружелюбными. Но зато сейчас мы двигались почти без приключений. Небольшое замешательство возникло, когда Роза попыталась столкнуть Кейен за борт, но, на свое счастье, отделалась лишь легкими ушибами. Мы не встретили ни пиратов, ни флибустьеров, ни венагетов, ни даже военных кораблей Каренты. Я даже почти поверил, что боги решили на время забыть обо мне.

Нападение Розы на Кейен произошло из-за моей непредусмотрительности.

По ночам я извлекал Кейен из гроба, чтобы дать ей подышать настоящим свежим воздухом и привыкнуть к свету настоящих звезд. Что касается еды, то я ограничил ее небольшим количеством слегка обжаренного куриного мяса. Как-то раз, оста-

вив Кейен на палубе, я отправился за курятиной и задержался, вступив в спор с Тинни, которая требовала, чтобы я иначе проводил ночное время. Роза воспользовалась случаем и приобрела синяки, пока меня не было. Я узнал о происходящем, когда ночной вахтенный крикнул мне, что Розу надо спасать.

Я появился вовремя: Кейен почти преступила запрет, поддавшись чувству голода. Роза уползла в утешающие объятия Морли, который вернулся к своему циничному состоянию духа.

Я успокоил и накормил Кейен. Мы уселись рядом, наблюдая за свечением моря и прыжками летучих рыб. Она наконец заговорила:

— Куда ты меня везешь?

Слова ее были едва слышны. Говорят, там, в гнездах, владыки запрещают своим невестам разговаривать, и ее язык слегка заржавел.

Никто не сказал ей, куда мы направляемся. Я просто схватил и уволок ее, предоставив не больше возможности выбирать судьбу, чем она имела в подземелье.

Я рассказал ей все и закончил словами:

— Думаю, тебе следует забрать наследство. Во-первых, так хотел Денни, а во-вторых, тебе надо будет на что-то существовать.

Она посмотрела на меня так, что я снова оказался в далеком прошлом. Я поспешил проводить ее вниз и уложить в гроб, чтобы не совершить какой-нибудь глупости. И вернулся на палубу смотреть на волны и приводить в порядок мозги.

Из темноты возник Морли и остановился рядом. Немного помолчав, он произнес:

— Я хочу, чтобы ты, Гаррет, поразмыслил над статистикой: из всех, кто любил ее когда-то, в живых остался лишь один.

После этого он ушел. Ну и суеверны же эти гибриды!

Позже я воспользовался миролюбивым настроением Тинни, чтобы избавиться от своих призраков.

Судьба заставила нас обогнать «Цехин Бинки», когда та входила в канал Лейфмолда, и я заключил сделку со шкипером Арбаносом еще до того, как мы достигли гавани. Он страшно забавлялся, вновь увидев меня в обществе Розы и Тинны.

Мы провели в Лейфмолде больше трех дней, пока шкипер Арбанос снимал груз — припасы для армии — и загружал в трюмы двадцать пять тонн копченой трески. Морли делил время между жеванием зелени и стремлением занять Розу, чтобы уберечь ее от новых неприятностей. Тройняшки толкнули один рог единорога и вошли в штопор. Васко, казалось, занимался лишь тем, что думал, думал, думал... Остальные просто ждали. Мои мысли все больше обращались к повседневным делам, ждущим меня в Танфере.

Первым делом я должен позаботиться о вознаграждении для себя и своих сподвижников.

55

Мы встали на причал в Танфере во второй половине дня, ближе к вечеру, что было весьма кстати. Как бы ни хотелось побыстрее избавиться от рыбной вони и вернуться в родные пенаты, нам с Морли предстояло еще кое-что завершить, до того как разнесется весть о нашем прибытии. Продержаться до заката было не так уж трудно — солнце уже клонилось к горизонту.

С наступлением темноты мы все пробрались глухими закоулками к дому Морли, где и нашли временное укрытие — кто добровольно, а кто и нет. Я выскользнул на улицу, чтобы посоветоваться с Покойником, пока Морли размышляет, как ему лучше всего уладить дела с королем преступного мира.

Он попросил Плоскомордого и меня выступить в качестве его телохранителей во время встречи, за что он «охотно выплатит нам стандартный гонорар, как только Гаррет выдаст жалованье, при-

читающееся за последние два месяца». Я подумал, что он во время экспедиции сделал гораздо больше, чем того требовал долг, и решил оказать ему эту маленькую услугу. Плоскомордый согласился, потому что всегда был готов на любую глупость, лишь бы ему за это платили.

Клянусь, я не знал, что на сей раз затеял Морли.

Покойник вел себя так, словно я вышел от него всего полчаса назад и, едва он задремал, снова разбудил его шумом и громом. Поддержав свою репутацию ворчуна, дохлый логхир попросил рассказать обо всем, что мы пережили. Повествование заняло часов пять. Покойник почти не прерывал меня — он вообще не любил обременять себя лишними подробностями. Он заметил, что мои предосторожности в отношении Уилларда Тейта, по-видимому, не нужны, но и вреда от них тоже не будет.

Пока я приводил в порядок помещение, мы еще немного поболтали, после чего я отправился к Морли, чтобы вздремнуть и подготовиться к визиту в берлогу Тейтов.

Когда я вернулся, у всех на устах были лишь новости из Кантарда. Очень много теряешь, когда путешествуешь.

Похоже на то, что когда все армии, отдельные части и остатальной сброд собрались в Синие Ключи, чтобы отпраздновать победу и решить, кто станет контролировать регион, Слави Дуралейник исчез бесследно, оставив лишь дружескую записку военачальникам венагетов.

Мне по душе стиль этого парня.

Я ухмылялся от уха до уха, когда в предрассветный час барабанил в калитку владений Тейтов. Наконец-то настала моя очередь вернуть долг.

Калитку открыл один из подмастерьев. Спросонок он меня не узнал.

— Как паша рука? На вид отлично. Мне надо повидаться со стариком.

— Это вы?!

— Похоже на то. Последний раз из зеркала на меня смотрел всемирно знаменитый Гаррет, вернувшийся с войны с добычей.

Парень умчался, что само по себе весьма необычно, и при этом еще что-то верещал на бегу. Я закрыл за собой калитку и принялся ждать.

Надо признать, что Уиллард Тейт в столь ранний час выглядел гораздо бодрее, чем обычно бываю я. К тому времени, как парнишка провел меня в дом, там уже дымились чашки со свежесваренным чаем. Первое, что произнес папаша, было:

— Присаживайтесь. Завтрак будет готов через десять минут.

Он выжидательно взглянул на меня.

Я положил счета рядом с чашкой, удобно устроился в кресле, отхлебнул чай и произнес:

— Я привез ее. Заодно с Тинни и Розой. Вы желаете их получить?

Старик сразу испугался. Покосившись на счета и поразмыслив над моей формулировкой об итогах путешествия, он кивнул, видимо, уловив ситуацию, и спросил:

— Как она выглядит?

— Вы и представить себе не можете. Так, как я и сам не мог вообразить даже в самых страшных кошмарах.

Он протянул руку к счетам.

— Вы разрешите?

Я подвинул бумаги поближе к нему.

— Расскажите, пока я буду это просматривать.

На этот раз мой рассказ подвергся существенному редактированию по сравнению с тем вариантом, что услышал Покойник. Но я не опустил ничего, что старику следовало знать. Сказать, что он был удивлен, — значит не сказать ничего. Сказать, что он все воспринял легко, — значит исказить действительность. Краткая

версия заняла часа два и обошла стороной самые отвратительные моменты поведения женщин из семейства Тейтов. Мне показалось, что он сам догадался о недосказанном.

Когда я закончил, старик сказал:

— Я наводил справки, и мне сказали, что вы всегда честны, когда дело касается расходов. Хотя эти счета весьма странны и на значительную сумму, траты выглядят оправданными. Принимая во внимание обстоятельства, конечно.

— Аванс покрыл практически все, кроме жалованья, — проинформировал я. — Между нами, мне пришлось примерно сотню выложить из своего кармана. В основном, чтобы доставить девиц домой.

Тейт хмыкнул и передал мне документы:

— Всю разницу вы получите еще до вашего ухода.

— Включая мой гонорар душеприказчика?

— Это дело в руках тех, кто будет утверждать завещание.

Когда я могу ожидать доставку груза?

— Сегодня вечером. Но очень поздно. Возможно, даже после полуночи. Прежде мне надо будет помочь Морли в одном деле.

Все, что касалось личных интересов Морли в ходе нашей экспедиции, было опущено при редактировании рассказа.

— Прекрасно. Мы подготовимся.

И тут он сделал предложение, которое позволило мне понять причину такой покладистости с его стороны:

— Не хотите ли взяться еще за одну работу? Естественно, после того, как оправитесь от первой.

Я приподнял бровь.

— Как вы знаете, мы занимаемся в основном поставками обуви для армии. Самый дорогостоящий компонент сапога — подошвенная кожа. Армейские спецификации требуют употребления на подошвы шкуры громового ящера. У нас есть контракты с охотниками и дубильщиками — весьма надежными и достойными

людьми. Так я, во всяком случае, думал. Но в последнее время поставки существенно сократились.

Я увидел, к чему он клонит, и поспешил сразу отключиться от фонтана его красноречия. Все верно, я оказался идиотом настолько, что согласился отправиться в Кантард. Но я, поверьте, не настолько псих, чтобы двинуться на территорию, где обитают громовые ящеры. К тому же я поклялся никогда больше не покидать Танфера, а я никогда не нарушаю клятв, данных себе, без предварительного на то собственного разрешения.

Я дал ему выговориться, а когда фонтан иссяк, заявил, что подумаю, и отбыл со своими деньгами, зная, что выкрикну громкое «нет», как только получу свой гонорар душеприказчика.

56

Морли назначил место встречи на поросшем лесом берегу неширокого ручья, на границе реального мира и мира, населенного баронами, герцогами, штурмлордами и прочими типами из высшего света. На этом месте довольно часто проводились подобные встречи.

Шум, который мог возникнуть из-за вероломства одной стороны, сразу же привлек бы внимание охраняющей аристократию стражи.

В течение многих лет выработалась форма и этикет разборок «у ручья». Как лицо, предложившее встречу, Морли определял час randevu и количество человек с каждой стороны. Он останавливался на времени после заката и четырех участниках.

Чтобы нести гроб с Валентином, требовались четверо. Морли должны были сопровождать Дожанго, Плоскомордый и я.

Если другая высокая договаривающаяся сторона соглашалась, то ей предоставлялось право выбора для себя берега ручья и возможность, при желании, прийти раньше и проверить территорию,

чтобы обезопасить себя от возможного предательского хода противной стороны. Морли же не имел права на предварительное обследование.

Большой Босс согласился на встречу. Через час после захода солнца я уже помогал тащить в гору гроб на встречу, которая, по моему мнению, не должна была вызывать опасений.

Король преступного мира считался человеком слова. Если он обещал Морли безопасность, то свое обещание выполнит. Вообще-то я не понимал, почему он согласился на встречу. Видимо, ненависть к Валентину перевесила его здравый смысл.

Морли Дотс был крутым, независимым, хитроумным и неуправляемым парнем, постоянно испытывающим нужду в деньгах. А в Танфере нашлась бы по крайней мере дюжина людей, готовых заплатить любую сумму за голову Большого Босса.

Морли и Дожанго шли впереди, а я с Плоскомордым сзади, чтобы на нас приходилась большая часть ноши.

Мы аккуратно поставили свой груз на землю. Морли встал рядом с гробом. Остальные отошли на десять шагов назад и расположились так, чтобы их руки были ясно видны.

От большого осокоря напротив нас отделилась тень и подошла к гробу.

— Он там?

— Да.

— Откройте.

Морли осторожно, стоя со стороны ног, приподнял крышку.

— Похоже, что он. Трудно сказать при таком освещении.

Морли с шумом захлопнул крышку.

— Что ж, тащите факел. — И, сильно пнув гроб ногой, добавил: — Парень никуда не убежит.

Подручный удалился. Я надеялся, что мы с Плоскомордым отошли достаточно далеко и нас не узнают. Мне становилось не по себе, одолевали нехорошие предчувствия.

Из-за деревьев донеслись обрывки разговора. Затем кто-то высек огонь. Вспыхнул факел.

— Давай-ка сваливать отсюда, Гаррет, — сказал Плоскомордый и начал пятиться.

Я заметил, что Дожанго уже успел смыться. Морли постепенно отдалялся от гроба. Я двинулся вслед за Плоскомордым и укрылся за густым кустарником. Тарп уходил, не замедляя шага. Морли уже находился в пяти футах от гроба и двигался в мою сторону.

Король преступного мира с тремя подручными вышел вперед.

— Откройте! — скомандовал Большой Босс.

Один из его парней исполнил приказ.

— Боже, какая жуть! — сказал второй.

— Что вы сотворили с ним, Дотс? — поинтересовался их шеф.

— Ничего, — ответил Морли. — Он все сотворил сам.

— Хорошо. — Большой Босс кинул Морли мешок, в котором что-то зазвенело. Так звенит золото. — Мы в расчете, Дотс.

Затем ему оставалось одно — нагнуться поближе к телу.

— Вы правы, — пробормотал Морли. — Вы абсолютно правы.

Белая, как кость, рука взметнулась вверх. Острые когти замкнулись на незащищенном горле. В открывшейся пасти блеснули клыки, от запаха крови чудовище обезумело, у него было одно желание — удовлетворить свой безмерный голод.

Телохранители приступили к своим обязанностям.

Я обратился в бегство.

Морли обогнал меня прежде, чем я успел пробежать сотню ярдов. Он страшно веселился, что разозлило меня еще больше.

Я начал орать на него, и дело кончилось бы дракой, если бы Плоскомордый не выступил в мою поддержку.

Утром распространился слух, что найден вампир в окружении четырех мертвых людей. Чудовище питалось. Оно нажралось так,

что даже не могло защищаться, когда появилась городская стража. Солдаты разрубили вампира на куски, которые тут же сожгли вместе с гробом. Жертвы тоже были брошены в огонь, чтобы предупредить возможное распространение заразы.

Мы остались в стороне. Однако это не изменило моего отношения к поступку Морли.

Тем временем...

57

Тем временем я доставил женщин в обиталище Тейтов. Три дамы составляли самый прекрасный комплект, какой мне доводилось видеть. Жаль, что каждая из них обладала невидимыми дефектами. Однако я решил не прерывать знакомства с Тинни, несмотря на все ее недостатки.

«Тейты подворотные» или, по правде говоря (как сказал бы Дожанго), «привратные». Короче, не меньше пятнадцати Тейтов толпилось у калитки. Среди них был и сам патриарх рода. Редко приходится видеть столько поцелуев, объятий и дружеских похлопываний по спинам.

— Я потрясен, рыженькая, — сказал я, улучив момент, когда в эмоциональном урагане наступило затишье. — Эти парни просто счастливы снова увидеть тебя.

Тинни досталось две трети восторгов, но и на долю Розы пришлось немало.

Только старик хранил надменное спокойствие. Когда буря восторгов пошла на убыль, он протолкался через толпу родственников ко мне и спросил:

— Где она, мистер Гаррет?

— В фургоне.

Он заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме ящика.

— Вы поместили ее в гроб?!

— Вы что, совсем не слушали меня вчера вечером? В ее состоянии она не может самостоятельно передвигаться.

— Хорошо, хорошо.

Передо мной оказался взволнованный и нерешительный крошечный человечек.

— Перестаньте трястись, папуля. Все пойдет как надо, и вы прекрасно справитесь. Соберитесь с силами, и займемся делом. Вы приготовили для нее помещение?

— Да.

Теперь передо мной стояла, заламывая руки, моя престарелая тетка. Кейен оказалась важной нитью, связывающей старика с покойным сыном.

Если трезво смотреть на вещи, то Розе можно было только посочувствовать. Посочувствовать ребенку, возвращение которого старик даже не удосужился поприветствовать. Может быть, девочка надеялась, что, если она получит много денег, папа соизволит ее заметить.

— Не стройте иллюзий, папаша. Она пока способна лишь молча сидеть, никого не замечая. Но, возможно, это и к лучшему.

Он ничего не знал о том, что было между Кейен и мной до ее встречи с Денни. Я не собирался ни на что намекать, но все же сказал:

— Мои чувства здесь тоже затронуты, и я хочу, чтобы вы зарубили себе на носу: если вы вздумаете относиться к этой женщине не очень хорошо, вам не придется больше беспокоиться о подошвах для сапог и о шкурах громовых ящеров.

Наверное, я произнес это с излишним нажимом. Он отступил на шаг и посмотрел на меня, как на идиота, читающего на углу улицы проповедь о том, что эльфы — наши тайные учителя и что если мы не станем их слушаться, они скроются и уведут с собой наших дочерей и сестер. Затем он сформировал команду из кузнецов и подмастерьев, чтобы нести гроб.

Он действительно подготовил комнату. Ни единого окна, ни одной щели, через которую мог бы проникнуть свет. Лишь одна тоненькая, освященная в церкви свеча горела бледным пламенем на каминной доске перед зеркалом. Немного в стороне сидела очень черная, очень большая, очень толстая, очень морщинистая и очень-очень старая женщина. Рядом с ней на столе были разложены орудия ее ремесла. Я сразу узнал ее. Женщина из племени Можо. Мама Долл. Самый большой авторитет в области болезней разнообразных нежитей.

Наверное, мне следовало принести кое-кому извинения.

Первыми вошла пара молодых людей с деревянными козлами, на которые водрузили гроб. Мама Долл подняла свою тушу. И, поверьте, это была трудная работа. Вначале шевельнулась одна часть ее тела, затем другая, за ней двинулась третья. Она была похожа на отплывающий корабль, сооруженный из тысячи соединенных шарнирами частей. Прежде чем кто-нибудь успел прикоснуться к крышке, она шлепнула ладонью по тому месту гроба, под которым должно было находиться сердце Кейен. Затем мама Долл, закатив глаза, что-то бормотала про себя целую минуту. После чего отступила на шаг и кивнула.

Пока молодежь выдирала гвозди, мама Долл подошла к столу и взяла с него амулеты. Когда сняли крышку, Кейен не шевельнулась. Она спала.

Мне пришлось потрясти ее за плечо, чтобы разбудить.

Было ясно, что Кейен контролирует себя и оставаться рядом с ней вполне безопасно.

— Вон! — приказал Уиллард Тейт. — Все вон отсюда!

Родственники и подмастерья заторопились прочь.

Повернувшись ко мне, он повторил:

— Вон!

— Попробуйте сдвинуть меня с места, папочка.

— Я могу позвать молодых людей.

— А я могу сломать вам обе ноги еще до того, как они сюда явятся.

— Хватит! — приказала Кейен едва различимым шепотом. — Подожди за дверями. — На ее губах появилось подобие улыбки, легкой, как поцелуй мотылька. — Я сама смогу переломать ему ноги, если будет нужно. Спасибо, что продолжаешь заботиться обо мне.

Деятнадцатилетний морской пехотинец снова пробудился к жизни.

В подобной ситуации выбор не велик: остаться стоять дурак дураком или уйти.

Я предпочел уйти.

Когда Тейт вышел из комнаты, уже занималась заря. Он был выжат как лимон. Старый, нездоровый человек. Я преградил ему путь. Он торопливо, заплетающимся языком изложил мне главное.

Кейен некоторое время останется там, где находится сейчас. Часть наследства пойдет на покупку дома, а часть будет помещена таким образом, чтобы не испытывать ни в чем нужды, после того как мама Долл объявит ее исцеленной. Из оставшейся части состояния она пожелала передать десять тысяч Васко, а остаток поделить между другими наследниками.

Таким образом, Розе тоже кое-что досталось.

— Теперь она — член нашей семьи по праву любви моего сына к ней. Вам не следует о ней беспокоиться. Мы, Тейты, позаботимся о Кейен.

— Надеюсь, все будет в порядке, мистер Тейт, — сказал я, отступая в сторону и освобождая ему путь.

Старик заковылял к своей постели.

Кейен лежала на кровати холодная и похожая в свете единственной свечи на труп. Но она находилась наконец в настоящей

постели, а не в этом проклятом гробу. Я взял единственное кресло и тихо сел рядом с ней.

Я долго смотрел на нее, борясь в душе с юным морским пехотинцем. Я притронулся к ее волосам — уже появился намек на возвращение их естественного цвета. Когда у меня уже не оставалось сил, я поднялся, наклонился и в последний раз прикоснулся губами к ее губам.

И направился к дверям.

Позади меня раздался вздох.

Когда я обернулся, она произнесла:

— Прощай, Гаррет, — и улыбнулась нормальной улыбкой.

Я не замедлил шагов.

Вернувшись домой, я влил в себя целый баррель пива.

Каждый год в тот день, когда я вызволил ее из гнезда, посыльный приносит мне пакет. Ее подарки не назовешь скупыми.

Мне известно, где она живет, и я никогда не хожу той дорогой.

58

Мое право на получение гонорара было подтверждено на четвертый день после доставки наследницы Денни Тейта. Я нашел Тинни, и мы отпраздновали это событие. Она сопровождала меня, когда я отправился навестить Покойника.

Она сама себя пригласила и от этого приглашения не пожела-
ла отказаться. Все рыжие вообще упрямые ведьмы.

Тинни осмотрела помещение и заявила:

— А ведь здесь ужасно грязно, Гаррет.

— Это его дом.

— Все равно, здесь грязь и беспорядок. Как ты себя чувствуешь?

— Сердце разбито. Но чувствую я себя превосходно.

— Самодовольство ограниченности, сказала бы я.

— Брось. Лучше испытай на нем свои колдовские чары. Интересно, что из этого получится.

Он проснулся, как просыпается всегда, в брюзгливом настроении.

«Гаррет. Опять ты. Я требую, чтобы ты прекратил докучать мне».

Заметив Тинни, он продолжил: «А что делает здесь это создание?»

Он никогда не проявлял интереса к существам женского пола, будь то люди или иные виды. Что и является подлинной ограниченностью, по моему мнению. Я не мог его переубедить. Думаю, это было невозможно и в то время, когда он был еще жив.

«Я был слишком терпелив с тобой, Гаррет. И вот вынужден пожинать плоды своей снисходительности».

— Теперь тебе, Старые Кости, придется стать более покладистым. В противном случае ты можешь неожиданно для себя оказаться на улице. Ты разговариваешь с новым хозяином твоего жилища.

Помолчав с полминуты, он спросил:

«Ты купил этот дом? Потратил деньги, полученные от Тейта?»

Гениальность, оказывается, еще не окончательно покинула его.

— Да. Считаю это капиталовложением в мое будущее и имей в виду, что я только-только начал тебе докучать.

За все время нашего с ним знакомства он впервые не знал, что сказать. Молчание затянулось.

Пока он молча пытался, придумывая, чем меня сразить, я принялся за уборку.

**Золотые сердца
с червоточинкой**

1

После того как я разобрался со Зловредными Пикси, делать стало совершенно нечего. Пришлось две недели подряд выносить брюзжание Покойника, который способен вывести из себя даже святого. А я далеко не святой.

Вдобавок куда-то запропастилась Тинни (а связываться с другими, пускай в ее отсутствие, было достаточно рискованно). Словом, настала пора встряхнуться.

Признаться, какое-то время спустя мне начало казаться, что все городские пивоварни работают исключительно на меня — такое количество пива я поглощал.

Но однажды под вечер — я чувствовал себя не слишком хорошо, ибо дьявол устроил у меня в голове нечто вроде кузницы — в дверь нашего выдавшего виды домика на Макунадо-стрит кто-то постучал.

— В чем дело? — рявкнул я, распахивая дверь. Мне было плевать на то, что передо мной стоит женщина в платье стоимостью в добрую тысячу марок, и на то, что на улице полным-полно парней в сверкающих ливреях. Что-что, а богатство меня уже давно не впечатляет.

— Мистер Гаррет?

— Он самый. — Я слегка подобрел. Оглядел женщину с ног до головы и счел, что она вполне заслуживает второго взгляда. А также третьего и четвертого. Не то чтобы в ней было нечто особенное, зато присутствовало все необходимое, причем было надлежащим образом оформлено. На губах женщины промелькнула тень улыбки.

— Во мне течет кровь эльфов. — Ее суровый голос сделался музыкальным, но всего лишь на мгновение. — Может, вы перестанете пялиться и впустите меня в дом?

— Конечно. Могу я поинтересоваться, как вас зовут? По моему, о встрече мы не договаривались. Хотя я готов встречаться с вами по десять раз на дню.

— Мистер Гаррет, меня привело сюда дело. Оставьте любезности для своих подружек. — Она отстранила меня, поднялась по ступенькам, затем остановилась и оглянулась. Ее лицо выражало удивление.

— Маскировка, — объяснил я. — Мы нарочно не ремонтируем дом снаружи, чтобы не вводить в искушение соседей. — Наш дом стоял далеко не в лучшем из городских кварталов. Вообще-то шла война, поэтому рабочих мест имелось в избытке, однако некоторые из наших соседей до сих пор с негодованием отвергали саму мысль о том, чтобы зарабатывать на жизнь честным трудом.

— Мы? — ледяным тоном переспросила женщина. — Честно говоря, мое дело сугубо личное...

Клиенты все одинаковы. У всех сугубо личные дела, и все приходят ко мне, поскольку обычным путем добиться ничего не могут.

— Ему вы можете доверять, — заявил я, кивая на дверь в соседнюю комнату. — Он не разомкнет уст, ибо мертв вот уже четыреста лет.

На лице женщины сменялось, одно за другим, несколько выражений.

— Логхир? Покойник?

Выходит, не такая уж она великосветская дама, какой пытается казаться. Всякий, кто знает Покойника, врос, что называется, корнями в жите-е-бытье обыкновенных людей, которые составляют большинство населения Танфера.

— Совершенно верно. Полагаю, ему тоже следует услышать вашу историю.

У меня наметанный глаз, я многое замечаю — а где не замечаю, там придумываю. Судя по ливреям, на улице толпились слуги Владычицы Бурь Рейвер Стикс; что же касается моей посетительницы, то я решил, что догадываюсь, чем вызвано ее появление. Поэтому было бы забавно свести красотку нос к носу с этим траченным молью лентям, который с течением времени незаметно сделался моим хлебником.

— Ни за что.

Я направился к двери, собираясь разбудить Покойника. Обычная мера предосторожности: далеко не все клиенты приходят с дружескими намерениями, и без Покойника в подобных случаях, если он, конечно, в настроении, просто не обойтись.

— Как, вы сказали, вас зовут, мисс?

Я шел напролом. Она, похоже, прекрасно это понимала и вполне могла бы пропустить мой вопрос мимо ушей, однако после секундной заминки сказала:

— Амиранда Крест. Мистер Гаррет, дело весьма важное и сугубо личное.

— Все так говорят, Амиранда. Я вернусь буквально через минуту.

Она и не подумала хлопнуть дверью.

Что ж, дело и впрямь важное — по крайней мере для нее, — раз она позволяет так с собой обходиться.

Покойник развлекался. Занимался тем, что в последнее время доставляло ему наибольшее удовольствие — старался перехитрить полководцев, сражающихся в Кантарде. И неважно, что сведения о ходе боевых действий устаревшие и вдобавок из десятых рук, то есть от меня. Он справлялся не хуже, чем гениальные стратеги, которые командовали армиями (откровенно говоря, го-

раздо лучше, нежели большинство генералов и прочих шишек, получивших власть по наследству).

Он восседал в массивном деревянном кресле, этакая гора желтокожей плоти, не менявшая формы с тех самых пор, как четверста лет назад кто-то всадил в нее нож. По правде сказать, годы потихоньку брали свое. Плоть логхиров разлагается очень медленно, однако мышцы и некоторые насекомые воспринимают ее как величайшее на свете лакомство.

В стене, лицом к которой сидел Покойник, не было ни дверей, ни окон. Некий художник по просьбе Покойника изобразил на ней крупномасштабную карту театра боевых действий. По штукатурному ландшафту сновали отряды жуков: Покойник воссоздавал ход сражений, пытаясь выяснить, каким образом наемник по имени Слави Дуралейник сумел скрыться не только от разъяренных венагетов, но и от наших собственных генералов, которые вознамерились прикончить Слави, пока он своими победами не выставил их окончательно на всеобщее посмешище.

— Так ты не спишь?

— Убирайся, Гаррет.

— Кто побеждает? Муравьи или тараканы? Пригладывай за пауками в углу, они явно нацелились на твоих чешуйниц.

— Перестань изводить меня глупыми советами.

— Ко мне пришла посетительница. Поскольку клиентами разбрасываться не следует, я хочу, чтобы ты послушал, как она будет изливать душу.

— Гаррет, ты снова привел в мой дом женщину? Мое терпение широко, будто океан, но все же не безгранично.

— В чей дом, ты сказал? Мы что, снова обсуждаем, кто хозяин, а кто гость?

Жуки разбежались в разные стороны, одни набросились на других... Да, театр боевых действий жил собственной жизнью.

— Какая жалость! Я почти разгадал его план.

— Не говори ерунды. Если бы существовал план, Военный совет венагетов давным-давно разобрался бы, что и как. Ведь они разыскивают Слави Дуралейника не для того, чтобы похлопать по плечу. Для них это вопрос жизни или смерти. Наемник расправлялся с венагетами поодиночке. Судя по всему, сводил старые счета.

— Насколько я понимаю, речь идет не о той рыжей ведьме?

— Нет, Тинни тут ни при чем. Эта девица из челяди Владычицы Бурь. Кроме того, в ней течет кровь эльфов, так что она понравится тебе с первого взгляда.

— С первого взгляда женщины нравятся только тебе. В отличие от тебя, Гаррет, я не являюсь рабом плоти. Смерть дает определенные преимущества. В частности, приобретаешь способность рассуждать...

Это я уже слышал — не раз, и не два, и даже не десять.

— Пойду приведу. — Я вышел в гостиную. — Мисс Крест, соблаговолите пройти со мной. — Она смерила меня пронзительным взглядом. Прекрасная в спокойствии и в гневе; впрочем, в ее поведении сквозило отчаяние, что и подсказало мне, как с ней нужно обращаться. — Амиранда, владычица моих грез! Ну пожалуйста!

Она подчинилась. Должно быть, поняла, что выбора у нее нет.

2

Я настолько привык к Покойнику, что совершенно не подумал о том, какое впечатление он может произвести на человека, который никогда не видел мертвого логхира. Амиранда Крест вздрогнула, наморщила свой прелестный носик и прошептала:

— Как тут воняет...

Ну да, в комнате Покойника пахло, но не слишком сильно. Вдобавок к запаху я тоже привык, поэтому пропустил ее слова мимо ушей.

— Это Амиранда Крест. Прямо из дворца Владычицы Бурь Рейвер Сликс.

— Извините, что я не встаю, мисс Крест. Дело в том, что все, так сказать, физические способности я утратил, хотя умственные сохранились в полной мере.

— Ничего страшного, — выдавила Амиранда. — Вообще-то меня прислала вовсе не Владычица Бурь. Она, как вам, наверное, известно, в Кантарде. Мне приказала разыскать вас домина Уилла Даунт, ее секретарь, чьей помощницей я являюсь. Мистер Гаррет, домина хотела бы, чтобы вы кое-что расследовали. Дело семейное, посему необходимо соблюдать тайну.

— И больше вы мне ничего не скажете?

— Я просто больше ничего не знаю. Мне лишь велели передать вам сто марок золотом, чтобы вы согласились поговорить с доминой. А если возьметесь за расследование, получите еще тысячу.

— Она лжет, Гаррет. Ей известно, о чем идет речь.

Да, Покойника не проведешь. А девочка, похоже, шустрая, такой палец в рот не клади. Пока я будил логхиря, прикинула, по-видимому, все «за» и «против» и решила изменить тактику.

— А нельзя все же поподробнее? Я же должен знать, во что мне придется сунуть нос.

Она принялась отсчитывать монеты, причем складывала их на ладонь левой руки. Признаться, это меня потрясло. Существа с примесью эльфийской крови — обычно левши; по крайней мере, я до сих пор не встречал таких, у кого дело обстояло бы иначе.

— Не стоит, мисс Крест. Если вы не желаете ничего мне сообщить, я останусь здесь. Буду на пару с приятелем гонять тараканов.

Она, видно, решила, что я шучу. Чтобы человек из нижних слоев общества отказался от сотни марок золотом? Тем более сыщик по профессии? Да мне полагалось бросить все и опростельно помчаться на Холм... Черта с два, не дождутся. Пускай побегает красотка Амиранда.

— Пожалуйста, поверьте мне, дело крайне важное и весьма щекотливое...

— Мисс Крест, когда я последний раз поверил человеку с Холма, то немедленно оказался завербован в морскую пехоту и тянул ляжку целых пять лет, пытаюсь убивать венагетов, которые знали не больше моего, за что мы, собственно, сражаемся. Возвратившись домой, я прикинул, что и как, и, честно говоря, любви к обитателям Холма у меня не прибавилось — скорее, наоборот. Всего хорошего, мисс Крест. Хотя постойте. Не хотите ли прогуляться? Я знаю одно заведение, где кормят так, что можно застелиться от восторга.

Амиранда обдумала мои слова и сказала:

— Домина рассердится, если я вернусь одна.

— Сочувствую, но ничем не могу помочь. Прошу вас. Ваши парни снаружи, должно быть, как следует пропеклись на солнышке.

— Мистер Гаррет, — процедила она сквозь зубы, выходя из комнаты, — другого случая так просто заработать сто марок золотом, может, и не представится.

Я проводил ее до двери — чтобы убедиться, что крошка в порыве чувств не сорвет дверь с петель.

— Если я так нужен вашей начальнице, пускай приходит сюда.

Амиранда раскрыла рот, собираясь ответить, затем просто покачала головой и вышла на улицу. Сидевшие на крыльце слуги с багровыми от жары физиономиями тут же вскочили, в следующий момент дверь захлопнулась. Я направился в комнату Покойника.

- По-моему, ты слегка перегнул палку.
- Она вернется.
- Не сомневаюсь. Но в каком настроении?
- Ее трудности. Может, хоть так выложит, зачем приходила.
- Гаррет, ты имеешь дело с женщиной. Твой безудержный

оптимизм тут совершенно не годится.

Сколько раз мы с ним спорили на эту тему (Покойник был убежденным женоненавистником)! Но сейчас меня занимало другое. Он это почувствовал.

- Предложение тебя заинтересовало?

— Не могу сказать, что мое сердце разорвется от горя, если дельце не выгорит. Ты же знаешь, я не кривил душой, когда рассуждал насчет обитателей Холма. Начхать мне на них, в особенности на всяких там колдунов. Кстати, и деньги нам, в общем-то, не нужны.

— Гаррет, тебе деньги нужны всегда, учитывая, сколько ты пьешь пива и как часто бегаешь за юбками.

Разумеется, Покойник преувеличивал. В нем говорила зависть. Единственное, что ему не нравилось в его нынешнем состоянии, — невозможность попить пивка.

- Кто-то стучит в дверь.

— Слышу, слышу. Наверное, старина Дин, которому не терпится приняться за уборку.

Поскольку логхир на дух не выносил женщин, о домохозяйнице не могло быть и речи, а у меня склонности к домашним делам, можно сказать, никакой. В результате продолжительных поисков мне удалось обнаружить старика, который двигался с грацией черепахи, но зато согласился приходить готовить, прибирать и выметать паразитов из комнаты Покойника.

Распахнув дверь, я удивленно воззрился на Амиранду.

— Быстренько вы сбегали. Заходите. Вот уж не думал, что я настолько неотразим.

Она вошла в дом и, подбоченясь, повернулась ко мне.

— Будь по-вашему, мистер Гаррет. Домине понадобились ваши услуги потому, что мой... Что похитили Карла, сына Владычицы Бурь. Больше я на самом деле ничего не знаю. Подробности мне не сообщили.

Последнее, судя по тону, ее явно задело.

Амиранда направилась к двери.

— Минуточку. — Я прищурясь посмотрел на нее. — Как насчет сотни?

Она протянула мне деньги и победно усмехнулась. Одиноль в пользу Амиранды Крест. Определенно в этой красотке что-то было.

— Подождите, я сейчас.

Я отнес золото в комнату Покойника — более безопасного места было не сыскать на всем белом свете.

— Слышал?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Похищения по твоей части.

Вернувшись в холл, я произнес:

— Вперед к победе, моя прелестная леди.

Даже тень улыбки не мелькнула на ее лице.

Что ж, не всякому дано оценить мое потрясающее чувство юмора.

3

Очевидно, наша процессия со стороны напоминала военный отряд, поскольку сопровождающие Амиранды все до единого были облачены в одинаковую одежду. Впрочем, этим их сходство с солдатами и ограничивалось. По мне, они годились только на то, чтобы служить ходячими вешалками для своих ливрей.

По пути я неоднократно пытался завязать разговор, однако Амиранда хранила ледяное молчание. И впрямь, с какой стати снисходить до того, кто и так работает на тебя?

Покойник был прав. Так уж сложилось, что похищения — по моей части. Раз за разом мне приходилось выступать в роли посредника, передавать выкуп и возвращать домой очередную жертву. И с каждым новым случаем моя известность возрастала, причем как среди потенциальных клиентов, так и среди похитителей. Играл я честно, в открытую; однако если похитители возвращали, что называется, некачественный товар и клиенты загорались жадой мести — как оно обычно и бывало, — тут я превращался в совершенно другого человека.

Ненавижу похищение как вид преступления и тех, кто его совершает. А в Танфере этим промышляют очень и очень многие. Лично я предпочел бы утопить в реке всех похитителей разом, однако приобретенный с годами опыт заставлял меня действовать по принципу «живи и дай жить другим» — если, конечно, другие не смухлевали первыми.

Холм представляет собой нечто гораздо большее, нежели просто возвышенность, горделиво взирающую на танферскую суету (кстати, порой город напоминал мне животное, на спину которому взгромоздилось некое существо). Холм — образ жизни, который я, признаться, не воспринимаю. Тем не менее обитатели Холма расплачиваются той же звонкой монетой, что и остальные горожане, только у них деньгами набиты все карманы. Что касается моего отношения к Холму, судите сами — я отказывался и буду отказываться от работы, которая способна привести к тому, что Холм насядет на нас хлебе прежнего.

Как правило, меня обитатели Холма пытаются нанять в тех случаях, когда необходимо выполнить какую-нибудь грязную ра-

ботенку. Я даю им от ворот поворот, предлагаю поискать менее принципиальных. Так и живем.

Дворец Владычицы Бурь мало чем отличался от других. Высокое, обнесенное стенами здание, весьма, надо сказать, мрачное, чуть более дружелюбное на вид, чем улыбка смерти. Словом, одно из тех мест, над входом в которые написано невидимыми чернилами: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Может быть, Рейвер Стикс вдобавок наложила на свой дворец охранительные чары.

Последние пятьдесят футов дались мне с громадным трудом. Внутренний голос упорно советовал дальше не ходить, но я пошел. В конце концов, что такое предостережения внутреннего голоса по сравнению с сотней марок золотом?

Очутившись в холле, я решил, что попал в замок с привидениями. Повсюду висела паутина. Тишину нарушали только наши с Амирандой шаги (слуги в ливреях ретировались по мановению ее ручки).

— Ничего не скажешь, симпатичный маленький домик. А где весь народ?

— Большинство забрала с собой Владычица Бурь.

— Но своего секретаря она оставила.

— Совершенно верно.

Что ж, получается, что в тех слухах, какие до меня доходили, имелась доля истины. Я разумею слухи насчет мужа и сына Владычицы Бурь. Оба носили одно и то же имя — Карл, и оба, мягко выражаясь, нуждались в присмотре.

С первого взгляда Уилла Даунт произвела на меня впечатление человека, которому это вполне по силам. Ледяной взор, под которым застынет и пиво, обаяние замшелого валуна... Мне о ней не то чтобы рассказывали, но я знал, что она помогает Владычице Бурь проворачивать грязные делишки.

Рост приблизительно пять футов два дюйма, возраст — чуть за сорок, плотного сложения, но отнюдь не толстая. Глаза и волосы словно соревнуются — у кого сильнее стальной отлив. Одета, скажем так, прилично. Улыбается раза в два чаще Человека-с-Луны*, однако в улыбке нет и намека на искренность.

— Мистер Гаррет, домина, — произнесла Амиранда.

Уилла Даунт посмотрела на меня так, словно я был то ли заразной болезнью, то ли диковинным существом из зоопарка — причем из числа наиболее омерзительных, наподобие громового ящера.

Знаете, порой у меня возникает ощущение, будто я принадлежу к вымирающим животным.

— Спасибо, Амиранда. Присаживайтесь, мистер Гаррет. — На слове «мистер» ее лицо слегка перекосилось. Она явно не привыкла быть вежливой с людьми моего положения.

Я сел. Уилла Даунт последовала моему примеру, после чего изрекла:

— Ступай, Амиранда.

— Домина, я...

— Ступай. — Она сопровождала свои слова испепеляющим взглядом.

Я притворился, будто изучаю беспорядок на столе Уиллы Даунт.

Уязвленная Амиранда вылетела за дверь.

— Как вам наша Амиранда, мистер Гаррет? — У домины снова свело челюсть.

— О таких, как она, мужчины грезят наяву, — сказал я, постаравшись выразиться поизыщнее.

— Разумсется. — Домина холодно посмотрела на меня. По всей видимости, я не сумел пройти какое-то испытание. Ну и ладно, плевать.

* Персонаж английского фольклора, который постоянно попадает в неприятности и потому всегда печален.

Я решил, что домина Уилла Даунт мне не нравится.

— Насколько я понимаю, вы пригласили меня не просто так?

— Разве Амиранда вам не рассказала?

— Она призналась, что почти ничего не знает. — Уилла Даунт пристально поглядела на меня. Я и не подумал отвести взгляд. — Честно говоря, я предпочитаю не связываться с благородными, которым судьба начинает вставлять палки в колеса; готов даже поспособствовать судьбе. Исключения делаю только для похищений.

Домина состроила гримасу. Ничего не скажешь, это у нее получилось здорово. Пожалуй, даст сто очков вперед любой горгоне.

— Что еще вам рассказала Амиранда?

— Что произошло преступление, которое необходимо расследовать. Надеюсь, в подробности посвятите меня вы.

— Совершенно верно. Итак, вам известно, что похищен младший Карл...

— Из того, что я слышал о нем, можно сделать вывод, что он того вполне заслуживал.

Карл-младший пользовался репутацией юноши, который ведет себя как чудовищно избалованный и капризный ребенок. В двадцать три года он продолжал разыгрывать трехлетнего оболтуса. Впрочем, для трехлетки у него был не по годам зрелый интерес к противоположному полу. Очевидно, домине Даунт поручили следить, чтобы он не натворил дел, а в случае чего — по возможности прикрыть.

Уилла Даунт поджала губы, которые будто слились в одну тонкую полоску.

— Можно сказать и так, но мы встретились здесь не для того, чтобы выслушивать ваше, мистер Гаррет, мнение по поводу тех, кому вы вовсе не ровня.

— А для чего?

— Владычица Бурь скоро возвратится домой. Я не хочу обременять ее лишними тревогами и заботами. Желательно, чтобы все уладилось до ее прибытия. Не пора ли начать записывать, мистер Гаррет? — Она пододвинула ко мне бумагу. Судя по всему, домина решила, что я неграмотен, и ей захотелось наслаждаться своим превосходством.

— Пока записывать нечего. Если я правильно понял, преступники прислали вам весточку, из которой стало ясно, что Младший действительно похищен, а не ударился в очередной загул?

Домина достала из-под стола нечто, завернутое в лохмотья.

— Вот. Это оставили ночью у ворот.

Я развернул лохмотья, под которыми обнаружилась пара туфель с серебряными пряжками.

— Это обувь Карла?

— Да.

— А как выглядел тот, кто ее принес?

— Как и следовало ожидать. Уличный оборванец лет семи-восьми. Привратник явился ко мне только после завтрака. Естественно, к тому времени оборвыш был слишком далеко, чтобы затевать погоню.

Так-так, а чувство юмора у нее, похоже, есть.

Я внимательно осмотрел туфли. Как правило, это ни к чему не приводит, но все равно — всякий раз ищешь комочек малиновой грязи или стебелек диковинной желтой травы... Словом, что-нибудь такое, что превратит тебя в гения в глазах окружающих. Разумеется, я ничего не нашел, а потому взял записку, которая гласила:

«Ваш Карл у нас. Если хотия его вернуть, делайтя, как вам скажут. Никому не рассказывайтя. Еще свидимся».

К записке прилагался человеческий волос. Я тщательно изучил его в свете, что падал из окна за столом домины. Кажется, волосы Младшего были именно такого цвета.

— Великолепный ход.

Уилла Даунт одарила меня очередной гримасой.

Я принялся рассматривать записку. Листок бумаги, судя по всему, откуда-то выдрали — быть может, из книги. Чтобы найти в городе эту книгу, понадобится добрая сотня лет. А вот почерк весьма любопытный. Буквы маленькие, но чувствуется, что писал некто, уверенный в себе и чрезвычайно аккуратный (и тем не менее не слишком грамотный).

— Вы не узнаете почерк?

— Конечно, нет. Позвольте заметить, мистер Гаррет, что вы несколько отвлеклись.

— Когда вы в последний раз видели Карла?

— Вчера утром. Я отправила его в наш склад на набережной. Поручила проверить, насколько истинны сведения о воровстве. Старший кладовщик утверждает, что воруют брауни, однако я полагаю, что главный брауни — именно он и продает припасы с нашего склада кому-то из обитателей Холма. Может быть, даже кому-то из ближайших соседей.

— Как приятно сознавать, что благородные стоят выше искушений и пороков, терзающих простых смертных! Когда Карл не вернулся, вас это не беспокоило?

— Я уже сказала, что меня не интересуют ваши политические взгляды. Приберегите свои рассуждения для тех, кто с ними согласен. Что касается Карла, я на самом деле не стала волноваться. Во-первых, он нередко не бывал дома неделями, а во-вторых, сын Владычицы Бурь — взрослый человек.

— Однако вас оставили присматривать за ним и за его отцом. И до сих пор вы успешно справлялись с поручением, судя по тому, что с того дня, как старушка покинула город, не возникало и намека на скандал.

Ответом мне была новая гримаса.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет ворвался мужчина.

— Уилла, какие новости... — Заметив меня, он замолчал. Брови поползли вверх и остановились приблизительно на середине лба. Карл-старший славился этим трюком. Как утверждали некоторые, ничего другого он не умел. — Это еще кто, черт побери? — Вдобавок супруг Владычицы Бурь был известным грубияном. Правда, от вышестоящих мы обычно другого и не ждем.

4

— Новостей пока никаких, — проговорила Уилла Даунт. — Думаю, они если и появятся, то не очень скоро. — И вопросительно посмотрела на меня, словно желая, чтобы я подтвердил ее слова.

— Обычно похитители тянут до последнего. Чем больше человек волнуется, тем вероятнее, что он не будет упрямиться и заплатит выкуп.

— Это мистер Гаррет, — представила меня домина. — Специалист по похищениям и похитителям.

— Боже мой, Уилла! Ты сошла с ума! Нас же предупредили, чтобы мы не раскрывали рта!

— Мистер Гаррет, — продолжала домина, пропустив слова Карла-старшего мимо ушей, — позвольте представить вам супруга Владычицы Бурь, баронета да Пену, отца жертвы.

Надо было видеть, как его перекорежило! Не изменив ни тона, ни выражения лица, домина Даунт ухитрилась врезать Карлу-старшему под дых, причем дважды. Во-первых, обозвала супругом (из чего следовало, что он — захребетник), во-вторых, упомянула о баронстве (титул не являлся наследственным, поскольку Карл был всего-навсего четвертым сыном отпрыска младшей линии королевского рода). Кстати, в ее фразе, вполне возможно, содержался и

намек на то, что Младший, как утверждала молва, вовсе не сын Старшему.

— Как поживаете, господин? Между прочим, домина, барон задал вопрос, на который я и сам хотел бы получить ответ. Почему вы обратились ко мне, если преступники настаивают на соблюдении тайны? Причем не просто обратились, а прислали за человеком с такой репутацией, как у меня, целую ораву шутов в компании девицы, одетой столь броско, что ее заметил бы даже слепой? Не думаю, что похитители будут долго оставаться в неведении...

— Именно этого я и добивалась.

— Уилла!

— Успокойся, Карл. Я разговариваю с мистером Гарретом.

Баронет смертельно побледнел. Ему ясно дали понять, кто тут главный и кто принимает решения, да еще на глазах у какого-то ничтожества из городских низов. Тем не менее он сдержался, а я сделал вид, что ничего не видел и не слышал (существуют вещи, замечать которые опасно для здоровья).

— Мистер Гаррет, я хотела, чтобы преступники узнали, что я обратилась к вам.

— Зачем?

— Ради безопасности юноши. Как по-вашему, зная, что вы взялись за расследование, не подумают ли похитители дважды, а то и трижды, стоит ли им теперь плохо обращаться с молодым Карлом?

— Подумают — если, конечно, мы имеем дело с профессионалами, которые все знают о Гаррете. Если же тут замешаны непрофессионалы, то положение молодого Карла становится просто угрожающим. Вы несколько поспешили, домина.

— Время покажет. Во всяком случае, я не думаю, что потопилась.

— Объясните, пожалуйста, что вам от меня конкретно нужно.

— Ничего.

— А? — только и сумел выдавить я.

— Вы сделали все, что от вас требовалось. Пришли сюда, побеседовали со мной, так сказать, одолжили свою репутацию. Будем надеяться, теперь у Карла появился дополнительный шанс на спасение.

— Вот, значит, как?

— Да, мистер Гаррет. Как по-вашему, достаточно ли ста марок за использование вашей репутации?

«Разумеется», — подумал я, но вслух этого говорить не стал.

— А как насчет выкупа? — спросил я. Обычно клиенты в таких делах полагались на меня целиком и полностью.

— Думаю, что справлюсь сама. Насколько я понимаю, главное здесь — в точности следовать инструкциям, правильно?

— Правильно. Сильнее всего преступники нервничают именно при получении выкупа. Поэтому вам следует вести себя крайне осмотрительно — ради безопасности юноши, да и вашей собственной.

Баронет фыркнул, кашлянул, топнул ногой. Ему явно хотелось принять участие в разговоре, однако стоило Уилле Даунт бросить на него ледяной взгляд, как он тут же присмирел.

Интересно, чем она так застращала супруга Владычицы Бурь, что он ходит у нее по струнке?

Несмотря на свой возраст — ему было то ли под пятьдесят, то ли уже за, — Карл-старший оставался довольно привлекательным мужчиной. Морщин практически нет, зато волосы, иссиня-черные и кудрявые, все на месте и, судя по виду, сесть начнут не раньше чем лет через десять. Ростом он, честно говоря, не вышел, но это его, по-видимому, не смущало. В общем, баронет производил впечатление завязтого бабника и, по слухам, был таковым на самом деле.

Причем годы отнюдь не стали для него помехой. Хорошо подвешенный язык, якобы громкий титул, брови, способные

двигаться будто по собственной воле, большие голубые глаза, в которых, образно выражаясь, отражается душа, — все это бросало в его объятия дамочек, о каких мы, простые смертные, могли только грезить.

Но сейчас толку от него не было. Он весь извертелся, как мальчишка, которому приспичило в уборную, куда стоит длинная очередь, и, если бы не домина Даунт, давным-давно ударился бы в панику. И то сказать — член королевской семьи, один из тех на удивление решительных людей, чье мужество вызывает восхищение и кто благословил карентийцев на войну с венагетами.

Карл-младший (неважно, законный он сын или нет) полностью соответствовал поговорке насчет яблочка, которое падает недалеко от яблони. Он походил на Карла-старшего лицом и характером и представлял собой не меньшую опасность для женщин; кроме того, ему было не занимать заносчивости на том основании, что он единственный и ненаглядный сыночек Владычицы Бурь Рейвер Стикс и что с его мамочкой никто не рискнет связываться.

Старшему мое присутствие во дворце пришлось не по душе. Возможно, я ему просто не понравился. Если так, то неприязнь была взаимной. Мне пришлось самому зарабатывать себе на жизнь с восьми лет, а потому я на дух не переносил всяких захребетников, в особенности с Холма. Именно из-за своего безделья они попали впросак с Кантардом, а в результате целое поколение отправилось на юг — воевать за серебряные копи.

Может, Слави Дуралейник, покончив с военачальниками венагетов, займется карентийскими шишками? Было бы неплохо...

— Если я вам больше не нужен, то позвольте откланяться. Желаю удачи при встрече с похитителями.

— Вы сумеете самостоятельно выйти на улицу? — Выражение лица домины Даунт говорило о том, что она сомневается в моей искренности.

— Когда я служил в морской пехоте, нас учили ориентироваться на местности.

— Тогда всего хорошего, мистер Гаррет.

Карл-старший подал голос в ту самую секунду, когда я закрыл за собой дверь. Хорошая дверь, толстая; о чем он кричит, через нее было не разобрать, хотя я прижался к ней ухом. Ну и ладно, пускай себе беснуется, дает волю ярости и страху.

5

У дворцовых ворот меня поджидала Амиранда. Завидев ее, я сделал глубокий вдох, чтобы хоть немного прийти в себя и не совершить какого-нибудь необдуманного поступка. Она сменила роскошный наряд, в котором приходила ко мне, на повседневную одежду, однако выглядела так, словно в ней воплотились наяву полночные грезы всех мужчин.

Впрочем, чувствовалось, что она чем-то обеспокоена. Пожалуй, сейчас не время для любезностей.

Морли Дотс, с которым мы иногда работаем в паре, считает, что меня хлебом не корми, дай только помочь попавшей в беду прекрасной даме. Кстати говоря, от Морли я узнал про себя много интересного — зачастую он ошибался, да и, если уж на то пошло, высказываться на мой счет его никто не просил; но что касается прекрасных дам, тут он угодил в яблочко. Стоит красивой девушке залиться слезами, как доблестный рыцарь Гаррет вспрыгивает на коня и скачет на битву с драконом.

— Что она вам сказала, мистер Гаррет? Что ей было нужно?

— Говорила она много, но ухитрилась почти ничего не сказать. И ей от меня ничего не нужно.

— Не понимаю. — Мне показалось, что мой ответ разочаровал Амиранду.

— Да я, в общем, тоже. По ее словам, она просто-напросто хотела напугать похитителей. Мол, узнав, что за дело взялся Гаррет, они, возможно, ступают и будут поласковее с молодым Карлом.

— А... — Амиранда облегченно вздохнула. Любопытно, чего она опасалась? Как-то все это подозрительно. — Значит, вы полагаете, что Карлу ничто не угрожает?

— Не могу сказать. Знаю лишь, что сам крепко подумал бы, прежде чем связываться с такой женщиной, как домина Даунт.

Из двери футах в тридцати от того места, где стояли мы, вышла черноволосая красotka лет девятнадцати-двадцати. Оглядела меня с головы до ног, соблазнительно улыбнулась и прошествовала мимо походкой, способной свести с ума даже статую.

— Кто это? — спросил я.

— Расслабьтесь, мистер Гаррет. Она не про вас, вы не посмеете прикоснуться к ней ни в мечтах, ни тем более наяву. Это Амбер, дочь Владычицы Бурь.

— Ясненько.

— Мистер, — проговорила Амиранда, перехватив взгляд, которым я проводил очаровательную брюнетку, — соблаговолите спуститься на землю. Помнится, вы выражали желание встретиться со мной в нерабочей обстановке. Так вот, сегодня в восемь в «Железном лугу».

— Где-где? Мне такое заведение не по... — Я вовремя спохватился. Совсем забыл, что пару часов назад получил от этой крошки сотню золотых марок. — В восемь? Договорились. Знайте, остаток дня я проведу, предвкушая неземные радости. — Довольно усмехнулся и вышел за ворота.

Шагая по улице, что вела вниз по склону Холма, я размышлял о том, почему никогда не слышал ни о какой дочери по имени Амбер. Ведь про Владычицу Бурь и ее семью в Танфере ходило столько слухов и сплетен... Да, тут городские кумушки явно опростоволоосились.

6

Из комнаты Покойника доносились странные звуки. Я прошел мимо и направился на кухню, где старина Дин жарил сосиски, одновременно приглядывая за пирогом в печи. Увидев меня, он вытянул из холодильного колодца маленький бочонок. Этот колодец я соорудил на гонорар за дело Старка — в конце концов, если хочется холодного пива, почему я должен отказывать себе в удовольствии?

— Удачный денек, мистер Гаррет? — поинтересовался Дин, протягивая мне кружку.

— Можно сказать и так. — Я запрокинул голову и одним махом опорожнил кружку наполовину. — Подвернулось выгодное дельце. А чем занимается наш общий друг? Что-то сегодня от него много шума.

— Не знаю, мистер Гаррет. Он не разрешает мне убраться в его комнате.

— Вот как? Ничего, разберемся. Но сначала надо повторить. — Я посмотрел на сосиски, перевел взгляд на пирог. Если Дин полагает, что я в состоянии все это съесть, он заблуждается. Или... — Ты что, снова пригласил в гости племянницу?

Дин покраснел.

— Зря, — заметил я, покачав головой. — Сегодня вечером мне придется уйти из дома.

В жилах Дина и всех его родственников текла кровь троллей. Я не считаю себя человеком с предрассудками — иначе разве отправился бы на свидание с той, которая наполовину эльфийка? — однако родственницы Дина унаследовали от родителей в первую очередь троллье безобразие. Стоило им выйти на улицу, как собаки начинали выть, а лошади ржали и били копытами; в общем, сердце золотое, а рожа, как говорится, на кирпич похожа. Между тем Дин упорно продолжал приводить их в наш дом, рассчитывая,

очевидно, рано или поздно сосватать за меня одну из своих племянниц (запас которых, судя по всему, был неисчерпаем).

Три сосиски, два куса лучшего в мире яблочного пирога и несколько кружек пива спустя я почувствовал, что готов заглянуть в логово Покойника.

— Дин, как обычно, все очень вкусно. Спасибо. Что ж, я иду к логхиру. Если не выберусь к выходным, посылай на выручку Плоскомордого Тарпа. У него настолько толстый череп, что Покойник не сумеет прочесть его мысли. — «Может, свести Тарпа с какой-нибудь племянницей Дина? Нет, не буду; все же Тарп мне нравится».

— Убирайся, Гаррет, — заявил Покойник, уловив, что я приближаюсь.

Я, естественно, и не подумал подчиниться.

Он по-прежнему воевал. На сей раз тараканий бог собрал на стене всех своих насекомых, лапки и крылья которых и производили те диковинные звуки.

— Как делишки? — спросил я. Покойник промолчал. — Хитрец этот Слави Дуралейник, верно?

«Интересно, — подумалось мне, — неужели Покойник вознамерился уничтожить всех жуков в Танфере? Если так, надо наметнуть властям, что за подобные услуги принято платить».

Логхир не подал виду, что слышит. Насекомые на стене забегали быстрее. Я уселся в кресло и некоторое время наблюдал за ходом боевых действий. Как выяснилось, Покойник не воспроизводил некую кампанию — он экспериментировал. А может, воевал сам с собой. Ведь мозги логхиров устроены таким образом, что их можно при желании разделить на два-три независимых друг от друга участка.

— Забавный выдался денек.

Покойник продолжал хранить молчание. Наказывал меня за бесцеремонность, притворяясь, будто я для него не существую. Тем не менее он слушал. В конце концов других приключений,

кроме тех, о которых рассказывал я, у Покойника не было и не могло быть.

Я поведал о том, что со мной сегодня произошло, постаравшись не упустить ни единой подробности. Сами знаете, что-нибудь забудешь, а потом окажется, что это было главное.

Слушая мой рассказ, Покойник руководил войсками. Мне вдруг почудилось, что перемещения жучиных подразделений осуществляются по определенной схеме, понять которую я не в состоянии.

Что ж, пора двигаться. Я встал и направился к двери, бросив через плечо:

— Увидимся, когда встретимся, Мешок-с-Костями.

— Гаррет, постарайся не приводить свою подружку сюда. Я не потерплю подобных глупостей в моем доме.

Честно говоря, я поступал так лишь изредка, что называется, под давлением обстоятельств, поскольку иначе могло показаться, что я просто потешаюсь над несчастным Покойником.

Живые логхеры распутны как семнадцатилетние юнцы. Должно быть, женоненавистничество для Покойника — нечто вроде компенсации за упущенное удовольствие.

— Будь осторожен, Гаррет, — сказал он, когда я закрывал за собой дверь.

Я всегда осторожен. Точнее — когда обращаю внимание на мелочи и полагаю, что мне есть из-за чего беспокоиться. Но что может случиться с человеком, который пошел за спиртным в лавку через пару улиц?

Поверьте мне, все, что угодно.

Денек и впрямь выдался забавный. Я уловил запах «травки» и, признаться, заинтересовался. У нас по соседству любителей «травки» раз-два и обчелся, а запах был на удивление сильным. Я двинулся в ту сторону, откуда он доносился.

И наткнулся на пятерых парней, в которых с первого взгляда угадывалось родство с гоблинами. Мне повезло вдвойне: гоблины вообще туповаты и неповоротливы, а эти накурились до такой степени, что соображали медленнее улитки. Впрочем, кое-что они все-таки замечали — видно, сказывалась привычка.

— Гаррет? — пробормотал один.

— А тебе какое дело?

— Такое.

— Да он это, он. Айда, братва.

Я начал первым. Ударил одного ногой в пах, врезал второму по кадыку — а потом споткнулся и упал. Между тем первый противник сложился пополам и принялся опорожнять желудок, а второй, утратив всякий интерес к происходящему, побрел прочь, прижимая ладонь к горлу.

Перекатившись на спину, я свалил с ног третьего, которого сумел застать врасплох. Он рухнул как подкошенный, ударился головой о мостовую и на какое-то время выключился из игры.

«Неплохо, Гаррет. Пожалуй, ты сумеешь выкрутиться...»

Оставшиеся двое противников тупо глядели, как я разбираюсь с их подельниками. Вокруг начала собираться толпа.

Наконец у последних двоих мозги прояснились настолько, что они подступили ко мне. Я двигался гораздо проворнее, однако у них было преимущество в численности. Мы повальсировали по мостовой; я нанес пару ударов (которые не достигли цели, поскольку гоблины явно осторожничали) и столько же пропустил.

Третий удар изрядно поколебал мою уверенность в благополучном исходе. В глазах на мгновение помутилось, а мой могучий интеллект целиком и полностью сосредоточился на древнем как мир вопросе: где, собственно, верх?

Один из гоблинов высказался в том смысле, что мне следует держаться подальше от семьи Владычицы Бурь, а второй тем временем вознамерился окончательно вышибить из меня дух. Я выхватил у пожилого зеваки шишковатую палку, на которую он

опирался, и от души врезал противнику промеж глаз. После чего, покончив, так сказать, с бойцом, двинулся на говорилу. Тот отбивался до тех пор, пока я очередным ударом не сломал ему руку.

Тут он запросил пощады. Я согласился на мировую, вернул старикашке из толпы, которая вдруг бросилась врассыпную, его палку и тоже юркнул в переулок. К месту нашей стычки спешили те, кто сходил в Танфере за стражей законности и порядка. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня забрали и обвинили в превышении допустимых пределов самообороны (ведь закон, когда действует вообще, действует именно так). Пускай разбираются с гоблинами.

Ничего не скажешь, забавный денек.

Покойник жадно выслушал мой отчет о событиях, отпустил язвительное замечание, когда я упомянул о том, что гоблины могли бы быть и посообразительнее, а в конце разговора — я пошел умываться и переодеваться — заметил:

— Я же говорил, будь осторожен.

— Помню, помню. Теперь уж точно не забуду. А ты последи за своими тараканами. Они вот-вот обойдут с фланга чешуйниц у горы Желтого Пса.

Покойник отвлекся от войны лишь затем, чтобы поднять в воздух и швырнуть в меня каменную статуэтку какого-то логхирского божка. Она врезалась в дверь, которую я предусмотрительно поспешил захлопнуть.

Ладно, хватит, пускай себе забавляется. Когда он становится настолько раздражителен, это означает, что у него возникает или уже возникло решение какой-то задачи.

7

Добравшись до «Железного лгуна», я обнаружил, что Амиранда уже там. Причем не я опоздал, а она пришла заранее. Зная по собственному опыту, что женщина, приходящая вовремя, —

драгоценность, которую следует холить и лелеять, я воздержался от каких-либо шуточек.

— Что с вами стряслось? — спросила она. — Вы выглядите так, словно участвовали в драке.

— Точно в яблочко, госпожа. Но видели бы вы моих противников! — Судя по всему, ее привела в восторг одна только мысль о том, что я с кем-то дрался. Что ж, Амиранда Крест лишается очка.

Я кратко поведал ей о стычке с гоблинами — для того, чтобы проверить, как она отреагирует. Мой рассказ, похоже, сбил Амиранду с толку и отчасти напугал, однако девушка быстро овладела собой.

— Это были те, кто похитил Карла?

— Не знаю. Вряд ли. — Я решил, что хватит толковать о всякой ерунде, когда рядом находится нечто — вернее, некто, — гораздо более заслуживающее обсуждения. — Как вы угодили во дворец Владычицы Бурь?

— Я в нем родилась.

— Что?

— Мой отец дружил с ее отцом. Иногда они помогали друг другу в делах.

Разинув от удивления рот, я погрузился в подсчеты. Отец Владычицы Бурь умер еще до моего рождения. А эльфы живут долго и стареют медленнее, чем люди. Значит, эта красотка по возрасту годится мне в матери?

— Мистер Гаррет, мне двадцать один год.

Я заломил бровь.

— Знаете, я привыкла к тому, что у мужчины стекленеет взгляд, когда он вдруг осознает, что я могу оказаться старше, мудрее и опытнее его. Порой мужчина ударяется в панику, теряет от страха голову...

Я поторопился извиниться, потом прибавил:

— По-моему, вы несколько преувеличиваете. Возможно, дело не в возрасте, а в том, что вы — дочь Молаху Креста, слава которого окутывает вас словно саван. Люди наверняка гадают, передается ли жестокость по наследству.

— Большинство и слыхом не слыхивало о Молаху Кресте.

Я промолчал. Если ей хочется в это верить, пускай верит. Может быть, таким образом она пытается совладать с дурной наследственностью.

Отец Владычицы Бурь (который принял имя Стикс Саббат) и Молаху Крест пробились наверх с самого низа: первый благодаря колдовскому дару, а второй — благодаря отсутствию совести и сочувствия к другим. Их путь к вершинам власти был устелен десятками трупов. Они брали, уничтожали, убивали, и единственное, что можно сказать о них хорошего — оставались друзьями до последнего дня. Эту дружбу не могли нарушить ни алчность, ни стремление к власти.

В наше время это редкость, верно? Признайтесь, положив руку на сердце, скольким из своих друзей вы можете всецело доверять?

Говорили, что у Молаху Креста также прорезались колдовские способности, что сделало его опасным вдвойне. Еще недавно перед ним трепетал весь Танфер, от самых богатых и влиятельных личностей до отбросов общества с городских набережных. Что в конце концов случилось с Молаху Крестом, никто не знает; впрочем, ходили слухи, что Владычица Бурь однажды решила от него избавиться.

Интересно, может, у Амиранды другие сведения? Да, у тех, кто, подобно мне, занимается частным сыском, профессиональная любознательность со временем становится второй натурой. Приходится постоянно следить за собой, чтобы не совать нос во все подряд.

Иначе в один прекрасный день тебе его отрежут, и будешь потом дохаживать остаток жизни с культей вместо носа.

Я перевел разговор на более приятную тему, и Амиранда, которая явно нервничала, потихоньку начала успокаиваться. Гулять так гулять — я заказал бутылку «Танферского золотого». Вино пришлось весьма кстати.

Разумеется, во мне говорит циник, но должен признаться, что еще не встречал женщины, которая не разомлела бы от этого вина. У него такая репутация, что когда кавалер покупает даме «Золотое», она сразу начинает ощущать себя единственной и неповторимой.

Я предпочитаю «Золотое» всем прочим винам, однако для меня оно было и остается испорченным апельсиновым соком с винным привкусом. Возможно, потому, что я, можно сказать, с колыбели пристрастился к пиву. Не понимаю гурманов, которых вино погружает в пучину блаженства: по мне даже лучшее из вин омерзительно на вкус.

Дождавшись, пока у Амиранды поднимется настроение, я спросил:

— Похитители не объявлялись?

— Нет. По крайней мере, домина ничего мне не говорила. Почему они тянут?

— Чтобы заставить вас поволноваться. Видимо, рассчитывают, что вы пойдете на все, лишь бы освободить Младшего. Кстати, расскажите мне о нем. Он действительно таков, каким его представляет молва?

— Понятия не имею, какие слухи про него распускают. — Амиранда поджала губы. — И потом, его зовут Карл, а не Младший.

Я попробовал выяснить что-либо обходным путем, но у меня ничего не вышло.

— Почему вы задаете столько вопросов, мистер Гаррет? Ведь вы уже выполнили то, что от вас требовалось, и получили свои деньги. Разве нет?

Странная девушка. Вся в себе. Обычно я с такими не связываюсь, но к ней меня притягивало словно магнитом. Чудеса, да и только.

В конце ужина Амиранда осведомилась:

— Что теперь? Выкладывайте свои коварные замыслы.

— Коварные замыслы? У меня? Неужели я похож на бандита? Слушайте, раз уж вы снизошли до простых смертных, может, заглянем в заведение к моему знакомому?

— Я согласна на все, лишь бы не возвращаться в... — Да, Амиранда старалась быть веселой, однако получалось у нее не очень. Признаться, если бы не «Танферское золотое», на девушку не подействовало бы и мое обычно неотразимое обаяние.

У Морли, как всегда, веселились напропалую. В зале теснились гномы, эльфы, тролли, гоблины, пикси, брауни и прочие личности, не говоря уж о диковинных уродцах, родители которых явно принадлежали к различным видам. Амиранду провожали одобрительными взглядами, а на меня взирали с отвращением. Ну да я их не виню. Откровенно говоря, я бы тоже скучился, доведись мне отужинать тем, что годится в пищу разве что кроликам, и запить сие кушанье безалкогольным коктейлем.

Я направился напрямик к стойке, за которой стоял знакомый бармен, и спросил у него, где Морли. Он мотнул головой в сторону лестницы.

Мы поднялись по ступенькам (Амиранда снова занервничала), и я постучал в дверь. Морли велел мне убираться, хотя прекрасно знал, что стучусь именно я: у него в кабинете есть слуховая трубка, которая выходит вниз.

Мы вошли. Как ни странно, на коленях у Морли не сидела очередная чужая жена. Он возился с бумагами, но мгновенно отвлекся, заметив Амиранду. Глазки-бусинки так и вспыхнули.

— Расслабься, приятель, место занято. Амиранда, это Морли Дотс. У него три жены и девять детей, причем все они попали

в сумасшедший дом. Он хозяин этой забегаловки и порой изображает из себя моего друга.

Тем, кто вращался в определенных кругах, имя Морли Дотса говорило гораздо больше. Он являлся главным специалистом городского дна по мерам физического воздействия, то есть ломал за деньги руки и ноги и пробивал черепашки, хотя больше всего на свете обожал разбивать женские сердца, причем это делал совершенно бесплатно. Наполовину человек, наполовину темный эльф, он отличался свойственным последним изыществом и пригожестью. Близким другом я бы его не назвал, поскольку сближаться с Морли было опасно для здоровья, однако несколько раз мы с ним сотрудничали.

— Не верьте ни единому слову этого негодяя! — воскликнул Морли. — Он не скажет правды, даже если ему заплатят. К тому же Гаррет — ярко выраженный психопат. К примеру, сегодня днем он напал на пятерых гоблинов, которые спокойно занимались собственным делом — никому не мешая, курили «травку».

— А, так ты уже знаешь?

— Слухами земля полнится, Гаррет.

— И что скажешь?

— А что тут можно сказать? Я кое-кого порасспрашивал, но кто нанял гоблинов, выяснить не сумел. Между прочим, я их знаю. Ленивые тупицы, которые ни на что не годятся, однако советую тебе почаще оглядываться, поскольку двоим из них здорово досталось, а уцелевшие, может статься, решат отомстить за приятелей.

— Спасибо за совет. Кстати, окажи мне еще одну услугу — присмотришь к парню, который следит за нами.

— За нами следят? — испуганно воскликнула Амиранда.

— От самого «Железного лгуна». До тех пор я его не замечал. Возможно, он приклеился к нам именно там. Впрочем, скорее всего, он следил за вами от дворца.

Амиранда побледнела.

— Посади ее в кресло, болван, — проговорил Морли. — Манеры у тебя как у ящерицы.

Я усадил Амиранду в кресло, смерив Дотса испепеляющим взглядом. Он явно что-то вынюхивал. Впрочем, вполне понятно, на его месте я бы тоже обзавидовался. К тому же мне начало казаться, что Амиранда стоит связанных с ней хлопот.

— Во что ты вляпался на сей раз? — Морли достал откуда-то из-под стола бутылку бренди и показал мне: мол, как? Я утвердительно кивнул. Вслед за бутылкой появился бокал. Дотс знал, что я предпочитаю пиво, а сам к спиртному не притрагивался вообще. Поэтому, честно говоря, появление бутылки меня слегка удивило. Должно быть, он держит алкоголь для своих дамочек.

Наполнив бокал, я передал его Амиранде. Девушка пригубила.

— Извините, пожалуйста. Наверно, я веду себя глупо, но я никак не думала, что все окажется настолько сложно...

Притворившись, будто ничего не слышали, мы с Морли переглянулись.

— Секрет? — поинтересовался Дотс.

— Не знаю. Амиранда, можно мне рассказать обо всем Морли? Ручаюсь, это останется между нами, а он может кое-что для вас сделать. — Дотс ухмыльнулся. Я погрозил ему кулаком и мысленно отругал себя за столь двусмысленную фразу.

Амиранда собралась с мыслями. Нет, она явно не принадлежала к числу девиц, которые способны только лить слезы. Замечательная девушка; с каждой секундой она нравилась мне все больше и больше. Конечно, помогать прекрасным дамам в беде — моя профессия, но я устал от тех, которые беспрерывно ноют и заливаются слезами. Куда лучше иметь дело с женщиной, которая наняла тебя на работу и в головке у которой отнюдь не пусто.

Правда, в данном случае меня никто не нанимал. Ну и ладно, мне бы выяснить, кто подослал гоблинов.

Амиранда пораскинула мозгами и приняла решение. Она рассказала Морли о похищении, причем так, что я мгновенно заподозрил неладное, — ухитрилась поведать лишь то, что мне было уже известно.

— Работали непрофессионалы, — заметил Морли. — Гаррет, за каким бесом тебя понесло в политику?

— С чего вы взяли, что похищение связано с политикой? — удивилась Амиранда.

— Во-первых, похищения сейчас происходят крайне редко. Во-вторых, обыкновенные похитители ни за что не стали бы связываться с этой семейкой. Внешне Рейвер Стикс выглядит привлекательнее своего папаши и Молахлу Креста, однако, как говорится, яблочко от яблони недалеко падает. Думаю, никто из обитателей городского дна на такое дело не пойдет.

— Значит, любители, — подытожил я.

— Любители, у которых достаточно денег, чтобы нанимать головорезов и филеров, — уточнил Морли. — То есть следы ведут на Холм. А все, что имеет отношение к Холму, связано с политикой.

— Может быть. Лично я не стану торопиться с выводами, пока повременю. Знаешь, Морли, что-то здесь не так. Я не могу понять, кому выгодно похищение. Если догадаюсь, все сразу станет ясно. Впрочем, меня никто не нанимал. Я просто стараюсь обезопасить наши с Амирандой шкуры.

— Я пошарю в столах, загляну под кровати и навещу тебя завтра утром, — пообещал Морли. — После того случая с вампирами я многим тебе обязан. Ты по-прежнему живешь с Покойником?

— Да.

— Станный ты все-таки тип... Ладно, мне надо работать. — Он повернулся и крикнул в слуховую трубку: — Клин, пришли Волкодава, Саржа и Рохлю.

Я подтолкнул Амиранду к двери. Мы вышли из кабинета и спустились по лестнице, на которой разминулись с тремя первоклассными головорезами. Я назвал их первоклассными потому, что выглядели они достаточно толковыми, чтобы поручить им дельце, которое требует не только грубой силы, но и какого-никакого интеллекта.

Пока мы были наверху, в заведение Морли заглянул мой старый приятель Плоскомордый Тарп. Он с ходу предложил мне опрокинуть по кувшину морковного сока и вспомнить былые времена, но я отказался. Нам с Амирандой следовало уйти, иначе головорезы Морли не смогут проследить за нашим «хвостом».

— Если вам понадобится телохранитель, — сказал я Амиранде, — приходите сюда и спросите Плоскомордого Тарпа. Он лучший среди всех.

— А тот, у кого мы были? Морли, кажется... Вы ему доверяете?

— Я преспокойно доверю ему деньги или собственную жизнь, но не женщину, за которой ухаживаю. Уже поздно. Давайте я отведу вас домой.

— Мне что-то не хочется, мистер Гаррет. Конечно, если вы настаиваете...

— Ни в коем случае. — Мне нравятся женщины, способные самостоятельно принимать решения, пускай даже я не понимаю, чем они при этом руководствуются.

Покойника хватит удар. Ну и ладно. Если отобрать у него тараканов и запретить ворчать на меня, чего ради ему жить?

О ночи, которую мы провели вместе, следует поведать только это. Когда мы нырнули в постель, я заметил, что у Амиранды нет амулета, который носят все без исключения женщины, не желающие услышать в скором времени тонкий голосок: «Мамочка!»

— Где твой амулет?

— А ты настоящий джентльмен, Гаррет. Любой другой притворился бы, что не заметил.

Со мной нечасто случается такое, когда мне бывает нечего сказать. Это был один из редких случаев. Минуло какое-то время, прежде чем я догадался закрыть рот.

— Не беспокойся, — проворковала Амиранда. Такая теплая, с такой гладкой кожей... — Со мной ты отцом не станешь.

Ничего другого о той ночи я рассказывать не собираюсь.

Когда я проснулся, она уже ушла. И больше я ее не видел.

8

На следующий день Морли пожаловал ко мне собственной персоной. Старина Дин провел его в закуток, который я именова́л кабинетом, после чего отправился на кухню за апельсиновым соком, что хранился у нас ради тех редких случаев, когда я вдруг понимал, что пиво меня не прельщает.

— Чего такой смурной, Гаррет? — поинтересовался Морли, когда я мрачно поздоровался с ним, даже не подумав встать.

— Да так. Надоело улыбаться всем подряд.

— Может, ты и прав, хотя сам о том не подозреваешь.

Я продемонстрировал Морли свой знаменитый трюк с заламыванием брови. Его это явно не впечатлило. Привык, паразит, ничего не напишешь.

— Я прощупал всех, кто занимается похищениями ради выкупа. Никто из них не ушел в подполье, никто не брался за работу, оплаченную деньгами с Холма. Самые-самые, можно сказать, закоренелые личности уверили меня, что среди них не найти безумца, который похитил бы сына Владычицы Бурь. Даже за миллион марок золотом. Мол, когда тебе примутся поджаривать пятки, золото уже ни к чему...

— И это новость, которая должна повергнуть меня в уныние?

— Нет. Но сейчас ты узнаешь, кто накануне вечером следил за вами. Точнее, за твоей дамой. Между прочим, тебе следовало предупредить меня о том, кто она такая. Я бы не стал упоминать об ее отце.

— Она привыкла к подобным разговорам. Так что там насчет «хвоста»?

— Стоило вам уйти, как он поперся следом чуть ли не в открытую. Похоже, ему и в голову не приходило, что за ним тоже могут наблюдать. В общем, идиот. Часа два проторчал под твоими окнами, а когда уже и последний дурак сообразил бы, что девушка осталась на ночь...

— Прошу прощения, мистер Гаррет, — сказал Дин, просовывая голову в дверь. — Вас хочет видеть некий мистер Слос, который утверждает, что его послала домина Даунт. Впустить?

— Я подожду, — проговорил Морли.

— Вон там. — Я указал на дверь, за которой начинался коридорчик, что вел мимо комнаты Покойника. — Проси мистера Слоса, Дин.

Слос оказался толстым коротышкой с багровой физиономией, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. По-видимому, он принял меня за профессионального наемного убийцу.

— Мистер Гаррет? — спросил он, изо всех сил стараясь изобразить вежливость, к которой, судя по всему, не привык.

— Он самый, — подтвердил я.

— Домина Даунт хотела бы снова встретиться с вами. Она велела передать, что получила новое письмо от своего корреспондента и надеется в этой связи на хороший совет. Полагаю, вы понимаете, о чем идет речь, поскольку она не стала ничего уточнять.

— Прекрасно понимаю.

— Еще она поручила мне предложить вам десять золотых марок.

Интересно, что ей на самом деле нужно? Деньгами она бросается направо и налево, но ради чего? Тем более такие суммы — да за десять марок золотом обыкновенный работяга должен горбатиться как минимум три месяца подряд!

К тому же сейчас золото было в цене. Слави Дуралейник захватил в Кантарде несколько серебряных копеей, благодаря чему серебро на север потекло рекой.

Может, Уилла Даунт хочет вызвать подноготную Амиранды? Что ж, за десять марок золотом я на это, пожалуй, пойду. Ведь нам с Покойником вечно не хватает денег.

— Передайте домине, что я приду, как только закончу с делами и пообедаю.

Багровая физиономия Слоса приобрела лиловый оттенок. Ну конечно, он ожидал, что если с Холма прикажут скакать, я тут же запрыгаю по улицам. Судя по выражению лица, ему отчаянно хотелось выволочь меня из дома, однако он совладал с эмоциями.

— Отлично. На вашем месте я не стал бы слишком задерживаться. Домина не любит ждать. — Слос отсчитал пять монет достоинством в две марки каждая.

— Я отстану от вас не более чем на полчаса. Дин, проводи мистера Слоса. — Всегда полезно удостовериться, что гость действительно ушел. Ведь попадаютися глупые настолько, что забывают, с какой стороны двери они должны оказаться, когда та захлопнется.

— Попробуй монеты на зуб, Гаррет, — посоветовал Морли, выбравшись из укрытия. — Кто-то затеял странную игру.

— То есть?

— Вчера вечером за вами следил этот самый тип.

— Да? В темноте он выглядел повыше ростом.

— Может, он был на каблуках. По-моему, тебе пора со всем этим заканчивать.

— А я ничего и не начинал.

— Гаррет, я тебя знаю. Если ты не поставишь на этом деле крест прямо сейчас, то скоро окажешься по уши в дерьме.

Поскольку пророческого дара за Морли до сих пор не наблюдалось, я не обратил на последнюю фразу ни малейшего внимания. Поблагодарил, уточнил, что он отчасти выплатил мне должок за вампиров, проводил до двери и велел Дину подавать обед.

Отобедав, я направился во дворец Владычицы Бурь — отрабатывать свои деньги.

9

Уиллу Даунт явно уязвило мое нежелание ходить по струнке, однако она притворилась, будто ничего не произошло. Так почему-то поступают все — кроме Покойника, который не считает нужным скрывать от меня свое раздражение. Я решил, что на всякий случай надо держать ухо востро.

— Спасибо, что откликнулись на мою просьбу, мистер Гаррет.

— Ваш посыльный сообщил, что вы получили записку от похитителей.

— Совершенно верно. Причем доставили ее тем же способом, что и первую. — Она протянула мне листок бумаги.

Тот же почерк, те же ошибки. В записке сообщалось, что рыночная цена Младшего составляет двести тысяч марок золотом и что в скором времени будут назначены время и место передачи выкупа.

— Двести тысяч! Похоже, у паренька серьезные неприятности. Цену заломили как за императора.

— Мистер Гаррет, мы заплатим, даже если они увеличат сумму вдвое. Дело не в этом.

— А в чем?

— В том, что я не сумею скрыть столь значительные расходы от Владычицы Бурь и мне придется как минимум выслушать не-

мало нелестных слов в свой адрес. Впрочем, жизнь сына для нее все-таки важнее денег.

— Насколько я понимаю, для вас наоборот?

— Мистер Гаррет, мое мнение не играет никакой роли. Мы с вами находимся в доме Владычицы Бурь, и здесь законом являются любое ее слово и любой каприз.

— Что вы хотите от меня?

— Мне нужен совет. Подскажите, как доставить на место столь крупную сумму.

— Вам понадобится большой карман.

— Мистер Гаррет, вам заплачено вовсе не за то, чтобы вы упражнялись в остроумии. Учтите, я не обладаю чувством юмора.

— Как скажете.

— Двести тысяч марок золотом весят около четырех тысяч фунтов. То есть придется нанимать повозку, запряженную по крайней мере четверкой лошадей. Неужели похитители рассчитывают, что эту повозку никто не заметит?

— Вполне возможно, они назначат место встречи где-нибудь за городом, а по дороге будут наблюдать за повозкой, чтобы убедиться, что за вами никто не следит.

— Скорее всего они будут наставлять на золотых монетах, правильно? Лично мне гораздо легче раздобыть нужное количество слитков, однако им продать слитки будет не так-то просто. Верно?

— Может быть.

— Думаю, я права. Поэтому уже начала менять слитки на монеты. Что еще мне следует учесть, мистер Гаррет?

— Не пытайтесь импровизировать. В точности следуйте инструкциям похитителей. Они наверняка будут нервничать, а потому, если вы позволите себе проявить самостоятельность даже в мелочах, запросто могут сорваться. Если хотите отомстить, не торопитесь, подождите, пока все не окажется дома, в безопасно-

сти. Столь крупные суммы денег оставляют следы — нередко кровавые.

— Об этом, мистер Гаррет, я позабочусь, когда настанет время. Скорее всего подожду возвращения Владычицы Бурь. Что ж, спасибо за совет. Приятно, когда профессионал одобряет действия любителя. По-моему, у нас складываются неплохие рабочие взаимоотношения. Но чтобы их ничто не омрачало, вам следует кое-что сделать.

— А именно?

— Держитесь подальше от Амиранды Крест.

— Домина, вот уже двадцать лет, как я сам выбираю себе друзей. Вы, конечно, душка, но если я сделаю исключение для вас...

— Я не привыкла к неповиновению.

— Почаще спускайтесь с Холма. У вас появится множество полезных привычек.

— Убирайтесь, пока я не рассердилась по-настоящему!

Я счел за лучшее подчиниться.

— И держитесь подальше от Амиранды!

Полагаю, Амиранда получила такой же совет относительно Гаррета.

Захлопнув за собой дверь, я чуть не сшиб с ног Амбер, симпатичную дочку Владычицы Бурь.

— Подслушиваем?

— Она права.

— Насчет чего? — Какой, однако, острый у девицы слух, если она разобрала, о чем шла речь!

— Забудьте про Ами. Я гораздо интереснее.

«Ошибаешься, милочка, — подумалось мне. — Амиранда Крест — настоящая женщина. А у тебя только женское тело, в остальном же ты — избалованный, капризный, тщеславный и, вполне возможно, не слишком сообразительный ребенок».

— Если не возражаете, обсудим это позже.

— Скоро, я надеюсь? — По-моему, я фыркнул. — Дайте мне знать, когда. — Упрямая, чертовка!

Дверь распахнулась.

— Что ты здесь делаешь, Амбер?

— Разговариваю с мистером Гарретом.

Уилла Даунт повернулась ко мне и сурово сдвинула брови. Очевидно, я был виноват в том, что за мной охотятся все женщины во дворце Владычицы Бурь.

— Возвращайся в свою комнату, Амбер. Тебе запрещено появляться в этом крыле.

— Да подавись ты своими запретами, старая ведьма!

Домина ошеломленно воззрилась на девушку. Я испугался, что она начнет брызгать слюной.

— Если тебе угодно оспаривать власть, которой наделила меня на время своего отсутствия Владычица Бурь, мы можем обсудить это с твоим отцом, — проговорила Уилла Даунт, овладев собой.

— Ну да. Всем известно, что папаша пляшет под твою дудку.

— Амбер! — воскликнула домина, которая, похоже, ни на секунду не забывала о моем присутствии.

— Чем ты его прельстила? Не женскими же достоинствами, в самом деле! Как женщина ты способна заморозить даже воду в ванной!

— Все, Амбер, с меня хватит.

— Дамы, прошу прощения. — Ссоры в курятнике всегда действовали мне на нервы. — Счастливо оставаться.

Если бы взгляды убивали... Домине Даунт, естественно, хотелось прикончить свидетеля своего унижения, Амбер же требовалась моя поддержка...

Я вышел из дворца и направился к воротам, высматривая по дороге Амиранду. Но знакомой стройной фигурки так и не заметил.

10

Покойник продолжал увлеченно руководить ходом боевых действий. Он и так-то составлял не слишком удачную компанию, а в моменты, когда сосредотачивался на войне, от него не было вообще никакого толку. Оставалось утешаться тем, что он и впрямь обнаружит маневр, который проглядели полководцы враждующих армий. И потом, эта самая сосредоточенность избавляла меня от брюзжания логхира.

Что касается старины Дина, с ним дело обстояло и того хуже. Стоило сесть за стол, как он принимался рассказывать о какой-нибудь бедной, но привлекательной родственнице, обладающей, по его словам, всеми задатками домоправительницы.

Я надеялся, что меня навестит Амиранда, но она почему-то не приходила, и несколько дней спустя мне стало настолько жаль себя, что я решил потратить недавно заработанные деньги на пиво.

Впрочем, начало получилось не очень удачным. Из первых двух баров меня попросту вытурили, чтобы не занимал место: мол, сколько можно мурыжить одну и ту же кружку...

Я никак не мог отделаться от мыслей о похищении. Нет чтобы радоваться, что получил ни за что, ни про что кругленькую сумму! Что-то меня смущало, сбивало с толку, но что именно, установить я не мог.

С другой стороны, кто меня к тому принуждает? На работу частного сыщика Гаррета никто не нанимал, а шнырять вокруг Холма ради того, чтобы утолить собственное любопытство — уж увольте. Хлопот не оберешься, а прибыли никакой.

В третьем баре, ближе к дому, мне разрешили сидеть сколько угодно. Еще бы, ведь я был постоянным клиентом, причем весьма выгодным. Поэтому, когда напротив уселся какой-то мужчина, я слегка удивился, но решил, что в баре не осталось свободных мест, и не поднимал головы, пока незнакомец не прорычал:

— Ты Гаррет?

Я смерил его взглядом. Высокий, широкоплечий, лет тридцати с хвостиком, выглядит довольно внушительно; одет, как лакей с Холма, правда, на ливрею нет и намека. Словом, типичный наемник, по виду которого не определить, кто его нанял.

— А тебе какое дело?

— Раз спрашиваю, значит, есть.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что вдвоем нам тесновато. И я что-то не помню, что приглашал тебя сесть.

— Еще не хватало, чтобы меня приглашали всякие гниды.

Да, он явно ошибается на Холме. У таких личностей, когда они приобретают знакомых среди аристократов, сразу ощущается головокружение от счастья.

— Ты прав, друзьями нам не стать.

— Ах, какая жалость!

— Ладно, Бруно, выкладывай, что у тебя, пока я не перешел от слов к делу.

Я намеренно использовал эту уничижительную кличку. Вообще-то прозвищем «Бруно» награждали, как правило, на редкость тупых лакеев. Я огляделся по сторонам. Так, у моего собеседника два приятеля, но они далеко, у стойки, поэтому их пока можно в расчет не принимать.

— Ходят слухи, что ты околачиваешься у дворца Рейвер Стикс. Вдобавок у тебя репутация типа, который обожает совать нос не в свое дело. Мы хотим знать, что тебе нужно?

— Мы? — переспросил я. Грубый Бруно не потрудился ответить, поэтому я предложил: — Почему бы тебе не уточнить у Владычицы Бурь?

— Я спрашиваю тебя, Гаррет.

— Зря теряешь время, Бруно. Вали отсюда. Ты мешаешь мне напиваться.

Он схватил меня за левое запястье и начал сжимать пальцы, но совершенно забыл про мою правую руку. Я надавил ему большим пальцем на участок кожи между средним и указательным

пальцами. Он закатил глаза и побледнел. Я дружелюбно улыбнулся.

— Все в порядке, Бруно? Признавайся, на кого работаешь и с чего ты взял, что способен кого-либо напугать?

— Пошел ты к... Ой!

— Сначала думай, потом говори. Честно говоря, я удивлен, что с таким языком ты дожил до своих лет.

— Гаррет, ты пожалеешь... Аа!

— Считается, что боль — лучший учитель. Однако ты, похоже, настолько туп, что на тебя не действует даже она, верно?

Я наблюдал за приятелями Бруно, которые потихоньку начали догадываться, что их дружок попал в переделку, а потому подошедший к столу человек застал меня врасплох.

— Мистер Гаррет?

Я поднял голову. Что ж, у Пена вежливость в крови.

— А, Младший. Присаживайтесь. Бруно уже уходит. — Я отпустил руку наемника. Он побрел прочь, массируя пальцы, одарив меня на прощанье испепеляющим взглядом.

Внезапно развернулся и размахнулся, вознамерившись, видимо, рассчитаться со мной одним ударом, но я вовремя выставил ногу и стукнул его мыском башмака по голени. Он снова закатил глаза, жалобно пискнул и заковылял прочь, спасая собственную шкуру.

— Судя по всему, домина Даунт заплатила выкуп и вас вернули целым и невредимым?

— Совершенно верно.

— Что ж, поздравляю со счастливым избавлением. Кстати, какими ветрами вас занесло сюда?

Сын был точной копией отца — естественно, с учетом разницы в возрасте. Интересно, у кого могли возникнуть сомнения в отцовстве Старшего? Откровенно говоря, Карл-младший разве что в младенчестве сильно отличался наружностью от своего па-

паши. Впрочем, каких только слухов не распускают про власть имущих...

— Я хотел лично поблагодарить вас. — Голос у паренька был высокий и тонкий; вдобавок говорил он таким тоном, будто извинялся за то, что живет на свете.

— За что? Я же пальцем не пошевелил!

— По крайней мере, вы делали вид, а этого оказалось вполне достаточно. Мне удалось подслушать разговор похитителей. Они обсуждали, как быть теперь, когда за расследование взялись вы, и в конце концов решили, что надо брать деньги и удирать, пока целы. Вот поэтому я и говорю, что очень вам обязан. Если бы не вы, меня могли бы...

Облик Младшего дополняла характерная черта: он, по-видимому, не мог сидеть спокойно — непрерывно ерзал на стуле, раскачиваясь вперед-назад, устремляя взор в пространство. Должно быть, расти во дворце Владычицы Бурь — еще то удовольствие...

Во мне крепло подозрение, что на деле он хочет поговорить о чем-то важном, что благодарность — всего лишь предлог. Однако давить на таких, как он, не имея ни единой зацепки, попросту бессмысленно. Они, как правило, замыкаются в себе, и только. Поэтому я откинулся на спинку и притворился, будто безмерно рад и готов слушать болтовню Младшего до бесконечности.

Буквально в следующий же миг стало ясно, что Карл подбегает к тому, что его действительно волнует. Он раскрыл было рот, но не успел произнести ни слова.

— Вот вы где, милорд! — Возле нашего столика возник холуй домины Даунт, пресловутый мистер Слос. На его губах играла обворожительная улыбка, с которой резко контрастировало выражение глаз, давным-давно утративших последнюю искорку веселья. — Я вас обыскался.

«Рассказывай, — подумал я. — Наверняка следил за Младшим от самого дворца, иначе не появился бы так быстро и не вовремя».

— А, Коуртер... Я как раз благодарил мистера Гаррета за помощь. — Карл вновь качнулся туда-сюда. Я перехватил его взгляд и понял, что юноша боится этого типа по фамилии Коуртер, который мне представился как Слос.

— Вы нужны домине, милорд. — Ясенько: приказ, специально для меня замаскированный вежливостью. Младший вздрогнул.

Бруно о чем-то беседовал со своими друзьями. Наконец они, видимо, решили, что теперь, когда нас стало как бы трое на трое, шансов у них никаких, и потянулись к выходу. Бруно подарил мне злобный взгляд.

Младший поднялся, и Коуртер тут же взял его за руку, словно опасался, что подопечный может сбежать. Мне вдруг захотелось дать ему подножку — просто так, чтобы посмотреть, что получится, — но я отогнал шальную мысль и сказал:

— Увидимся, Карл.

Услышав мои слова, юноша, на лице которого было написано отчаяние, слегка приободрился.

Коуртер впервые за весь разговор посмотрел мне в глаза. Я прочел в его взгляде обещание мучительной смерти, широко улыбнулся и дружески подмигнул. Он, разумеется, никак не отреагировал.

К сожалению, отвлечься от надоедливых мыслей с помощью пива не получилось. Я не выдержал — провел сам с собой закрытое совещание, организовал голосование и решил пойти домой, дабы очистить душу от скверны. Это можно было сделать двумя способами — либо обречь ее на страшные муки (то бишь весь вечер сидеть и слушать, как старина Дин перечисляет достоинства

своих родственниц), либо позволить Покойнику оттачивать на мне свое остроумие.

Оба они меня разочаровали. Должно быть, сговорились в мое отсутствие. Когда я вошел, Дин насвистывал какой-то мотивчик.

— Что стряслось? Твои родственницы напали на эскадрон гусар и захватили бравых вояк в плен?

Он пребывал в столь благодушном настроении, что пропустил эту колкость — и те, что последовали за ней, — мимо ушей.

— Что происходит? — рявкнул я. — Что ты ухмыляешься, как лисица, которая только что слопала целого гуся?

— Это все его милость. Он такой довольный, просто жуть.

— Вот, значит, как? Что ж, пойду взгляну.

— Такое событие надо отметить, мистер Гаррет.

— Я смотрю, ты уже готовишь закуску. Что там у тебя?

— Жаркое из баранины.

— Терпеть не могу баранину! — Когда я служил в морской пехоте, нас закармливали бараниной. Мы ели ее каждый день по три раза, кроме тех случаев, когда приходилось питаться твердой, как камень, солониной, собственными лошадьми или, хуже того, ягодами и кореньями.

— Вам понравится, честное слово. — И Дин пустился в объяснения насчет того, как именно он готовит жаркое.

Я повернулся и пошел прочь, бормоча себе под нос: «Баранина, баранина». Пожалуй, надо будет притвориться, что ем с удовольствием; ведь всякий раз, стоило мне раскритиковать очередной кулинарный шедевр старины Дина, как на следующий день он подавал блюдо, изобиловавшее зеленым перцем. А на свете — на том ли, на этом, неважно — нет ничего более омерзительного, нежели зеленый перец. Его избегают даже свиньи — точнее, даже голодные свиньи. А люди едят. Признаться, я часто поражаюсь тому, что мы употребляем в пищу.

В таком вот настроении я вошел в комнату Покойника.

— А, Гаррет. Добрый день. Хорошо, что ты заглянул ко мне. Как идет расследование?

— Паренек вернулся домой целым и невредимым. — Я выглянул за дверь, окинул взглядом коридор и вновь повернулся к Покойнику.

— Поздравляю, ты хорошо поработал. Расскажи мне подробнее. Кстати, что означает твое поведение?

— Я просто хотел удостовериться, что попал в свой дом и разговариваю с тем Покойником, которого знаю столько лет. А поздравлять меня не с чем, я ровным счетом ничего не сделал. — Я принялся рассказывать, стараясь не упускать ни единой детали. Не упомянул лишь о том, что Амиранда провела прошлую ночь отнюдь не под крышей дворца.

— Любопытно, любопытно. Столько странностей! Честно говоря, жаль, что ты не ведешь расследование. Какой вызов твоим умственным способностям!

— Ты, похоже, решил свою задачку?

— Совершенно верно. Тайная магия Слави Дуралейника для меня больше не тайна. Разумеется, чтобы быть полностью уверенным, нужно проверить мою теорию на практике.

— Ты понял, как он одержал победу? Один-единственный логхир оказался мудрее всего Военного совета венагетов, подумать только!

— Именно так.

— Каким же образом тебе это удалось?

— Благодаря, мой мальчик, умению логически мыслить.

Мой мальчик? Ну и дела!

— А также продолжительным размышлениям, индукции, дедукции и целой серии экспериментов, в которых я анализировал возможный ход событий на основе заданных параметров. Отсюда возникла гипотеза, в истинности которой я практически не сомневаюсь. Мне известно, как Слави Дуралейник совершил то, что

совершил, и теперь, получив некую толику информации, я смогу предугадывать его действия.

— Так как же он «совершил то, что совершил»? Сделался невидимкой? Или тайком ото всех прокопал подземный ход?

— Гаррет, пока я оставляю свое открытие при себе. Гипотеза основана на допущении, которое, как я уже сказал, требует проверки практикой. Необходимы дополнительные сведения. Но не беспокойся, ты узнаешь обо всем первым.

— Не сомневаюсь. — «Тоже мне, гений! Ни дать ни взять петух, кукарекающий на рассвете». — Почему бы тебе...

— Мистер Гаррет! — В дверь просунулась голова Дина, которому строго-настрого было велено перед тем, как впускать кого-либо в дом, спросить разрешения у меня или у Покойника. — Прошу прощения, но вас хочет видеть какая-то молодая женщина.

По тому, с каким видом Дин произнес эту фразу, а еще по тому, что он сказал «женщина», а не «дама», я заключил, что ему гостья показалась вертихвосткой, куда менее достойной моего внимания, чем его бесчисленные племянницы.

— Кто такая?

— Она не назвалась. Однако, — прибавил Дин, неодобрительно поглядев на меня, — похоже, что с вами она знакома достаточно близко.

Я сказал Покойнику, что сейчас вернусь, и направился к входной двери, рассчитывая увидеть Амиранду. Да, Гаррет, женщины к тебе прямо липнут.

Это оказалась не Амиранда, а Амбер, которая, завидев меня, обольстительно улыбнулась.

Я оглядел улицу, высматривая Коуртера-Слоса, но ничего подозрительного не заметил и впустил Амбер в дом.

Девушка незамедлительно продемонстрировала мне некоторые из своих ужимок.

— Это что, праздничный наряд? По какому поводу?

На всякий случай я снова оглядел улицу. Никого. Однако женщины с Холма не спускаются в город без сопровождающих. Впрочем, среди них попадаются и такие, которые настолько уверены в собственной безопасности, что бандиты с ними попросту не связываются.

— По поводу охоты, если можно так выразиться. — Она одарила меня улыбкой, обещавшей неземное блаженство.

— Понятно. Сколько тебе лет, Амбер?

— Двадцать.

Врет и не краснеет. Лет восемнадцать, никак не больше.

— Гм... Сюда. — Я проводил девушку в свой кабинет, пытаюсь по дороге собраться с мыслями. Не буду отрицать, женщины — моя слабость. С другой стороны, к тем женщинам, которые приходят без приглашения, я отношусь настороженно. А если они близки к власти предрержащим, ветрены и капризны, как Амбер, тут надо действовать крайне осмотрительно. В конце концов, как мне показалось, я нашел выход.

— Я знаю, наружность у меня привлекательная. Однако, хотя мне об этом больно даже думать, я подозреваю, что тебе требуется не кавалер, который стар, прост и беден, а частный сыщик.

— Может быть. — Она продолжала заигрывать. Неужели Амбер — одна из тех женщин, которые не могут иметь дела с мужчиной, пока не убедятся, что поймали его на крючок? Подобные женщины всячески избегают того, что на юридическом языке называется «консуммацией брака». Амбер молода, но опыта ей явно не занимать; по-видимому, она прекрасно понимает, что уступить на деле означает потерять власть.

Допустим, она играет именно в эту игру. Не будем ее разубеждать, пускай думает, что сумеет добиться того, чего хочет, не подвергая опасности свою честь.

Симпатичная, конечно, даже очень. Но прежде чем крутить амуры с дочкой Владычицы Бурь, лично я предпочел бы познакомиться с ней поближе.

— Ты можешь мне помочь, — проговорила девушка, — но это подождет. По-твоему, здесь нас не потревожат? Мне кажется, тот старик, который открыл дверь, может появиться в любой момент...

Я сел в кресло — и совершил тем самым серьезную ошибку. Мое седалище едва успело коснуться обивки, как Амбер плюхнулась мне на колени.

Получай, Гаррет, несравненный знаток противоположного пола!

Поцелуй длился около минуты — пока Амбер не захихикала. Откровенно говоря, мне не нравится, когда моя женщина хихикает. Я сразу начинаю подозревать, что связался с умственно отсталой.

Тем не менее когда она сидит у тебя на коленях и...

— Мистер Гаррет. — Тот самый старик, которого опасалась Амбер. — Пришел мистер Дотс. Говорит, у него важное дело.

Спасен!

Разрази меня гром.

11

— Гаррет, а нельзя его прогнать?

— Деточка, ты не знаешь Морли Дотса. Если он пришел сюда, дело и впрямь крайне важное.

К тому моменту, как Дотс ворвался в комнату, мне все же удалось согнать Амбер со своих коленей. Тем не менее Морли замер как вкопанный и ошарашенно уставился на нас; затем в его взгляде промелькнуло столь знакомое выражение. Клянусь, однажды я запорошу ему глаза перцем! Может, слезы смоят эту гнусную ухмылку...

— Успокойся, приятель. Что с тобой стряслось?

Амбер притворилась, будто поправляет одежду. Платье, правда, и впрямь следовало поправить, однако девушка, естественно, не могла не разыграть целое представление.

— Твоего дружка Плоскомордого порезали вдоль и поперек, сейчас он в больнице.

— Бывает. Такую уж он избрал профессию. — Морли, который сам не брезговал темными делишками, а потому нередко рисковал собственной шкурой, одарил меня мрачным взглядом исподлобья, оторвавшись наконец от лицемерия Амбер. — И что с ним случилось?

— Толком пока не знаю. Приперся пешком откуда-то из загорода. Врачи все удивляются, как он сумел дойти, но ты же знаешь — Тарп слишком упрям и туп, чтобы умереть. Полагают, что он вряд ли выживет.

— На то они и врачи, чтобы сомневаться. А зачем его вообще понесло за город?

— Я думал, ты знаешь. — Морли как-то странно посмотрел на меня. — Вчера вечером он ушел рано. Заявил, что у него дела и что ты его рекомендовал.

— Я? С какой стати... Проклятье! Я бегу в больницу. — У меня по спине поползли мурашки. Амиранда, больше некому.

— Я с тобой. Не помешает размяться. — Мир должен вернуться, чтобы Морли Дотс признал, что у него есть друг.

— Послушай, Гаррет, — прошептала вдруг Амбер, когда Морли направился к двери.

— Это важно?

— Для меня — да.

— Хорошо. Морли, подожди, пожалуйста, за дверью. Ну, в чем дело?

— Мой брат утром вернулся домой. Похитители его отпустили.

— Замечательно.

— Выходит, домина заплатила выкуп.

— Весьма вероятно. И что с того?

— Значит, кто-то разжился двумя сотнями тысяч золотых марок, принадлежащих, между прочим, моей семье! Деньги, которых как бы нет. Ты смог бы их отыскать?

— Можно попробовать, если захотеть. Такая сумма в руках любителей неизбежно оставит след, как взбесившийся мамонт. Главная сложность будет состоять в том, чтобы опередить всех прочих любителей наживы.

— Помоги мне, Гаррет. Половина денег твоя.

— Погоди, подружка. Это называется лезть на рожон, не имея за спиной...

— Скорее всего, это мой первый и последний шанс заполучить достаточно крупную сумму и сбежать от матери! Если я добуду деньги до того, как она вернется, то смогу спрятаться так, что ей никогда меня не найти. Насколько я понимаю, тебе сотня тысяч марок тоже не повредит.

— Разумеется.

— Кроме того, — прибавила девушка, соблазнительно изгибаясь, — ты получишь не только деньги.

— Ну да, ну да. Знаешь, мне надо пораскинуть мозгами, определиться, чего я хочу и что должен делать. А в настоящий момент я тороплюсь к другу, который умирает на больничной койке. С ним надо повидаться, пока он еще жив.

— Конечно. — Судя по ее тону, Амбер отнюдь не считала, что дружба налагает на человека определенные обязательства. — Я приду завтра, если сумею удрать от Коуртера и его присных. Послезавтра уж точно. Кстати, почему бы тебе не устроить твоему старичку выходной? — Она игриво улыбнулась.

— Подумаю.

— Уж подумай. — Девушка хихикнула.

— Ладно, ступай, — проговорил я, похлопав ее пониже спины. — Морли наверняка места себе не находит. — Проводил ее до двери и встал рядом с Дотсом на крыльце, наблюдая, как она уходит.

Дин захлопнул за мной дверь и принялся задвигать засовы. Наверняка подслушивал, мерзавец. Совсем от рук отбился — сколько ни ругай, с него все как с того самого гуся вода.

— Где ты их находишь, Гаррет? — поинтересовался Морли.

— Нигде. Сами находятя.

— Не ерунди.

— Чистая правда. Я сижу дома этаким жирным пауком и заманиваю их к себе в сети. Потом демонстрирую все свое обаяние, и они теряют сознание и падают в мои объятия.

— Гаррет, эта девица не из тех, кто теряет сознание. И та, что была с тобой на днях, — тоже. Штучки с Холма, верно?

— Насчет Холма ты прав, а штучками я бы их не назвал.

— Как скажешь. — Морли вздохнул. — Слушай, а почему такие девицы никогда не заглядывают ко мне?

— У тебя своих хватает. Кстати, на эту заглядываться не советую, иначе можешь нарваться на неприятности. Ее мамаша — Владычица Бурь.

— Очередная мечта не выдержала столкновения с грубой реальностью. Жаль, очень жаль. Ну что, пошли в больницу? Что там могло стрястись с Плоскомордым?

12

Больница «Бледсо» существовала на средства, выделяемые из казны, по причине чего в нее принимали всех подряд. Однако с теми, у кого были деньги, обращались, естественно, гораздо лучше. Очевидно, это свойство человеческой природы. Признаться, порой мои собратья вызывают у меня отвращение.

Поначалу нас никак не хотели пускать. Мол, пациент в крайне тяжелом состоянии и все такое прочее. Наконец кому-то бросилось в глаза, что меж пальцев настойчивого посетителя зажата золотая монета; я не преминул намекнуть, что в случае благоприятного исхода монета перейдет в другие руки, и отношение персонала волшебным образом изменилось. В мгновение ока мы с Морли

очутились в палате Плоскомордого, а у койки столпилась целая орава врачей и медсестер.

Плоскомордый выглядел ужасно. Мертвенно-бледный, словно потерял несколько галлонов крови... Когда врачи закончили, он не то чтобы стал выглядеть лучше, однако задышал ровнее. Я оделил лекарей золотом и показал, что у меня при себе еще паратройка монет, которым, вполне возможно, захочется составить компанию остальным.

Минул час-другой. Плоскомордый не произносил ни слова, только дышал. И то хорошо; значит, смерть понемногу отступает.

— Если я опущусь настолько, что попаду сюда, — прошептал Морли, — сделай одолжение, перережь мне глотку, чтобы я не мучился, ладно? — Морли Дотс панически боялся заболеть. Когда вернемся домой, он на протяжении нескольких недель будет поглощать в удвоенных количествах всякие листочки, корешки и травки...

Впрочем, больница действительно производила гнетущее впечатление. Рай она не напоминала ни в малейшей степени. Здесь содрогнулся бы от ужаса даже вампир, а ведь мы побывали всего-навсего в палате для умирающих. Что же касается, к примеру, палаты для умалишенных, ее наверняка строили по тому же плану, что и темницы преисподней.

Интересно, зачем Плоскомордый приперся в «Бледсо»? Ну да, он не финансовый магнат, но и далеко не нищий.

После операции никто из персонала в палату не заглядывал, появился только священник — пожалуй, единственный приличный человек из всех, кто работал в больнице. Я кое-что про него слышал. Глава одного из наиболее диковинных и таинственных из нескольких сотен танферских культов. Войдя в палату, священник приблизился к неподвижной горе мышц, именовавшейся Плоскомордым Тарпом. Даже в таком состоянии Тарпа, словно льва или мамонта, окружала некая аура благородства. Отличный парень,

которого хорошо иметь в друзьях и с которым нежелательно ссориться; прост, силен как бык и заслуживает полного доверия.

— Его уже причастили?

— Не знаю, святой отец.

— Каким богам он молится?

— Не могу сказать, — ответил я, отогнав искушение съерничать. — Кстати говоря, причастие нам ни к чему. Он не собирается умирать, иначе бы мы тут не сидели.

Священник прочел то, что было написано на табличке в изголовье кровати.

— Я помолюсь за него, — проговорил он, слабо улыбнувшись. — От молитвы вреда не будет, тем более для живого. — И пошел дальше, к тем, кто нуждался в утешении, оставив меня гадать, не сваял ли я дурака.

Придя в себя, Плоскомордый подал голос далеко не сразу.

— Гаррет, — прохрипел он вдруг, — напомни мне, чтобы я впредь держался подальше от твоих баб.

Я пробурчал что-то себе под нос.

— В Кантарде меня прикончили наполовину, а вчера чуть не уколошили наверняка.

— Ну да... Какого дьявола ты приперся сюда? Если у тебя хватило сил добраться до города, почему ты не пришел ни к кому из знакомых?

— Гаррет, я здесь родился. Мне втемяшилось в башку, что я помираю и что отдавать концы надо там, где все начиналось. Честно говоря, я плохо соображал.

— То-то и оно, остолоп несчастный. Ладно, как бы то ни было, ты будешь жить, несмотря на все старания тех, кто тебя приласкал, и свои собственные. Тебе хватит сил, чтобы рассказать, что произошло?

— Да. — Он помрачнел.

— Ну и? Выкладывай.

— Она мертва, Гаррет! Ее убили. Я прикончил пятерых или шестерых, но их было слишком много. Меня обошли и набросились на нее... — Плоскомордый приподнялся, будто собираясь вскочить.

— Придержи его, Морли. Куда ты собрался, Тарп?

— Я должен отомстить. Еще ни разу в жизни я никого не подводил.

Дотс уложил его обратно на кровать легким движением ладони. Да, досталось Плоскомордому изрядно.

— Какая девушка, Гаррет! — В глазах Тарпа заблестели слезы. — Аппетитная, как сдобная булочка, шустрая, как мальчишка на побегушках... Как они могли ее убить?!

— Не знаю. Им явно не следовало этого делать. — Признаться, я догадывался, что Амиранда попала в беду, однако сердце упорно отказывалось верить.

— Я должен отомстить, Гаррет. — Тарп снова попытался встать.

— Ты должен поправиться, а об остальном я позабочусь. Мой должок побольше твоего. Давай выкладывай, а потом Морли заберет тебя отсюда и переправит, куда скажешь. Я же отправлюсь на охоту за головами.

Морли искоса поглядел на меня, но промолчал. Впрочем, говорить ничего и не требовалось.

— Морли Дотс, хватит корчить из себя «адвоката дьявола»! По-твоему, мне не стоит вмешиваться? Да ведь ты сам поступил бы точно так же, разве что постарался бы действовать не в открытую. Выкладывай, Тарп. Начинай сначала, с того момента, как ты впервые ее увидел.

Быть может, Плоскомордый и впрямь туповат, однако с памятью у него все в порядке: он замечает, что происходит вокруг, и запоминает подробности.

— Первый раз я увидел ее в заведении Морли. Она была с тобой. Я еще подумал, почему это всяким недомеркам вроде Морли

Дотса или симпатичным подонкам вроде Гаррета всегда достается самое лучшее.

— Он вовсе не при смерти, — заметил я. — Извращенное чувство юмора — первый признак выздоровления. Подумать только, он назвал меня симпатичным! Забудь о том вечере, Тарп. Когда ты встретился с ней снова?

— Вчера днем. Она заявила ко мне домой.

Амиранда сказала Тарпу, что я, дескать, рекомендовал его ей в качестве телохранителя. Она явно нервничала и выглядела испуганной, хотя утверждала, что опасаться нечего и что телохранителя нанимает просто на всякий случай. Плоскомордый согласился охранять девушку до тех пор, пока она не скажет, что больше не нуждается в его услугах. Ушла она, когда начали сгущаться сумерки, и вскоре вернулась в открытом экипаже.

— С собой у нее что-нибудь было?

— Сзади лежали какие-то саквояжи, вроде тех, какие женщины обычно набивают одеждой и украшениями. По-моему, она не собиралась возвращаться.

— Гмм... Она ничего не рассказывала?

Плоскомордый замаялся, словно прикидывая, стоит ли говорить, но потом, видимо, решил, что я должен знать все.

— Куда едет, не упоминала, сказала только, что ей нужно кое с кем встретиться и что назад не вернется.

— Выходит, если бы с ней не было тебя, она бы попросту исчезла и все терялись бы в догадках, что случилось. — «Великие боги! Порой я сам поражаюсь собственной сообразительности».

— Ну да. Слушай, может, расскажешь за меня, а я пока подремлю?

— Не бурчи. Ответь-ка лучше на такой вопрос. Когда тебе заплатили и как?

— Всю сумму вперед. Иначе я не соглашаюсь... Но тут чуть было не сделал исключение. Она отдала мне все, что у нее было,

но половины марки по-прежнему не хватило. Я сказал, что прощаю, и предложил ей оставить деньги у себя, но она отказалась — мол, не надо, все в порядке, а когда доберемся до места, я получу марку сверху за свое благородство...

— Да уж. Благородный рыцарь Плоскомордый Тарп. Ладно, продолжай.

Они выехали из города, когда стемнело, — Тарп верхом позади экипажа, в котором сидела Амиранда. Как обычно, Тарп предпочел избытку оружия физическую силу и выносливость. Я не стал спрашивать, не заметил ли он по дороге чего-либо подозрительного. Если бы заметил, наверняка бы сказал. Очутившись за воротами, экипаж неспешно покати́л на север — никто не гнал, не петлял, то есть никак не привлекал внимания. Разговаривать они почти не разговаривали, поскольку Тарп ехал позади экипажа. Однако при свете луны, что сияла на чистом небе, ему бросилось в глаза, что Амиранда нервничает все сильнее. Впрочем, нервы нервами, а о лошадях она заботилась — несколько раз останавливала экипаж, давая животным передохнуть.

Около трех утра они достигли перекрестка дорог посреди леса, в паре миль от знаменитого поля битвы при Личфилде (как утверждает молва, ночами призраки солдат империи бродят по местности в поисках того, кто предал их командующего).

Как заведено, в центре перекрестка, посреди ромбовидной клумбы, возвышался алтарь в честь местного божка. Амиранда остановила экипаж у алтаря, чтобы лошади могли пощипать траву, и сказала Тарпу, что теперь нужно подождать. Как только появится тот, у кого с ней назначена встреча, Тарп может отправляться обратно.

Плоскомордый спешился, отошел в сторону, облегчился, после чего прислонился к экипажу и принялся ждать. Амиранда помакивала. Прошло около часа. Девушка не находила себе места, а неуклюжие попытки Тарпа успокоить ее успеха не имели. Похоже, она полагала, что начали сбываться худшие опасения.

Луна клонилась к закату, небо на востоке посветлело, и тут Плоскомордый сообразил, что они уже не одни. Он было удивился, почему не слышно птичьих трелей, но мгновенно оценил ситуацию и успел еще предостеречь Амиранду, прежде чем из лесу высыпали бандиты.

Одного взгляда Тарпу хватило, чтобы понять — это не просто разбойники с большой дороги.

— Гаррет, их было полтора десятка. Все гоблины, даже несколько чистопородных, каких почти не встретишь. Вооружены ножами, дубинками и огромными костями; чувствовалось, что бегут убивать. Заметив меня, они начали переговариваться между собой — видно, не ждали, что Амиранду будут охранять.

Что конкретно произошло потом, со слов Тарпа уяснить было трудновато. Он заслонил собой Амиранду, прижался спиной к экипажу и принялся отбиваться ножом и дубинкой, а когда его обезоружили, пустил в ход кулаки.

— Я прикончил пятерых или шестерых, но с такой оравой одному человеку справиться не под силу. Они все напирали и напирали, а у девчонки не достало ума, чтобы удрать. Она тоже ввязалась в драку, но ее быстро стащили на землю и зарезали... Наверно, им все-таки досталось, потому что они вдруг побежали к лесу. А я упал и не сумел подняться. Даже пошевелинуться не смог. Они решили, что я готов, вернулись и швырнули меня в кусты, потом принялись рыться в вещах. Ругались, потому что ничего ценного не попадалось, и ссорились, как воробьи, из-за всякой ерунды. И хотя бы один позаботился о раненых!

Услышав, что кто-то приближается к перекрестку, гоблины постарались как могли скрыть следы преступления и исчезли в лесу, прихватив с собой экипаж и коня Плоскомордного.

К тому времени Тарп настолько пришел в себя, что сумел подняться. Выбрался из кустов, подобрал тело Амиранды и побрел прочь.

— В голове, помню, был сплошной туман. Я не хотел, чтобы она умерла, а потому не верил, что тащу на закорках труп. Поблизости от того перекрестка, милях в трех, живет моя знакомая ведьма. Я сказал себе, что если донесу девушку до ее домика, все будет в порядке. Ну вы меня знаете. Коли я решил...

Да уж. Я постарался представить себе, как это выглядело. Полумертвый Тарп, обливаясь кровью, бредет по лесу, а на плече у него мертвая женщина. И у него ведь еще хватило сил вернуться в Танфер, чтобы умереть там, где родился!

Я принялся задавать вопросы насчет гоблинов — в основном меня интересовало, что они говорили, когда решили, что Тарп мертв. Однако единственное, что мне удалось выудить из Плоскомордого, — как добраться до жилища ведьмы.

Тарп приподнялся на постели.

— Расслабься, — сказал я. — Если у меня ничего не получится, ты следующий на очереди. Но сначала тебе надо поправиться. Морли, заberi его отсюда, ладно? Пошли. Тарп, Морли скоро вернется.

Когда мы вышли на улицу, Морли изрек:

— Паршивое дельце.

— Ты не слышал о ком-нибудь, кто внезапно разбогател?

— Нет. — Он пристально поглядел на меня.

— А связей в городе гоблинов у тебя нет? — «Если ты не гoblin, хотя бы частично, днем тебе в этом городе лучше не появляться. С некоторыми из его жителей я знаком лично, но не настолько хорошо, чтобы просить у них помощи».

— Да есть кое-какие. Но вряд ли мне удастся вытянуть хоть слово, если речь пойдет о Рейвер Стикс.

— Это уже мои трудности.

— Ты собираешься съездить на место?

— Разумеется. Скорее всего завтра. Но сперва мне нужно свести концы с концами здесь.

— Составить тебе компанию? Я что-то давно не разминался. — Морли изо всех сил старался сделать вид, что ему неинтересно, хотя сам буквально изнывал от любопытства.

— Не стоит. И потом, кому-то надо оставаться в больнице и время от времени напоминать Тарпу, что он нездоров.

— Значит, дело личное?

— Угу.

— Будь осторожен.

— Естественно, чтоб мне пусто было! А ты смотри и слушай. Меня интересует все, что связано с гоблинами и внезапно свалившимся богатством.

Мы расстались. Я направился домой и, чтобы успокоиться, пропустил пару галлонов пива.

13

Как ни странно, Покойник не скис даже на следующее утро, и я слегка встревожился. Неужели близится начало конца? Впрочем, о логхирах мне известно явно недостаточно, чтобы определить, симптомом какого заболевания является хорошее настроение, которое не желает проходить. Я пересказал Покойнику историю Тарпа, не опустив ни единой подробности, и спросил:

— Есть какие-нибудь идеи?

— Кажется, да. Но тех сведений, которые ты мне сообщил, хватит лишь для того, чтобы выявить одну-единственную возможность.

— Что-что? Ты о чем?

— Твоя подружка оказалась по свои прелестные ушки замешана в похищении сына Владычицы Бурь. Возможно, она не принимала участия в заговоре, но явно знала о готовящемся преступлении и потому испытывала чувство вины.

Я не стал спорить, поскольку у меня тоже возникало подобное подозрение. Кстати говоря, приятно сознавать, что у нас с Покойником почти одинаково острый ум. Разница в том, что я колеблюсь, прежде чем принять решение, а гению Покойнику неведомы сомнения, посещающие простых смертных.

— Не хочешь поделиться со мной своими мыслями?

— Зачем? Все настолько просто, что ты способен добраться до истины самостоятельно. Напряги свой умишко, Гаррет.

Я широко улыбнулся. Все понятно, он мстит мне за то, что я осмелился привести в дом женщину и даже оставить ее на ночь. Впрочем, как ни крути, Покойник был не в силах сопротивляться благодушному настроению.

— От женщин, разумеется, одни неприятности, особенно когда они перестают заниматься привычными делами — потворствовать пороку, крутить хвостом, сплетничать, отпускать колкости, а также вынашивать и воспитывать детей. Однако убийство вряд ли является приемлемой разновидностью наказания. Продолжай расследование, Гаррет. И не забывай об осторожности. Мне бы не хотелось, чтобы тебя постигла участь этой девушки. Я не могу позволить себе платить за похороны.

— Ты просто сентиментальный старый дурак.

— Я бы сказал, излишне сентиментальный.

— Ха! Вот она, голая правда, во всей своей неприглядной красе! Если я сыграю в ящик, тебе придется напрячь мозги, чтобы подыскать себе приличную крышу над головой.

— Гаррет, я — личность творческая, я не стану...

— А я прекрасный принц, которого колдунья превратила в жабу.

— Мистер Гаррет. — В дверь просунулась голова Дина.

— Что?

— Снова пришла та женщина.

— Та, которая была вчера?

— Она самая. — По гримасе, которую состроил Дин, можно было подумать, что у нас в доме пахнет исключительно гнилым луком.

— Отведи ее в кабинет и смотри не позволяй к себе прикасаться, не то можешь оказаться в интересном положении. — Дав ему отойти на несколько шагов, я прибавил вполголоса: — А то еще, неровен час, вспыхнешь страстью к своим племянникам.

— Гаррет, ты слишком грубо с ним обращаешься. Он достойный человек, который заботится о своих родственниках.

— Я же дал ему отойти, верно?

— Мне бы не хотелось его потерять.

— Мне тоже. Я как-то не горю желанием убраться в твоей комнате. — Не обращая внимания на попытки Покойника ответить, я вышел в коридор. В конце концов, препираться можно с утра до вечера.

Амбер производила неизгладимое впечатление. Она сразу поняла, что все сработало, и попробовала начать с того, на чем закончила вчера.

— Я согласен найти для тебя те деньги, о которых мы говорили. По-моему, нам следует заняться делом, и чем быстрее, тем лучше, пока нас не обошли. Вчера вечером я забросил десяток удочек, но выловил только пустые крючки, поэтому мне кажется, что продолжать расследование лучше за городом.

— Ну, Гаррет! — Амбер явно хотелось пофлиртовать. Впрочем, она поняла, что двести тысяч золотых марок — вполне уважительная причина для того, чтобы отказаться от игры. «Должно быть, Амбер из тех, кто обожает преодолевать препятствия. Если так, я с ней еще намучаюсь». — И куда ты собрался?

— Я тебе уже говорил, что преступление, куш в котором — двести тысяч марок золотом и сын Рейвер Стикс, требует тщательной подготовки. Следовательно, даже если работали опытной-

шие профессионалы, следов не остаться просто не может. Один из способов спрятать концы в воду — заблаговременно все подготовить и потренироваться, чем дальше от места преступления, тем надежнее. Хотя это вовсе не означает, что похитители спрятали выкуп именно там, где тренировались. Кстати, когда на карту поставлена такая сумма, главное действующее лицо обычно старается устранить всякую связь между собой и жертвой похищения.

— То есть убивает тех, кто ему помогал?

— Да.

— Ужасно... Мерзко и ужасно.

— Мы живем в ужасное время в ужасном мире, населенном ужасными людьми, не говоря уж о гоблинах и вурдалаках. Или о вампирах и вервольфах, которые воспринимают людей исключительно как пищу, хотя сами принимают порой человеческий облик.

— Ужасно.

— Согласен. Однако нас вполне может ожидать нечто подобное. Итак, ты настроена продолжать? Мы по-прежнему партнеры, и тебе предстоит кое-что сделать.

— Мне? Но что я могу?

— Устрой мне встречу со своим братом и Амирандой. — Девушка озадаченно уставилась на меня. Впрямь не понимает или притворяется? Естественно, второе. — Я ухватился за одну ниточку и хочу выяснить, куда она приведет.

— А что за ниточка?

— Гм... Если не возражаешь, я предпочел бы не отвечать.

— Ладно. А зачем тебе понадобились Карл и Амиранда?

— С Карлом я хочу поговорить потому, что он единственный общался вживую с похитителями. Правда, я забыл домину Даунт, которая передавала им выкуп. Амиранда же могла слышать что-нибудь, что окажется полезным. Пойми, я не могу допрашивать Уиллу Даунт. Домина наверняка захочет прикарманить наше золотишко, как только поймет, что мы его разыскиваем. Я прав?

— Да. Но Карл тоже потребует свою долю. Мы с ним оба мечтаем удрать из дворца. То же самое можно сказать об Амиранде.

— Устрой мне встречу с ними. Я постараюсь сделать так, чтобы они ничего не заподозрили.

— Ладно. Но будь осторожен, особенно с Амирандой. У, ведьма!..

— Ты ее не любишь?

— Да как сказать... Она умнее меня и, когда хочет, становится почти такой же красивой. Моя родная мать относится к ней лучше, чем ко мне. Но я не то чтобы ее ненавижу. Мне просто хочется, чтобы она куда-нибудь делась.

— И ей хочется удрать из дворца не меньше, чем вам с братом? Хотя с ней обходятся гораздо лучше?

— Лучше, чем отвратительно, Гаррет, все равно плохо.

— Когда ты сможешь свести меня с Карлом?

— Не знаю. Сейчас у него улизнуть вряд ли получится. По приказу домины Коуртер не спускает с него глаз. Уилла говорит, что о похищении скоро станет известно, и когда узнают, какой заплачен выкуп, кто-нибудь, вполне возможно, захочет проделать все по новой. Такое может быть?

— Почему бы нет? Кругом полно лентяев и олухов, которые пытаются чего-то добиться в жизни, подражая более удачливым, чем они. Вашему семейству опасность будет угрожать до тех пор, пока твоя мать не докажет всем и каждому, что связываться с ней себе дороже.

— Да ей, скорее всего, плевать.

Ошибаешься, милочка. Ей далеко не плевать, даже если она терпеть не может своих отпрысков. Впрочем, я не стал просвещать Амбер относительно символов и ловушек власти, а также насчет того, как важно для власть имущих постоянно подчеркивать свое могущество.

— Итак, наш следующий шаг — встреча с твоим братом. Если он не может прийти ко мне, я навещу его сам. Кстати, заодно и с Амирандой повидеюсь. Постарайся все устроить. Я выйду из дома приблизительно через полчаса, после того как провожу тебя, и буду болтаться возле дворца, пока ты не подашь условный сигнал. Какой у нас будет сигнал?

Последнюю фразу я нарочно произнес заговорщицким шепотом. Моя уловка сработала. Амбер прониклась духом кровавых интриг.

— Я посвечу зеркальцем из моего окна. Подожди пять минут, а потом иди к задней двери.

— Какое окно твое?

Пока она объясняла, я, слушая вполслуха, думал о своем. Решение возникло слишком быстро. Значит, Амбер не впервой подавать сигналы. Наверняка таким способом она извещала о том, что все в порядке, своих любовников. Наверное, должно сработать. А если она меня подставляет... Да нет, с какой стати? Ей же до смерти хочется заполучить мамашины денежки.

С такой профессией, как у меня, стать параноиком проще простого. Правда, параноиками, быть может, становятся от того, что слишком часто оказывались в дураках.

— Ступай, — сказал я. — Иначе тебя хватятся и начнут искать.

— Полчаса ничего не изменят, верно?

— Смотря в какой ситуации.

— Гаррет, когда мне чего-то по-настоящему хочется, я могу по-настоящему заупрямиться.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, твое упрямство тебе не изменит, если вдруг выяснится, что не все идет гладко.

— Гладко? Это что, может быть опасно?

— Шутить? Не хотелось бы разыгрывать мелодраму, — ну ты даешь, Гаррет! — но вполне может быть, что золото

лежит в узкой, глубокой и мрачной долине, по которой нам придется пройти.

Амбер взглянула на меня своими огромными глазами, в которых запросто можно было утонуть, затем ослепительно улыбнулась.

— Держи у мула перед носом морковку, и он полезет даже на голый склон.

Так-так. Ответ не то чтобы с ходу, но по делу.

Из коридора на нас смотрел старина Дин, отрабатывавший, похоже, очередную гримасу. Я похлопал Амбер пониже спины.

— Молодец, малышка, так держать. Не забудь, я выйду через полчаса. Не хотелось бы слишком долго торчать под окнами.

Она повернулась и подарила мне поцелуй, от которого захололо бы в груди не только у меня, но и у старины Дина. Наконец оторвалась, подмигнула и выскользнула за дверь.

14

Я вернулся в кабинет и пропустил кружечку холодного пива, чтобы укрепить дух. Наливать пришлось самому, поскольку оскорбленный до глубины души моим поведением Дин не замечал меня в упор. Из этого состояния его могли бы вывести только внезапно появившиеся призраки.

Я опорожнил кружку, налил вторую, поставил бочонок и направился к Покойнику — сообщить ему последние новости. Он немного побрюзжал, чтобы привести меня в чувство. Я спросил, готов ли он открыть всему свету тайну Слави Дуралейника. Логхир ответил отрицательно и велел мне выметаться, что я и сделал, предположив, что в его гипотезе обнаружились неувязки. Для логхиров с их самомнением неувязки в гипотезе хуже смерти.

Я отнес пустую кружку на кухню, после чего поднялся на второй этаж и перевернул вверх дном шкаф, служивший чем-то вроде домашнего арсенала. Отобрал несколько не внушающих подозрения стальных кинжалов, а также залитую свинцом и обтянутую кожей дубинку, которая в прошлом не раз меня выручала. Потом напомнил Дину, чтобы он, когда очухается, не забыл запереть дверь, и вышел на улицу.

Денек выдался чудесный, если не обращать внимания на нечто среднее между туманом и моросящим дождем. Впрочем, в это время года так всегда и бывает. Такую погоду обожают садоводы, которые выращивают апельсины; правда, иногда она надоедает даже им. Честно говоря, дай садоводам волю, они бы подрядили всех владык и владычиц бурь следить в оба за климатом, забываясь о повышении урожайности.

Добравшись до Холма, я насквозь промок и продрог, а потому стал высматривать, куда бы мне спрятаться от дождя. Однако тот, кто проектировал улицу, явно полагал, что посторонним тут делать нечего, поэтому пришлось некоторое время побродить по улице, притворяясь, будто я — здешний. Я вообразил себя инспектором по мостовым, которому поручено следить за состоянием городских улиц. Спустя пятнадцать минут — которые мне показались полутора днями — я заметил сигнал Амбер (правда, то было не зеркальце, а свечка) и двинулся к задней двери. Еще день спустя та отворилась, и Амбер выглянула наружу.

— Как нельзя более вовремя, милашка. Вон идут драгуны.

Обитатели Холма, скинувшись между собой, наняли шайку головорезов, которым вменялось в обязанность избавлять своих хозяев от неприятностей, связанных с бандитизмом, — то есть от того, что мы, те, кто жил ближе к реке, вынуждены были принимать как неизбежное зло, вроде этой омерзительной погоды.

Парочка головорезов, которых ни на миг не ввела в заблуждение разыгранная мной пантомима с мостовой, направилась в мою

сторону, что называется, под полными парусами. Двое громил, ширина плеч у каждого приблизительно соответствовала росту, — честно говоря, мне не хотелось выяснять отношения с ребятами, которым достаточно дунуть в свисток, чтобы им на помощь поспешил с десяток таких же детей.

Я поспешно прошмыгнул в дверь, оставив преследователей с носом. Амбер заливисто рассмеялась.

— Это Мини и Мо, братья. А Ини и Майни приближались к тебе с другого бока. Знаешь, когда я была маленькой, мы с Карлом жутко их дразнили.

У меня с языка готово было сорваться язвительное замечание, но я мужественно сопротивлялся и сумел-таки не выпустить его на волю.

Амбер провела меня по лабиринту служебных коридоров, весело щебеча на ходу. Дескать, они с Карлом пользуются этими коридорами, чтобы ускользнуть из-под надзора Уиллы Даунт. Я хоть и с немалым трудом, но снова воздержался от комментариев.

Мы поднялись на один пролет по лестнице, свернули сюда, потом туда, миновали какие-то заброшенные — по крайней мере, давно не убиравшиеся — помещения. Затем Амбер прошептала: «Тсс!» и прильнула к щели между портьерами, за которыми проходил коридор для тех, в чьих жилах текла голубая кровь.

— Никого. Бежим. — Она припустила вперед.

Я потрусил следом, любуясь тем, как колышутся складки ее платья. Признаться, никогда не одобрял те общества, в которых женщине полагается идти на три шага позади мужчины. Хотя с какой стороны посмотреть... Ведь бывают женщины и женщины: таких, как Уилла Даунт, гораздо больше, чем таких, как Амбер.

Наконец мы очутились в пустой комнате. Амбер резко обернулась и распростерла объятия. Я прижал ее к себе.

— Обманщица!

— Ничего подобного. Карл должен вот-вот подойти. А пока... Ты ведь помнишь старую поговорку.

— Милая, я живу с мертвым логхиром, поэтому мне каждый день приходится выслушивать множество старых поговорок. Среди них попадаются настолько древние, что от стыда за моего приятеля краснеют даже стены. Какую поговорку ты имеешь в виду?

— Насчет того, что работа превратила Гаррета в зануду.

«Мог бы и догадаться», — подумал я.

Амбер явно вознамерилась добиться своего и весьма рьяно взялась за дело.

Бум! Поддаваясь искушению и наклонившись вперед, я врезался лбом во внезапно распахнувшуюся дверь.

Вот так всегда.

Меня отнесло в сторону от Амбер, чему я, честно говоря, был только рад.

В комнату, непрерывно извиняясь, вошел багровый от смущения Карл. Если бы руки у него не были заняты, он наверняка принялся бы их заламывать.

— Пахнет пивом, — проговорил я. — Эликсир богов.

— Я вспомнил, что в баре, где мы с вами встретились, вы пили пиво, и подумал, что должен вас угостить, поэтому...

Болтун.

Я удивился. Карл сумел не только что-то самостоятельно придумать, он еще и выполнил задуманное, причем сам. Не было даже слуги, который принес бы поднос с кружками. Может быть, в нем все же есть кое-что от деда. Хотя бы вот столечко.

Он протянул мне кружку, которую я немедленно поднес к губам, а себе взял поменьше. «Давай, парень, давай, покажи, какой ты демократичный».

— О чем вы хотели поговорить со мной, мистер Гаррет? Я мало что понял со слов Амбер.

— Хочу удовлетворить профессиональную любознательность. Ваше похищение — самое необычное из тех, с которыми мне доводилось сталкиваться. Я желал бы узнать от вас кое-какие

подробности на случай, если в моей практике будет что-либо подобное. Понимаете, преступники добились успеха, а это может вдохновить кого-нибудь на то, чтобы последовать их примеру.

Карл смутился окончательно — сел в кресло, стиснул кружку в ладонях, потом поставил на колени, чтобы я не заметил, как дрожат его руки. Я сделал вид, что ничего не замечаю.

— Но что вы конкретно хотите узнать, мистер Гаррет?

— Все. С самого начала. Где и как они вас схватили и так далее, вплоть до того момента, как вы очутились на свободе — опять-таки, каким образом. Постараюсь не перебивать, если только не запутаюсь. Договорились? — Я приложился к кружке. — Хорошее пиво.

Карл кивнул и тоже сделал глоток. Амбер изучила содержимое подноса и обнаружила, что брат захватил как пиво, так и вино, хотя и не потрудился предложить что-либо сестре.

— Произошло это дней пять-шесть тому назад, — проговорил Младший. — Верно, Амбер?

— Нечего меня спрашивать. Если бы я не подслушивала, то до сих пор не знала бы, что тебя похитили.

— По-моему, все-таки шесть. Вечер я провел с подружкой. — Помолчав, он прибавил: — В баре под названием «Пол-луны».

— Элачное местечко, — ввернула Амбер, на случай, если я не знаю.

— Слыхали. И что? Вас схватили именно там?

— Когда я собирался уходить. Через заднюю дверь, чтобы ни с кем не встретиться.

Пока что-то не похоже на сорвиголову, каким рисовала Младшего молва.

— А почему? От кого вы прятались?

— От домины. Ведь предполагалось, что я работаю.

— Чудеса! — озадаченно протянул я. — Ну да, по слухам, ваша матушка, отбывая в Кантард, поручила домине держать вас

на коротком поводке. Но мне казалось, что вы двое уходите и приходите, когда вздумается.

— Когда можем, — поправила Амбер. — К счастью, домина и Коуртер не могут следить за нами с утра до вечера.

— Мистер Гаррет, вы обещали не перебивать.

— Прошу прощения. Итак, вы вышли через заднюю дверь из заведения Летти Фарен...

— Да. Остановился пожелать кому-то доброй ночи. Я стоял в дверном проеме, спиной к улице. И тут мне на голову накинули мешок с чем-то вроде удавки на горлышке, потому что прежде чем я успел крикнуть, меня чуть не придушили. Я перепугался до смерти, решил, что меня сейчас убьют. А потом потерял сознание. — Он вздрогнул.

— Кому вы желали доброй ночи? — справился я, поставив кружку на стол. Вопрос был задан как бы вскользь, но Карл прекрасно понял, куда я клоню, и не ответил. Я пристально поглядел на него. Юноша отвернулся.

— Он просто не хочет в это поверить, — сказала Амбер.

— Во что «в это»?

— В то, что тут замешана его подружка. А ведь она замешана наверняка, правда? В смысле, она должна была видеть, кто стоит у Карла за спиной, но не предупредила, хотя могла бы. Я права?

— Не знаю, но разобраться в этом явно не мешает. Как зовут даму?

Амбер поглядела на Карла. Тот притворился, будто пытается прочесть будущее по осадку на дне кружки. Судя по всему, то, что он там увидел, ему не понравилось. Юноша схватил кувшин, наполнил кружку и пробормотал что-то неразборчивое.

Я последовал его примеру с кувшином и заинтересовался:

— Что он сказал?

— Что ее зовут Донни Пелл.

Очко в пользу Амбер. А Младший меня слегка разочаровал. Неужели не понимал, что сестра его просто щадит, что она могла бы выложить мне все в любой момент?

— Я не верю, что Донни замешана в... — произнес бедолага Карл. — Мы знакомы четыре года. Она ни за что...

— Ладно, — перебил я, оставив при себе мнение насчет того, что могут и чего не могут те, у кого профессия, как у Донни Пелл. — Поехали дальше. Вы потеряли сознание. А когда и где очнулись?

— Не могу сказать точно. Судя по звукам, которые до меня доносились, наступила ночь и мы были за городом. Связали по рукам и ногам, мешка с головы так и не сняли. Мне показалось, я нахожусь в каком-то экипаже. По-моему, это не лишено смысла, правда?

— Для похитителей — безусловно. Что еще?

— Жутко болела голова. Просто раскалывалась.

— Понятно. Дальше.

— Они привезли меня на какую-то заброшенную ферму.

Я попросил его не упустить ни единой подробности и весь превратился в слух. Чаще всего похитители допускают ошибки и выдают себя, когда переводят жертву из одного места в другое.

— Меня вытащили из повозки, разрезали веревки на лодыжках, подхватили под руки и повели в дом. Бандитов было по меньшей мере четверо, если не пятеро или не шестеро. Потом мне разрезали веревки на руках, затолкали в какую-то комнатку и захлопнули за мной дверь.

Простояв в неподвижности минут пять, я наконец набрался мужества и сдернул с головы мешок.

Карл сделал паузу, чтобы промочить горло. Чувствовалось, что теперь, начав рассказывать, он готов выложить мне все как на духу. Будучи по природе человеком вежливым, я старался не отставать от него в том, что касалось выпивки, хотя у меня, признаться, горло пересыхать и не думало.

— Говорите, ферма? Откуда вы это узнали?

— Догадался. Когда я снял мешок, то увидел, что нахожусь в помещении размерами приблизительно двенадцать на двенадцать футов, причем не убирались в нем давным-давно. На полу валялись грязные, вонючие одеяла, в углу стоял не менее вонючий ночной горшок; кроме того, в комнате имелся маленький столик со сломанной ножкой и колченогий самодельный стул. — Младший зажмурился, очевидно, представляя себе картину. — Посреди стола, на глиняном блюде, стоял глиняный же, треснувший от старости кувшин, к которому прилагался ржавый металлический ковш. Я одним махом выпил, должно быть, не меньше кварты воды, затем подошел к окну и попытался собраться с мыслями. Понимаете, я до смерти перепутался и не имел ни малейшего понятия о том, что, собственно, происходит. Пока домина не заплатила выкуп, мне казалось, что меня похитил кто-то из врагов моей матери.

— Вернемся к окну. Похоже, преступники допустили серьезную промашку.

— Не думаю. Окно было закрыто ставнями и вдобавок заколочено снаружи. Правда, я обнаружил щель, через которую при желании можно было кое-что разглядеть. Впрочем, особой пользы это открытие мне не принесло.

— Почему?

— А знаете, каким образом меня освободили? Бандиты просто взяли и ушли, не сказав мне ни слова. Я сообразил, что их нет, только когда меня перестали кормить.

— Вы запомнили кого-нибудь в лицо?

— Нет.

— Как же так? Ведь они передавали вам пищу.

— Меня всякий раз заставляли становиться лицом к стене.

— По крайней мере, с вами разговаривали?

— Только один из них, и то — из-за двери. Это он приказывал мне повернуться к стене. Правда, время от времени я слышал,

как они переговариваются между собой, но такое случалось редко, да и ничего серьезного бандиты не обсуждали.

— Даже не хвастались друг перед другом, как каждый потратит свою долю выкупа?

— О деньгах они вообще не упоминали. Кстати, отчасти поэтому я решил, что мое похищение связано с политикой. Кроме того, обращались со мной совсем неплохо, чего я никак не ожидал от обыкновенных любителей легкой наживы.

— Преступники бывают разные.

Погруженный в воспоминания Младший не услышал.

— Перед тем как бандиты покинули дом, я услышал одну фразу, которая, может быть, имела отношение к деньгам. Кто-то вбежал в дом и крикнул: «Эй, Скредли, получим сегодня ночью!» К сожалению, что именно они собирались получить, никто не уточнил.

— Скредли? Вы точно помните?

— Да.

— По-вашему, это имя?

— Скорее всего. Вы со мной согласны?

Еще бы, малыш, еще бы! Среди гоблинов Скредов раза в два больше, чем Смитов среди людей. А имя Скредли, приблизительно соответствующее человеческому Смитти, носит едва ли не половина гоблинов на свете. Вот уж повезло так повезло.

Мы молча допили то, что оставалось в графине. Кстати говоря, отличное пиво. Я бы не отказался принимать по кружечке такого пивка каждый день, но, к несчастью, оно мне не по карману.

— Ладно. Что случилось после того, как вы слышали имя Скредли?

— Ничего. — Я выразительно посмотрел на Карла, приглашая объясниться. — Вечером мне не принесли ужина. К полуночи я проголодался настолько, что начал кричать и колотить в дверь. Поскольку никто не приходил, какое-то время спустя я

попробовал заснуть; продремал до завтрака, которого тоже не было, и вновь принялся стучать в дверь. После одного удара она распахнулась. Я испугался и заполз под одеяло. Но бандиты словно не слышали. Тогда я осмелев настолько, что выглянул в коридор, а затем отправился бродить по дому.

— И никого не нашли?

— Совершенно верно. Должно быть, они ушли еще вечером — кухонный очаг давно остыл. Я утолил голод тем, что оставалось на столе в кухне, слегка приободрился и двинулся дальше.

Он поднес к губам кружку и вполголоса выругался, поскольку та оказалась пустой, а наполнить ее было уже нечем. Я терпеливо ждал.

— Осмотрел все вокруг, выяснил, что меня держали на какой-то ферме, которая, судя по всему, принадлежала раньше довольно состоятельным людям. — Младший пустился подробно описывать нечто среднее между крестьянской хибарой и барской усадьбой. — Убедившись, что в доме никого нет, я направился по следам от колес повозки и, прошагав около мили, вышел на дорогу. Мне навстречу попался бродячий лудильщик, который сказал, что это дорога из Вокруты в Личфилд и что знаменитое поле битвы приблизительно в трех милях к западу отсюда.

Ну и дела! Выходит, Карла прятали не далее чем в двух милях от того места, где расправились с Амирандой и едва не прикончили Плоскомордого. Я изумился настолько, что даже моргнул.

— И вы просто пошли домой?

— Да. Если не возражаете, я принесу еще пива. Не думал, что наша беседа затянется.

— Не стоит, у меня осталась всего-навсего парочка вопросов.

— Как скажете, мистер Гаррет. Необычное похищение, верно?

— Отчасти — да. Но нельзя отрицать, что для преступников все прошло гладко и они добились, чего хотели.

— Честно говоря, пока я сидел под замком, мне было не до размышлений о том, чем одно преступление отличается от другого. Если не секрет, что необычное здесь видите лично вы?

Младший забросил удочку и ждал, попадусь ли я на крючок. Ему явно хотелось услышать от меня что-нибудь про Донни Пелл. И Амбер тоже — первый раз за час или около того во взгляде девушки промелькнуло любопытство. Однако я разочаровал обоих, поскольку на Донни Пелл у Гаррета были свои виды.

— Что ж, две несуразности бросаются в глаза, как, образно выражаясь, гоблины из засады. Первая, которая, признаться, не слишком меня беспокоит, — то, что вас заперли в комнате с хлипкой дверью, предварительно не связав. Впрочем, тому можно найти сразу несколько причин. Гораздо важнее то, как вела себя Уилла Даунт. Она заплатила бандитам весьма приличную сумму, даже не удосужившись проверить, в хорошем ли состоянии товар, который ей предлагают. Вдобавок обычно покупатель настаивает на том, чтобы продавец доставил товар к месту заключения сделки. Иначе у продавца, что называется, полностью развязаны руки.

Карл пробормотал нечто вроде: «Я тоже об этом думал». Он начал скисать, заерзал в кресле; я решил, что пора на него надавить, и принялся выпрашивать мельчайшие подробности. Какое-то время спустя Амбер стала как-то странно на меня поглядывать, а Младший нахмурился, и я понял, что пришло время заканчивать.

— Прошу прощения, я увлекся и вообразил, будто и впрямь расследую преступление. Спасибо, Карл. Признаться, окажись я на вашем месте, у меня терпение давно бы лопнуло.

— Как, все? — Юноша взглянул на дно кружки.

— Да. Еще раз спасибо. Выпейте за Гаррета и помяните меня, если можно, добрым словом.

— Конечно. — Карл поднялся и вышел за дверь, бросив удивленный взгляд на сестру.

15

— Гаррет, с какой стати ты так его прижал? Что-нибудь нащупал?

— Да нет. Если только я чего-либо не упустил, с твоим братом можно было и не встречаться.

— Тогда почему ты потратил на него столько времени?

— Откуда я знал, что он мне расскажет? Понимаешь, в расследовании важной может оказаться любая мелочь. А расспрашивал я его так подробно потому, что хочу сравнить между собой версии Карла и Амиранды, которая будет у нас свидетелем со стороны домины.

— Я не смогла найти Амиранду.

— То есть?

— Не смогла, и все. Никто ее не видел, на стук в дверь она не отзывалась. В конце концов я пробралась к ней в комнату. Там не было ни Амиранды, ни большинства ее вещей.

Я постарался изобразить замешательство.

— Служанка у нее была? Да? И что она говорит?

— Да ничего. Твердит, что Амиранды нет, только и всего.

— Проклятье! Здесь мы, кажется, сели в лужу. — Я встал и потянулся.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую зайти с другого конца. А тебя назначаю своим осведомителем. Попытайся выяснить все, что связано с Уиллой Даунт. Как она заплатила выкуп, где и во сколько — это в первую очередь; кроме того, запоминай то, что покажется тебе необычным и любопытным. Постарайся также разыскать Амиранду и не привлекать к себе особого внимания. Незачем, чтобы посторонние совали носы в наши дела. На кону двести тысяч марок золотом, стоимость которых скоро возрастет еще сильнее. Мой домашний гений утверждает, что мы вот-вот получим новости о Слави Дуралейнике.

У Амбер заблестели глаза. Действия Слави Дуралейника в Кантарде неизменно приводили к тому, что венагеты утрачивали влияние, карентийцы его приобретали, ценность серебра падала, а золота, наоборот, возрастала.

— Ты хочешь сказать, что мы становимся богаче с каждой минутой?

— Да, но только в фантазиях. Ведь золото пока не найдено. Амбер придвинулась ко мне. На лице девушки было написано, что она не прочь пофантазировать наяву.

— А чем займешься ты?

— Всем остальным. Например, поговорю с Донни Пелл.

— Так я и думала. Гаррет, я гораздо симпатичнее и талантов у меня не меньше.

— Значит, с Донни я разговаривать не стану, а поужинаю, посоветуюсь с домашним гением и отправлюсь в путь, чтобы к утру оказаться на той ферме, о которой рассказывал Карл. У меня будет целый день, чтобы изучить окрестности.

Амбер придвинулась вплотную. Я, честно говоря, сопротивлялся не слишком решительно. Внезапно девушка сделала шаг назад.

— Что стряслось?

— Я просто вспомнила, что со дня на день должна вернуться моя мать. Если мы не найдем золота до ее возвращения и если я не убегу... — Амбер поежилась. — Не будем терять времени.

Бедняжка. Впрочем, сочувствовал я ей не то чтобы все-рвез. По-настоящему несчастен только тот, кому нечем прикрыть наготу; все остальные, по большому счету, сочувствия не заслуживают.

— Но когда мы найдем золото, — прибавила Амбер, в глазах которой вновь заплясали озорные огоньки, — берегись, Гаррет!

Как известно, дурачить окружающих, не обременяя свою совесть, можно до известных пределов; существует также и предел самообману.

— Меня радует твоя уверенность, но я бы выразился несколько иначе: «Если мы найдем золото».

— Когда, Гаррет, когда.

— Ладно. Когда мы его найдем — берегись, Амбер.

Мы обменялись идиотскими ухмылками.

— Очевидно, выход там же, где вход?

— Так будет надежнее всего. Смотри не попадись на глаза слугам. И не забудь про охранников!

Я подарил девушке поцелуй, который должен был служить чем-то вроде печати на деловом соглашении. Однако Амбер превратила его в обещание грядущих радостей. В конце концов я сумел вырваться из ее объятий и ретировался.

Я шагал по коридору, размышляя о маленькой ведьме. Свернул за угол — и чуть было не налетел на Карла-старшего и Уиллу Даунт.

Мне повезло, что они были заняты, причем весьма. Если даже и заметили мое появление, решили, должно быть, что это слуга. Я поспешно отступил, чтобы прикинуть обходной путь.

Амбер ошибалась. Уилла Даунт вовсе не из тех женщин, что способны заморозить воду в ванной.

Теперь я понял, чем она приворожила папочку Младшего. Хотя какая разница?..

Я свернул в сторону, но не сделал и десятка шагов, как понял, что пускаться в авантюры не стоило. Не пройдет и двух минут, как я окончательно заблужусь в лабиринте переходов. По счастью, рядом оказался занавешенный проем. Я поглядел в щелку между шторами и узнал холл.

Не оставалось ничего другого, как выскользнуть из укрытия и гордо направиться к парадной двери, делая вид, что проник сюда вполне официально.

Я благополучно выбрался из дворца и направился через двор к воротам. Неожиданно у ворот появился Коуртер. Он сказал что-то привратнику, потом заметил меня. Выкатил глаза, побагровел, запыхтел, словно лягушка-бык перед тем как запеть.

— Какого дьявола вы тут делаете?

— Приятель, я хотел спросить о том же самом у вас. Не кажется ли вам, что вы, как говорится, слегка не вышли физиономией? Вам бы овощами торговать на рынке...

Он замахнулся — не знаю уж, почему. Неужели мои слова настолько задели Коуртера? Я перехватил его руку в запястье и потащил толстяка за собой.

— Так-так... Между прочим, с теми, кому вы не годитесь и в подметки, следует обращаться гораздо вежливее.

Выйдя за ворота, я отпустил его руку. Коуртер попятился, бранясь себе под нос. Я огляделся по сторонам, высматривая четверых олухов, которых Амбер оставила ни с чем, распахнув передо мной дверь. Кажется, никого.

Жаль, конечно, что Коуртер попался мне навстречу. Остается надеяться, что серьезных последствий наша встреча иметь не будет. Амбер, которой движет жадность, от Уиллы Даунт наверняка отобьется, а вот что касается Младшего... У него нет причин скрывать, что он разговаривал со мной.

Пожалуй, стоит махнуть напрямиком к Летти Фаррен.

16

Я добрался до заведения Летти не так быстро, как рассчитывал. Впрочем, задержался я не более чем на минуту — по той простой причине, что, спускаясь с Холма, сообразил, что за мной следят. И не кто-нибудь, а тот самый Бруно из трактира.

Интересно, с какой стати он ко мне прицепился?

Пять минут спустя я установил, что он следит за мной в одиночку. Значит, ему не дает покоя уязвленное самолюбие. Ну-ну, поглядим.

Я свернул в подворотню и укрылся в темном углу. Бруно влетел следом, явно рассчитывая воспользоваться моей якобы неосторожностью. Влетел — и ничего не увидел в темноте.

— Не стоит проклинать богов, — заметил я, когда он начал ругаться. — Еще не все потеряно, Бруно. Я здесь.

Ему уже было не до разговоров. Нагнув голову, он ринулся на меня.

Я, признаться, тоже не собирался вести душещипательных бесед. Ударил его по руке тростью, затем ткнул локтем в живот и добавил пару зуботычин. Когда Бруно упал, я оттащил его в глубь подворотни, чтобы на него не наткнулись и не ограбили уличные сорванцы. Хотя вряд ли он, когда очухается, оценит мою заботу. Будем надеяться, по крайней мере, что этот тип не настолько туп, чтобы враждовать со мной до гробовой доски.

В заведении Летти царил тишина, как то всегда бывает в промежутке между деловой активностью утра и буйным вечерним разгулом. Громилу у двери я миновал без проблем, поскольку он меня не знал.

Летти, как обычно, сидела в своей комнатке, подбивая бабки. Выглядела она тоже как обычно — жирная бабища сомнительного происхождения, рядом с которой Покойник показался бы стройным, ловким и резвым, как олень.

— Гаррет! Сукин ты сын, как тебе удалось войти?

— Надел сапоги-скороходы и пришел. Ты, как всегда, неотразима, Летти.

— До чего же ты любишь выпендриваться... Какого дьявола тебе нужно? — Я притворился, будто оскорблен до глубины души. — Хватит корчить рожи! Говори или выметайся отсюда.

Я побренчал монетами, показал ей лицо покойного короля на золотой марке.

— По-моему, у вас тут не принято выгонять тех, кто платит.

В Танфере золото откроет перед вами любую дверь. Поглядев на монету, Летти спросила:

— Что тебе нужно?

— Не что, а кто. Донни Пелл.

— Дерьмо. — Летти прищурилась. — Не выйдет, красавчик.

— Я знаю, что ты меня на дух не выносишь и что нам с тобой вдвоем детей не растить, но с каких это пор личные симпатии и антипатии стали для тебя важнее денег?

— С тех пор как мне стукнуло тринадцать и я впервые в жизни влюбилась по-настоящему. Не говори ерунды. Просто я не могу продать тебе то, чем не торгую.

— Так ее здесь нет?

— Надо же, догадался. Слушай, раз ты так хорошо соображаешь, зачем тебе в твоём доме эта груда разложившейся плоти?

— Не могу же я выкинуть его на улицу, верно? Жалко старика. А куда подевалась моя маленькая Донни?

— Что, Гаррет, приспичило?

— Мне надо с ней потолковать. Не задерживай меня, Летти. В конце концов я могу узнать все, что мне нужно, от твоих присных, и гораздо дешевле.

— Вот она, человеческая натура... Слушай, объясни, почему я до сих пор не позвала Лео и не велела ему свернуть тебе башку, чтобы ты до конца своих дней ходил задом наперед?

— Из-за вот этого осколка солнца, что упал с небес, — ответил я, вертя монету в пальцах.

— Что ж, твоя взяла. Спрашивай.

— Мне нужно знать, когда, куда и почему уехала Донни Пелл. Заодно Расскажи мне о ней поподробнее.

— На нее свалилась куча денег. Она прибежала ко мне три или четыре дня назад и выкупила контракт. Сказала, что богатый

дядюшка оставил ей наследство. Чушь собачья! Наверняка охому-тала какого-нибудь полудурка с Холма. Внешность у нее вполне подходящая. Уверяла, что едет жить в дядюшкино поместье.

Так я и поверила! Да она помрет со скуки, если рядом не будет взвода мужиков.

Я приподнял бровь. Летти нравилась эта гримаса, потому, бывая в этом заведении, я пользовался ею при каждом удобном случае.

— Она чокнутая, Гаррет. Девяносто девять шлюх из ста ненавидят мужиков, а этой нравилась ее профессия. Пожалуй, если бы ей перестали платить, она ложилась бы в постель просто из удовольствия.

— Любопытно. Таких я еще не встречал. От клиентов, должно быть, отбою не было?

— Естественно. Была бы у меня сотня таких девок, пускай даже извращенки...

Я приподнял вторую бровь.

— Как тебе известно, в нашей профессии не принято воротить нос от клиента. Но всему есть пределы, Гаррет! Я не могу понять, почему красивая девушка с великолепным телом предпочитает развлекаться с гоблинами, с которыми избегают связываться даже их собственные женщины. Что касается меня, я впущу вампира или оборотня, но гoblin порог моего заведения не переступит!

Я позволил Летти выговориться, довольный тем, что она ко-стерит не меня, и выразился в том смысле, что, мол, рассказывают всякое — так сказать, подбросил в костер дровишек.

— Гаррет, кому ты пудришь мозги? Не забывай, ты говоришь со специалистом!

Наконец она выдохлась. Я положил монету на стол.

— Это за гоблинов. Вспомнишь еще что-нибудь — старый король, глядишь, снова тебе покажется.

— Так, Гаррет, — проговорила Летти, прищурившись. — Мне знаком твой взгляд. Взгляд паладина. Ты расследуешь убийство, и нанял тебя денежный мешок, верно? Смотри, доиграешься, оторвут тебе голову.

— Я ищу проститутку по имени Донни Пелл, которая может располагать необходимыми мне сведениями.

— Гаррет, я тебе все сказала. Если хочешь, могу поцеловать и пожелать удачи.

— Расскажи мне о прошлом Донни, об ее родственниках. Сколько она у тебя проработала? Откуда появилась?

— Родственников у нее не осталось, все поумирали во время чумы, четыре года тому назад. Вот почему я не поверила в богатого дядюшку. Проработала она у меня около трех лет. Порой выкидывала всякие штучки, которые в принципе спускать не следовало. Когда рассказывала о себе, врала напрапую. Все они одинаковые, но мне обычно удается выуживать из них правду.

— Еще бы, с твоими-то способностями.

— Ее родители владели фермой где-то в окрестностях Личфилда.

— Спорим, я доберусь туда, ни разу не сбившись с дороги? — пробормотал я.

— Что?

— Ничего, ничего. Так, мысли вслух. Что еще ты мне можешь рассказать?

— Хватит с тебя, Гаррет. — Летти потянулась за монетой.

— А как насчет обоих Карлов? Мужа и сына Рейвер Стикс?

— Что, убили кого-то из них? — Летти явно опешила.

— Пока еще нет. — Я показал ей другую монету, чтобы она пришла в себя.

— Паренек был одним из постоянных клиентов Донни. Она говорила, что его жалко. Наверно, он ей даже нравился. Обращался как с благородной и не стеснялся показаться с ней на

людях. Папаша тоже заглядывал, но всегда по делу. Знаешь, Гаррет, давай сменим тему. Я не хочу говорить об этой даме.

— Ее же нет в городе.

— Но она вернется. Ты узнал, что хотел, а теперь выметайся. Давай-давай, пока я не кликнула Лео.

Я положил вторую марку рядом с первой.

— Стоит ли его будить?

— Убирайся, Гаррет. И больше тут не показывайся, иначе тебя так отделают — сам себя не узнаешь. Понял?

Как она меня любит, старушка Летти!

17

По дороге я заглянул к Плеймету, владельцу кузни и конюшен, и договорился, что через пару часов к моему дому подкатит повозка, в которой будут в одном экземпляре все имеющиеся у него инструменты. Он пристально поглядел на меня, но спрашивать ничего не стал. Видимо, понял, что я могу поведать нечто такое, что ему совершенно незачем знать.

Старина Дин, очевидно, решил подмазаться ко мне. Он по-прежнему хранил молчание, но приготовил ужин, вкуснее которого я не ел уже несколько месяцев. Что ж, он добился своего. Я наелся до отвала и, шагая по коридору к комнате Покойника, едва переставлял ноги.

Кстати говоря, очередного такого ужина придется ждать еще несколько месяцев.

— Гаррет! Прогони этого типа! Он не смеет оставаться в моем доме!

— Ба, да ты, никак, пришел в себя. О каком типе речь и за что его выгонять?

— Я имею в виду Дина. Этот наглец привел в дом не одну, не двух, а сразу троих женщин! Избавься от него, Гаррет. Избавься немедленно.

Так-так. А я-то подумал, что ужин предназначался мне. Дин просто-напросто продемонстрировал, чего я лишился... Что ж, придется нам с ним потолковать как мужчина с женщиной, и чем скорее, тем лучше.

Я опустил в кресло, глотнул пива и начал рассказывать. Покойник усиленно притворялся, будто не замечает меня, однако впитывал буквально каждое слово. Ведь ему требовалось чем-то скрасить ожидание: пока еще Слави Дуралейник подтвердит гипотезу моего домашнего гения! Я говорил два часа без остановки, стараясь не упустить ни единой подробности, а старина Дин исправно наполнял мою кружку. Он тоже внимательно слушал, а по тому, как часто старик появлялся в комнате, можно было определить, насколько на самом деле зол на него Покойник.

Наконец я закончил.

— Чего-то не хватает, Гаррет.

— Может, я отвлекся и что-то опустил?

— Нет, ты не отвлекался.

— Тогда я, кажется, знаю, в чем дело. Целых три раза я приходил к убеждению, что Младший просто инсценировал похищение. Но обязательно возникали гоблины, которые прекрасно подходят на роли злодеев. И потом, если паренек и впрямь все придумал, зачем он вернулся домой? Ведь им с сестрой не терпится удрать из дворца. Как только все получилось, ему следовало забрать золото, помахать на прощание мамочке и уносить ноги.

— За него заплатили выкуп?

— Да. Уилла Даунт наскребла двести тысяч марок и отдала их неизвестно кому. На следующий день Младший вернулся домой. Я поручил Амбер выяснить, что там на самом деле к чему. В принципе все эти хитросплетения не стоят ответа на один-единственный вопрос — за что убили Амиранду? Взаправдашнее то

было похищение или инсценированное, участвовала она в нем или нет, за что ее убили?

— Я уверен, что ты найдешь ответ. Кстати, ты снова позволил чувствам одержать верх над разумом.

Я понял, что он вот-вот усядется на одного из своих любимых коньков, который оседлан и ожидает всадника. К счастью, раздался стук в дверь. Дин пошел узнавать, кто там, я тоже поднялся.

— Прибыл мой экипаж. Поразмысли на досуге, ладно? Может, обнаружишь то, что я пропустил.

Я не сомневался, что Покойник уже заметил, где именно я дал маху, но не ощущает необходимости делиться с кем-либо своими соображениями. В конце концов денег за работу нам никто платить не собирается, лично Покойника этот случай не касается, а потому он явно не намерен давать советы.

Я прошел в оружейную. В отличие от Плоскомордого я никогда не рассчитывал только на грубую силу. Отобрал оружие, спрятал его под сиденье и совсем собрался было ехать, когда из дома с корзиной в руках выбежал Дин.

— Мистер Гаррет, подождите!

— Что там у тебя?

— Продукты.

— Остатки пиршества?

— Они тоже. Неужели вы собирались голодать сутки напролет?

Гм... Я человек городской, следовательно, о хлебе насущном заботиться не привык.

— Сказать по правде, я предполагал заехать к Морли Дотсу и разжиться у него кореньями с травкой, но чтобы не оскорблять тебя в лучших чувствах — так и быть, возьму твою корзину, и пусть мне будет хуже.

Дин довольно усмехнулся. Что ж, пока не проглочу последний кусок, я буду вспоминать, что мне необходим тот, кто будет меня

кормить и за мной присматривать. Жратва наверняка приготовлена очередной племянницей.

Короче, Дин окончательно свихнулся. Ведь прислуживает мне достаточно давно, мог бы и сообразить, что я не из тех, за кого стремятся выдать замуж своих родственников. Впрочем, что возьмешь с чокнутого?

Официально королевство Карента вело войну. Поэтому вполне можно было ожидать, что у ворот одного из главных городов государства выставлены караулы — на случай, если какой-нибудь предприимчивый венагет замыслит диверсию. Однако война началась, когда мое поколение еще ходило пешком под стол, и редко вырывалась за пределы Кантарда и окрестных морей. В общем, тем стражникам, которые не дрыхали на посту, было не до меня — они отчаянно сражались в карты. А наши правители с Холма желают, чтобы простой народ ненавидел венагетов и бился с ними не щадя живота.

Рейвер Стикс и ее присных ненавидеть гораздо проще. Они из тех, кто внакладе не останется, чем бы война ни закончилась.

Я выбрал дорогу, которой ехали Плоскомордый с Амирандой. Светила полная луна, лошади ничуть не возражали против ночной прогулки — даже с таким возницей, как я. С лошадьми у меня полное взаимонепонимание с самого детства.

Дорога была пустынной, навстречу попался только ночной дилижанс из Дерри, который часа на полтора опережал расписание. Кроме двух или трех пассажиров, что дремали внутри, дилижанс вез почту. Кучер и охранник приветствовали меня дружескими возгласами. Да, ребята явно нервничали.

Наверно, мне следовало бы не выпускать из руки кинжал с серебряным лезвием. Все-таки полнолуние, сами понимаете... Впрочем, оборотни не нападали на людей в окрестностях Танфера с тех самых пор, как меня забрали в армию.

Однажды мне пришлось расследовать убийство, обставленное как нападение оборотня. Постарался наследничек — уж очень ему не терпелось выяснить, включили его в завещание или нет.

До перекрестка я добрался приблизительно в то же время, что и Плоскомордый. Огляделся по сторонам, ничего подозрительного не заметил, а потому пустил лошадей пастись и лег на сиденье.

Проспал я до самого утра. Думал, что меня разбудят первые лучи солнца, но эта честь выпала пареньку лет десяти.

— С вами все в порядке, мистер? — поинтересовался он, тряхнув меня за плечо.

Я пересчитал пальцы на руках и ногах, проверил наличие кошелька и убедился, что меня не убили, не изувечили и не ограбили.

— В полном, сынок. Если не считать того, что впадаю потихоньку в старческое слабоумие.

Мальчуган хмыкнул и засыпал меня вопросами. Я постарался достойно ответить, после чего сам задал два или три. Выяснилось, что он идет помогать кому-то по хозяйству, но отнюдь не против, чтобы я угостил его завтраком. Кстати, вот характерный пример того, насколько сегодня спокойно в окрестностях Танфера, что бы там ни утверждали городские кумушки. Да ни один городской мальчишка не решится провести с незнакомцем хотя бы пять минут. Настоящие чудовища обитают не в сельской местности, а в городе, в винных погребах и гостиных.

Ничего сколько-нибудь полезного мне узнать не удалось.

Я всегда полагал, что порядочного человека вводить в искушение не стоит, а потому поехал от перекрестка в направлении, противоположном тому, которое меня интересовало. В лесу остановился, привязал лошадей к дереву, после чего возвратился на перекресток, убедился, что повозки оттуда не видно, и принялся обследовать кусты.

Найти место, куда нападавшие побросали трупы, не составило труда. Сломанные ветки, следы крови на земле... Самих трупов,

разумеется, не было и в помине. Что касается пятен, успевших покрыться плесенью, они говорили только об одном — что крови здесь пролилось изрядно.

В глубь леса уводило несколько следов, которые бросались в глаза с первого взгляда. Мне вполне хватило навыков, полученных в армии, чтобы разобраться, какой куда ведет. Первый след разделился приблизительно через треть мили — на восток побежала неплохо утоптанная тропинка. Судя по всему, Плоскомордого преследовали четверо либо пятеро гоблинов, которые затем почему-то отказались от погони. Второй след тоже уводил к востоку, но сразу от кустов.

Идти по следам Тарпа смысла не имело, поэтому я двинулся на восток.

Ярдов через пятьсот остановился, уселся на поваленный ствол и велел себе собраться с мыслями. Что ожидало меня впереди, можно было предположить по гудению мух и тьяканью диких собак, что ссорились со стервятниками. Еще несколько шагов, и я почувствую запах. Стоит ли идти дальше?

С одной стороны, какие могут быть сомнения? Надо же установить, что там — то, что я предполагаю, или наполовину сгнившая лосиная туша. Но если я прав, зрелище, которое предстанет моим глазам, не прояснит картины преступления. Впрочем, таков удел сыщика — хвататься за каждую ниточку, даже если шансы на успех — один к десяти.

Тем не менее трупы, пролежавшие в лесу не один день, выглядят не слишком привлекательно. Поэтому я некоторое время внимательно изучал паутину с самоцветами росы, прежде чем направиться навстречу неминуемому извержению желудка.

Пять лет армейской службы приучили меня к смерти, да и потом я не раз встречал ее в разных обличьях, но кое к чему привыкнуть так и не сумел. Совесть не позволяла.

Смерть правила бал на лужайке у подножия холма. Ярдов двадцать в ширину, пятьдесят в длину, тут и там из земли торчат

замшелые гранитные валуны. Я подобрал пригоршню мелких камней и принялся швырять ими в диких собак. Те зарычали, но отступили. Знают, что с людьми лучше не связываться, испытали на собственной шкуре — скольких из них прикончили многочисленные охотники, прежде всего мальчишки с ферм.

Стервятники попытались взять меня на испуг, а когда я не поддался, взмыли в воздух и начали выписывать круги над лужайкой, словно говоря: «Тебя это тоже ожидает». Кстати, в Танфере есть секта, которая поклоняется стервятнику как богу времени.

Может быть, именно поэтому я и ненавижу проклятых тварей. Или же потому, что они напоминают мне об армейской службе. Целые полчища стервятников кружили над полями, на которых умирали за свою страну молодые карантийцы.

Вот он я, громадный самец, повелитель царства мертвых. Вместо того чтобы стукнуть кулаком по волосатой груди и, может быть, жадно втянуть насыщенный миазмами воздух, я встал с подветренной стороны и принялся изучать скопище плоти, которое ничуть не напоминало лосиную тушу.

Я насчитал по крайней мере семь тел. Помнится, Плоскомордый утверждал, что прикончил четверых или пятерых. Все без исключения тела принадлежали гоблинам. Сверху трупы были слегка присыпаны землей, палой листвой и камнями. Похоронная команда явно не утруждала себя работой; впрочем, люди относятся к сородичам иначе, нежели гоблины. Для последних мертвый собрат — бремя, от которого следует как можно скорее избавиться. И никаких сантиментов.

К тому же те, кто прятал тела, наверняка торопились.

Ладно, хоть и противно, а надо. Я потыкал кучу палкой, надеясь отыскать что-нибудь интересное, но вскоре выяснил, что живые, конечно, спешили, однако не настолько, чтобы не огрбить мертвых. Забрали все, даже башмаки.

Что-то непохоже на бандитов, которые разжились изрядной суммой. Правда, гоблинов не разберешь. Этих, вполне возможно,

заставили в детстве вызубрить старинную поговорку: «Что упало, то пропало».

Я трижды обошел лужайку, разыскивая следы похоронной команды. Почва местами была сырой, и в таких местах следы отпечатались особенно четко. Я высматривал что-нибудь этакое, вроде отпечатка костыля или вроде того. А вдруг мародеры побывали на лужайке совсем недавно и прячутся сейчас в лесу, наблюдая за моими действиями? Эта мысль заставила меня вздрогнуть.

Я не обнаружил ничего такого, на что рассчитывал, но не потому, что искать было нечего. Обстоятельства сложились так, что я решил продолжить поиски в другом месте.

У меня за спиной зашелестела листва. Я решил, что это вернулись самые смелые из диких собак, и, оборачиваясь, замахнулся палкой.

— Проклятие! — вырвалось у меня.

На краю лужайки стоял мамонт ростом добрых два с половиной метра в холке. Я не стал выяснять, как ему удалось подобраться настолько близко почти без шума. Когда он наклонил голову и забавно фыркнул, я рванул в лес так, что только пятки засверкали. Эта скотина затрубила мне вслед. Еще смеется, гад!

Отбежав на порядочное расстояние, я выглянул из-за ствола могучего дуба. Мамонт здесь, в окрестностях Танфера! Да тут не было ни одного лет пятьсот. Ближайшие стада паслись милях в четырехстах к северу, поблизости от мест, где обитали громовые ящеры.

Мамонт затрубил снова, проглотил пару охапок травы, продолжая косить на меня глазом. Убедившись наконец, что я — вовсе не бесстрашный охотник на мамонтов, он отогнал стервятников, изучил трупы, с отвращением фыркнул и скрылся в лесу столь же тихо, как и появился.

А я-то радовался прошлой ночью, что за городом уже не встретишь оборотня!

В общем, везет не только утопленникам.

Что ж, хватит искушать судьбу, пора возвращаться туда, где стоит повозка, а то еще лошади учуют мамонта и решат, что лично им в городе спокойнее. Гаррет, конечно, парень неплохой, но здоровье, сами понимаете, дороже.

18

Моя повозка стояла на перекрестке, мимо катились запряженные осликами тележки и фланировали фермерские семьи, а я размышлял, куда мне податься — то ли к дому, в котором держали под замком Младшего, то ли к знакомой ведьме Тарпа.

Откровенно говоря, решение уже было принято, я просто пытался сообразить, зачем еду на ферму — ради дела или чтобы еще хоть немного отодвинуть неминуемое. Причем меня не смущало, что оба места находятся в одном направлении и что ферма ближе, чем дом ведьмы.

Но прошлого не изменишь, отлив не остановишь, а свою натуру, размышляя над скрытыми мотивами, не переделаешь. Правда, каждый из нас постоянно себя чем-то удивляет, и никто не ведает, почему.

— К дьяволу! Поехали!

Одна из лошадей оглянулась. Мне не понравился ее взгляд. Похоже, лошадки собирались поразвлечься.

Ну почему они всегда так со мной поступают? Признаюсь как на духу — я категорически отказываюсь понимать женщин и лошадей.

— Даже не думай, — предупредил я. — Не то пойдешь на мыло. Трогай.

Лошади подчинились. Все-таки им, в отличие от женщин, можно объяснить, кто в доме хозяин.

Эти малоприятные размышления вновь воспламенили во мне желание поквитаться с теми, кто, если использовать мое собственное выражение, отправил на мыло Амиранду.

Поворот на ферму я сумел отыскать с третьей попытки. Земля была вытоптана настолько, что никакие следы на ней не отпечатывались; вдобавок поворот скрывали кусты. Мне пришлось спешиться, только тогда я обнаружил знак — два молоденьких тутовых деревца. За ними начинался проселок.

С полмили дорога шла густым лесом, в котором было сыро, темно и тихо. Вокруг вовсю резвились слепни и лосиные мухи, к лицу то и дело прилипала паутина. Я потел, рутался, размахивал руками, отгоняя надоедливых насекомых. И кому только взбрело в голову жить в сельской местности?

Проселок вывел меня на ежевичную поляну. Ягоды были крупными и сладкими, и я решил перекусить. Какое-то время спустя мне начало казаться, что за городом не так уж и плохо — пока на меня не набросились комары.

Судя по следам, этой дорогой совсем недавно проехала по крайней мере одна груженная повозка.

Вскоре у меня возникло ощущение, что, сколько бы я ни старался, мне не найти на ферме ничего такого, что могло бы подтвердить мои подозрения и опровергнуть изложенную Младшим версию похищения.

На лесной опушке я спугнул лань с олененком. У меня на глазах они пересекли широкое, когда-то возделывавшееся поле, ныне густо поросшее травой, цветами и молодыми соснами. Трава вымахала мне по пояс, попадались сорняки и повыше. Дорога вела напрямик через поле. Домашних животных видно не было, собаки не лаяли, дымок над крышей дома не вился — словом, никаких признаков того, что на ферме кто-то живет.

Тем не менее я выжидал, давая лесному зверю время привыкнуть к незваному гостю.

Вдалеке лиловели холмы Боуга, на склонах которых располагались лучшие карентийские виноградники. Вполне может быть, что прежние владельцы фермы не подозревали о магии, покров которой окутывает холмы, а когда узнали, поспешили съехать.

Неожиданно мои мысли перескочили на Донни Пелл. Девушка, которая родилась в довольно зажиточной семье и несколько лет работала по контракту на Летти Фаррен. Которой вроде бы принадлежала земля, достаточно плодородная, чтобы возбудить аппетиты танферских лордов. Вряд ли это связано с преступлением, которое я расследую, но все же интересно было бы узнать, что заставило ее переселиться в город.

Минут десять я изображал, будто кого-то поджидаю, затем мне это надоело. Я привязал лошадей к дереву, пригнулся и двинулся через поле.

Дом оказался пуст. Я вернулся на опушку, пустил лошадей пастись, а сам отправился проверять слова Младшего.

Как выяснилось, описание Карла полностью соответствовало истине. Он не упомянул только об одном — что вода в колодце вкусная, а ведро висит на новой веревке. Я напоил лошадей, за что они не преминули наградить меня зрелищем под названием «не залить ли нам костер».

В том, что в доме провела несколько дней шайка гоблинов — или других, столь же неприятных личностей, — сомневаться не приходилось. Питались они, судя по разбросанным всюду перьям, лапам и головам, исключительно цыплятами. Интересно, как им удалось натаскать с окрестных ферм столько живности и не возбудить против себя всю округу?

Я прошелся по дому, уделив особое внимание комнате, в которой держали Карла. Колясочный стул, столик со сломанной ножкой, треснутый кувшин, грязные одеяла на полу, переполненный ночной горшок, который никто так и не удосужился вылить... Последняя деталь означала, что либо я совершенно зря подозреваю Младшего в неискренности, либо недооценил его артистичес-

кий талант. Если он и состряпал фальшивку, то позаботился буквально обо всем на случай тщательного расследования; однако домой паренек возвратился невредимым и счастливым, из чего следовало...

Понятия не имею, что из этого следовало. Может быть, что меня весьма ловко обвели вокруг пальца.

За что, ну за что убили Амиранду?

Может статься, ответить на этот вопрос — значит узнать все остальное.

Вспомнив о том, что меня наняла Амбер, я снова обыскал дом, надеясь найти хоть что-нибудь — следы гоблина с деревянной культей вместо ноги или двести тысяч золотых марок в колоде. Ну да, разделся, нырнул в колодец и барахтался в ледяной воде до тех пор, пока не убедился, что золота на дне нет и в помине. Мне казалось, мои проклятья способны нагреть воду до кипения, но этого не произошло. Наверно, я ругался не теми словами.

В результате поисков, продолжавшихся не меньше четырех часов, я обнаружил одну-единственную серебряную монету — в комнате Младшего, в пыльном углу. Достойная награда за то, что я рисковал собственным здоровьем. Монета выглядела новой, однако не имела даты. Вероятно, ее отчеканили в каком-нибудь храме, в который придется как-нибудь заглянуть, чтобы навести справки.

Впрочем, она навела меня на интересную мысль, а заодно и заставила пожалеть, что я не задал Младшему кое-каких вопросов. Ладно, возобновим разговор, когда я вернусь в город. Правда, в тот раз я, что называется, поджаривал его на медленном огне, а теперь...

Солнце клонилось к западу. Было бы, конечно, здорово, если бы оно ударилось о какой-нибудь холм и отскочило обратно в небо, но на это рассчитывать не приходится. Мне предстоит нанести визит, а поскольку перспектива ночевать в лесу, в котором

водятся оборотни и якобы добродушные мамонты, меня не прельщает, пора двигаться.

Лошади держались вполне миролюбиво. Даже не пытались вырваться, когда я запрягал их в повозку.

19

Рассказывая о том, как добраться до домика ведьмы, Плоскомордый и не подумал предупредить, что дороги там нет и в помине. Ни дороги, ни тропы. Кругом ведьминский лес, настоящий бурелом, и каждый, кто сумел сквозь него продрасться, заслуживал того, за чем пришел.

Я шел, ведя лошадей в поводу. Перемирие между нами сохранялось лишь потому, что животные прекрасно понимали — без меня им из этой чащобы не выбраться. Я догадывался, что стоит нам очутиться на дороге, как о перемирии будет немедленно забыто.

Последние несколько сот ярдов оказались самыми легкими. Густой подлесок попросту исчез; впечатление было такое, словно кто-то каждый день маникюрит лес. Вокруг возвышались могучие старые деревья, кроны которых заслоняли небо, а впереди наконец-то показался домик. Распахнулась дверь, и наружу хлынул поток света.

В дверном проеме стояла румяная пожилая женщина, невысокая и пухленькая, как яблочный пирог. Ее наряд в точности соответствовал тому, какой надевают старухи-крестьянки в день крестин, вплоть до расшитого фартука. Она пристально поглядела на меня. Догадаться по выражению лица женщины, что она увидела и о чем думает, было невозможно.

— Вы Гаррет?

Я, честно говоря, изумился, но отпираться не стал.

— Больно долго вы добирались. Заходите в дом. У нас найдется вода для чая и пара пшеничных лепешек, если, конечно, Шаггот их не слопал. Шаггот! Иди сюда, лентяй этакий! Возьми у гостя лошадей.

Я хотел было спросить, откуда она узнала о моем приближении, но успел только открыть рот, потому что в этот момент на крыльце появился Шаггот. Дверной косяк располагался на высоте добрых семи футов, однако Шагготу пришлось сложиться едва ли не пополам, чтобы пройти. Он смерил меня взглядом вроде того, каким я мог бы одарить дохлую крысу, фыркнул и принялся распрягать лошадей.

— Заходите, — пригласила ведьма.

Не сводя глаз с Шаггота, я проскользнул в дверь и пискнул:

— Троль?

— Совершенно верно.

— У него клыки как у саблезуброго тигра. То есть зублесаб-рого тугра. Ну, этой рычащей твари с острыми зубами.

— Шаггот — настоящий троль, — сказала ведьма. — Он живет у меня уже много лет.

Она провела меня в кухню и налила в глиняную кружку чаю (лично я, естественно, предпочел бы пиво).

— Его сородичи покинули эти края из-за того, что им не стало проходу от надоедливых людишек, а верный Шаггот остался, хотя здравый смысл наверняка подсказывал ему уйти с остальными.

Я хотел было заметить, что она сама вообще-то принадлежит к людям, но передумал.

— Откровенно говоря, тролли не слишком умны. Пойдемте дальше. Кстати, обратите внимание, Шаггот нечувствителен к солнечному свету.

Может быть, может быть. Это не главное, главное — зубы.

— Откуда вы узнали, как меня зовут? — Вопросик как раз для ведьмы. — И что я... Кха!

В кресле у очага сидела Амиранда. Руки сложены на коленях, смотрит куда-то мне за спину... Нет, не Амиранда. Плоть, тело, лишенное того, что его оживляло. Не человек, а вещь.

Если думать так, боль пройдет скорее.

— Прошу прощения? — Я повернулся к ведьме, которая что-то сказала.

— Меня предупредил Уолдо. Но я ждала вас раньше.

— Кто такой Уолдо? Еще один зверь вроде Шаггота? Он что, видит будущее?

— Уолдо Тарп. Он говорил, что вы друзья.

— Уолдо? — Я чуть не подавился собственным наполовину истерическим смешком. Ведьма нахмурилась. — Не знал, что у него есть имя. При мне его называли исключительно Плоскомордым.

— Его зовут Уолдо, но имя ему не нравится, — сказала ведьма. — Присаживайтесь и давайте поговорим.

— Выходит, Плоскомордый морочил нам головы, — пробормотал я. — Выходит, он вовсе не такой болван, каким пытается выглядеть. — Мой взгляд блуждал по комнате, неизменно возвращаясь к Амиранде. Казалось, девушка спит. Вот-вот она проснется, поведет плечиком и насмешливо посмотрит на меня...

Ведьма опустила в кресло напротив.

— Уолдо сказал, что вы захотите задать несколько вопросов. Втянул меня в неприятности... — Она проследила за моим взглядом. — Пришлось навести чары, чтобы замедлить разложение до тех пор, пока ее не похоронят как полагается.

— Спасибо.

— Какие же у вас вопросы? Что вы хотите узнать?

— Все. Прежде всего, почему убили Амиранду и кто приказал ее убить.

— Я не всемогуща, Гаррет, и на такие вопросы ответить не могу. Впрочем, могу предположить, почему. Хотя, вполне воз-

можно, мое предположение не соответствует истине. Дело в том, что она была на третьем месяце беременности.

— Что? Это невозможно!

— Если бы ребенок родился, это был бы мальчик.

— Но ведь она провела последние полгода как в тюрьме...

— Неужели там не было ни одного мужчины? Вы настаиваете на непорочном зачатии?

Я хотел было возразить, но вместо возражения у меня с языка сорвался вопрос:

— А кто отец?

— Гаррет, я не некромант. Имя отца, если девушка его и знала, ушло в могилу вместе с ней.

— Наверняка знала. Она была не из тех, кто не обращает внимания на подобные мелочи. — Я почувствовал, что начинаю злиться.

— Вы были с ней знакомы? Уолдо рассказал мне только, что ее звали Амирандой и что она пришла к нему по вашему совету.

— Да, мы были знакомы. Не слишком близко, но все же...

— Тогда расскажите мне о ней.

Я начал рассказывать. Боль немного отпустила. Мои слова будто на какое-то время оживили Амиранду.

— Что скажете? — поинтересовался я, поведав все, что мог.

— Что вам придется нелегко. Когда в преступлении замешаны аристократы... Уолдо говорил, что девушку убили гоблины?

— Да.

— Мерзкое отродье! Уолдо проучил их, но недостаточно. Я отправила вдогонку Шаггота, однако он нашел только трупы, причем обобранные дочиста.

— Я их видел. Кстати, передайте Шагготу, чтобы ходил поосторожнее. По лесу бродит зверюга куда крупнее, чем он.

— Вы шутите?

— Да как сказать... Пока я рассматривал трупы, ко мне подкрался мамонт.

— Мамонт в нашем лесу? Вот уж чудо так чудо. — Ведьма встала и подошла к шкафу. — Я размышляю над тем, что можно сделать, с тех пор как ушел Уолдо. Мне кажется — а теперь, узнав поподробнее о девушке, я почти уверена, — что вам необходимы кое-какие заклинания, чтобы заставить злодеев врасплох.

— Благодарю. — Я вновь поглядел на Амиранду. — Но почему вы мне помогаете?

— Из-за Уолдо. Из-за девушки. Быть может, паренек, из-за тебя самого. А также из-за себя и из чувства справедливости. За такую жестокость нужно отплатить той же монетой. Тот, кто ее убил, должен... Ой, чай совсем остыл. Сейчас заварю по новой.

Вторую кружку я получил вместе с поджаристыми лепешками — вероятно, теми самыми, о которых старуха упомянула на крыльце. Я осторожно откусил маленький кусочек. Что ж, гостю пристало быть вежливым, особенно если хозяйка — ведьма.

Шаггот просунул в дверь голову и прорычал что-то, весьма похожее на: «Куда подевались мои лепешки?» Ведьма ответила ему на том же языке. Тролль, прищурясь, поглядел на меня.

— Не обращайтесь внимания, — сказала старуха. — Он просто забавляется.

Замечательно. Я вдруг ощутил себя мангустом, который дразнит кобру.

Ведьма принялась объяснять, как пользоваться теми заклинаниями, которые она мне приготовила. Выслушав, я поблагодарил и поднялся.

— Если Шаггот сумеет помочь с лошадьми и не переломать при этом костей ни им, ни мне, я, пожалуй, поеду.

Похоже, мое замечание слегка задело ведьму, однако она улыбнулась.

— Мистер Гаррет, вы, судя по всему, наслушались всяких рассказней. В моем доме вам будет куда безопаснее, чем в лесу. Шаггот — агнец по сравнению с теми, кто еще остался в наших

краях. К тому же сейчас полнолуние. Вы помните, что бывает в полнолуние?

У тех, кто хочет выжить, интуиция со временем обостряется, и они знают наверняка, когда стоит спорить, а когда лучше согласиться. Толковые ребята ни за что не станут препираться с владычицами бурь, колдунами, магами или ведьмами. С другой стороны, ночь в компании с этим сабрезублым...

— Ладно. И где вы меня положите?

— Здесь. У огня. Ночью в лесу холодно.

Я посмотрел на Амиранду.

— Не беспокойтесь, мистер Гаррет, она к вам приставать не будет. Это, к сожалению, уже не для нее.

Мне случалось спать в одном помещении с мертвецами, особенно в армии, но восторга я никогда не испытывал; кроме того, делить постель с мертвой возлюбленной Гаррету еще не доводилось, а перспектива отнюдь не прельщала...

— Шаггот разбудит вас на рассвете и поможет перенести тело в повозку.

Я взглянул на Амиранду и вспомнил, что мне предстоит долгая и трудная дорога обратно. А когда вернусь домой, надо будет сообразить, что делать с трупом.

— Спокойной ночи, мистер Гаррет. — Ведьма притушила свет, унесла на кухню чайник с кружками и принялась греметь посудой. Я решил, что хватит корчить из себя истеричную девицу, расстелил на полу одеяло и кинул на него подушку. Чем, в самом деле, не постель?

Затем подбросил в очаг пару поленьев и лег. Ведьма кончила греметь, погасила на кухне свет и ушла к себе, а я все лежал и глядел в потолок. На Амиранду, которую я видел краем глаза, падали блики пламени; казалось, будто она время от времени шевелится. Я обдумывал все, что мне известно, и старался вспомнить, что заставило меня усомниться в искренности Младшего. Во-первых, серебряная монета на ферме. А во-вторых...

Порой сыщику помогает не столько интуиция, сколько хорошая память.

Ну конечно! Ботинки, которые показала мне Уилла Даунт, когда я впервые побывал во дворце.

Эти ботинки явно заслуживали того, чтобы им уделяли самое пристальное внимание.

А пока нужно отдохнуть. Завтра предстоит очередной долгий день.

20

Завтрак с Шагготом произвел на меня неизгладимое впечатление. Вот это едок! Трое таких, как он, способны объесть целую страну. Неудивительно, что троллей так мало. Если бы их было столько же, сколько на свете людей, им пришлось бы грызть камни, потому что любой другой еды ни за что бы не хватило.

После завтрака Шаггот подтащил к двери повозку и запряг в нее лошадей, причем проделал все настолько легко и быстро, что я обзавидовался. Животные вели себя смирно и не пытались продемонстрировать свой норов, поскольку прекрасно понимали, что позже у них появится возможность отыграться на мне.

Пропади пропадом все лошадиное племя!

Ведьма собрала мне в дорогу корзинку с едой. Я поблагодарил ее за гостеприимство и за все остальное. Она вновь принялась объяснять, как пользоваться заклинаниями. Вообще-то эти объяснения напоминали инструкцию по швырянию камня вдале. Однако всякий специалист своего дела уверен, что без его консультации никто ни с чем не справится.

Я попытался заплатить за ночлег и за помощь.

— Перестаньте, мистер Гаррет. Я хочу, чтобы в нашем несправедливом мире хоть раз восторжествовала справедливость. Где-

то там бродит существо с крокодильей душой, приказавшее убить беременную женщину. Найдите его, найдите и прикончите. Если вам покажется, что в одиночку с ним не совладать, приходите ко мне.

Убийство Амиранды привело старуху в ярость, а ведь она даже не была знакома с девушкой. Страшно получается. Мертвая Амиранда приобрела множество союзников. Нет чтобы они объявились чуть раньше, когда она сильнее всего нуждалась в помощи... Впрочем, Плоскомордый один стоит нескольких бойцов.

— Хорошо. — Я решил уступить и спрятал деньги. — Постараюсь сообщить, как продвигается расследование. Еще раз спасибо за все. — Переглянулся с лошадьми, состроил зверскую гримасу, чтобы они не вздумали вольничать.

— Будьте осторожны, мистер Гаррет. Ваши противники ни перед чем не остановятся.

— Знаю. Я тоже из таких.

— Возможно, им известно, кто вы и чего добиваетесь. А вы о них ровным счетом ничего не знаете.

— Зато я человек опытный. — Я уселся, посмотрел на тело Амиранды, что лежало в повозке, завернутое в одеяло, и прикрикнул на лошадей. Мы тронулись. Добрый старый Шаггот показывал лошадям путь через лес. Выяснилось, кстати, что к домику ведет вполне приличный проселок, который я накануне, естественно, проглядел. Животные то и дело оглядывались на меня, словно говоря: «Ну нельзя же быть таким болваном».

Я начал с фермы, ближайшей к тому дому, в котором держали Младшего. Разумеется, в тот день, когда, по словам Карла, он вернулся домой, никто не видел, чтобы мимо проходил юноша такой-то наружности. И ни один человек, равно как и представитель любого другого племени, не пытался одолжить или купить повозку или верховое животное.

Приблизительно это я и рассчитывал услышать. Выходит, Младший все же допустил промашку. Впрочем, надо удостовериться, пока подозрения остаются всего лишь подозрениями.

Я будто искал иголку в стоге сена. Моя повозка катилась от фермы к ферме, всюду я задавал те же самые вопросы; мне отвечали когда охотно, когда не слишком, но суть ответов была неизменной — никто не просил одолжить и не предлагал купить у фермеров то или иное средство передвижения. Наступило и миновало время обеда, и я понял, что пора пораскинуть мозгами.

Быть может, Младший и впрямь добрался до города пешком. Или остановил на дороге какой-нибудь дилижанс. Либо гоблины снабдили его неким транспортом.

Да нет, вряд ли. Все эти способы не для него. Во-первых, из-за характера, а во-вторых — по той простой причине, что, скажем, кучеры обычно запоминают тех, кого подсаживают по дороге. И если Карл стремился замести следы...

Лично я попробовал бы в подобной ситуации пристроиться к какому-нибудь фермеру, который ехал бы в город. Но сомнительно, чтобы избалованный отпрыск аристократического рода стал вызывать к состраданию ближних. Кстати, если его все же подвезли, шансы отыскать тех, кто ему помог, практически равны нулю.

Ладно, будем уповать на то, что если бы его и впрямь подвезли, он бы об этом упомянул.

Во мне крепло убеждение, что похищение Младшего было инсценировано. Пришлось даже одернуть себя — ведь, заиклившись на чем-то одном, я мог упустить из виду какую-нибудь важную подробность.

Зрелище, открывшееся взору, словно перебросило меня в прошлое. Я будто вновь очутился в армии. Фермер, его сыновья и помощники двигались через поле, вытянувшись цепочкой и ритмично размахивая косами. Они смахивали на передовой отряд наступающей армии. Я натянул вожжи и стал наблюдать.

Меня явно заметили, но виду не подали. Отец семейства поглядел на затянутое облаками небо и решил продолжать работу.

Что ж, будем играть по их правилам.

Я спрыгнул наземь, обошел несжатый участок, чтобы показать, что ценю чужой труд, и приблизился к цепочке косарей с фланга. Женщины и дети, которые вязали снопы и навьючивали их на спины флегматичных осликов, проявили куда больше любопытства, чем мужчины. Я коротко поздоровался и прошел мимо, памятуя о том, что в деревне свои нравы: невинную шутку здесь нередко воспринимают как покушение на женскую добродетель.

Остановившись на почтительном расстоянии от человека, который производил впечатление старшего, я сказал:

— Здравствуйте.

Он что-то пробурчал себе под нос, продолжая размахивать косой. Не послал куда подальше, и на том спасибо.

— Вы могли бы мне помочь.

По его бурчанию можно было понять, что он весьма в этом сомневается.

— Я ищу человека, который прошел этой дорогой четыре-пять дней тому назад. Возможно, он пытался одолжить или купить лошадь.

— Зачем он вам?

— Он дурно обошелся с моей женщиной.

Фермер повернулся и посмотрел на меня. Что ты за мужик, говорил его взгляд, если не мог справиться с собственной женой.

— Он убил ее. Я обнаружил тело только вчера. Отвезу родным, а потом найду того негодяя, который поднял на нее руку.

Фермер перестал косить, прищурил глаза, повидавшие много рассветов и закатов. Остальные косари тоже прекратили работу и оперлись на свои косы, точь-в-точь как усталые солдаты на копья. Женщины и дети уставились на меня. Фермер кивнул, положил косу на землю, приблизился к повозке, приподнял край одеяла и взглянул на Амиранду.

— Красивая, — проговорил он, возвратившись ко мне.

— Красивая, — согласился я. — Мы ждали ребенка.

— По ней заметно. Уодлоу, иди сюда!

К нам подошел пожилой мужчина.

— Ты продал тому городскому франту свою кобылу?

Уодлоу посмотрел на небо, словно ожидал увидеть ответ в облаках.

— Ну да. Пять дней тому назад. — Опираясь на косу, он с подозрением разглядывал меня, будто опасаясь, что я потребую вернуть деньги.

Я узнал то, что мне было нужно, однако игру требовалось довести до конца.

— Он не сказал, в какую сторону направляется?

Уодлоу поглядел на старшего, который заявил:

— Расскажи ему все, что знаешь.

— Говорил, что в город. Дескать, у него украли лошадь. Такие дела. — Слова из Уодлоу приходилось буквально вытягивать.

— Ясно. Он был в сапогах? — Я задал вопрос как бы невзначай, хотя от ответа на него зависело очень многое.

— Не, — протянул Уодлоу. — В башмаках. Городские башмаки, здесь в таких и недели не проходишь.

— Понятно. Один?

— Как перст.

— Что ж, спасибо.

— Все узнали? — осведомился старший.

— Думаю, теперь мне известно, где его искать. Большое спасибо. — Я поглядел на небо. — Всего хорошего.

— Удачи. Красивая у вас жена.

К горлу подкатил комок, на глаза навернулись слезы. Я помахал рукой и пошел прочь. Признаться, эти крестьяне поняли меня лучше, нежели кто-либо другой, за исключением, может быть, Уолдо Тарпа.

К тому времени как я взобрался на сиденье и взял в руки вожжи, косари вместе с женщинами и детьми уже возобновили работу. Может статься, обо мне они вспомнят за ужином.

21

В город я въехал уже в сумерках. Амиранда сидела рядом со мной. Наложенные ведьмой чары продолжали действовать, поэтому выглядела она вполне естественно, тем более в полумраке. Быть может, девушку увидит тот, кто считает ее мертвой, и всполошится, решив, что она жива.

В голове у меня царил сумбур, из которого, будем надеяться, рано или поздно возникнет хотя бы одна здравая мысль.

Я нарочно сделал крюк, проехал по окраинам города гоблинов, потом покружил немного у заведения Летти Фаррен, где обычно собирались и просаживали бабки всякие щеголи с Холма.

Они просаживают, а мы расхлебывай.

Потом я покатил домой и вошел через заднюю дверь, чтобы не привлекать внимания.

Меня встретил Дин, у которого от изумления отвисла челюсть.

— Что с ней такое, мистер Гаррет?

— Мертва, — отозвался я. Настроение у меня было препаршивое. — Убита. Еще вопросы есть?

Он начал многословно извиняться. Я тоже извинился за несдержанность и прибавил:

— Понятия не имею, кто ее убил и за что. Может, за то, что она была беременна. Или слишком много знала. Пошли к нашему гению. Глядишь, он что-нибудь и подскажет.

Покойник далеко не всегда такой равнодушный, каким норovit выглядеть. Он сразу уловил мое настроение и не стал, как обычно, валять дурака.

— Эта девушка провела ночь в моем доме. — Смотри-ка, а я думал, что он не знает.

— Да. Если хочешь, расскажу все по порядку.

Он молча выслушал меня, а Дин, который тоже внимал моим словам, то и дело подливал мне пива. Судя по тому, что Покойник, вопреки своей привычке, даже не пытался перебивать, рассказывал я неплохо, да и при расследовании ничего не упустил. Единственный вопрос, который он задал, касался мамонта и явно был продиктован простым любопытством.

— Мне надо подумать, Гаррет. А ты давай напивайся. Присмотри за ним, Дин.

— С какой еще стати?

— В таком настроении ты способен совершить необдуманный поступок, который может привести к серьезным последствиям. Я призываю тебя к осторожности. Сведений, собранных тобой, недостаточно, чтобы выявить преступника из общей массы. Однако завтра я приведу соображения, которые, возможно, позволят отыскать более убедительные улики.

— Более убедительные? Мне вполне хватает этих.

— Ты хочешь обвинить единственного и любимого сына Владычицы Бурь в совершении преступления на основании пары башмаков? Тебе прекрасно известно, что Рейвер Стикс будет выгораживать своего отпрыска, даже если его застанут рядом с младенцем, из груди у которого он только что вырезал сердце. Кроме того, преступник, вполне возможно, вовсе не он.

— А кто же еще?

— Это тебе и предстоит выяснить. Я признаю: вероятность того, что молодой да Пена и мертвая девушка участвовали в инсценировке похищения, весьма велика. Однако вероятность — не уверенность. Между прочим, ты столь рьяно стремишься обвинить во всем молодого Карла, что упустил из вида факт, который может все объяснить.

— Хватит ходить вокруг да около. Ты что, не можешь сказать прямо?

— Двести тысяч марок золотом. Столь крупная сумма могла пробудить сострадание даже в сердце гоблина. Может быть, бандиты решили, что им нет необходимости проверять карманы жертвы?

Дьявол, а ведь он прав. Главная трудность, похоже, в том, что вопросов мало, а ответов явный избыток.

— Не верю, — заявил я.

— Подумай на досуге. Что могло случиться с золотом?

— Что?

— Насколько тебе известно, домина Даунт передала золото преступникам. По словам Амбер и по мнению других свидетелей, все молодые люди страстно желали покинуть дворец Рейвер Стикс. Однако младший да Пена вернулся. Неужели он поступил бы таким образом, если завладел бы золотом? Нужно выяснить, где деньги. И где Донни Пелл, у которой наверняка немало знакомых в городе гоблинов.

— Чтоб тебе пусто было, — произнес я в сердцах и получил в ответ нечто вроде мысленного фырканья.

— Приходи утром, Гаррет. Я поделюсь с тобой своими мыслями.

Я направился было к двери, но тут мой взгляд упал на тело Амиранды.

— А с этим что делать?

— Оставь ее здесь. Мы побеседуем.

— В смысле? Ты что, записался в некроманты? Давай выкладывай.

— Гаррет, ты не понимаешь образных выражений. Ступай отсюда. Мое терпение отнюдь не безгранично.

Я отправился в гостиную и принялся медленно, но верно напиваться. Старина Дин, исполняя поручение Покойника, бдитель-

но следил за моими действиями и, когда настало время, отвел меня в постель. Разрази его гром, этого Покойника! И зачем ему понадобилось все усложнять?

22

Старина Дин знал, как надо меня будить — заставил проглотить сытный завтрак, а когда ему показалось, что я отлыниваю, принялся греметь посудой. Я выбрал меньшее из зол и снова принялся за еду.

Роскошный завтрак с яблочным соком и конфетами слегка разогнал похмелье. Между прочим, отказывался я потому, что вид и запах пищи с детства вызывали у меня отвращение, и я просто не верю, что еда способна принести хоть какую-то пользу.

Наконец Дин смиростивился и поставил передо мной огромную дымящуюся чашку настоящего на травах чая, подарка Морли Дотса. Этот чай действовал как легкое обезболивающее.

— Его милость ждет, мистер Гаррет. Если хотите, берите чай с собой.

С ума сойти, он разрешает мне что-то вынести из кухни! Я посмотрел на Дина. Он правильно истолковал мой взгляд.

— В той комнате было жутко и с одним мертвецом, а теперь их двое. Я туда больше не хожу, пускай убирается сам.

— Может, они поженятся, — ответил я, выходя в коридор. Прямо скажем, не смешно, но я еще не до конца пришел в себя.

Дин проводил меня мрачным взглядом исподлобья.

Когда я вошел, Покойник засыпал. В принципе ему давно пора было залечь в очередную трехнедельную спячку, однако сейчас он выбрал неудачное время.

— Эй, Скелет, просыпайся. Ты обещал поделиться со мной своими мыслями.

Он не стал отпираться, однако первые фразы я опускаю, поскольку их не выдержит никакая бумага.

— Судя по всему, ты настолько уверен в правильности своей теории насчет Слави Дуралейника, что вознамерился вздремнуть?

— Пока сообщения из Кантарда ее не опровергают.

— Раскалываться не собираешься?

— Еще рано.

— Ладно. А что там с моими заботами?

— Гаррет, ты мог бы во всем разобраться сам. В твоём распоряжении была целая ночь.

— Ночью я спал. Ну?

— Ты отвык думать самостоятельно и полагаешься только на меня.

— Мы, люди, отъявленные лентяи. Выкладывай, чего ты там надумал.

— Приведи ко мне молодого Карла. Как представляется, он — наиболее уязвимое звено в цепи событий. Если его гложет совесть, я сумею выяснить из-за чего. Он сломается, когда увидит эту несчастную девушку.

— Больше тебе ничего не надо? Значит, ты предлагаешь мне вытащить его из крепости, которую он называет домом, и привести сюда, чтобы ты мог всласть над ним поизмываться?

— Гаррет, у нас разделение обязанностей. Я думаю, а ты бегаешь.

— Ну да! — Сколько сарказма, разрази его гром! Должно быть, со своей теорией дал где-нибудь маху и тшится теперь сделать хорошую мину при плохой игре.

Того и гляди лопнет от важности.

Я вышел в коридор и наткнулся на некий посторонний предмет.

— Дин!

— Да, мистер Гаррет? — отозвался он, выскакивая из кухни.

— Что это такое?

Вообще-то я знал, что это такое. Это был мой приятель Бруно. Он привалился к стене в двух шагах от двери, застыл в неподвижности, так и не опустив ноги. На лице был написан ужас, одна рука судорожно сжимала воздух. Дин повесил на нее свитер и вязаную шапочку, в которой пожаловал к нам утром. Признаться, подобного я от него не ожидал.

— Он пришел вчера, когда вас не было. Я открыл дверь, а он оттолкнул меня и попробовал войти в дом. Но вмешался его милость...

Когда в доме есть логхир, не надо никакой собаки.

— Почему никто не соизволил предупредить меня?

— Вы же были заняты.

— А почему он привалился к стене?

— Я его отодвинул, чтобы не мешал, а то стоит на дороге.

Я поглядел на Бруно.

— Что мне с тобой делать? Может, бросить в реку и посмотреть, как ты плаваешь? Подумаем. Во всяком случае, надо как-то от тебя избавиться, раз и навсегда. — Я повернулся к Дину. — Пожалуй, надо закрывать дверь на цепочку.

— Верно, — согласился Дин. — Ведь его милость может и заснуть.

Поднимаясь на Холм, я думал вовсе не о Бруно. Меня заботило другое. Как мне добраться до Младшего, не говоря уж о том, чтобы вытащить его из дворца? Учитывая, как ко мне там относятся, шансы практически нулевые.

Как ни странно, никто не пытался меня остановить. Я трижды прошелся под дворцовыми окнами, надеясь, что в одно из них выглянет Амбер, которая впустит Гаррета внутрь до того, как на него накинутся Ини, Мини, Майни и Мо и ему придется продемонстрировать Холму свои сверкающие пятки. Но она не выглянула. Ничего не попишешь, пришлось уйти.

Я выбрал кружной путь — из тех соображений, что, если разогнать кровь по жилам, рано или поздно меня должна посетить какая-нибудь мысль.

Прогуляя я часа три. К исходу третьего часа у меня возникла идея отправить Младшему письмо, в котором бы говорилось, что я знаю, где золото, и предлагаю побеседовать. К сожалению, на это уйдет слишком много времени. Пару дней он наверняка протянет. Или попросту не сумеет удрать. Или же письмо попадет не по адресу, что грозит малоприятными последствиями. А тело Амранды, между прочим, скоро начнет разлагаться.

В поисках более удачного решения я заглянул к Плоскомордому — узнать, какие у него дела. Незнакомая девица сообщила, что у Тарпа все в порядке, а потом прибавила: «Пошел отсюда, а то зенки выцарапаю!» Роста она была невысокого, но в ней чувствовался боевой задор, поэтому я предпочел ретироваться.

Ладно, с Плоскомордым все ясно. А что творится у Морли? Может, я найду у него не только чужую жену и краденый обед?

Поскольку Морли проснулся, меня к нему пропустили, хотя он еще в принципе посетителей не принимал, а потому приветствовал меня с кислой физиономией.

— Ты выглядишь как парень, которому не хватает витаминов. Что стряслось? Неурожай на плантациях окры?

Он пробормотал что-то вроде: «Штбя приуло».

— Послушали бы твои дочери, как выражается их папаша!

— Шнакен штереограк!

Ага! Он просто-напросто ругался на одном из нижнеэльфийских диалектов. А когда Морли переходит на эльфийский, это означает, что у него денежные затруднения.

— Что, прогорел?

— Гаррет, ты проклятье моего дома! — Вообще-то он использовал выражение, которое переводится с языка гномов приблизительно как «теща». Ну и дела, такого славного парня, как я,

обзывают «тещей»! — Знаешь, кто ты? Стервятник наоборот. Когда у меня случается беда и появляешься ты, значит, новых напастей не избежать. Спорим, что так оно и будет?

— Если хочешь, чтобы я ушел, не спорь по пустякам. Разбери лучше, где причина, а где следствие, и не лучше ли зарабатывать деньги, чем заключать сомнительные сделки.

Он снова выругался и спросил:

— Что тебе нужно?

— Ты не узнал ничего интересного для меня?

— Нет. В городе гоблинов тихо как в могиле. Те деятели отправились в другое место, а золотишко прихватили с собой. Про него тоже ничего не слышно, а ты понимаешь — прошел бы слух, все бы тут же засуетились. Плоскомордый поправляется.

— Знаю. Я у него был. Меня чуть не прикончила какая-то девица, которая стоит на страже у двери. Еле ноги унес. Что это за птишка?

Морли позволил себе усмехнуться.

— Может, его сестра?

— Не заливай, сестры так себя не ведут.

— Честно говоря, я кое-что слышал, только не знаю, пригодится тебе или нет...

— Не тяни.

— Утром, перед самым закрытием, к нам ввалился пьяный матросик с ночного корабля. Одни боги ведают, с какой стати его сюда занесло.

— Да уж, боги точно ведают, — согласился я. «Ночными» назывались корабли контрабандистов, доля которых в танферской торговле составляла около трети всего оборота.

— Ты будешь слушать или упражняться в остроумии?

— Вещай, Оракул Репчатого Лука.

— Он сказал, что в тот день, когда они вышли из Лейфмолда, им навстречу попался корабль Рейвер Стикс. Владычица Бурь

возвращается домой. Она будет в Танфере через несколько дней. Прикинь, не изменит ли это твоих планов.

— Может, изменит, а может, и нет. Меня сильно интересует Младший. Когда мамочка вернется, до него уже будет не добраться.

— Так ступай, не мешкая, и не мешай мне страдать.

— Договорились. Когда проиграешься в следующий раз, дай мне знать — забегу посочувствовать.

— Следующего раза не будет.

— Рад слышать. — Я вышел из комнаты. «Какое-то время, конечно, Морли потерпит, но рано или поздно не выдержит и сорвется».

— Пошли ему вырезку из репы под луковым соусом и двойную порцию сельдерейного сока, — сказал я бармену, спустившись вниз. — Прямо сейчас и за мой счет.

Он даже не улыбнулся.

Я направился домой, воображая такой кусок мяса, что Морли удивился бы при одном только взгляде на него.

23

Дверь была заперта. Дин молодец, не забыл. Я постучал. Прежде чем открыть, он посмотрел в глазок, убедился, что за моей спиной нет никаких подозрительных личностей, и принялся греметь задвижками и засовами. Наконец дверь распахнулась.

— Как я рад, что вы вернулись, мистер Гаррет! — Похоже, он и впрямь обрадовался. Я переступил порог, повернулся, чтобы закрыть дверь... — Проклятие! Опять?

Прихожую теперь украшало две статуи. Вторая, когда имела возможность передвигаться самостоятельно, именовалась Коуртером.

— Дин!

Однако старина Дин уже успел скрыться в кухне и не высовывал оттуда носа. Правда, до меня донесся обрывок фразы, которую я, впрочем, не разобрал.

— Что, дело швах? — осведомился я у Коуртера. — Бедность заела, начал промышлять воровством?

Забавно, но он не ответил. Ну и ладно, главное, что слышит. Кстати, глядя на него, можно было увидеть чуть ли не воочию, какие у приспешника домины Даунт черные мысли.

— Вы с Бруно неплохо смотрите. Между прочим, ему давно хотелось поплакаться кому-нибудь в жилетку.

Ладно, пускай стоят. Что теперь? Заглянуть к Покойнику и признаться, что я не сумел заманить Младшего в его логово? Или отловить Дина и выспросить про Коуртера?

Я остановился на последнем, благо Дин был под рукой.

Подходя к кухонной двери, я услышал:

— Успокойтесь, успокойтесь. Мистер Гаррет вернулся, он обо всем позаботится.

Естественно, позаботится! Но сначала надо выяснить, кому это обещают.

Дин обнимал за плечи Амбер, которая вся дрожала и выглядела сейчас этакой до смерти перепуганной десятилетней девочкой. По ее щекам струились слезы. По всей видимости, что-то потрясло девушку до глубины души. И старина Дин — тот самый Дин, который совсем недавно не мог на нее смотреть, — утешал бедняжку, изредка похлопывая пониже спины.

— Итак? — произнес я, делая шаг к колодцу. — Может, кто-нибудь объяснит, что происходит в этом доме?

Амбер зарычала, вырвалась из объятий Дина и прильнула ко мне, обильно оросив мою грудь слезами — так сказать, вместо пива.

У Дина хватило вежливости притвориться смущенным.

Я позволил Амбер выплакаться. Когда женщина плачет, не стоит ее останавливать. Либо она выплеснет все сразу, либо ста-

нет выдавать маленькими порциями, причем в самый неподходящий момент. Тем временем Дин наполнил мою кружку.

Когда Амбер успокоилась настолько, что перешла от слез к тихим всхлипываниям, я усадил ее в кресло и велел Дину достать бренди, которое мы держали для особых случаев. Сам сел напротив, на расстоянии вытянутой руки и поднес к губам кружку, которую одним глотком осушил наполовину.

— Порядок? — спросил я чуть погодя.

Амбер глотнула бренди и кивнула.

— Да. Извини. Я просто не выдержала... Сначала домина поругалась с моим отцом, и все разбежались, чтобы не попасться им под горячую руку. Потом я узнала про Карла. Потом, когда мне удалось выбраться из дворца, меня остановил на улице Коуртер. Я отказалась возвращаться, он разъярился настолько, что готов был, по-моему, убить меня. Я испугалась и бросилась бежать... Если весь мир сошел с ума, неужели я не могу побыть хоть чуть-чуть сумасшедшей?

Она говорила не умолкая, слова цеплялись друг за дружку, толкались и пихались — так им не терпелось выбраться наружу.

— Минуточку! Я сказал, замолчи! Молодец. Теперь сделай глубокий вдох. Медленно досчитай до десяти. Досчитала? Расскажи все по порядку, чтобы я понял, о чем речь.

Дин забрал у меня опустевшую кружку и произнес:

— Прошу прощения, мистер Гаррет. Она забыла сказать самое главное. Умер ее брат.

Я ошеломленно воззрился на девушку. Та кивнула и вновь задрожала всем телом.

— Как?

— Утверждают, что он покончил с собой.

Новость застала меня врасплох. Я не знал что сказать. Прежде чем мне удалось собраться с мыслями, я услышал голос Покойника, который впервые за время нашего знакомства с ним проявил инициативу.

— Приведи их ко мне, Гаррет.

Дин тоже услышал эти слова и повернулся ко мне, ожидая распоряжений.

— Думаю, надо уважить старичка. Пойдем, Амбер. Мой помощник хочет с тобой поговорить.

— А это обязательно?

— Да, если хочешь получить свои двести тысяч марок.

— Не знаю, хочу ли я их получить... Конечно, хочу. А еще сильнее мне хочется навсегда удрать из дворца. Я больше не могу там находиться...

— Пошли. Не волнуйся, Покойник не трогает тех, кто не замышляет дурного.

Я совсем забыл о том, что в комнате два трупа.

24

Амбер вскрикнула. В этом крике прозвучали одновременно боль и ужас. Мне почудилось, она вот-вот потеряет сознание, но выяснилось, что нервы у нее крепче, нежели казалось. Девушка стиснула мою руку, затем отпустила и попятилась.

— Что за шутки, Гаррет?

— Вместо золота я нашел ее.

Амбер приблизилась к телу Амиранды.

— Приведи мистера Коуртера, Гаррет. Вполне может быть, что на него это зрелище подействует точно так же.

— А второго не надо?

— Избавься от него, как только появится возможность. Думаю, урок он усвоил.

— Пойдем, Дин, поможешь. — Я не сомневался, что справлюсь и один — в конце концов просто уроню Коуртера на пол и покачу как бочку. Но чего ради надрываться?

Мы приволокли Коуртера и поставили лицом к Амиранде.

— Ты должен мне кое-что объяснить, — заявила Амбер, которая, похоже, окончательно пришла в себя.

— Согласен. Если ты расскажешь мне то, что я хочу знать.

Покойник освободил Коуртера из-под своей власти. Я на всякий случай отошел к двери — вдруг нашему гостю взбредет в голову, что на улице ему будет лучше? Коуртер задрожал всем телом, огляделся по сторонам с видом побитой собаки, но ничего не сказал. Это меня слегка разочаровало. Я ожидал, что он примется грозить, поминая все Владычицу Бурь.

— Мне хотелось бы кое о чем вас спросить, — проговорил я. — У мисс да Пена тоже есть к вам вопросы. Даже мисс Крест, по-видимому, не прочь узнать, за что ее убили.

— Я ничего не знаю, — пробормотал Коуртер, глядя на труп. — Откуда она тут взялась? Я думал, она удрала. Домина распекала меня неделю подряд за то, что я, видите ли, не уследил. А как мне было уследить, если в тот день с утра пришлось тащиться на другой конец города с письмом от баронета к очередной подружке?! Хотя это не оправдание, ведь доmine я в том признаться не мог...

— Он говорит, что думает, Гаррет.

— То есть ни в чем не замешан?

— Этого я не утверждал.

— Хорошо, хорошо. Коуртер, кто похитил Младшего?

— Откуда мне знать? И кстати, какого дьявола вы суete свой нос в чужие дела? Вам заплатили, остальное вас не касается.

— По-вашему, меня могла нанять только Уилла Даунт? Полагаю, ответ на мой вопрос вам известен, тем не менее я отвечу сам. Младшего никто не похищал, преступление было инсценировано. А теперь признавайтесь, за что убили Амиранду? И по чьему приказу?

Амбер открыла рот, чтобы вставить словечко-другое, но я предостерегающе поднял руку: мол, не вмешивайся. Пускай Коуртер выпутывается сам

— Гаррет, ты горячишься. До тех пор, пока мы не заслушаем мисс да Пену, у нас нет ни малейших оснований допрашивать этого человека и в чем-то его подозревать. Ты забыл про Младшего? Или смерть наследника Рейвер Стикс — пустяк, не заслуживающий внимания?

Ничего я не забыл. Просто тянул время, рассчитывая на то, что Коуртер рано или поздно сломается. Но в чем Покойник прав, так это в том, что Амбер надо выслушать обязательно. Тут я и впрямь допустил ошибку.

Впрочем, поскольку я чуть ли не единственный разумный человек в округе, подобная промашка не в состоянии повредить моей репутации.

— Твоя взяла, Скелет. Но учти, ты сам напросился.

— Разве это моя привычка — бросаться на помощь по первому зову?

При желании, если как следует сосредоточиться, его можно было заставить заткнуться. Чаще же всего в наших разговорах последнее слово оставалось за ним. Порой мне казалось, что Покойник объединяет в себе все недостатки законной супруги, не имея ни одного из преимуществ обладания таковой.

— Амбер, ты что-то хотела мне рассказать?

— Девчонка, не вздумай ничего ему рассказывать, — прорычал Коуртер. — И делать тебе здесь нечего. Ну-ка марш домой.

— Не мешало бы вправить ему мозги, — сказал я, поворачиваясь к Покойнику.

— Не бухти, Коуртер, — заявила Амбер. — Я тебя не боюсь. Через пару дней вы с доминой будете болтаться на виселице, понял? Может, ты сумеешь убедить мамашу, что к смерти Карла непричастен, но уж от Амиранды тебе не отмазаться! И домой я возвращаться не собираюсь, ведь иначе мамочке поведают не о двух, а о трех смертях сразу!

— Что ты несешь? Твой брат покончил с собой!

— Ну да! Заливай, да знай меру, Коуртер. Он покончил с собой точно так же, как Амиранда сбежала из дому, ясно? Тебе никто не поверит. И можешь меня не путать, я теперь и близко к вам не подойду. У семьи было три наследника, и двое из них мертвы...

— Наследников было четверо, а мертвы трое, — поправил я и пояснил, желая выяснить, как присутствующиеотреагируют на мои слова: — Амиранда была беременна. На третьем месяце. Если бы ребенок родился, это был бы мальчик.

Амбер и Коуртер изумились настолько, что замолчали. Но если у кого-то из них и возникли какие-то подозрения, они ничем того не выдали.

— Утихомирь его снова, ладно? — попросил я Покойника, показав на Коуртера. — Мне бы не хотелось, чтобы он перебивал даму.

— Какую? — осведомился Покойник, в мгновение ока превратив Коуртера в безвольную куклу. — Ты вовремя остановился, Гаррет. Коуртера тебе удалось обработать на славу, а вот с девушкой получилось неладно. Она заподозрила тебя в неискренности.

Лучше не придумашь.

25

— Пожалуй, тебе следует начать с того, на чем мы расстались в прошлый раз.

— Тебя интересует только Ами, — заявила Амбер.

— Неужели? — осведомился я. — Ты ошибаешься. Во-первых, я хочу найти того, кто убил ее. Терпеть не могу тех, кто позволяет себе бросаться красивыми женщинами. А во-вторых, если ты решила, что я невосприимчив к очарованию двухсот тысяч марок золотом, значит ума у тебя гораздо меньше, чем я думал.

Послушай, я расследовал бы это преступление, даже если бы вы с Амирандой поменялись местами. Мне нужно поймать убийцу, причем того же, нисколько не сомневаюсь, захочет и твоя мать.

— Ему не поздоровится.

— Гаррет, она успокоилась. С твоим языком только девушек и охмурять.

Я поглядел на Покойника так, как он того заслуживал.

— Амбер, в данный момент я вынужден основываться исключительно на том, что можешь сообщить мне ты.

Она помолчала, теща уязвленное самолюбие, потом принялась рассказывать:

— Коуртер, который заметил тебя у ворот, сразу, естественно, побежал к доминие, а та разъярилась настолько, что совершенно утратила самообладание. Я никогда ее такой не видела. Она вопила, сыпала угрозами, швыряла все, что попадалось под руку — словом, напугала Карла настолько, что он пересказал ей наш разговор во всех подробностях. Хорошо, что мы тогда не упоминали о золоте. А я молчала, и эта стерва велела Коуртеру выпороть меня и посадить под замок.

Она подбежала к Коуртеру, отвесила ему оплеуху и вернулась на место.

— Выпустили меня только сегодня утром. — Освободителем оказался Карл, который, пока все спали, прокрался по коридору к комнате сестры и отпер дверь. Он выглядел сильно встревоженным, но от объяснений наотрез отказался, сообщил лишь, что уходит и больше не вернется. — Но вряд ли он имел в виду, что хочет покончить с собой.

«Тут я с тобой согласен, милашка. У него просто-напросто не хватило бы духу».

— Что он в точности сказал? Постарайся вспомнить. Может, мы найдем в его словах какую-то зацепку.

— Он сказал, что уходит и больше не вернется, и предложил мне убежать вместе с ним. Я ответила, что не желаю бежать куда

глаза глядят, пока у меня еще остается надежда на лучшее. А он... Знаешь, с ним явно что-то случилось. Бледный, лоб в испарине...

— То есть он был испуган?

— До полусмерти.

— Как будто столкнулся с призраком?

— Забавно...

— Что именно?

— У меня как раз мелькнула такая мысль. Что он увидел призрак.

— Может, так оно и было. Продолжай. Он ушел?

— Да, как только понял, что я на самом деле хочу остаться.

— Не сказал, в какие края направляется?

— В безопасное местечко, где ждет верный друг.

— То бишь Донни Пелл?

— Может быть. Либо Донни Пелл, либо Амиранда. Честно говоря, я решила, что он знает, куда подевалась Ами.

— Почему?

— Они вместе выросли и доверяли друг другу. Перед тем как уйти, она наверняка его предупредила. Во всяком случае, нашла способ оставить весточку.

Признаться, чем больше я узнавал о семействе да Пена, тем запутаннее представлялись мне взаимоотношения его членов.

— Понятно. Поскольку Амиранда, в силу известных причин, тем верным другом быть не могла, следует допустить, что Карл имел в виду Донни Пелл. Все прочие варианты еще менее вероятны. Учитывая его характер, верным другом, скорее всего, могла быть именно женщина. Правильно? Насколько я знаю, с мужчинами он близко не сходилась. Что ж, придется съездить в это «безопасное местечко». — «Сплошная беготня. Жаль, поблизости нет Морли, он бы принялся рассуждать о пользе физических упражнений». — Ладно, что было дальше?

— Минут через двадцать примчался Коуртер. Карла уже хватились и от меня потребовали ответа, куда он делся.

— Кто?

— Коуртер. Которого, разумеется, прислала домина.

— Полагаю, ты дала ему ценный совет насчет того, куда в таких случаях следует идти?

— Конечно. Потом явился мой отец, такой же бледный и взмокший от пота, как Карл. Меня напугал его взгляд. Когда он настолько не в себе, то способен буквально на все. Он сразу начал кричать, но тоже ничего не добился. А затем пожаловала домина. Они с отцом зашушукались. Оказывается, Карл от кого-то узнал, что матушка уже в Лейфмолде и вот-вот прибудет в Танфер... Отец будто обезумел.

— И?

— Знаешь, я люблю своего отца, — проговорила Амбер, неожиданно залившись румянцем. — Пускай он выкидывает порой всякие фортели...

Я приподнял бровь. На девушку мой трюк не произвел ни малейшего впечатления — должно быть, я давно не практиковался.

— Отец велел домине позвать Коуртера. Она никак не могла его успокоить, а потому в конце концов выбежала в коридор. Наверно, за Коуртером. Отец же принялся гоняться за мной, а когда поймал, ударил. Раньше он никогда не поднимал на меня руку...

— И что было потом?

— Я стукнула его туфлей по голове. Он ушел и больше не возвращался. Часа через два я услышала, как они с доминой выясняют отношения. Сначала мне захотелось подкрасться поближе и узнать, из-за чего весь сыр-бор, но, поразмыслив, я решила, что не стоит. Казалось, все вокруг сошло с ума. Наконец я поняла, что надо уносить ноги. В любом случае, даже если ты не найдешь золота.

— Почему?

— Потому что одна из служанок сказала мне, что Карл закончил с собой. Услышав это, я поняла, что во дворце мне не место, что надо бежать, укрыться там, где никто меня не найдет. Иначе... Однако я, по-видимому, слегка замешкалась, потому что почти у твоего дома ко мне прицепился Коуртер. Если бы не твой старик, он наверняка уволок бы меня обратно.

Я посмотрел на Коуртера. Будем надеяться, что Покойник держит его, так сказать, мертвой хваткой.

— Гаррет, этот человек — отъявленный негодяй, однако он, судя по всему, не имеет отношения ни к смерти молодого Карла, ни к его предполагаемому похищению. Многое из того, что он услышал от нас, было для него откровением. Он тугодум, и, может быть, его считают слишком глупым, чтобы поручать нечто подобное.

— Ты уверена, что твой брат не мог совершить самоубийство?

— Абсолютно.

— Ясно. Тогда расскажи, где, когда и как он погиб.

— Я не знаю.

— Не знаешь? Да как ты...

— Не смей на меня кричать! — Амбер стянула с ноги туфлю и воинственно замахнулась.

Мгновение спустя мы уже корчились от смеха.

Справившись с собой, я поглядел на Коуртера, затем перевел взгляд на Покойника.

— Он знает, — сообщил тот.

— Дин, отведи мисс да Пена в комнату для гостей и покажи, что где лежит. Кстати, ты мог бы пожить у нас несколько дней? Мы на тебя рассчитываем.

— Конечно, сэр. — Дин явно обрадовался. Наконец-то и для него нашлось настоящее дело. — Пойдемте, мисс.

Амбер неохотно подчинилась.

26

— Наверно, мне надо пересмотреть свой план, — признал я. — Вообще-то я предполагал задать жара Коуртеру, чтобы он, вернувшись во дворец, поставил всех на уши...

— Я догадывался. Думаю, сейчас самое время обратиться к мистеру Дотсу, причем это будут чисто деловые отношения, а не как у вас принято, услуга за услугу. Тебе нужны дополнительные сведения.

— Верно. А на уши все встанут и без моей помощи. Ты сумеешь сделать так, чтобы Коуртер забыл о том, что он здесь видел и слышал?

— Полагаю, да.

— Тогда предлагаю послушать, что он расскажет насчет Младшего.

Покойник вывел Коуртера из ступора.

Стоило мне задать первый вопрос, как Коуртер сломался и опомнился не раньше чем через несколько минут. Он сообщил, где и во сколько умер Карл — приблизительно через два часа после того, как бежал из дворца.

— Как он умер? — справился я, притворяясь, будто верю в эту ахинею насчет самоубийства.

— Вскрыл себе вены.

— Что? Неужели вы сами в это верите? Вы же знали паренька. Если бы вы сказали, что он повесился, я бы, может, и согласился, что такое возможно. Но чтобы Карл вскрыл себе вены!.. Да он наверняка не любил бриться, потому что боялся порезаться и увидеть кровь.

— Не дави, Гаррет. Иначе он начнет думать, а для него это новое ощущение, таящее в себе неизведанные опасности.

Судя по всему, Покойник стремился облегчить себе задачу.

— Ступай к мистеру Дотсу, Гаррет, — подтвердил он мои подозрения. — К тому времени, как ты вернешься, мистер Коур-

тер забудет обо всем. Поскольку тебе придется выводить его из дома, учти, что он будет слегка подшофе. Кстати, советую избавиться от обоих разом.

«Веселись, старый хрыч», — подумал я, выходя в коридор.

Морли одолжил мне пятерых головорезов, причем со скидкой, благодаря чему они обошлись бедняге Гаррету всего лишь в половину едва вообразимой суммы. Одного я оставил на всякий случай приглядывать за нашим домом. В конце концов Покойник в одиночку может и не справиться, ведь на свете полным-полно непредсказуемых личностей.

Второму я поручил следить за Коуртером, а троих оставшихся обрек на тяжкий труд — фиксировать каждый шаг обитателей дворца. Докладывать им следовало Морли Дотсу, который должен был при необходимости отыскать меня.

Пятерых помощников было явно недостаточно, однако большего количества я просто не мог себе позволить. Ведь мой клиент обещал заплатить гонорар из тех денег, которые еще предстояло найти. Признаться, я не очень-то рассчитывал на эти бабки...

Пожалуй, надо выяснить у Амбер, известно ли ей, каким образом домина Даунт передала деньги похитителям Младшего.

Чтобы избавиться от Бруно и Коуртера, я нанял экипаж. На все про все ушло от силы полчаса. Бруно я бросил в бессознательном состоянии в каком-то переулке, где ему предстояло очухаться просто зверски голодным и кровожадным.

Что касается Коуртера, он был мертвецки пьян. Понятия не имею, как Покойник ухитрился довести его до кондиции. Я завел Коуртера в таверну, усадил за столик, заказал вина, а сам отправился возвращать экипаж владельцу.

После чего двинулся туда, где принял смерть Младший.

27

Деревянные строения высотой в три-четыре этажа опирались друг на друга, как раненые солдаты после боя. Впрочем, здесь война продолжалась бесконечно. Время — враг, которого нельзя победить и устоять против которого невозможно.

Наступил вечер, на улицу падал свет из окон и дверей, распахнутых в надежде впустить в дома прохладу. Честно говоря, эта надежда показалась мне чуть менее тщетной, нежели та, что бедность когда-нибудь сойдет на нет. По улицам бродили худые детишки, глядевшие на меня не по-детски печальными глазами, а за стенами домов ссорились взрослые. Тем не менее на утлах, как ни странно, отсутствовали неперенные украшения в виде молодых людей, провожающих каждого прохожего вроде бы равнодушным, но цепким взглядом. Никто не задирался, никто ничего не предлагал.

Все молодые люди тянули лямку в Кантарде, растрчивая молодые годы в смятении и страхе.

Война приносит с собой одно-единственное благо. Если хотите потолковать насчет преступности, поищите благородных патриархов, которые еще помнят славные довоенные деньки.

Правда, я все-таки старался соблюдать известную осторожность. Во-первых, под ноги подворачивались не только дети, но и собаки, которыми улица буквально кишела; а во-вторых, в любой момент откуда-нибудь сверху на меня могли выплеснуть ведро с помоями.

Разумеется, законом это запрещалось, но кто в наши дни соблюдает закон? Ведь чтобы закон выполнялся, за его соблюдением нужно следить.

Здание, которое я искал, оказалось таким же раненым солдатом. Три этажа, построено наверняка в конце прошлого столетия. Я остановился напротив и призадумался. Допустим, Младший, сбежав из дому, направился к своей подружке Донни Пелл. До-

пустим, Донни Пелл замешана во всем и помогла инсценировать похищение. И что?

Внешний вид здания, в котором умер Карл, наводил на мысль об ошибочности одного из этих допущений. Если Донни Пелл отхватила столь лакомый кусочек, как двести тысяч марок золотом, с какой стати ей снимать комнату в такой дыре? А если она тут ни при чем, к кому тогда бежал Младший, у которого, насколько мне известно, не было иных друзей?

Смерть настигла Карла через два часа после того, как он покинул дворец. Получается, что друзей у него не было вообще, раз его не смогла — или не пожелала — спасти даже Донни.

Никакой толпы зевак не было и в помине. В этом районе смерть привлекает внимание только до тех пор, пока не высохнет кровь. А вот на меня уже начали бросать любопытствующие взгляды. Давай, Гаррет, шагай.

На двери не было ни замков, ни засовов. Естественно, ведь подобные меры предосторожности существенно осложнили бы жизнь постояльцам, которые беспрестанно сновали туда-сюда. Я переступил через распростертого на пороге человека в состоянии глубокого опьянения, поднялся по лестнице, ступеньки которой скрипели и стонали под моим весом. Ладно, прятаться я все равно не собирался.

Да это в любом случае не имело бы смысла. Шагая по коридору, я миновал две комнаты без дверей, ощущая устремленные на меня взгляды. Когда я проходил мимо, все разговоры в комнатах прекращались.

В нужной мне комнате дверь имелась, но закрывалась она неплотно.

Я увидел то, что ожидал. Комнатушка футов восемь на двенадцать, никакой мебели, одно-единственное окно со ставнями, но без стекла. На полу гряда одеял, повсюду разбросана всякая всячина. В одном углу пол и стены забрызганы некой бурой жидко-

стью. Да, крови пролилось много, как, впрочем, всегда и бывает, поскольку в человеке ее в избытке.

Должно быть, Карла крепко держали. Тому, кто вырывается, вскрыть вены не так-то просто. Я обыскал комнатуху, но не нашел ни веревок, ни чего-либо похожего. Очевидно, даже гоблины не настолько тупы, чтобы не прибрать за собой.

Или?..

В груди одеял обнаружился предмет, знакомый мне по описанию Карла — мешок из замши с длинной бечевкой. Самая подходящая штука для того, чтобы накинуть человеку на голову и спокойно задушить.

Мешок был весь в пятнах от блевотины. Я представил себе, как его отшвырнул в сторону какой-нибудь чрезмерно брезгливый бандит...

Зачем связывать человека, который потерял сознание от нехватки воздуха? К тому времени, когда мог бы очухаться, он наверняка истечет кровью.

— Полторы серебряных марки в неделю как есть. Если нужна мебель, привозите свою.

Я невинно поглядел на женщину, что стояла в дверях.

— А как насчет уборки?

— Если просто подмести, марка сверху. Если что другое, убирайтесь сами.

— Платить в конце месяца?

Она, похоже, решила, что я спятил.

— В конце недели за неделю вперед. Если докажете, что вам можно доверять, через пару-тройку месяцев я, может, соглашусь подождать денек-другой. А на третий выгоню. Ясно?

Прелесть, да и только. Не смахивай она внешностью на крокодила, глядишь, у кого-нибудь возникло бы искушение отмыть ее и приодеть. Лет тридцать с небольшим, а ведет себя так, словно ей все пятьдесят.

— Чего глядите? Думаете, комната сдается вместе с развлечениями? — Женщина усмехнулась, и выяснилось, что у нее не хватает нескольких зубов. — Это за дополнительную плату.

На меня снизошло нечто вроде озарения. Что происходит со шляхами, когда они стареют или становятся слишком ленивыми, чтобы работать? Не всем же везет, как Летти Фаррен. Может, Донни Пелл снимала комнату у знакомой, у бывшей товарки?

— Меня интересует не столько помещение, сколько жилец. — Я показал женщине золотую монету. Она выпучила глаза, потом спохватилась и нахмурилась, вдруг преисполнившись подозрительности.

— Жилец?

— Да. Тот, кто жил в этой комнате. А также тот, кто за нее платил, если то были два разных человека.

— Кто вы такой?

— Дитер Гретеке, — ответил я, поглядев на монету. Дитером звали покойного короля, которого мы весьма уважали. Нынешний тоже неплох, но пока не сделал ничего полезного.

— Марка двойная?

— Похоже на то.

— Это был паренек по имени Донни Пелл. Я не знаю, куда он исчез. Заплатил, и ладно. — Женщина протянула руку.

— Шутите? Вы случайно не встречались с ним в прежние годы, на углу какой-нибудь улицы? — Я положил монету на подоконник и сделал шаг в сторону. Женщина облизала губы, слегка подалась вперед. Она прекрасно видела западню, но жадность была сильнее. Возможно, она надеялась обвести меня вокруг пальца.

Когда она подступила к окну, я прислонился спиной к дверному косяку.

— Ну так что?

— Что «что»?

— Расскажите мне про Донни Пелл. Про девушку из заведения Летти Фаррен. Она поселилась у вас с неделю назад, верно?

Женщина кивнула. Выходит, толика совести у нее все же осталась.

— Вы знали ее раньше?

— Когда она пришла к Летти, я там работала. Донни была не такая, как остальные. С претензиями, но вполне приличная. По-моему, претензий у нее было чересчур... — Женщина стиснула монету с такой силой, что у нее побелели костяшки пальцев. Видно, она уже давно не торгует собой, давно не получала столь крупной суммы. А в молодые годы небось швыряла направо-налево... Она посмотрела на пятна на полу. — И приятели у Донни были странные.

— Гоблины?

— Точно. Откуда вы?..

— Кое-что я знаю, кое-чего не знаю. Вам тоже кое-что ведомо, но вы не знаете, что именно не известно мне. — Я вынул нож и принялся вычищать грязь из-под ногтей (этот трюк я позаимствовал у Морли Дотса). — Почему бы не рассказать мне все, что вы знаете о Донни Пелл и о тех, кто к ней приходил?

— Стоит мне закричать, и сюда сбежится весь дом. — Прозвучало не очень убедительно, и женщина сама это поняла.

— Наверно, бывший жилец думал точно так же.

Женщина вновь посмотрела на пятна крови.

— Ладно, уговорил. Может, накинешь еще чуток, а? Так о чем тебе рассказать?

— Обо всем. В особенности о том, кто был здесь сегодня утром и где сейчас Донни. — Чтобы не вызвать ненужных подозрений, я прибавил: — Она меня интересует постольку-поскольку. Я ищу ее приятелей. Твоя знакомая ввязалась в рискованную игру.

Рискованную и смертельно опасную. Следующей жертвой, готов побиться об заклад, будет именно Донни Пелл. Поэтому ее нуж-

но найти до того, как неведомые преступники устранят очередное уязвимое звено в цепи.

— Я не знаю, куда она подевалась. Удрала, никого не предупредив. Я понятия ни о чем не имела, пока не обнаружили труп. Истинная правда, мистер!

Похоже, женщина действительно говорила правду. Должно быть, видок у меня был еще тот, потому что она явно занервничала. Впрочем, шлюхам доверять нельзя ни в коем случае. Они врут на каждом шагу, причем порой убеждены в собственной искренности.

— Послушайте, мистер...

— Ты говори, милашка, говори. Я намекну, когда заканчивать.

— К ней приходили только трое. Один как раз тот, который зарезал себя нынче утром. — Что ж, если она считает, что Младший покончил с собой, не станем ее разубеждать. — До сих пор я его не встречала. Второй приходил дважды и оба раза был в плаще с капюшоном, какие надевают благородные, когда отправляются развлекаться. Лица я не видела, а по имени к нему не обращались.

Жаль, конечно, однако она явно старается.

— Высокий?

— Пониже тебя, пожалуй. Хотя я могу и ошибаться.

— Старый?

— Говорю тебе, лица я не видела.

— А голос какой?

— Со мной он не заговаривал.

— Когда он приходил сюда? — Я твердо вознамерился вытянуть из женщины хоть что-нибудь.

— Вчера вечером. Пробыл часа два. Думаю, сам понимаешь, чем они тут занимались. А утром приперся снова.

Я засыпал хозяйку вопросами, требуя, чтобы она в точности изложила ход событий, однако женщина заявила, что не помнит, кто за кем пришел.

— По-моему, сначала явился тот, в плаще. А может, другой. Но что третий пожаловал последним, это у меня в голове отложилось. У Донни было двое гостей одновременно, только не помню, кто именно.

Моя собеседница не отличалась глубиной мысли и была сильно напугана. Как выяснилось, напугал ее третий приятель Донни, который захаживал к девушке чуть ли не каждый вечер.

Она была почти уверена, что первым сегодня утром ушел мужчина в плаще.

— Расскажи мне о третьем. Который так тебя напугал. Очень любопытно.

Она считала иначе и не желала ничего о нем рассказывать. Подонки он и есть подонки.

Я понял, что она что-то знает. Если немножко надавить, поиграть ножичком...

— Крошка, мы с ним два сапога пара, но он неизвестно где, а я тут.

— Ладно, Бруно, твоя взяла, только не заводись. В конце концов тебе же хуже. Дружки называли его Красавчиком. Увидишь, сообразишь почему. Он страшнее обкурившегося «травки» оборотня.

— Да ну? — «Может, гоблинья кровь? Я как чувствовал, что без гоблина, пускай даже полукровки, тут не обошлось».

— Вот тебе и да ну! Уродина, каких не сыщешь! Непонятно, откуда он такой вылез. Приходил всякий раз в другой компании. Правда, один при нем ошивался постоянно. Великан, Скредли звать.

Должно быть, мои глаза полыхнули пламенем. Женщина испуганно попятилась, выставила перед собой руку, принялась высматривать, куда бы спрятаться.

— Успокойся, милашка. Скредли, говоришь? Подумать только! Ты уверена?

— Уверена, уверена.

— Сначала ты говорила, что к Донни приходило всего-навсего трое мужчин. А теперь выясняется, что Красавчик приводил с собой целую толпу.

— Они все оставались снаружи. Наверно, охранники. Скредли зашел в дом только сегодня утром. Ой, слушай, а ведь он приходил и раньше, один-единственный раз, сам по себе... Просидел часа два. Совсем забыла. Брр! — Женщина поежилась. — Трахаться с гоблином...

— Где я могу найти этого Скредли?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Может, в городе гоблинов? Учти, где он, там и Красавчик. Да и девка, наверно, с ними, переодетая под мужика. Ступай отсюда, а? Оставь меня в покое.

— Больше тебе нечего сказать?

— Нет.

— Неужели? А кто забрал тело? И куда его увезли?

— По-моему, за ним приехали родичи. Чистоплюи с Холма вместе со своими слугами. Никакой жалости к бедным людям. Если я правильно поняла, тело собирались кремировать.

Я хмыкнул. Кремируют обычно для того, чтобы мертвеца не увидел никто из посторонних. Скажем, женщина, которая произвела его на свет.

Возможно, я становлюсь чересчур подозрителен... В нашем деле это бывает, приходится порой осаживать себя. Ищешь маньяка, строящего гениальные в своей омерзительности планы, замышляющего великие злодейства, а натыкаешься чаще всего на откровенного глупца, которого просто-напросто поставили в безвыходное положение. Кстати, любое преступление кому-то выгодно. Памятуя об этом, не ошибешься восемь раз из десяти.

Между прочим, сейчас вопрос: «Кому это выгодно?» окончательно сбил меня с толку. Дьявол с ним, с золотом, оно рано или поздно отыщется. Но кому было выгодно убить Амиранду Крест? Кому?

Я поглядел на женщину. Нет, она мне не скажет. Ей вряд ли известно больше того, что она рассказала.

— Встань-ка в тот угол. Замечательно. А теперь сядь.

Она побледнела, обхватила трясущимися руками колени.

— Все будет в порядке, — пообещал я. — Простая мера предосторожности, чтобы ты никуда не делась, пока я буду обустраивать комнату.

Нашел я то, что ожидал, то есть ни шиша. Прихватил замшевый мешок и вышел в коридор.

Женщина крикнула мне вслед:

— Эй, мистер, никому из твоих знакомых комната не нужна?

28

Подыскав себе уютный тенок напротив мебелишки, я стал ждать. Улица опустела — ни людей, ни куда более порядочных собак и кошек. Крики и шум в окрестных зданиях стихли. Отбросы общества набирались сил перед завтрашним днем.

Я терпеливо ждал. Мимо проشمыгнула стайка юнцов, напрашивавшихся на неприятности. Меня они не заметили.

Прождав около двух часов, я решил, что с меня хватит. Либо хозяйка не собиралась предупреждать Красавчика со Скредли, либо она выбралась из здания через заднюю дверь. Мои угрозы на нее вряд ли подействовали.

Ладно, ночка предстоит длинная. Сначала домой, к Покойнику, потом к Морли — узнать, что сообщили его головорезы и что ему известно о бандите по кличке Красавчик. Может, выясню что-нибудь интересное.

Интересное началось гораздо раньше. Подходя к нашему дому, я увидел, что у крыльца, несмотря на поздний час, толпятся какие-то люди.

Я решил понаблюдать. Они никуда не уходили, но в дом проникнуть не пытались. Я подошел поближе и разглядел ливреи тех цветов, какие носят слуги Владычицы Бурь Рейвер Стикс.

На случай, если они дожидаются моего прибытия, я обошел дом и приблизился к задней двери, возле которой не было ни единого человека. Стучать пришлось довольно долго. Наконец дверь открылась.

— Откуда гости, Дин?

— С Холма, мистер Гаррет.

— Я так и подумал. Недаром меня считают хорошим сыщиком. Когда я вижу, что на улице толчется полтора десятка человек, то сразу определяю, что к кому-то пожаловали гости. Где мисс да Пена?

— Наверху. Сидит тихо, как мышка.

— Она знает?

— Я ее предупредил.

— Молодец. А где благородная дама?

— В гостиной. Изнемогает от нетерпения.

— Ничего, подождет. Во-первых, я голоден, а во-вторых, мне надо потолковать с Покойником. К тому же, прежде чем встретиться с этой фурией, я бы не отказался пропустить пивка.

Я дважды предоставил Дину возможность спросить, откуда мне стало известно, что у нас в гостях домина Даунт, и дважды он ею не воспользовался. Впрочем, его занимало другое.

— Я бы не стал тревожить его милость. Он спит.

— Когда в доме посторонний?

— По-моему, он целиком и полностью полагается на вас. — Судя по тону, каким это было сказано, Дин считал, что Покойник впал в старческий маразм и находится на полпути к логхирским небесам.

Похоже, теперь у меня двое знакомых, которые никак не разберутся, кому из них принадлежит мой дом и кто в этом доме хозяин. Не удивлюсь, если Дин выразит желание переселиться

сюда — под тем предлогом, что надо же кому-то постоянно следить за порядком.

— Будь паинькой, Дин, а то брошу вас всех и сбегу с Уиллой Даунт.

Он и не подумал улыбнуться. Грохнул передо мной тарелку с ужином и изрек с видом оскорбленной в лучших чувствах почтенной матроны:

— Вот женюсь и уйду, тогда будете знать.

Я удовлетворенно усмехнулся. Ужин был просто великолепен.

29

На севере, на рубежах территории громовых ящеров, есть местность под названием Уголок Преисподней. Там не то чтобы никто не живет — просто люди селятся в тех краях отнюдь не по собственному желанию. Повсюду гейзеры, ямы, заполненные расплавленным металлом, который время от времени выплескивается в воздух с громким «бум!», плюс неистребимый аромат серы.

Эти ямы вспомнились мне в тот самый миг, когда я увидел домину Даунт. Чувствовалось, что она едва сдерживается. Казалось, еще немного, и раскалится докрасна.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Если бы я знал, что у нас будут гости, постарался бы прийти пораньше. — Опустился в кресло, поднес к губам кружку. — Надеюсь, вам удобно? — Перед тем как я ушел из кухни, старина Дин напомнил мне насчет осторожности, и я решил в точности следовать его совету.

Ссориться с аристократами с Холма вредно для здоровья.

— Я сама виновата, — отозвалась домина. Чудеса! Неужели она и впрямь признала, что в чем-то виновата? — Но если бы я прислала кого-то договориться о встрече, мы с вами могли бы не встретиться вообще. Правильно? Я полагаю, вы отказались бы прийти ко мне?

— Совершенно верно.

— Мистер Гаррет, мне известно, что вы меня, говоря откровенно, недолюбливаете, да и разговоры с вверенными моему попечению молодыми людьми вряд ли пробудили у вас теплые чувства по отношению к домине Даунт. Тем не менее эмоции не должны мешать делам. До сих пор мы общались с вами в основном на деловой основе.

— Спасибо на добром слове.

— Не за что. Мне вновь нужна ваша помощь, мистер Гаррет. На сей раз не для прикрытия.

Должно быть, она ожидала, что я спрошу: «Неужели?», но я ее одурачил — всего-навсего приподнял бровь.

— Я в отчаянии, мистер Гаррет. Мой мир рушится, разваливается на куски, а я ничего не могу сделать. Я даже... Нет, не будем торопить события.

Я постарался придать своему лицу до отвращения внимательное выражение.

— Мистер Гаррет, всю свою сознательную жизнь я провела на службе у Владычицы Бурь. Началась моя служба еще до смерти ее отца и редко доставляла мне удовольствие. Никаких выходных, поощрения зачастую весьма сомнительного свойства... Используя свое положение, я сумела с годами накопить сумму приблизительно в десять тысяч марок. Кроме того, я начала относиться к себе как к доверенной помощнице Рейвер Стикс, которой она без опаски может поручить что угодно. Чтобы оправдать это доверие, я совершала поступки, в которых не признаюсь и духовнику, однако ничуть о том не жалею. Вы понимаете?

Я кивнул, решив не перебивать. Пускай выговорится.

— Несколько месяцев назад Владычица Бурь отправилась в Кантард, чтобы закрепить наш успех и принести Каренте долгожданную победу. Как обычно, она поручила мне вести свои дела и велела присматривать за членами своей семьи, которые в последнее время стали почему-то все чаще попадать в скандалы.

— Вы имеете в виду обоих Карлов? Да, какие только слухи про них не распускали. Но о существовании дочери лично я, к примеру, узнал лишь на днях.

— Владычица Бурь не подозревала, что девушки заслуживают самого пристального внимания. Амбер она распустила сверх всякой меры!

Я снова кивнул.

— И с тех пор как она уехала, на меня навалились сплошные неприятности. — Уилла Даунт тяжело вздохнула. — Отец и сын всячески норовили ускользнуть из-под присмотра. Затем молодого Карла похитили, и мне пришлось опустошить семейную казну и продать за бесценок серебро, чтобы купить на вырученные деньги золото и заплатить выкуп. Честно говоря, Владычица Бурь наверняка взбеленится, но когда отойдет, одобрит мои действия. Я бы пережила и бегство Амиранды. Она давно не находила себе места, даже Рейвер Стикс заметила. Но заплатить двести тысяч марок золотом за человека, который затем лишает себя жизни... Это просто невыносимо!

Интересно, мне полагается знать про Младшего или нет? Инстинкт самосохранения заставил меня разыграть удивление.

— Карл покончил с собой?

— Да, сегодня утром. Вскрыл себе вены в грязной дыре под названием «Приют рыбацки».

— Но с какой стати?

— Не знаю, мистер Гаррет. Откровенно говоря, его мотивы меня не слишком интересуют. Своим поступком он погубил меня, понимаете? Быть может, именно к этому он и стремился... Карл был странным мальчиком и всегда меня ненавидел. Но к вам я пришла не из-за Карла. Когда вернется Владычица Бурь, а это уже не за горами, мне придется несладко, но, несмотря на то, что оскорблена в лучших чувствах, я пытаюсь до сих пор сохранить хоть что-то. Однако... Сегодня утром из дворца сбежала Амбер.

Я постарался придать лицу заинтересованное выражение.

— Понимаете, если я сумею сохранить для Владычицы Бурь Амбранду и Амбер, которые пропадают неизвестно где... За деньгами я не постою, мистер Гаррет, но, пожалуйста, найдите девушек. — Домина положила на стол некий мешочек. — Здесь сотня марок золотом. Если вы сможете вернуть беглянок до того, как возвратится Владычица Бурь, я заплачу вам за каждую еще по тысяче.

— Неужели ваш Коуртер не...

— Коуртер — полный идиот! — перебила она. — Сегодня утром я отправила его на поиски Амбер. Он вернулся как раз перед тем, как я собралась к вам, в стельку пьяный, и не смог, естественно, объяснить, где был и чем занимался. Мне остается только утешать себя тем, что когда Владычица Бурь вышвырнет нас с ним на улицу, он быстро подойдет с голоду. Так вы согласны, мистер Гаррет?

— Надо подумать. — Мне требовалось справиться с угрызениями совести и договориться с самим собой. «В настоящий момент у меня три клиента — некто Гаррет, Плоскомордый и Амбер, причем никто из них не заплатил ни гроша. А домина Даунт платит вперед. С другой стороны, она не стоит того, чтобы ей помогать... Проведем-ка эксперимент». — Знаете, я, кажется, догадываюсь, где может быть одна из девушек.

— Правда?

— Допустим, да. Как насчет моего гонорара?

— Что ж... — Домина поднялась, выпрямилась и сразу словно постарела на несколько десятков лет. — Я ожидала чего-то подобного.

Ее губы изказила усмешка. Она порылась в складках одежды и выложила десять близнецов того мешочка, который уже красовался на столе. Я проверил наугад содержимое одного из них и был приятно поражен.

Тысяча сто марок... Такой суммы в моем распоряжении еще не было, а ведь мне обещана тысяча сверх того... Какое искушение для темной стороны человеческой природы!

Амиранда мертва, Амбер мне никто. Морли как-то заметил, что женщины — единственный запас, который никогда не истощается... И перед кем мне извиняться и объясняться?

Разве что перед собой. А Покойник будет посмеиваться у меня за спиной.

Ну и ладно, эксперимент все равно провести не мешает.

Я встал и пододвинул мешочки с золотом к себе.

— Пойдемте.

Как оказалось, Дин притушил в комнате Покойника огонь. Понятия не имею, зачем он это сделал. Покойнику на свет было глубоко плевать. Когда ему хотелось спать, логхир засыпал в любых условиях — при ярком свете, в грозу или в разгар землетрясения.

Я сложил золото на полу за креслом Покойника.

— Зачем вы привели меня сюда, мистер Гаррет? — осведомилась Уилла Даунт.

— Обернитесь.

На какой-то миг она превратилась в нормальную женщину. Взвизгнула, закрыла руками лицо... Но всего минуту спустя полностью овладела собой и пробормотала:

— Неужели беда и впрямь не приходит одна? — Потом повернулась ко мне. — Соболаговолите объяснить, мистер Гаррет.

— Что именно? — Домина промолчала, стараясь, видимо, обуздать ярость. — Вы поручили мне найти и вернуть домой Амбер да Пену и Амиранду Крест. Одну из девушек я нашел и вернул.

Домина, прищурясь, глядела на меня, ее взгляд выражал ненависть. Однако голос оставался на удивление спокойным.

— Я надеялась, что вы вернете их в лучшем состоянии. Амиранда мертва? Или на нее наложили заклятье?

— Первое. Вы правильно подметили, у нее нелады со здоровьем.

— Мистер Гаррет, сейчас не время упражняться в остроумии. Насколько я понимаю, убили ее не вы. Будьте любезны сообщить, кто это сделал, когда, где и как.

Честно говоря, я и сам не отказался бы это узнать. Что ж, эксперимент провалился. Разумеется, ведь домина Даунт не из тех, кто позволяет застать себя врасплох. А может, ей действительно нечего скрывать?

— Я жду, мистер Гаррет.

— В тот день, когда вы якобы собирались передать выкуп, Амиранда уехала из Танфера в сопровождении моего знакомого, который находился при ней в качестве телохранителя. — Я решил все же проверить, как домина отреагирует на эту историю. — С собой она взяла несколько саквояжей. Близ Личфилда есть перекресток, на котором Амиранда остановила экипаж. По словам моего знакомого, у нее там была назначена встреча; как только появится тот, кого она ждала, телохранителю следовало уйти.

— И кого же она ждала?

— Не знаю. Никто так и не пришел, если не считать выпавших вдруг из лесу гоблинов. Мой знакомый прикончил четверых или пятерых, но не сумел помешать остальным расправиться с Амирандой. Если уж на то пошло, не смог даже защитить себя. Гоблины решили, что он мертв, и швырнули в кусты, к Амиранде и прочим, а потом разбежались. Какое-то время спустя мой приятель кое-как поднялся, взял Амиранду на руки и отправился туда, где, как он полагал, девушку могли бы спасти. Несмотря на свои раны, он прошел целых три мили...

— Зря?

— Естественнo. Понимаете, мой приятель не слишком умен. Узнав, что старался понапрасну, он сильно рассердился, ибо по-

чувствовал себя одураченным. Каким-то образом сумел добраться до Танфера и попасть в больницу «Бледсо», где я его и разыскал в палате для кандидатов на тот свет.

Уилла Даунт нахмурилась, гадая, очевидно, зачем я ей все это рассказываю.

— Вы кое о чем умолчали, верно?

— Да.

— Почему?

— Потому что вам незачем знать. Это не касается ни вас, ни кого другого, за исключением друзей моего приятеля, которые считают, что долг платежом красен. Кстати, некоторые из них едят гоблинов на завтрак.

Домина не обратила на скрытую угрозу ни малейшего внимания. Пристально поглядела на меня и проговорила:

— Так вот почему вы настойно лезете в чужие дела.

— Совершенно верно.

— А вам известно, что Владычица Бурь не любит, когда посторонние вмешиваются в ее дела?

— Полагаю, ей гораздо больше не нравится, что кто-то убивает ее детей. — Хвала небесам, что домина не заметила моей промашки! Вот уж действительно, язык мой — враг мой.

— Может быть. Но учтите, любопытство обычно до добра не доводит.

— Учту, — пообещал я. — И передам друзьям своего приятеля. Может, они настолько перепутаются, что постараются заплатить должок до возвращения Владычицы Бурь.

Я решил сменить тактику: эксперименты побоку, на Уиллу Даунт следует давить и давить. Не то чтобы у меня появились конкретные подозрения, просто она знала то, что требовалось мне. Может, в конце концов сломается и раскроет свои секреты?

— Вы не хотите рассказать о том, когда, где и как передали выкуп?

— Нет, мистер Гаррет. — Она криво усмехнулась.

«Должно быть, считает, что подкопаться под нее невозможно».

— Ваше право. — Я пожал плечами. — Вы заберете тело с собой? Мой слуга...

— Я приехала в экипаже, мистер Гаррет, и слуг у меня достаточно своих.

— Пускай подгонят экипаж к крыльцу, а я вынесу тело.

— Очень хорошо. — Домина вновь усмехнулась.

— Надеюсь, Амбер вы постараетесь вернуть в более приличном состоянии? — осведомилась Уилла Даунт, усаживаясь в экипаж.

Я мысленно досчитал до пяти, справляясь с приступом злобы. Вот стерва! Уверена на все сто, что музыку заказывает тот, кто платит. Ничего, Гаррет, ничего...

— Я постараюсь.

Она победно улыбнулась. Должно быть, считает, что разбила меня в пух и прах. Если честно, тут она права.

Я решил узнать, что думает обо всем этом Покойник.

Как оказалось, пока я отдувался, мертвый сукин сын благополучно дрых!

30

Я опорожнил кружку и вытер губы. В таком настроении мне ничего не стоило выпить целый бочонок, однако ночь только началась.

— Дин, скажи мисс да Пена, что домина ушла, и предупреди, что если у нее есть хоть частица здравого смысла и ей дорога собственная жизнь, пусть ни в коем случае не подходит к окну. Игра ведется по-крупному, церемониться никто не будет. Я пойду навещу мистера Дотса. Выйду на всякий случай

через черный ход. Запри дверь на все замки и не открывай никому, кроме меня.

Дин нахмурился. Впрочем, он служил у нас достаточно давно, а потому успел привыкнуть к подобным вещам. Взял с кухонного стола секач и мясницкий нож, оба острые настолько, что ими можно отрезать человеку ногу, а тот ничего и не заметит, и сказал:

— Ступайте, мистер Гаррет. Я обо всем позабочусь.

Шагая по улице, я размышлял о том, что однажды, вернувшись домой, обнаружу толпу изуверченных взломщиков. Старина Дин смотрел на жизнь отнюдь не философски и не понимал, что силу следует применять разумно. Бруно с Коуртером повезло, что они застали его врасплох, безоружным.

Лишь преодолев три четверти расстояния, отделявшего наш дом от заведения Морли, я сообразил, что за мной «хвост». Не то чтобы я не проверял, нет; просто следил за мной специалист своего дела. Он понял практически сразу, что я его заметил, а потому все уловки, какие я попытался применить, не принесли ни малейшей пользы.

Тем самым он себя выдал.

В Танфере таких ребят было всего трое. Прежде всего ваш покорный слуга, затем Морли Дотс; но у Морли следить за мной не было никаких оснований.

Оставался тип по имени Шнырь Пиготта, настоящий ас. По слухам, он был наполовину призраком.

Вообще-то мы с ним оба занимались частным сыском. Неужели его наняла домина Даунт, чтобы он присматривал за чересчур ретивым Гарретом?

Вряд ли.

Тогда кто?

Между тем Шнырь предпринял попытку перехитрить меня. Я подавил желание поиграть в эту игру. Все равно ничего не

выйдет. Шнырь Пиготта — консерватор, интересы клиента для него прежде всего.

Ну его к дьяволу!

Я вошел в заведение Морли через парадную дверь, обогнул стойку бара и на глазах у изумленного ночного бармена прошествовал в кухню. Повара с ножами в руках ошарашенно воззрились на меня. Я кивнул им с видом принца королевской крови, снизошедшего до провинциалов.

— Отлично, ребята, отлично. Эй ты! Надо резать ровнее. Смотри, какой толстый кусок.

До того как они опомнились и собрались меня линчевать, я успел укрыться в кладовой, откуда вышел через черный ход наружу, обжегал здание и увидел, как парадная дверь захлопнулась за спиной Пиготты.

Замечательно! Он, видимо, решил последовать моему примеру и бросил играть в игрушки, а потому последовал за мной, даже не попытавшись замаскировать свои намерения хотя бы для приличия. Если вдуматься, в том был определенный смысл: при столь явной слежке я вряд ли рискну проворачивать наиболее тайные из своих делишек.

Неожиданно я ухмыльнулся, припомнив, какой вид был у поваров. Да, такого спектакля не поставить ни одному хореографу.

— Ладно, Шнырь, — пробормотал я и побежал к парадной двери.

Пиготта, удостоверившись, что меня в зале нет, как раз собирался уходить. Надо сказать, выглядел он весьма странно — высокий, тощий, весь какой-то угловатый и настолько бледный, что его можно было принять за вампира-полукровку. На улице незнакомые люди от него попросту шарахались.

— Попался, Шнырь, — проговорил я, глядя Пиготте за спину, на приближающегося Уолдо Тарпа, который производил впечатление вполне здорового человека. Понятия не имею, каким

ветром занесло сюда Плоскомордого, но я откровенно ему обрадовался.

— Бывает. — Пиготта пожал плечами.

— Что тебе нужно?

— Ты что-то сказал, Гаррет? Извини, я в последнее время плоховато слышу.

— Что стряслось, Гаррет? — поинтересовался подошедший Тарп. Теперь на нас глядели все, кто присутствовал в зале.

— Мы со Шнырем собрались повидать Морли. Я нашел одного из тех парней, с которыми ты на днях повздорил. Хочешь послушать? — Я сделал недвусмысленный жест рукой. Пиготта подчинился; по всей видимости, он сообразил, что у меня к нему чисто профессиональный интерес, ничего личного, и успокоился. На его месте я ощутил бы то же самое.

Шнырь начал подниматься по лестнице. Я шагал следом, а Плоскомордый замыкал шествие. Взгляды посетителей заведения буравили нам спины.

Морли, естественно, узнал о нашем приходе заблаговременно.

— И что мне с ним делать? — осведомился он.

— Поскольку он отказывается говорить, кто его нанял следить за мной, придется принять известные меры. Лучше по возможности обезопасить себя, чем потом всю жизнь жалеть. Возьмешь на хранение?

— Надолго?

— На денек.

— Пиготту?

— Подумаешь, какая знаменитость.

Морли поразмыслил, затем произнес, обращаясь к одному из своих подручных:

— Кровосос, проверь карманы мистера Пиготты, только вежливо.

Шнырь и глазом не моргнул, хотя я представлял себе, что он чувствует. Мне самому несколько раз приходилось терпеть подобное обращение.

Морли осмотрел добычу, значительную часть которой составляли серебряные монеты.

— Храмовая чеканка, — заметил он, взяв одну монету в руки.

Верно. Причем все монеты как две капли воды похожи на ту, которую я обнаружил на ферме, где держали Карла.

— Что-нибудь выяснил? — справился Морли.

— Да. Узнал, на кого он не работает. — Домина Даунт до серебра не опускалась.

Кто же тогда нанял Пиготту?

— Убери его с глаз долой, — сказал я Морли. — Нам надо потолковать, а время уже позднее.

— Кровосос, отведи его в погреб. Не забывай о вежливости. Считай, что у нас появился почетный гость.

— Слушаюсь, мистер Дотс.

31

Затем Морли выгнал из комнаты остальных головорезов. Оставшись наедине с нами, Плоскомордый наконец позволил себе расслабиться, и сразу стало ясно, что до полного выздоровления ему еще далеко. Пару минут я корил его за беспечность, а он даже не пытался возражать. Но идти домой и лечь в постель категорически отказался.

— Ребята сообщили, что тело Младшего завезла в крематорий та баба, Даунт, по дороге к тебе, — сказал Морли. — Думаю, тебе известно, что он сыграл в ящик?

— Известно. Только умер он не своей смертью, ему изрядно помогли друзья.

— Гаррет, твои глаза подозрительно блестят. Ты что, знаешь, кто это сделал?

— Догадываюсь. Одним был гоблин по имени Скредли. Так уж получилось, что личность с тем же самым именем участвовала в инсценированном похищении Младшего — и, вполне возможно, в нападении на Плоскомордого и Амиранду. Этот Скредли отирается вокруг парня по кличке Красавчик, который, как говорят, страшнее самого... Что с тобой, Морли?

— Ты сказал, Красавчик?

— Ну да. Вы знакомы?

— Я кое-что о нем слышал.

— Теперь мне не нравится твой взгляд.

— Тогда отвернись к стене и продолжай рассказывать.

Плоскомордый слушал, покачивая головой. Морли что-то записывал на листе бумаги. Я выложил почти все, что знал.

— Все упирается в Донни Пелл, — сказал Морли, когда я закончил. — Она связана со всеми, кроме Уиллы Даунт. Та девчонка, Амиранда, наверняка знала про Донни, раз была в хороших отношениях с Младшим. Как бы нам изловить эту самую Донни.

Мы с Плоскомордым переглянулись.

— Он гений, верно? Как думаешь, ему пришло в голову, что Донни Пелл может оказаться следующей жертвой? Если плохие ребята разнервничались настолько, что зарезали сыночка Рейвер Стикс...

— По-моему, следующей жертвой будет Красавчик, — перебил Морли. — Хотя я могу и ошибаться.

— Почему он? — спросил Плоскомордый. Друг Уолдо верен себе: всегда выбирает прямую дорогу.

— Расскажи мне про Красавчика, Морли. Я впервые про него слышу.

— Теряешь нюх, Гаррет. Таких, как он, нельзя упускать из виду.

— Учту на будущее. Давай выкладывай.

— Появился он в наших краях сравнительно недавно. Его настоящее имя Конрад Стейли. Явился из Хасефбро, где был важной шишкой; решил, видно, что пора переселяться в крупный город. По происхождению человек, но настолько злобный и омерзительный на вид, что вполне может сойти за гоблина. Привел с собой с десятков подручных, но со временем набрал новых, а прежних отослал назад. Было дело, они враждовали с Чодо Контагью, но сумели договориться. Красавчику достался город гоблинов. Он всем там заправляет, а Чодо не вмешивается — ему хватает собственных забот. К тому же Красавчик платит подать.

Чодо Контагью стал королем танферского преступного мира после смерти старого короля. Он был гораздо могущественнее большинства аристократов с Холма, однако не выставлял свое могущество напоказ.

— Если ты намерен разобраться с Красавчиком, можешь рассчитывать на помощь Чодо, — продолжал Морли. — Сидите здесь и не рыпайтесь. — Он направился к двери. — Если что понадобится, крикните в трубу. Я вернусь через пару часов.

— Ты куда?

— Хочу поговорить с Чодо. — И Морли скрылся за дверью.

— Гаррет, мы с тобой думаем о том же самом?

— Я не думаю. Я знаю.

Чодо Контагью удалось стать королем танферского преступного мира во многом благодаря тому, что Морли Дотс подарил старому королю гроб, в котором оказался голодный вампир. Старый король поднял крышку в полной уверенности, что вампир давно окочурился... Мы с Плоскомордым выступали тогда в роли грузчиков, а наш приятель Морли, предлагая нам подзаработать, не удосужился предупредить нас о возможных последствиях.

Впрочем, ничего удивительного. Он догадывался, что мы, узнав правду, наверняка откажемся. Морли тот еще жук. Ну ничего, теперь он мне обязан до гробовой доски.

— Не переживай, Плоскомордый. Морли снова проигрался в пух и прах, поэтому без нас ему не обойтись. Да и я не собирался соваться в город гоблинов в одиночку. Но здесь я сидеть тоже не намерен. За пару часов можно сделать кое-что полезное.

Плоскомордый молча поглядел на меня, и я понял, что он едва держится на ногах. Если мы отправимся на поиски Красавчика — а уж я-то отправлюсь точно, — друг Уолдо дома не останется. Значит, ему надо отдохнуть.

— А ты поспи. Я скоро вернусь.

Головорезы внизу проводили меня мрачными взглядами, но останавливать не рискнули.

32

Я отправился к Плеймету и барабанил в дверь до тех пор, пока не вытащил его из постели. Он долго ворчал, но одолжил мне повозку и даже сделал вид, что отказывается от денег (хотя в конечном итоге, разумеется, взял). Обычная история. Плеймет только притворяется богачом, на деле бабки ему нужны постоянно.

Крематорий Ларкина находился приблизительно в миле от дома Плеймета. Я торопился, хотя особенно спешить было некуда. Если Морли ничего не напутал, тело Младшего доставили поздно, следовательно, отправить в печь еще не успели. Кремация в ночные часы запрещена законом, да и церковь бдительно следит за тем, чтобы душа не расставалась с плотью в темное время суток, поскольку такая душа обречена на вечные скитания во мраке.

В Танфере имелось три крематория. Я не сомневался, что Младшего отвезли к Ларкину, ибо этот крематорий находился по дороге с Холма к моему дому.

Ночной сторож, как я и предполагал, оказался нечист на руку. Вообще на свете полным-полно мошенников — одни наживаются на мертвых, а другие вынуждены им потворствовать.

Я оставил повозку в переулке близ крематория, наложив на лошадей заклятие, сотканное из крепчайших ругательств. По крайней мере, они меня выслушали.

После чего проделал все так, как, по слухам, было принято: подошел к задней двери, особым образом постучал и стал ждать, пока меня изучат в невидимый «глазок».

Дверь приоткрылась. Мне пришлось стиснуть зубы, чтобы сдерживать рвущийся наружу то ли стон, то ли смех. Ночной сторож точь-в-точь походил на персонаж какой-нибудь кладбищенской истории — горбун столь отталкивающей наружности, что с ним не сравнился бы, пожалуй, и сам Красавчик. Будем надеяться, к исходу ночи у меня появится возможность удостовериться в своей правоте.

Если и существовал какой-то пароль, я все равно его не знал, поэтому просто показал горбуну золотую монету, и он провел меня в помещение, где ожидали своей участи мертвецы. Прямо как в старой байке — «до смерти хочется туда попасть». Заняты были семь из десяти столов.

Горбун оказался прирожденным торговцем.

— Вот лучшее из того, что у нас есть, — сообщил он, приподняв край савана. — Вам повезло, мистер, выбирайте в свое удовольствие.

Девочка лет четырнадцати, никаких явных признаков болезни или несчастного случая.

— Глядишь, она еще и девственница. — Старик прицокнул языком.

Бывает, что вам жутко хочется переломать кому-нибудь все кости, но поскольку дело прежде всего, вы сдерживаетесь и мило улыбаетесь... Я приподнял второй саван. Мимо.

Зато с третьим телом я угодил точно в яблочко.

— Сколько вот за этого?

Я никогда не видел и, надеюсь, не увижу, чтобы на меня так смотрели. Судя по всему, горбун собирался отказаться, поэтому я положил на пустой стол монету достоинством в десять марок. Думаю, он ее в жизни не держал в руках.

Жадность в горбуне боролась с осторожностью.

— Он с Холма, мистер. Стоит ли с ними связываться?

— Ты прав, не стоит. Поэтому я и хочу его купить.

— Но зачем?

— Как сувенир. Отрежу ему голову, высушу и буду носить в ухе вместо сережки.

— Мистер, этот парень — с Холма. Его родичи явятся за пеплом.

— Неужели у тебя не найдется, что им дать? Сколько ты сожжешь за счет казны? — По распоряжению магистрата, непознанные трупы, а также трупы нищих равномерно распределялись между всеми городскими ритуальными заведениями, а платила за них казна. Неплохой способ заметать следы и подзаработать денег, верно? Поэтому большинство хоронило родных на ближайших кладбищах.

— Четверых. Но я должен отчитаться перед хозяином...

— Сколько? — перебил я. Хозяин наверняка все знает и одобряет, исправно получая свою долю. — Но в разумных пределах. Иначе я заберу одно тело, а оставлю вместо него другое. Твое. — Честно говоря, мне на самом деле этого хотелось.

— Двадцать марок. — Горбун судорожно сглотнул.

— Вот десять. Остальное получишь, когда я погружу тело в повозку. Сейчас вернусь.

Он, конечно, мог бы запереть двери и не пустить меня обратно, но отказаться от десяти марок было выше его сил.

Он что-то пробурчал, но я не обратил внимания. Десять минут спустя тело младшего да Пены лежало в моей повозке. Сжимая монету в руке, я повернулся к горбуну.

— Те же самые люди привезут сегодня еще один труп. Его я тоже хочу забрать. Это женщина. Если окажется, что ее... В общем, ты понял?

Он сглотнул.

— Понял или нет?

— Понял, сэр. Все будет в порядке. — Горбун потянулся за монетой.

Я постарался не коснуться его руки.

Мне пришлось постучать дважды, прежде чем Дин соизволил открыть дверь.

— Ты что, не ложился? — спросил я, увидев, что он одет.

— Не спится, мистер Гаррет. А это что такое? Вы что, начали коллекционировать трупы?

— Только те, которые могут пригодиться. Отнесу в комнату Покойника. Если старик проснется и пожелает узнать, что происходит, объяснишь, что это молодой да Пена, которого следует сохранить до возвращения его матери.

Дин позеленел, когда ему пришлось помогать мне тащить Карла, однако выдержал. Мы усадили тело в кресло, после чего я вернулся на кухню и залпом выпил пару кварт пива.

— Вы снова уходите, мистер Гаррет?

— Ночь еще не кончилась, Дин.

— Уже кончается.

Он был прав. Скоро начнет светать.

33

К Морли я вернулся как раз вовремя, чтобы разбудить Плоскомордого. Мгновение спустя появился Дотс в сопровождении своих орлов — Кровососа, Саржа и Рохли. Кроме того, с ними были две незнакомые личности, о которых я, впрочем, много слы-

шал — Краск и Садлер, профессиональные убийцы, состоящие на службе у Чодо Контагью. Родились они людьми, но затем, не дожидаясь, пока умрут, их набальзамировали и превратили в зомби.

— Какого дьявола ты их привел? — процедил я. Кстати сказать, Краск и Садлер тоже не слишком обрадовались, увидев нас с Плоскомордым.

— Уймись, Гаррет, — отозвался Морли. — Или ступай лови своего Красавчика в одиночку.

Я прикусил язык.

— Расклад такой, — продолжал Морли. — Красавчик обитает в городе гоблинов, заправляет там всеми делами. Но гоблины не сильно огорчатся, если вдруг обнаружится, что Красавчик пропал на пару со своим лучшим дружкой Скредли. Он нужен не только тебе, Гаррет. Он нужен Чодо. Нам помогут, но за это мы должны сразу передать Красавчика Чодо. Потом ты составишь список вопросов, которые тебя интересуют, а Чодо добьется ответов.

— Замечательно, Морли. Просто замечательно.

Я буквально кипел от злости, но у меня хватило ума замолчать. Морли посмотрел в мою сторону и пожал плечами. Я понял, что он хотел сказать, но отсюда вовсе не следовало, что мне это понравилось.

Плоскомордый совладал с собой быстрее меня. Он переплел пальцы, выгнул их так, что хрустнули суставы, и произнес:

— Ко всему можно привыкнуть, Гаррет. Думаю, не стоит терять времени.

Он направился к двери.

— погоди, — сказал Морли. — Ты же идешь не на прогулку с подружкой. — Он обошел свой стол, поводил рукой. Часть стены отъехала в сторону, явив взгляду арсенал, подобного которому я не видел с тех пор, как отслужил в армии.

Плоскомордый поглядел на оружие и покачал головой, не в силах каким-либо иным способом выразить охватившее его изумление. Потом вместе с головорезами Морли принялся вооружаться. Краск и Садлер принесли оружие с собой. Я тоже проявил подобную предусмотрительность. Мне казалось, что все в порядке, однако кислая гримаса Морли опрокинула мою уверенность. Я выбрал длинный нож и штучку вроде той, что дамы (которые на деле дамами не являются) носят на подвязках. Физиономия Морли оставалась по-прежнему кислой, однако никак иначе он мой выбор не прокомментировал.

Вообще-то я любому оружию предпочитаю свою трость. Вдобавок у меня есть подарок ведьмы.

Мы спустились вниз — ребята Морли впереди, громилы Чодо сзади. Бдительные взоры обшарили залу. В столь поздний — или ранний — час в заведении оставались лишь те, кто находился с Морли в приятельских отношениях. Насчет их можно было не беспокоиться.

Когда мы проходили мимо стойки, бармен поманил Дотса к себе. Морли пошептался с ним, потом догнал нас у двери на улицу, по которой меня преследовал Пиготта.

— Последние новости. Корабль Владычицы Бурь в сумерках бросил якорь в двадцати милях от города.

— Значит, она прибудет завтра днем.

— Пожалуй, попозже. Ветер-то встречный.

Это следовало обдумать.

На улице нас поджидал огромный черный экипаж, запряженный четверкой лошадей. С высоты двадцати футов нам ухмыльнулись двое верзил с блесевшими в темноте глазами и клыками.

— Привет, мужики.

Гролли — наполовину тролли, наполовину гоблины, жестокие существа с зеленой кожей, куда более опасные, чем стадо громовых ящеров. Этих двоих я знал. В свое время мне пришлось

отправиться в Кантард за женщиной, которая унаследовала крупную сумму. В путешествии меня сопровождали трое гроллей, один погиб, двое уцелели. Несмотря на то, что нам довелось много пережить вместе, я не знал, могу ли доверять этой парочке...

Имена у них были под стать, как проклятие — Дорис и Марша.

— Так сказать, подстраховка, — заметил Морли. — Ты полагаешь, я сваял дурака, прихватив Садлера с Краском?

— Нет. Я думаю, ты думаешь, что наша прогулка поможет тебе избавиться от долгов. Надеюсь, ты окажешься прав.

— Гаррет, ты законченный циник и вообще подозрительная личность.

— С кем поведешься...

Ребята Морли забрались в глубь экипажа, Плоскомордый последовал за ними. Садлер с Краском уселись на облучок и напялили на себя высокие шляпы и черные плащи, какие носят возницы и охранники. У каждого под рукой имелся арбалет.

Подобное снаряжение необходимо для тех, кто достаточно богат, чтобы ездить в экипаже по ночному Танферу, но недостаточно могуществен, чтобы украсить дворцы экипажа чем-нибудь вроде герба Владычицы Бурь.

Большинство аристократов разъезжает в сопровождении эскорта. Нас сопровождали гролли, помахивавшие своим излюбленным оружием — дубинками в дюжину футов длиной, для меня, к примеру, совершенно неподъемными.

Мы с Морли забрались внутрь, Дотс высунулся в окно и велел Краску трогать. Экипаж покатил в ночь.

— Полагаю, у тебя есть план? — поинтересовался я.

— Спрашиваешь! Между прочим, я еще и поэтому обратился к Чодо. Его парни знают логово Красавчика, а я там никогда не был. Да и ты тоже.

Я фыркнул. Остаток пути прошел в молчании.

34

В этот час в городе гоблинов было тише, чем в могиле. Такое впечатление, что у гоблинов очень поздно ложиться и вставать посреди дня заведено испокон веку. Мы прибыли вскоре после того, как большинство обитателей города погрузилось в сон. Улицы были не то чтобы пустынные, но на прохожих можно было не обращать внимания. Они делали вид, что не замечают нас, поскольку принадлежали к презираемой касте стервятников.

Появись мы на двенадцать часов раньше или позже, нам угрожали бы неприятности: мы рисковали бы встретиться с куда менее трусливой публикой.

Мы свернули в переулок, настолько узкий, что экипаж едва в него вписался, а когда достигли места, где можно было открыть двери, Краск велел нам выходить. Мы подчинились. Он отогнал экипаж обратно в переулок.

— Вот наша цель. — Морли показал на четырехэтажное здание в сотне ярдов вниз по улице. — Логово Красавчика. Дома вокруг снесены специально, чтобы никто не мог подобраться незамеченным. Мы все устроим так, что нас он не заметит.

— Здорово. — Под самой крышей здания светились два-три окна. — Морли, ты просто гений.

Постройки города гоблинов лет на пятьдесят — сто старше хибар вроде «Приюта рыбацки». В большинстве случаев это заметно с первого взгляда. Однако в былые дни строили из кирпича, поэтому цитадель Красавчика представляла собой весьма крепкий орешек. Достаточно сказать, что для того, чтобы стоять прямо, ей не требовалось подпорок.

Небо на востоке начало светлеть.

— Дорис и Марша взберутся на крыши ближайших зданий, — сообщил Морли, — и сбросят веревки. Краск, Сарж и Кровосос поднимутся с одной стороны, остальные — с другой. После чего мы...

Он излагал свой план до тех пор, пока я не заметил:

— Чушь собачья.

— Ты предлагаешь войти через парадную дверь и пробиваться наверх?

— Ничего подобного. Знаешь, если бы мне не надо было задать кое-кому несколько вопросов, я бы просто устроил пожар на первом этаже. Пламя потянуло бы наверх, как дым в печной трубе.

— Но ты же хочешь задать свои вопросы, верно? То-то и оно. Готовы? Тогда вперед.

Дорис и Марша, которых мое мнение ничуть не интересовало, давно уже скрылись во мраке.

Мы преодолели приблизительно половину расстояния, когда из парадной двери здания вышел человек. Засунув руки в карманы, он глядел себе под ноги, а потому заметил нас далеко не сразу. Когда же заметил, то остановился и выпучил глаза.

— Бруно, — прошипел я.

Человек развернулся и опрометью бросился обратно.

Тренькнула тетива. Для выстрела навскидку получилось неплохо. Стрела вонзилась Бруно в левую руку. Он пошатнулся, однако устоял на ногах и побежал еще быстрее.

— Дьявол с ним. Потом поймает. Его мне тоже нужно кое о чем спросить...

Я не договорил. Краск выстрелил, последовав примеру Садлера. Стрела вонзилась Бруно в спину, дюйма на три ниже плеч. Садлер подбежал к раненому и оттащил его в темноту.

— Большое спасибо, — процедил я.

Краск даже не повернулся в мою сторону.

Дорис и Марша, которые благополучно забрались на свои крыши, скинули нам веревки. Между тем свет в окнах погас.

— Справишься? — поинтересовался я у Плоскомордого.

— О себе беспокойся, Гаррет. Меня теперь ничто не остановит. — И Плоскомордый полез вверх. Я старался держать веревку натянутой. Тарп карабкался столь проворно, словно превратился в семнадцатилетнего юнца, у которого со здоровьем полный порядок. За Плоскомордым полез Садлер, перекинув через плечо не один, а два арбалета; третьим был Рохля, а счастливчику Гаррету выпало взбираться по веревке, которая болтается туда-сюда.

Взобравшись наверх, я обнаружил, что Марша успел перебраться на крышу нужного нам здания. Плоскомордый обмотал конец брошенной ему веревки вокруг печной трубы, к которой прислонился с арбалетом наизготовку Садлер. В щель между ставнями одного-единственного окна сочился свет.

Интересно, неужели Красавчик до сих пор ничего не заподозрил? По-моему, когда у тебя над головой прыгает туша весом в добрых две тонны, поневоле обратишь внимание...

Рохля присоединился к Марше. Затем полезли мы с Плоскомордым, причем я всю дорогу старался убедить себя, что до земли от силы фут.

Старался и не смог.

Садлер остался у трубы, от которой оторвался лишь на миг, чтобы отвязать веревку.

Марша соорудил на конце веревки нечто вроде корзины. Усаживаясь в нее, я вновь подивился тому, что нас до сих пор не засекали. Может, Красавчик оглох? Или готовит нам приятную встречу?

Что ж, скоро я это узнаю. На мой вкус, слишком скоро.

В полумраке мне было видно, как Морли, которому предстояло спускаться с другой стороны, усаживается в такую же корзину. Вот он исчез за краем крыши...

Внезапно у меня под ногами разверзлась бездна. Я вцепился в веревку, заметил краем глаза Садлера, который целился, казалось, точно мне в лоб.

Марша опустил меня к той самой щели между ставнями.

Поначалу я не увидел ничего вообще. Пустая комната, никаких следов пьяного разгула. Затем дверь распахнулась, в комнату просунулась весьма гнусная физиономия и что-то сказала — что именно, я не расслышал. В поле моего зрения появилась спина того, к кому обращались. Этот кто-то раздраженно передернул плечами.

Я помахал рукой. Плоскомордый привязал к чему-то другой конец веревки, и я повис над бездной, предоставленный самому себе.

По всей видимости, Морли сообщил с другой стороны здания, что все в порядке, потому что Марша нагнулся и с размаху ударил дубинкой. Мгновение спустя он закинул в окно Плоскомордого, который затащил меня внутрь. Следом в комнату проник Рохля.

Если не считать насекомых, которые копошились в груде одеял, в комнате было пусто. Плоскомордый с Рохлей направились к двери, а я какое-то время отчаянно сражался с веревкой, будто угодивший в паутину мотылек. Неожиданно откуда-то донесся шум.

В тот самый миг, когда Плоскомордый достиг двери, в комнату ворвался какой-то тип. Его физиономия пришла в соприкосновение с кулаком друга Уолдо. Тип закатил глаза и после второго удара рухнул на пол.

Я наконец высвободился и устремился следом за Плоскомордым и Рохлей. Узкий коридор слева заканчивался тупиком, поэтому мы свернули направо и врезались в парочку гоблинов, выглянувших из соседней комнаты. Этим повезло не больше, чем их предшественнику — Плоскомордый шутить не собирался.

Тем временем небеса нацепили бальные тапочки и принялись топтать по крыше — гролли пустили в ход свои дубинки.

Как выяснилось, шумом сопровождалось выяснение отношений между компанией Морли и Красавчиком, за которого вступился десяток приспешников. Несколько гоблинов лежали на полу,

из неподвижных тел торчали стрелы; на наших глазах еще один совершил непоправимую ошибку, встав перед окном. Свистнула стрела, и гоблин повалился навзничь, визжа, как свинья, которую собираются зарезать. Стрела торчала у него из бедра. Наконечник смазан ядом? Вполне может быть.

Будучи человеком воспитанным, я всего-навсего оглушил двоих-троих противников своей тростью, тогда как Рохля не преминул проткнуть парочку гоблинов, причем нападал со спины. Плоскомордый расшвыривал сопротивлявшихся, словно то были не гоблины, а стая бродячих котов. В потолке появились дыры — гролли разошлись не на шутку и сломали парочку дубовых стропил.

Нападение с тыла изменило ход битвы. Перевес неожиданно оказался на нашей стороне.

Красавчик рванулся к лестнице. Я выставил ногу. Он споткнулся и с ходу врезался в косяк.

Несмотря на наше численное превосходство, праздновать победу было рано. Известно, что гоблины сражаются до последнего.

Некоторые из них еще стояли на ногах. Ребята Морли предложили нам разбираться с ними, а сами взялись за тех, чьи тела устилали пол. Я начал было жаловаться, но на меня попросту не обратили внимания.

Как ни странно, до сих пор я не получил ни единой царапины. Остальные тоже практически не пострадали, не считая Саржа, которому рассекли до кости грудь и который самоустранился из схватки, чтобы заняться раной.

— Не лезь! — рявкнул Плоскомордый, обращаясь к Рохле. — Он мой! — Повергнув могучим ударом последнего из продолжавших сопротивляться, Тарп пояснил: — Эта гнида командовала теми, кто убил девушку.

— Других знакомых ты не встретил? — поинтересовался я, переводя дух.

— Нет. — Плоскомордый оттащил гоблина в сторонку.

— Его зовут Скредли, — заметил Дотс.

Честно говоря, я и сам догадался.

Снизу доносились вопли и грохот. Красавчик приподнялся с пола и громко закричал. Мы с Морли бросились к нему, но было уже поздно.

Лестница застонала под чудовищной тяжестью.

К гоблинам прибыло подкрепление.

Десятка два гоблинов оттеснили нас к дальней стене. И это было только начало, комната продолжала заполняться харями, одна гнуснее другой.

Несмотря на усилия гроллей, которые колотили дубинками по головам гоблинов, наше положение оставалось незавидным. Не мог отбиваться Сарж, упал Рохля, загнали в угол Морли; всем остальным приходилось не менее туго. Кровожадный Красавчик от ярости впал чуть ли не в истерику...

Требовалось срочно что-то предпринять.

35

Я достал подарок ведьмы, швырнул на пол и наступил на него башмаком. Кристалл разлетелся вдребезги. Припомнив наставления старухи, я зажмурился и пропустил в результате несколько чувствительных ударов. Левую руку обожгло словно огнем.

А затем комната превратилась в миниатюрную копию преисподней.

Я открыл глаза. Отовсюду доносились звуки, напоминавшие мычание перепуганных коров; гоблины размахивали руками, корчились в судорогах на полу... Я попятился и поудобнее перехватил трость.

Ведьма утверждала, что когда заклинание срывается, в глазах начинает троеиться и голова идет кругом. Впрочем, гоблинов в

комнате было слишком много, чтобы волшебство принесло нам ощутимое преимущество...

Красавчик раза три наткнулся на стену, пытаясь выбраться в коридор. Он был мне нужен позарез, поэтому я устремился к нему. Нас разделяло от силы двое гоблинов, когда он наконец добился своего и покатился вниз по лестнице. Обычная история, Гаррету всегда везет как утопленнику.

Друзей в беде не бросают, потому я не стал преследовать Красавчика и вернулся в комнату.

Мне слегка досталось, но я тоже не остался в долгу. Морли все-таки ухитрился уцелеть. Он сидел у стены, бледный как смерть. Рядом, широко расставив ноги, стоял и довольно ухмылялся Плоскомордый. Гролли тоже ухмылялись сквозь дырки в потолке. Кровосос, один из головорезов Морли, притулился в углу, стараясь совладать с собственным желудком. Саржа и Рохли видно не было.

В общем, пострадали в той или иной степени все.

Я подковылял к окну.

Ночь давно кончилась. Снаружи доносился шум. Проснувшееся население города гоблинов проявляло любопытство к происходящему.

Следовало уносить ноги.

— Зажмурьтесь, парни, — сказал я. — Идите к двери, держась за стену, выходите на лестницу и ждите меня там.

— Что ты задумал на сей раз, Гаррет? — справился Морли неожиданно тонким голоском и поперхнулся, когда его чуть было не вывернуло наизнанку. — Очередную пакость?

— Твоя какая печаль? Радуйся, что есть кому тебя подстраховать, стратег ты наш. Валите отсюда, а я попытаюсь разыскать Рохлю, Саржу и Скредли.

Какой-то гоблин тихонько застонал. Я стукнул его тростью по башке.

Первым мне попался Скредли, которого я передал Плоскомордому. Затем обнаружился Сарж.

— Морли, Сарж готов. Заберем домой?

— Зачем? Торопись, пахнет дымом.

Я послушался его совета тем более, что и сам уловил запах.

— Дьявол! — проговорил Морли. — Если я кого-нибудь оставляю, мои парни скажут, что я ничем не лучше гоблинов. — Он потолковал о чем-то с гроллями, потом крикнул мне: — Передай тело Саржа Дорису. И поторапливайся, Гаррет! Гролли говорят, что у здания собирается толпа.

Я наконец отыскал Рохлю. Тот был жив и мог худо-бедно передвигаться с посторонней помощью.

— Я иду первым. Постарайтесь не отставать. А где Садлер с Краском?

— Отстреливают тех, кто выбегает на улицу.

Я побежал вниз по лестнице. Меня никто не окликал и не пытался остановить. Судя по звукам, впереди волокли что-то тяжелое.

Красавчика я догнал на втором этаже, перед последним пролетом. Чтобы добраться до него, мне пришлось перепрыгнуть через костер, который он развел на лестнице.

У него была сломана нога, однако видел он уже гораздо лучше, а потому едва не прикончил меня, прежде чем мне удалось с ним справиться. Я огляделся по сторонам в поисках гоблинов. Те из них, что стояли на ногах, толпились у входной двери и о чем-то спорили между собой. Понятно, о чем — другого выхода не было, а всякого, кто рисковал высунуть нос наружу, немедленно настигала стрела.

Я помог своим спутникам преодолеть огненную завесу. Все прошло гладко, обжегся один Морли. Увидев его вблизи, я не смог удержаться от смеха — столь комично он выглядел. А ведь Морли Дотс уделял столько внимания своей внешности...

С гоблинами внизу мы расправились в два счета. Я ринулся на них, размахивая ножами и испуская воинственные вопли, и они гурьбой высыпали на улицу.

Что ж, сейчас мы узнаем, можно ли доверять нашим союзникам.

Я высунулся из двери.

Как ни странно, в меня никто не выстрелил.

Я выскользнул за дверь, осмотрелся и нахмурился. Где толпа, о которой говорили гролли? Лишь в конце улицы виднелись улепетывающие без оглядки гоблины.

Из переулка вывернулся экипаж, громохочая, подлетел ко входу.

— Залезайте внутрь! — прорычал Краск. — Сюда идут солдаты!

Солдаты? Тогда все понятно. Неудивительно, что улицы пусты.

Краск пустил лошадей вскачь, не дожидаясь, пока мы рассядемся. Гролли бежали впереди, разведывая дорогу.

— Странно, — проговорил я. — Морли, с каких это пор в разборках в городе гоблинов участвуют войска?

Экипаж мчался по узеньким, как игольное ушко, переулкам, срезал углы, где можно и где нельзя. Уж чего-чего, а решительности той парочке наверху не занимать.

Морли только застонал в ответ.

— Войска обычно подавляют восстания. А отдать такой приказ могут от силы десять человек.

— Разбирайся сам, Гаррет. — Морли снова застонал. — Лично мне все равно.

Неужели Бруно? Так, Бруно служил кому-то с Холма и навещал Красавчика. Приказ солдатам может отдать только наделенный властью аристократ. Быть может, Красавчик настолько дорог хозяину Бруно, что он не поленился вызвать войска?

Пожалуй, мне надо как следует поразмыслить. Вполне возможно, я упустил из виду что-то важное.

— Надо выяснить, на кого он работает.

Никто и не подумал поинтересоваться, что я там бормочу.

Внезапно мне в душу закралось подозрение. А что, если младший да Пена, его родичи и опекунша — и впрямь невинные жертвы?

Экипаж вырвался на широкую улицу. Пешеходы шарахались в разные стороны, возницы других экипажей осыпали нас проклятиями. Мы свернули за угол и резко затормозили, чтобы не выделяться из общей массы. Ни одного солдата я так и не увидел. Пять минут спустя лошади остановились у задней двери заведения Морли, и Садлер велел нам выметаться.

Усталый до изнеможения, я все же не мог допустить, чтобы мной помыкали там, где затрагивались мои интересы.

— Расслабься, Гаррет, — буркнул Морли. — Ступай в дом.

— А как же...

— Ты что, не слышал? Ступай в дом, если хочешь дожить в добром здравии до глубокой старости. — Вдвоем с Плоскомордым они затащили меня внутрь. Я отбрыкивался, но не слишком активно.

Гролли куда-то скрылись. С помощью Плоскомордого Морли перенес в дом Саржа и Рохлю. Садлер подсел к Красавчику со Скредли, и экипаж покатила прочь.

— Почему бы тебе не подняться наверх и не составить список вопросов? — предложил Морли. — Я переправлю его Чодо. А потом иди домой и ложись спать. Глядишь, когда отоспишься, начнешь соображать.

Если Плоскомордый стерпел, что у него забрали Скредли, мне тем более надо успокоиться.

— Ладно, — проворчал я. Правда, мне почему-то казалось, что отдыхать не придется.

Поднимаясь по лестнице, я поглядел в окно, выходившее на город гоблинов. В той стороне поднимались к небу похожие на надгробные клубы черного дыма. Будем надеяться, что пламя, разгоревшееся заботами Красавчика, пожрет трупы и прочие следы ночной стычки.

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы меня зачислили в подручные короля преступников.

Я составил список, хотя меня не покидала мысль о бесполезности этой затеи. Самым трудным оказалось сформулировать вопрос о двухстах тысячах марок — ведь следовало так подобрать слова, чтобы мой новоявленный помощник не понял, о чем речь. Иначе он наверняка захапает все себе. Я решил, что лучше вообще об этом не упоминать, присовокупил к списку просьбу о личной встрече с Красавчиком и намекнул, что не прочь был бы заполнить Скредли.

Закончив, я спустился вниз, где участники вылазки зализывали раны за завтраком. Наша авантюра настолько сильно на меня подействовала, что я даже не отпустил дежурной шуточки по поводу кушанья, которое мне подали. Проглотил залпом кварту фруктового сока и набросился на еду.

— Плоскомордый, — проговорил я чуть погодя, — ты свободен? Есть дело.

Потолковав с другом Уолдо, я притиснул к стене Морли и убедил его, что нам следует заняться Шнырем Пиготтой. Быть может, Шнырь, если приставить к нему «хвоста», приведет в какое-нибудь интересное местечко — или втянет в новые неприятности.

36

Вернувшись домой, я прошел в кухню, где сидели Дин с Амбер, и плюхнулся на стул. Плоскомордому это настолько понравилось, что он тут же последовал моему примеру. Амбер и Дин уставились на нас.

— Устали, мистер Гаррет? — спросил наконец Дин.

— Как собака, — отозвался я.

— И выглядишь не лучше, — заметила Амбер. — Надеюсь, ты добился, чего хотел?

— Может быть. Мы поцапались с теми парнями, которые убили Амиранду и твоего брата.

Я пристально поглядел на девушку. Она отреагировала так, как я и рассчитывал; вот если бы запаниковала или что-нибудь еще...

— Вы их поймали? Где они? Ты узнал про золото?

— Поймали. Больше тебе пока знать не следует. Насчет золота я ничего не узнал, у меня просто не было возможности. Но я обязательно выясню. Кстати, как ты смотришь на то, чтобы начать новую жизнь, имея за душой тысячу марок?

— Замечательно. Запросы у меня скромные. Гаррет, я же вижу, ты что-то знаешь. Вываливай.

— Бедная девочка, — пробормотал Дин. — Уже успела набраться от него всяких словечек.

— Дин, я тоже тебя люблю. Домина Даунт обещала мне тысячу марок, если я найду некую Амбер да Пена и верну ее домой до возвращения Владычицы Бурь. По слухам, твоя матушка прибудет в город сегодня днем. Если хочешь, я могу отвезти тебя во дворец, а мой приятель останется с тобой до тех пор, пока ты не почувствуешь себя в безопасности.

Амбер прищурясь посмотрела на меня.

— Что у тебя на уме, Гаррет? — Надо же, она, оказывается, умеет думать.

— Не что, а кто. Уилла Даунт. Она рассказала мне далеко не все, что знает, а принудить ее к откровенности я не могу. Остается только хитрить в надежде, что это принесет плоды.

— А как насчет золота? Помнится, я наняла тебя именно для этого. — Девушка по-прежнему смотрела с прищуром.

— Боюсь, про него можно забыть. Теперь, когда вот-вот должна вернуться твоя мать, шансов на успех практически никаких.

— Может быть. По-моему, ты не слишком старался его найти.

Плоскомордый набросился на приготовленный Дином завтрак. У меня отвисла челюсть. Друг Уолдо уплетал за обе щеки, словно не ел несколько недель, а ведь совсем недавно мы с ним позавтракали у Морли... Впрочем, там наесться могут разве что кролики.

— Значит, домина предложила тебе деньги? И ты их не взял?

— Нет. — Дин налил мне апельсинового сока. Я вдруг осознал, что в горле у меня настоящая засуха. Вот что такое побывать в настоящей переделке. — Наливай, наливай.

Плоскомордый одобрительно хмыкнул.

— Гаррет, дело ведь не в деньгах, правда? — допытывалась Амбер.

Плоскомордый снова хмыкнул.

— Что с тобой, олух?

— Тебя вывели на чистую воду, Гаррет! — Он фыркнул. — Ты права, девчушка. Для Гаррета деньги не главное.

— Хочешь побеседовать, Уолдо? Давай потолкуем, если ты такой умный.

Он мрачно поглядел на меня, затем пожал плечами.

— А что я такого сказал?

Амбер поняла, что мы не просто подшучиваем друг над другом.

— Если ты проявил благородство, — сказала она, — я в долгу не останусь и вернусь домой. Но без обмана. Договорились?

— Договорились.

— Что ты собираешься делать сейчас?

— Пойду спать. Я на ногах без малого сутки.

— Спать? Как ты можешь спать, когда вокруг творится такое?

— Запросто. Ложусь, закрываю глаза и засыпаю. Если тебе нечем заняться и есть желание потратить силы, постарайся вспомнить все, что знаешь о подруге Карла, Донни Пелл.

— Зачем?

— Затем, что она, похоже, замешана во всем сразу. Затем, что я хочу ее найти.

Мне еще хотелось добавить, что имя Донни Пелл, возможно, как-то связано и с появлением войск в городе гоблинов.

Теперь, когда Красавчик и Скредли на время выбыли из игры, у Донни появилась неплохая возможность уцелеть. Следовательно, ее можно будет найти и допросить. Надеюсь, на эту девицу не снизойдет просветление и она не удерет из города, сделав на прощание ручкой...

Напившись апельсинового сока, что называется, под завязку, я встал.

— Ладно, счастливо оставаться. Дин, разбуди меня в полдень. Плоскомордый, ты можешь лечь в комнате Дина, а вам, мисс да Пена, рекомендую готовиться к возвращению в неволю.

Дин пробормотал что-то себе под нос. По-моему, то было нечто вроде очередной угрозы подыскать мне жену среди его родственников. Я пропустил угрозу мимо ушей. Слишком устал, чтобы вразумлять; к тому же все равно без толку.

37

Разбудил меня вовсе не Дин. Эту обязанность возложила на себя Амбер, явившаяся на полчаса раньше срока. Поспать мне удалось совсем чуть-чуть, поэтому, боюсь, сопротивлялся я не очень решительно.

Признаться, Амбер меня не разочаровала.

* * *

Выйдя на кухню, я обнаружил, что Дин напялил давно, казалось бы, заброшенную неодобрительную гримасу. Правда, хоть помалкивал, за что я был ему крайне признателен.

Наскоро перекусив, я вышел из дома и направился к Плеймету. Потолкался вокруг, послушал, о чем говорят. Молва выдвигала добрую дюжину теорий насчет того, что произошло в городе гоблинов. Наиболее безумные идеи были недалеко от истины, о которой тем не менее никто не догадывался.

С телом Амиранды все прошло без сучка без задоринки. Я заплатил, тело погрузили в мою повозку, я отвез его домой. Дин помог перенести Амиранду в комнату Покойника.

— Гаррет, у тебя появилось новое увлечение?

Надо же, сам проснулся! А я-то думал, что мне придется подпалить ему пятки.

— Или ты переключился на мертвецов?

— Всегда приятно пообщаться с теми, кто не пытается тебя оскорбить.

— Дин говорит, ты снова вляпался в неприятности.

— Да уж. Кстати, если ты подождешь снова засыпать и пораскинешь мозгами, этих неприятностей может быть гораздо меньше.

И я принялся рассказывать.

— Наконец-то до тебя начало доходить, что события происходят одновременно. Я горжусь тобой, Гаррет! Ты думаешь самостоятельно! Как ты мог не обращать внимания на Бруно, который попадался тебе с удивительным постоянством? Особенно если вспомнить, что молодой Карл впервые ушел из дворца для того, чтобы разобраться с воровством на складе. Ведь домина Даунт сразу предположила, что здесь замешано другое аристократическое семейство.

— По-твоему, тут прямая связь?

— Естественно.

— И ты знал и молчал?

— Гаррет, ты привык во всем полагаться на меня. Я хотел, чтобы ты сам хоть немного пошевелил извилинами.

— Я держу тебя в доме только для того, чтобы мне не приходилось шевелить извилинами! Или ты забыл, что люди — отъявленные лентяи? В общем и целом человек лишь самую малость живее мертвого логхира.

— Не старайся рассердить меня, Гаррет. Ты сделал, что мог, не напортачил ни с трупами, ни с осаждавшими тебя полубезумными женщинами. Если хочешь о чем-то спросить, спрашивай. А если нет, ступай туда, где смогут оценить твоё ослоумие.

— Ладно, гений. Ответь-ка, кто убил Амиранду Крест? И не скрываешь ли ты от меня что-нибудь еще, дожидаясь, пока я расшибу себе башку в попытках это узнать?

— Ты хочешь узнать, кто отдал приказ гоблину Скредли и его сообщникам расправиться с мисс Крест?

— Совершенно верно.

— Гаррет, научись правильно формулировать вопросы. Во всем необходим порядок.

Я бы мог возразить, но тогда бы разгорелся спор, а времени было в обрез.

— Ты знаешь, кто приказал ее убить?

— Нет.

— А почему, тебе не известно?

— Выяснив, почему, мы узнаем, кто за этим стоял. В настоящий момент я могу назвать три возможных причины, хотя беременность, пожалуй, следует исключить до тех пор, пока ты не представишь убедительных доказательств, что она кому-то приналась. Она не сказала даже тебе, человеку, которому изливают душу все подряд молодые женщины.

— Знаешь, ты мне здорово помог. Если добавить пару марок, как раз хватит на бочонок пива.

— Найди Донни Пелл и приведи ее ко мне. Узнай, кому служит Бруно. Проверь всех, кто так или иначе связан с семейством да Пена. Расследуй воровство на их складе. Запомнил? А теперь убирайся, я больше не в силах выносить твоего присутствия.

— погоди, я сейчас наколдую тебе Донни Пелл, и она материализуется прямо из воздуха.

— Сидя здесь и поглощая пиво, ты никогда никого не найдешь.

— Пожалуй, ты прав. Но прежде чем я отправлюсь на свидание с судьбой, ты, может, посветишь меня в тайну Слави Дуралейника? Или твоя гипотеза не выдержала проверки временем?

— Гаррет, в своей правоте я не сомневаюсь, однако времени прошло недостаточно, чтобы удостовериться полностью. Вероятность несовпадений довольно велика. Вот тебе подсказка. Слави Дуралейник не разгадывал секрета невидимости. Он изобрел способ стать невидимым. Если не удастся скрыться от наблюдения, нужно убедить наблюдателя, что стать слепым — в его собственных интересах. Убирайся. Тебя ждет подружка, которую следует вернуть в лоно семьи.

— Готов? — спросил я Плоскомордого. Амбер спрашивать было незачем. Я знал, что девушка до смерти напутана, что возвращаться ей не хочется, что идет она на это исключительно ради тысячи марок.

Плоскомордый хмыкнул и медленно поднялся. Ночная прогулка не могла не сказаться на его здоровье. Надеюсь, у него хватит ума не загнать себя до полной отключки. В конце концов, у каждого из нас, даже самого упрямого, сил не так уж много.

— Пошли, Гаррет, — проговорила Амбер.

38

У дворцовых ворот нас встретил мрачный Коуртер-Слос. Видимо, ему изрядно досталось от домины за непотребное поведение. Во взгляде, которым он меня одарил, читались ненависть и недоумение.

— Передайте домине Даунт, что Гаррет выполнил ее заказ, — сказал я.

Коуртер посмотрел на Амбер с Плоскомордым, озадаченно нахмурился, словно пытаясь вспомнить нечто, ускользавшее из памяти.

— Передавайте сами. Она велела вас пропустить.

— Да? Не то чтобы я ей не доверял, но она мне кое-что должна. Если я получу деньги здесь, у меня будет гораздо больше возможностей донести их до дома.

Он продолжал хмуриться. Неужели Покойник дал маху и к Коуртеру начинают потихоньку возвращаться воспоминания?

— Как хотите. — Коуртер окликнул кого-то из слуг и объяснил, что нужно сделать. Потом повернулся к нам.

Я решил, что надо его отвлечь. К тому же вдруг узнаю что-нибудь полезное? Поэтому я описал Бруно и спросил Коуртера, знает ли он этого типа.

— Что-то знакомое, — проговорил Коуртер. Признаться, я не ожидал, что он проявит такую готовность к сотрудничеству. — Но вот что именно... А почему он вас интересует?

— Мне кажется, он имеет какое-то отношение к тому, что творится у вас на складе. Кто он такой, понятия не имею, знаю лишь, что служит кому-то из аристократов. Как вы.

Коуртер помотал головой, пытаясь собраться с мыслями. Плоскомордый и Амбер искоса поглядывали на меня, гадая, чего я добиваюсь.

Ничего особенного, друзья. Просто нащупываю точки опоры. Владычица Бурь возвращается домой, ее прибытие страшит оби-

тателей дворца, словно надвигающийся торнадо; вполне возможно, кто-то запаникует и выложит то, что я хочу знать.

Впрочем, Коуртер не из таких. Он слишком глуп, чтобы запаниковать.

Я заметил домину Даунт, которая шагала через двор. Ее лицо представляло собой столь хорошо знакомую мне маску.

— Гаррет снова на коне, — сообщил я, когда она подошла поближе.

Домина метнула на Амбер такой взгляд, что девушка поспешила спрятаться за спину Плоскомордого.

— Ничего не скажешь, вовремя.

— Скорее не получилось при всем желании.

— Амбер, отправляйся в свою комнату.

Девушка и не подумала подчиниться.

— А как насчет денег? — поинтересовался я.

— Вы самый настоящий паразит, мистер Гаррет.

— Полностью с вами согласен. Однако в отличие от паразитов из власть имущих я облегчаю страдания, а не причиняю боль. — Я подмигнул и усмехнулся. — Устраивает?

— Вполне. — Домина чуть было не улыбнулась в ответ. Потом спохватилась, вновь напустила на себя серьезность и передала мне мешочки с золотом. Я повернулся к Амбер.

Девушка подошла ко мне, взяла мешочек, отсчитала сумму, которая причиталась Плоскомордому, затем прошептала мне на ухо:

— Позаботься о моих деньгах, Гаррет. Я вырвусь, как только смогу.

Не дослушав, я обратился к домине Даунт:

— Вам удалось расследовать происходящее на вашем складе? Мне просто любопытно.

— На нашем складе?

— Ну да. Помните, когда мы с вами встретились в первый раз, вы сказали, что молодого Карла похитили, когда он пытался выяснить, кто ворует со склада? Вы нашли воришек?

— Мистер Гаррет, в последнее время мне было не до того.

Амбер в сопровождении Плоскомордого направилась ко двору.

— Эй, ты! — крикнула домина. — А ну вернись! Тебе туда нельзя!

Плоскомордый притворился, что не слышит.

— Кто он такой, Гаррет? И что ему, черт побери, нужно?

— Телохранитель Амбер. Вы обратили внимание, что в последнее время, когда вам было не до того, молодые да Пена почему-то мрут как мухи? Амбер сбежала потому, что испугалась за свою жизнь. Чтобы убедить ее вернуться, мне пришлось подыскивать ей телохранителя, настолько уродливого и упрямого, что перед ним спасуют сами боги. Вдобавок у него много друзей, которым, естественно, захочется отомстить, если с ним что-то случится.

— Гаррет, мне не нравится ваш тон. Вы меня в чем-то обвиняете?

— Я никого ни в чем не обвиняю. Пока. Тем не менее кто-то ведь приказал убить Амиранду и Младшего, верно? Я просто пытаюсь втолковать всем и каждому, что Амбер надежно охраняют.

— Мистер Гаррет, Карл покончил жизнь самоубийством.

— Его убили, домина. Убил человек по прозвищу Красавчик — очевидно, по настоянию третьей стороны. Я собираюсь побеседовать с этим Красавчиком и послушать, что он скажет. Один из вопросов, который я ему задам, — на кого он работал. Благодарю вас, домина, и всего хорошего.

Откровенно говоря, Уилла Даунт выглядела сбитой с толку и даже слегка напуганной.

Я развязал мешок с уловками и намекнул, что мне кое-что известно, рассчитывая, что мой намек — ведь у страха глаза велики — быстро превратится в толстую глухую стенку, к которой может поставить виновных Владычица Бурь. Может, уловка и сработает.

Я вышел за ворота и зашагал по улице, высматривая ребят Морли. Вдруг позади послышались шаги. Я обернулся.

Меня догонял Коуртер — бледный, со странным выражением лица.

— Мистер Гаррет, подождите.

Неужели птичка попалась в силки? Он явно собирался что-то рассказать.

— Коуртер, ты куда? Немедленно вернись!

Издали голос домины напоминал голос какой-нибудь торговки рыбой. Я ее не видел; значит, она тоже не имела чести лицезреть меня. Коуртер в отчаянии всплеснул руками и трусцой направился обратно.

Что он хотел мне сказать?

На крыльце моего дома меня поджидал Морли.

39

— Что стряслось, Морли?

— Тебя хочет видеть Чодо.

— Ты меня осчастливил. А с какой стати?

— Понятия не имею. — Морли пожал плечами. — Я всего лишь передаю тебе то, что сообщил мне Краск. Судя по его виду, Чодо не собирается пустить тебя на корм рыбам, так что можешь не волноваться.

— Хорошо, не буду.

— Послушай, Гаррет, Чодо вполне можно доверять. Он никогда не нападает без предупреждения.

— А как насчет Красавчика?

— Красавчика предупреждали много раз. Вдобавок он сам напросился — трепал языком, лез на рожон...

— Как по-твоему, стоит мне принять приглашение?

— Разумеется, если ты не хочешь ссориться с Чодо. Мало ли, вдруг тебе придется когда-нибудь попросить у него помощи?

— Ты прав. Пошли. Дин, не забудь запереть дверь.

Дин было заворчал, но я его утешил, сказал, что скоро все кончится.

Дом Чодо находился в пригороде Танфера. По сравнению с этим домом дворец Владычицы Бурь выглядел настоящей развалюхой. Вот что, кстати говоря, значит жить в грехе.

У ворот нас поджидал Садлер; должно быть, посылая именно его, Чодо хотел напомнить, какой пользуется репутацией. Следом за Садлером, который не проронил ни слова, мы двинулись по ухоженному садовому парку. Я, разумеется, изучал по дороге подходы к дому. Ничего не напишешь, профессиональная привычка.

— Не сходи с дорожки, — предостерег Морли. — Пока ты на ней, тебе ничто не угрожает.

Помимо охранников и сторожевых собак, чего и следовало ожидать, я заметил в кустах громовых ящеров. Их обычно представляют себе чудищами высотой с дом, однако эти были маленькими, ростом от силы четыре-пять футов. Прямоходящие, с длинными хвостами и острыми зубами. Сходить с дорожки не рекомендовалось, по-видимому, как раз из-за них. Дело в том, что громовые ящеры, по причине врожденной тупости, не поддавались дрессировке. Они только и делали, что жрали и спаривались.

— Какие замечательные зверюшки, — сказал я Садлеру. Тот промолчал. Да, веселые у Чодо слуги.

Впрочем, в приемной зале нас ожидало совершенно сногшибательное зрелище.

Чодо знал, как потрясать воображение. Мне приходилось бывать в нескольких дворцах, но ничего подобного я никогда не видел.

— Кончай паяться, Гаррет. Это неприлично.

В бассейне, который был раза в три больше, чем двор моего дома, и вокруг резвились почти полностью обнаженные девицы. Их было не меньше взвода. Над водой поднимался пар.

— Видимо, дела идут неплохо, — заметил я, когда мы прошли мимо.

— Не жалуемся. — Человек, который посоветовал не паяться, оглянулся. Его глаза блеснули. — Раньше все было по-другому. — Он скрылся за колонной.

Апартаменты Чодо, как ни странно, отнюдь не подавляли своей роскошью. Вообще-то больше всего они смахивали на грязную, вонючую темницу, которую почему-то построили не в подвале. Чодо, толстяк с мертвенно-бледным, одутловатым лицом, сидел в инвалидном кресле. Он выглядел вполне добродушно, но стоило встретиться с ним взглядом... Такой взгляд бывает разве что у старых и жутко голодных вампиров. Взгляд смерти.

— Мистер Гаррет?

Голос соответствовал выражению глаз — низкий, пробирающий до костей, словно сулящий все возможные неприятности.

— Он самый.

— Полагаю, я вам кое-чем обязан.

— Вовсе нет. Я...

— Шныряя вокруг да около, вы предоставили мне возможность избавиться от моего заклятого врага. Я не преминул за нее ухватиться, причем расстроил ваши планы, за что вы наверняка затаили на меня злобу. Однако тем не менее вы проявили благородство и помогли моим людям, за что я вам весьма признателен.

Если бы не этот голос, наводивший на мысль о загробном мире, я бы, наверно, фыркнул — настолько меня позабавила его манера выражаться. Видя, что я храню молчание, Чодо продолжил:

— Мистер Дотс не смог вразумительно объяснить, чем вы в настоящее время занимаетесь. Если вы сумеете убедить меня в том, что наши интересы не пересекаются, я постараюсь вам помочь.

Первым моим побуждением было поблагодарить и отказаться от помощи, поскольку я не желал иметь ничего общего с королем преступного мира. Однако я понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вдобавок у Чодо находились двое, которых мне хотелось подробно расспросить. Поэтому я начал рассказывать, стараясь быть кратким и всячески избегая упоминаний о спрятанном где-то золоте.

— Подручные Красавчика воровали товар со склада на набережной, — вставил Садлер.

— Понятно. Продолжайте, мистер Гаррет.

— Мне хотелось бы допросить Красавчика и Скредли и разобраться наконец, что к чему. — «Усек, жирный слизняк?» — Я хочу узнать, кто приказал им убить Амиранду Крест и молодого Карла да Пена.

— В молодости мне доводилось общаться с Молахлу Крестом. Можно сказать, я был одним из его протеже. — Чодо сделал Садлеру знак подойти, и они зашептались. — Насколько я понимаю, — продолжил он чуть погодя, — вопросы, которые вы хотите выяснить, будет задавать и Рейвер Стикс, но куда менее деликатно?

— Не сомневаюсь.

— Тогда я должен не только вернуть вам долг, но и постараться не привлекать к себе внимания власть предержащих. К сожалению, мне случается ошибаться, и сегодня я как раз совершил ошибку, переоценив выносливость мистера Стейли. Его с нами больше нет, поэтому я могу отдать вам только одного. Вы не в обиде?

Я вздохнул. В мои планы снова вмешалась смерть.

— Признаться, когда мы с ним виделись в последний раз, мне показалось, что долго он не протянет.

— Видимо, раны оказались серьезнее, чем мы предполагали. Впрочем, он не сообщил ничего ценного. Зато другой в полном вашем распоряжении, хотя, похоже, мало что знает.

— Понятно.

— Донни Пелл, Гаррет, — прошипел Морли.

— Что?

Чодо приподнял бровь, похожую на белую гусеницу. Надо признать, с бровями он управлялся не хуже моего.

— Ты же сам говорил, что она — ключ ко всему. И что понятия не имеешь, где ее искать.

— Кто такая Донни Пелл? — осведомился Чодо.

— Паучиха, в сеть которой попались все остальные. — Я мрачно поглядел на Морли. — Она работала у Летти Фаррен и ушла в тот день, когда похитили Младшего. В постели предпочитает гоблинов. — Изложив историю более менее подробно, я прибавил: — Она может выдавать себя за юношу под тем же именем.

Чодо хмыкнул, посмотрел на ногти своей руки, потом произнес:

— Мистер Садлер.

— Слушаю, сэр.

— Найдите эту шлюху и доставьте ее мистеру Гаррету.

— Хорошо, сэр. — Садлер вышел.

— Если она в городе, мистер Гаррет, ее непременно разыщут, — пообещал Чодо. — Садлер и Краск — мастера своего дела.

— Я заметил.

— Пожалуй, пора отвести вас к нашему гостю. Идемте. — Он развернул кресло и покатил к выходу. Мы с Морли двинулись следом.

40

Когда я увидел Скредли, на ум пришло сравнение с насквозь промокшим воробьем. Он выглядел каким-то маленьким и тщедушным, такой, что называется, и мухи не обидит. Как ни странно, я его узнал только теперь, хотя видел и в городе гоблинов, и в экипаже. Он был в числе тех, кто задержал меня в день свидания с Амирандой, когда я уловил на улице запах «травки».

Скредли сидел на соломенном тюфяке. К нам он не выказал ни малейшего интереса. Все гоблины — фаталисты по натуре.

Морли придержал дверь, пропуская Чодо, и шагнул в сторону. Я тем временем разглядывал Скредли, прикидывая, с чего начать. Уязвим только тот, в ком живет надежда, а у этого типа надежд, похоже, не осталось. Несмотря на то, что его сердце продолжало гнать по жилам кровь, а раны по-прежнему ныли, он был мертвее Покойника.

— Все хорошее когда-нибудь кончается, верно, Скредли? И чем выше заберешься, тем больнее падать, так? — Он не ответил, да я и не ждал ответа. — Правда, вполне возможно, что хорошее кончилось не навсегда.

У него пару раз судорожно дернулась щека. Гоблины безразличны к участи своих сородичей, однако собственная судьба их заботит чрезвычайно.

— Мистер Чодо узнал от тебя все, что хотел. К тебе у него претензий нет. У меня тоже, поэтому ты можешь оказаться на свободе, если ответишь на мои вопросы.

Я не стал проверять, как отреагировал на мою тираду Чодо. Какая разница? Он все равно поступит по-своему, что бы я ни пообещал.

Скредли поднял голову. Он мне явно не поверил, однако в нем затеплилась надежда.

— Все ваши планы пошли коту под хвост. Вместе с тобой, Скредли. Выбирай. Либо ты соглашаешься, либо... — Пока мы

шли по коридорам, я поинтересовался у Чодо, знает ли Скредли, что Красавчик очурился. Выяснилось, что знает. — Твой хозяин сыграл в ящик, бояться теперь некого, верность хранить никому. Решай.

Морли переступил с ноги на ногу и посмотрел на меня так, словно хотел сказать: полегче, парень, не зарывайся.

Скредли хмыкнул. Я не понял, что это означало, но принял за выражение согласия.

— Меня зовут Гаррет. Мы с тобой уже встречались.

Гоблин кивнул.

Проняло! Что-то больно легко... Впрочем, с гоблинами так всегда. Когда терять нечего, они перестают сопротивляться.

— Помнишь, при каких обстоятельствах?

Он снова хмыкнул.

— Кто тебя подослал?

— Красавчик, — прохрипел Скредли.

— Почему? Что я ему сделал?

— Из-за склада. Они решил, что ты можешь все испортить.

— Кто они?

— Красавчик.

— Ты сказал «они». Кто еще, кроме Красавчика?

Скредли призадумался.

— Паренек по имени Донни, который все и устроил. — «Так-так. Правда лишь наполовину».

— Ты имеешь в виду проститутку Донни Пелл, которая работала у Летти Фаррен и предпочитала гоблинов? Не вздумай меня обманывать.

Его плечи поникли.

Я поразмыслил. Следовало в принципе уточнить время. Скредли возглавлял шайку, которая напала на меня. И он же был на ферме, где держали Младшего, а на следующее утро прикончил Амиранду.

Ладно, пока отложим.

— Что там со складом? Поподробнее, пожалуйста.

Попавшись на Донни Пелл, он теперь и не пытался что-либо скрыть:

— Все придумала Донни. Она вечно что-нибудь придумывала, поэтому мы брали ее в долю. Очередной кавалер рассказал ей, что в отсутствие Рейвер Стикс за складом никто не приглядывает. Вдобавок у нее нашелся знакомый кладовщик, и мы сошлись на том, что будем забирать десятую часть любого товара. С Донни договорились пятьдесят на пятьдесят: во-первых, она это дело устроила, а во-вторых, расплачивалась с кладовщиком. Мы набрали много всякого добра — столько же, сколько со всех других складов, вместе взятых. Но однажды Донни предупредила, что кто-то что-то заподозрил, а потом Уилла Даунт прислала на склад сына Владычицы Бурь. Затем явился ты и начал разнохивать, а мы как раз собирались почистить склад напоследок и слинять. Поэтому меня послали потолковать с тобой.

Забавно. Выходит, как специалист по похищениям я их не интересовал?

— В городе гоблинов мы видели, как из вашего дома вышел парень с Холма. Кто он такой?

— Не знаю. Знакомый Донни. Он работает на того, кто покупал у нас товар. Кстати, когда началась заварушка, тот хмырь забеспокоился и нанял кого-то следить за тобой. А уж когда прошел слух, что Рейвер Стикс в Лейфмолде, все принялись заметать следы.

— Пиготта? — спросил я, повернувшись к Морли.

— Может быть.

— Что с ним, кстати?

— Я его отпустил, как договаривались. Он засел дома. Знает, что за ним приглядывают.

— Гм... Ссредли, на кого работал Бруно?

— Не знаю. По-моему, даже Красавчик не знал. С тем хмырем встречались только Донни и этот Бруно.

— Осторожный тип. Впрочем, если вспомнить, кого он обкрадывал, ничего удивительного. А как вы передавали товар?

— У нас есть свой собственный склад под надежной «крышей». Бруно обычно нанимал грузчиков, которые все и перетаскивали.

По-видимому, если я и впрямь хочу знать, куда уходил товар со склада Владычицы Бурь, придется погулять по городским окрестностям. Может, спросить, что именно они предпочитали воровать? Нет, не стоит торопить события. И потом, меня ведь интересует не столько «что», сколько «кто» и «почему».

— Давай поговорим о молодом да Пене. Однажды вечером, когда он выходил от Летти Фаррен, кто-то накинул ему на голову мешок, слегка придушил и увез из города. Что было дальше? Паренек, когда рассказывал, все время путался.

Скредли не стал упираться. Выкладывал все как на духу, не испытывая, очевидно, ни малейших угрызений совести. Да и откуда у гоблина совесть?

— Поначалу все затевалось понарошку. Парень хотел удрать от своей мамы, прихватив с собой денег. Он договорился с Донни насчет похищения — выкуп пополам, и поминай как звали. Донни должна была поделиться с нами. Красавчик обычно на такие вещи не соглашался, но бабки были дармовые, поэтому он послал за своими парнями, и мы обтяпали это дельце.

— Только уже не понарошку. Что произошло?

— Не знаю, честное слово. Вечером того дня, когда мы с тобой слегка повздорили, Красавчик сказал, что наши планы меняются. Я видел Донни, потому понял, откуда дует ветер. Красавчик велел мне посадить парня под замок и намекнул, что когда получим выкуп, бабок огребем гораздо больше. Парня мы собирались оставить с носом.

— Понятно. — Я подумал. — А сколько причиталось Донни?

— Не знаю. Нам вроде обещали всю долю пацана.

Что-то подсказало мне, что Донни Пелл не могла проявить такой щедрости, не будь у нее другого источника доходов.

— И что? Вы просто забрали деньги и ушли?

Его насторожил мой тон.

— Ты же знаешь, что нет.

— Зачем вы прикончили девушку? Ради денег?

— Красавчик велел. Сам я бы ее не тронул.

— А ему она чем досадила?

— Понятия не имею. Слушай, откуда мне знать, а? Он меня в свои секреты не посвящал. Говорил, сделай то-то и то-то, я делал, а он платил. Между прочим, платил и за то, чтобы я не задавал лишних вопросов. Ищи Донни Пелл, она тебе все расскажет.

— Может, ты и не врешь, однако у тебя есть глаза и уши, да и в уме тебе не откажешь. Ты наверняка что-то видел и слышал, наверняка о чем-то задумывался. По-твоему, за что убили девушку?

— Может, она слишком много знала? Ей было известно, что никто никого не похищал, она должна была сбежать вместе с парнем. Может, узнала, что мы играем по-серьезному, или чем-то обидела Донни... А может, собиралась обо всем рассказать. Мне велели избавиться от нее раз и навсегда. Думали, она будет одна, а с ней оказался какой-то тип, который стоил целой армии. Когда мы с ним разделились, уже начало светать; пришлось покидать трупы в кусты и сматываться. А когда вернулись, выяснилось, что он выжил, подобрал девчонку и куда-то слинял. Правда, далеко ему уйти вряд ли удалось — от нас он получил по первое число. Надо было замести следы, поэтому...

— Хватит, я все понял. Расскажи мне о выкупе. Где, когда и как вы его получили?

— Накануне того дня, о котором мы только что говорили. На старой Чамбертоновской дороге, в четырех милях от того места, где ее пересекает дорога на Личфилд. К северу от моста над

Малой Сосновой рекой. Договорились в полночь, а получилось на два часа позже. Красавчик, видимо, знал, что все задерживается, потому что ни разу не пожаловался.

Я понятия не имел, где находится этот мостик. Если смотреть по карте, старая Чамбертоновская дорога проходит в четырех милях к западу от тех мест, где я встретил мамонта, вьется среди лесистых холмов.

— Почему именно там?

— От моста дорога в обе стороны просматривается на целую милю, так что если кто едет, можно заметить издали. А на северо-востоке виден гребень, по которому идет дорога на Личфилд. Я как раз сидел на гребне с фонарем. Если все в порядке, нужно было мигнуть один раз, а если нет — два.

— Вы ожидали неприятностей?

— Нет, эти аристократишки были у нас в руках. Просто с такими лучше не рисковать.

— Значит, выкуп вам передали с опозданием?

— Ну да. Скорее всего эта баба понятия не имела, куда едет. Дураку понятно, что запряженный четверкой экипаж катится медленнее кареты или повозки.

— Значит, ты при передаче выкупа не присутствовал?

— Нет. Но Красавчик потом сказал, что все прошло, как намечали.

— То есть?

— Экипаж остановился на дороге. Чуть в стороне стояли коляски Красавчика и Донни. Возницы принялись таскать деньги, половина мешков в одну коляску, половина — в другую. Баба села обратно и покатила на юг. Донни подождала около часа, потом поехала в том же направлении. Красавчик взобрался ко мне, принес мою долю и бабки для остальных, предупредил, чтобы до утра я никому ничего не отдавал. Иначе, мол, завалятся в кабак, напьются и пойдут чесать языками.

— Остальные что-нибудь знали?

— Про выкуп нет. А с девчонкой мы разбирались все вместе.

— Женщину догнать никто не порывался?

— А зачем?

— Ясно. — «Глуповат ты, братец Скредли». — Она не возмущалась, когда ей не вернули Карла?

— Не знаю, Красавчик не говорил. Может, и пошумела.

— Выходит, ты неплохо подзаработал, а?

— Ага. Погляди на меня. Чем не лорд? Все как обычно, десять процентов от пятидесяти Красавчика. Для тебя, может, это бешеные бабки, а я знавал деньки получше. Со складами была морока, но они того стоили.

— Так вы все-таки ограбили склад?

— Да. Я пытался отговорить ребят, но Красавчик заявил, что раз уж начали, надо довести дело до конца.

— Хм... — Я принялся рассказывать по комнате. Допрос продолжался довольно долго, мне удалось узнать много интересного. В принципе мы почти добрались до главного, но я нуждался в передышке, чтобы собраться с мыслями. — Скредли, где сейчас Донни Пелл?

— Не знаю.

— Когда мы приехали к вам в гости, она была в доме, верно? Скредли кивнул.

— А потом сумела выскользнуть и побежала за помощью. Гоблин пожал плечами.

— Любопытно, кто отдал приказ солдатам? С его стороны это была большая глупость. Видно, засуетился, не подумал как следует. Рейвер Стикс сдерет с него шкуру. Так где сейчас Донни Пелл?

— Сколько раз повторять — не знаю! Если у нее здравого смысла хотя бы как у таракана, она давным-давно удрала из Танфера.

— Если у нее столько здравого смысла, она должна была бы покинуть город, едва завладев деньгами. По-моему, она обладает

толикой хитрости, умеет обращаться с мужчинами и уверена в собственной безопасности, но мозгов у нее нет. Ладно, поверю, что ты и впрямь не знаешь, где она. Но у кого она могла укрыться?

Скредли вновь пожал плечами.

— Кавалеров у нее было много. Может, у какого-нибудь из них.

Об этом я уже думал. Что ж, насчет Донни Пелл он вряд ли сможет что-то добавить. Значит, пора переходить к следующей теме. Попробуем заставить его врасплох.

— Зачем вам понадобилось убивать сына Владычицы Бурь?

— Чего? Я слышал, он покончил с собой.

— Скредли, до сих пор мы друг друга понимали. Я начал даже тебе сочувствовать, а ты снова меня разочаровываешь. Мне известно, что в комнате у Младшего побывали вы с Красавчиком, Донни и кто-то еще. Я знал паренька достаточно хорошо, чтобы утверждать, что такой способ самоубийства не для него. Сомневаюсь, чтобы у Карла вообще хватило мужества поднять на себя руку. Скорее всего вы его слегка придушили, а затем Красавчик вскрыл ему вены. Донни же... Впрочем, это к делу не относится. Единственное, чего я не могу понять, — почему он увязался за этой девицей после всего, что пережил по ее милости?

— Ты не знаешь Донни Пелл.

— Правильно. Однако я собираюсь с ней познакомиться. Давай выкладывай.

— Ты никому не расскажешь? Я не хочу связываться с Рейвер Стикс.

— Не волнуйся. Кстати сказать, про Рейвер Стикс ты будешь беспокоиться потом, когда выйдешь отсюда. А поскольку без меня тебе не выйти, постарайся сделать мне приятное.

Он пожал плечами: дескать, не очень-то я на тебя и рассчитываю. Тем не менее у него возникла надежда, которой час назад не было и в помине.

— Ладно. Все началось с тебя. Видели, как ты разъезжал с мертвой девкой, как заходил к Летти Фаррен. Кто-то рассказал Донни, а Донни переполошила весь город. С Красавчиком случился припадок, но я растолковал ему, что девка мертва и что ты просто стараешься нас одурачить. Красавчик утих, а вот Донни задержалась. Бестолковая она все-таки. Решила использовать своего дружка да Пену. Написала ему записку, объяснила, куда прийти. Этот осел и приперся. Не знаю, чего она хотела добиться, только у нее ничего не вышло. Паренек отказался наотрез; к тому же он что-то заподозрил, а Донни возьми да ляпни, что девчонка мертва... Он, конечно, убежал бы и растрезвонил бы новости по всему городу, но тут подвернулись мы с Красавчиком. Зашли под тем предлогом, что хотим узнать, как дела. Красавчик намекнул, что боится, как бы Донни не выкинула какую-нибудь глупость.

— Значит, заранее вы к убийству не готовились?

— Трудно сказать. Вряд ли. Во всяком случае, со мной ничего такого не обсуждали, хотя обычно меня спрашивали, что и как, — ведь на словах все может быть просто замечательно, а как дойдет до дела... Может, Донни все и подстроила, я не знаю.

— Что-то я не пойму. Донни девушка умная или нет?

— Голова у нее работает что надо, пока все идет так, как намечалось. Но, если ее застать врасплох, сразу теряется. Думает медленно, путается, делает глупости. В общем, Красавчик сказал, что нам лучше посидеть с ней, пока она не успокоится.

— А когда вы пришли, то застали у нее Карла.

— Ну да. Он как раз бился в истерике. Кричал, что расскажет всем. Донни попыталась его подкупить, сказала, что отдаст ему свою долю. Бесполезно. Короче, у нас не оставалось другого выхода. Выпускать пацана было нельзя. Мы с Красавчиком быстро его утихомирили... Я думал, комар носа не подточит.

— Вы не подумали о том, что Карл был отъявленным трусом и никогда бы не наложил на себя руки. А кто еще был с вами?

— Никого.

— Разве? А человек в плаще с капюшоном?

— Я никого не видел.

— Неужели? — Я вновь принялся ходить по комнате. У меня оставались кое-какие вопросы, но все они касались денег, поэтому задавать их при Чодо было неразумно. Пожалуй, со Скредли пора заканчивать. Остальное прояснит Донни Пелл. Она поможет мне досконально во всем разобраться и определит своими словами чью-то незавидную участь.

— Я тебе выложил все, что знал, — сказал Скредли. — Отпусти меня.

— Мне нужно посоветоваться с мистером Чодо. А что ты будешь делать, когда тебя отпустят?

— Рвану на север. Мне не улыбается торчать в городе, когда вот-вот вернется Рейвер Стикс. И потом, меня здесь ничто не держит.

— Помалкивать будешь?

— Издеваешься, да? Если я раскрою рот, кому первому, по-твоему, перережут глотку?

— Молодец, хорошо соображаешь. — Я сделал знак Дотсу. Морли распахнул дверь, и мы следом за Чодо вышли в коридор. — Что скажете, мистер Чодо? — поинтересовался я, кивком головы указывая на дверь.

— Я избавился от того, кто долго мне досаждал. А это мелкая сошка. Берите его себе, если он вам нужен.

— Не знаю, нужен ли он мне. Мелкие сошки приказов не отдают, а я ишу того, кто отдал приказ. — Некоторое время мы шагали молча. — Вы знаете Плоскомордого Тарпа?

— Слышал, однако чести познакомиться не имел.

— У Тарпа на Скредли зуб. По-моему, будет справедливо, если мы предоставим решать ему.

Мы миновали помещение с бассейном, в котором резвились обнаженные девицы. Для Чодо они были чем-то вроде мебели, а вот Морли никак не мог отвести взгляд.

— Скажите Тарпу, что если хочет получить Скредли, пускай приходит, — произнес Чодо. — Если до завтрашнего утра никто за ним не явится, я его отпущу. — У парадной двери он прибавил: — Буду рад, если вы как-нибудь заглянете, расскажете, как идут дела.

— Конечно. — Мы с Морли вышли наружу, подождали, пока к нам присоединится почетный караул, и не раскрывали ртов, пока не выбрались за ограду.

— Думаешь, Чодо и впрямь его отпустит? — справился я.

— Нет.

— Я тоже.

— Что теперь, Гаррет?

— Не знаю, как ты, а я иду домой спать. Поздновато вчера лег.

— Звучит неплохо. Дай знать, если появится что-нибудь новенькое.

— Непременно. Как у тебя с финансами?

— Порядок, — коротко ответил Морли, окинув меня мрачным взглядом.

— Ясно. Я так и подумал. Слушай, болван, держись подальше от паучьих бегов. Мне надоело вытаскивать тебя из переделок, в которые ты попадаешь по собственной глупости!

— Ошалел, что ли?

— Ты меня подставлял дважды. В прошлый раз было хуже, не спорю, но эта потасовка в городе гоблинов... В общем, ты меня понял?

Морли обиженно кивнул.

41

Я бы не отказался проспать без перерыва часиков пятнадцать-шестнадцать, но вместо этого съел жареного цыпленка, выпил пару кварт пива и отправился в комнату Покойника. Обогнул мертвые тела, подкрался на цыпочках к полкам у северной стены,

разыскал набор карт, отобрал несколько штук и уселся в свое кресло.

— Насколько я понимаю, день выдался удачный?

Я аж вздрогнул. Понятия не имел, что он не спит. Впрочем, Покойник обожает играть в такие игры: любимое развлечение — кого-нибудь напугать. В глубине души я подозревал, что все злобные и капризные духи суть лишенные телесной оболочки мертвые логики.

— И в самом деле, удачный, — продолжал он, не дождавшись ответа. — Ты уверен, что все знаешь и не нуждаешься больше в советах старого ворчуна.

Чтобы доказать, что это не так (хотя, возможно, он того и добивался), я в красках описал ему все, что произошло со мной за последнее время. Кажется, мой разговор с Морли Покойника изрядно повеселил.

Рассказывая, я водил пальцем по карте, пытаюсь разыскать место, о котором сам лишь смутно догадывался.

— Ищешь местечко, где кто-нибудь, не очень хорошо знакомый с окрестностями Танфера, мог спрятать золото в минуту опасности?

— Хочу завтра съездить за город. Может, поплаваю под двумя-тремя мостами.

— Любопытная идея. Вряд ли у тебя получится ее осуществить.

— Почему?

— Сколько можно объяснять тебе возможные последствия твоих собственных действий? Сегодня в Танфер возвращается Владычица Бурь Рейвер Стикс. Точнее, она уже должна была вернуться. Следовательно, ей обо всем доложили. А кто по уши завяз в этом деле и кому она захочет задать вопрос-другой в присутствии домины Даунт и баронета да Пены?

Честно говоря, меня самого посещали подобные мысли, но я к ним как-то не прислушивался. Вероятно, всему виной золотая лихорадка.

— Дин!

— Да, мистер Гаррет? — отозвался Дин, просовывая голову в дверь. Судя по гримасе, я оторвал его от какого-то дела.

— Дверь сегодня никому не открывай. Я справлюсь сам. Кстати, почему бы тебе не отдохнуть? Сходи проверь, может, твои племянницы успели обзавестись мужьями.

— Вам меня не напугать, мистер Гаррет. — Дин усмехнулся. — Я остаюсь.

— Тогда заказывай гроб.

Что называется, накликали — кто-то постучал в дверь. Я выбежал в коридор, поглядел в глазок. Знакомых никого, зато на всех ливреи Рейвер Стикс. Я закрыл глазок и направился на кухню за пивом.

— Ее люди? — осведомился Покойник, когда я вернулся.

— Да. — Я снова уставился на карту.

— Ты рискуешь, Гаррет.

— Я знаю, что делаю. — Рискуют мы оба, мысленно прибавил я.

— Думаешь, что знаешь. Как правило, ты ошибаешься.

Я пропустил его слова мимо ушей.

Минут через десять в дверь снова постучали. Заглянув в глазок, я увидел на крыльце Садлера.

— Чодо велел тебе рассказать, — произнес он, когда я отпер дверь, не делая даже попытки войти. — Кто-то сообщил ей, что мы ее разыскиваем. Она сбежала из города. Никто не говорит, куда, хотя мы спрашивали.

Да уж, спрашивать вы наверняка умеете, подумалось мне.

— Еще Чодо просил передать, что по-прежнему чувствует себя обязанным.

— Скажи, что я весьма признателен.

— Гаррет, я с сосунками обычно не церемонюсь, но в городе гоблинов ты всех нас спас. Поэтому послушайся моего совета: благодарностью Чодо не бросаются.

— Учту.

Садлер развернулся и поковылял прочь. Я захлопнул дверь и вернулся в комнату Покойника.

— Дельный совет, Гаррет. Благодарность такого человека стоит фунта золота.

— Все равно я не в восторге. Будем надеяться, что он проживет достаточно долго, чтобы мы с ним рассчитались. — У королей преступного мира имеется странная привычка умирать едва ли не чаще королей обыкновенных.

Около часа все было спокойно. Я даже задремал в кресле. Карты выскользнули у меня из рук и упали на пол.

Разбудил меня Покойник.

— Гаррет, у нас снова гости.

Просыпаясь на ходу, я отправился к двери. На крыльце стоял Морли. Я приоткрыл дверь, и он проскользнул внутрь.

— Ты что, спал?

— Да. Ты вроде тоже собирался. Что стряслось?

— До меня дошли кое-какие новости. Я подумал, тебе будет интересно узнать. В переулке недалеко отсюда нашли Коуртера. Кто-то стукнул его по башке.

— Что? — Я стряхнул с себя остатки сна. — Он мертв?

— Мертвее не бывает.

— Кто его стукнул?

— Откуда мне знать?

— Чушь какая-то. Знаешь, я, пожалуй, выпью чаю, а то в голове никак не прояснится.

— Тогда тебе придется пить чай лет десять подряд, иначе бесполезно.

— На свете нет ничего приятнее дружеского сочувствия.
Дин, чай!

Как выяснилось, вода только что вскипела. Неудивительно, Дин любит чай, как я — пиво. Он налил мне громадную кружку.

— Твои ребята наблюдали за дворцом Владычицы Бурь?

— А то. Вплоть до сегодняшнего утра.

— И что?

— Что, по-твоему, можно увидеть, если то и дело приходится удира́ть от патрулей?

— Значит, ничего?

— Вот именно. Пустой номер. Нуль без палочки. Пока они бегали от патрулей, во дворец можно было протащить живого мамонта.

— Ладно. А как насчет Пиготты?

— В смысле? С какой стати за ним было следить?

— Он мог бы привести нас к кому-нибудь.

— Гаррет, ты здоров? Чтобы Шнырь Пиготта привел куда-нибудь «хвоста»?

— И на старуху бывает проруха.

— Скорее мир перевернется, чем Шнырь Пиготта допустит такой промах. Я готов побиться об заклад.

— Мы же договорились, никаких пари.

— Гаррет, я тебя не трогаю. — Морли прищурился. — Лопай свое мясо, спасай взбалмошных девиц, если тебе так хочется. И ты не трогай меня. У каждого своя дорога в преисподнюю, усек?

— Морли, мне было бы глубоко плевать на твои дела, если бы ты всякий раз не втягивал в них меня.

— А сам-то что, лучше?

— Я тебе плачу и требую только то, за что ты получаешь деньги.

— Кто-то должен получать прибыль, верно? Если ты, черт возьми, девственно чист и невинен, если ты, теща свою гордость, готов платить за...

— Мистер Гаррет, — вмешался Дин, — почему бы вам не пойти на улицу? По-моему, там ругаться сподручнее. По крайней мере уходите из моей кухни.

Я только собрался объяснить, чья это кухня и кто здесь хозяин, как в дверь снова постучали и кто-то окликнул меня по имени.

— Плоскомордый, — проговорил я, направляясь в коридор, и спросил у Морли, который последовал за мной: — Кто убил Коуртера?

— Я же сказал, что не знаю. Мне сообщили, что он мертв, а я передал тебе, и все. Или ты думаешь, что я шарил у него по карманам, разыскивая записку с именем убийцы?

Я на всякий случай посмотрел в глазок. Мало ли что...

Верно, Плоскомордый. А с ним Амбер. И толпа в ливреях Владычицы Бурь, причем пару физиономий я уже видел раньше. Я отодвинулся от глазка и предложил посмотреть Морли.

— Останешься?

— Нет, с меня хватит. Больше я во всем этом не участвую.

— Как скажешь. — Я открыл дверь в тот самый миг, когда Плоскомордый вновь занес кулак. Морли проскользнул мимо, мельком поздоровавшись с Тарпом и девушкой. — Вы двое, заходите, — проговорил я. — А все остальные останутся снаружи.

42

— Что случилось с Морли? — поинтересовался Плоскомордый. Вид у него был слегка пришибленный, что неудивительно — ведь ему пришлось побеседовать с Владычицей Бурь Рейвер Стикс, а подобный разговор не оставит безучастной даже статую.

— Попытался схватить кое-что, в отместку укусившее его за палец. Или наоборот. А вы зачем пожаловали, да еще в такой компании?

— Моя мать хочет поговорить с тобой, — отозвалась Амбер. — Ты бы видел, как мистер Тарп отбивался от них с доминой. Незабываемое зрелище!

— Впервые слышу, чтобы о Тарпе рассуждали в таких выражениях.

— По большей части я просто изображал из себя глухонемого, но иногда все-таки приходилось отвечать. Тогда я нес ахиною и предлагал спросить у нее: мол, она меня нанимала, к ней и приставайте.

— И что они хотели узнать? — осведомился я.

— Да не узнать, а выгнать его! — воскликнула Амбер. — А когда поняли, что ничего не выходит, словно сошли с ума.

— Для аристократов щелчки по носу весьма полезны. Значит, твоя мать хочет меня видеть?

— Да.

— А почему она прислала тебя?

— Потому что Коуртер куда-то запропастился и не вернулся до сих пор, а Доусона ты не пожелал впустить в дом.

Она посылала за мной Коуртера?

— Дин, иди-ка сюда! — Когда он появился в дверях, я спросил: — Признавайся, до того как я велел тебе никого не впускать, к нам кто-нибудь заходил?

— Нет, мистер Гаррет. Только мальчишка принес письмо...

— Какое письмо?

— Оно лежит на вашем столе. Я думал, вы заметили.

— Прошу прощения. — Я чуть ли не бегом отправился в кабинет. Да, на столе лежало письмо. Как оказалось, от Тинни. Честно говоря, я про нее почти забыл: с глаз долой — из сердца, разумеется, вон.

— Что-нибудь важное? — справился Плоскомордый, когда я вернулся.

— Ерунда. Рыжая возвращается в Танфер.

— Скоро у нас тут будет весело, — проговорил он, искоса поглядев на Амбер, и ухмыльнулся.

— Амбер, твоя мать полагает, что я прибегу по первому зову?

— Гаррет, она — Владычица Бурь Рейвер Стикс. Она привыкла получать то, чего хочет.

— На сей раз она ничего не получит. Я устал настолько, что не в состоянии никуда идти, а толпа у дверей меня ничуть не пугает. Подумаешь, эка невидаль, очередная шайка головорезов... В общем, передай, что если она и впрямь желает видеть Гаррета, пускай приходит сюда. Только не среди ночи. Если она заявится сейчас, я ее не впустиу.

— Ничего я передавать не собираюсь, — заявила Амбер. — И во дворец не вернусь. Пока ее не было, я слегка подзабыла, какой у моей матери характер... Обойдется без меня; в конце концов, у нее есть мой отец и домина. Нелюбимая дочь больше ей на глаза не покажется... Ты вправду отдал мне то золото?

Меня подмывало ответить «нет», чтобы посмотреть, как она воспримет эту новость, но я сдержался.

— Да.

— Тогда я пошла наверх. Мистер Тарп, в ваших услугах я больше не нуждаюсь.

— погоди, красотка. Свободу твою никто ограничивать не собирается, поэтому сегодня можешь у меня переночевать, поскольку уже поздно. Однако завтра ты пойдешь подыскивать себе собственный дом.

На какое-то мгновение Амбер лишилась дара речи. Потом надула губки.

— Понимаешь, здесь находится опасно. — Я попытался как-то смягчить свои слова. — Стоит ли рисковать?

— Мне к опасности не привыкать, с такими-то родичами.

— О твоих родичах разговор особый. Скажи тем гвардейцам у двери, чтобы передали твоей матери — Коуртер никуда не пропадал. Кто-то подстерег его в переулке и проломил ему череп. Вот так.

У Амбер отвисла челюсть. Девушка принялась хватать ртом воздух.

— Ты сейчас похожа на золотую рыбку.

— Ты не врешь? Коуртера тоже убили?

— Да.

— Но с какой стати?

— Должно быть, потому, что он шел ко мне.

— Дьявол!

Как я и надеялся, раздражение перешло в справедливый гнев. Амбер выбежала на улицу. Я придержал Плоскомордого, который было направился следом.

— Я сегодня побывал у Чодо. Тот парень, который убил Амиранду, по-прежнему у него. Он предлагал его мне, но я сказал, что право первой ночи за тобой. Так что, если еще не успокоился, двигай к нему, иначе завтра утром Скредли отпустят.

Плоскомордый поджал губы, потрогал свои подживающие раны и хмыкнул.

— Не забудь потом вернуться сюда. Я собираюсь на прогулку, поэтому тебе придется приглядеть в мое отсутствие за Амбер.

— Договорились. — Плоскомордый кивнул. — Не беспокойся, Гаррет, к этой девчонке я никого не подпущу.

— Замечательно. Когда вернешься...

С улицы донесся пронзительный визг. Мы устремились наружу. Плоскомордый столкнул лбами двоих типов в ливреях, я огрел парочку своей тростью. На ногах осталось трое, причем двое пытались всеми правдами и неправдами удержать Амбер. Плоскомордый отогнал обоих пинками, а я спросил у главаря этой банды:

— Что за представление вы тут затеяли?

— Хотели увести ее домой.

— Послушай, приятель, я тебе вот что скажу. Она достаточно взрослая, чтобы решать самой, и, если не желает возвращаться, заставлять ее никто не вправе. Валите отсюда, пока целы.

Он поглядел на меня так, словно собирался объяснить, чем я рискую, становясь на дороге у Владычицы Бурь. Потом пожал плечами и отвернулся. Плоскомордый отпустил тех двоих, которых держал за шиворот, и они принялись приводить в чувство остальных.

Амбер раскрыла было рот, но я велел девушке отправляться в дом. Поговорить можно и потом, когда останемся наедине. Она подчинилась. Слуги Рейвер Стикс потопали прочь, их взгляды не сулили мне ничего хорошего.

— Гаррет, ты, похоже, чему-то научился. Сначала дело, потом разговоры. А им явно хотелось тебя послушать.

Морли Дотс, сидевший на соседнем крыльце, поднялся и присоединился к нам. Мы втроем некоторое время глядели вслед типам в ливреях Владычицы Бурь. Я помалкивал. Наконец Морли протянул мне сложенный листок бумаги. Я посмотрел Дотсу в глаза. Он ничуть не смутился.

На листке было написано: «Лаймен Гамелеон».

— Я о нем слышал. Важная шишка с Холма. Может, объяснишь?

— Просто решил сэкономить твое время. Войска в город гоблинов послал именно он. Между прочим, этот самый Гамелеон — ближайший сосед Владычицы Бурь и ее злейший враг, причем не только в политике. К тому же он — двоюродный брат ее мужа, которого старше на несколько лет.

— Очень интересно. Спасибо, Морли.

— Не за что, Гаррет. — Он помахал рукой и двинулся прочь.

Я прекрасно понял истинную подоплеку его поступка: оказав эту услугу, Морли как бы протянул мне оливковую ветвь.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — проговорил Плоскомордый. — Позаботься о мисс да Пена, Гаррет.

Я проводил его взглядом. Что он, черт побери, хотел сказать? Друга Уолдо не поймешь, не разберешь, кто перед тобой — слегка придурковатый малый или закоренелый циник.

Я захлопнул дверь, задвинул засов и огляделся по сторонам.

— Амбер!

— Я в твоём кабинете.

Она сидела в кресле за столом и, похоже, дулась.

— Выше нос, девочка. Все просто замечательно.

— Ты меня подставил.

— Естественно. Справилась бы ты со слугами, если бы я тебя не разозлил?

— Не знаю.

— Лучше послушай, — продолжал я, усаживаясь на край стола. — У нас появился шанс отыскать золото.

— Снова пытаешься меня одурачить?

— Ничего подобного. Шанс, правда, невелик, тем не менее... Все зависит от того, как поведет себя твоя мать. Мне кажется, я знаю, что случилось с частью выкупа, однако найти его будет приблизительно так же легко, как пресловутую иголку в стоге сена. Понадобится время...

— Ты серьезно?

— Да. Хотя действую по наитию. — Дин принес вино и пиво. Поблагодарив его, я прибавил: — Честно говоря, я просто валюсь с ног. Увидимся утром, ладно?

Амбер злорадно усмехнулась.

Что означала ее усмешка, выяснилось очень скоро.

Я не стал запира́ть дверь в свою комнату. Еще не хватало, в собственном-то доме! Амбер восприняла это как приглашение. В

результате я не только увидел ее раньше, нежели рассчитывал, но и не сумел как следует выспаться. Кроме того, мой ночной отдых нарушали беспокойные личности, настырно колотившие в дверь до самого утра.

43

Я вышел из комнаты на негнущихся ногах. Одолеть сонливость меня заставили доносившиеся из кухни запахи. Когда я спускался по лестнице, в дверь снова забарабанили. Я посмотрел в глазок и увидел уродливую багровую физиономию с разинутым ртом, в котором торчали гнилые зубы.

Я отвернулся и отправился завтракать.

— Дин, мне кажется, с тобой не сравнится ни один из прочих гениев, обитающих в этом доме. — Я погладила себя по животу. — Где ты раздобыл клубнику?

— Ее принесла моя племянница, Мэй. Я три дня продержал ягоды в холоде.

Снова племянницы? Глядишь, и Покойник скоро вспомнит про Слави Дуралейника...

— Пойду посмотрю, чем занимается его милость. — Я выбрался из-за стола. Как ни крути, рано или поздно входную дверь придется открыть... — Амбер, к нам вот-вот пожалует твоя матушка? Не пора ли уносить ноги?

— Я не собираюсь всю жизнь от нее бегать. Мне бы только знать, что есть место, куда я могу в случае чего спрятаться.

— Молодец. Дин, плесни-ка мне чайку.

Дин нахмурился и заворчал. И то сказать, какой-то Гаррет смеет распоряжаться на кухне! Чай он наливал столь долго и тщательно, что я чуть было не плюнул и не ушел. Бред собачий!

С какой стати устраивать из чаепития религиозную церемонию? Ведь сам чай от этого вкуснее не становится, верно?

Некоторые наверняка сочтут меня варваром. Я имею в виду тех, кто недостаточно цивилизован, чтобы выделять изо всех напитков пиво.

Покойник не спал, но его лучше было не трогать, поскольку он готовился к приему гостей. По-моему, он прикидывал, не опровергнет ли Владычица Бурь, которая провела в Кантарде несколько месяцев, теорию насчет Слави Дуралейника.

Я решил последовать примеру Амбер и направился к себе в комнату, чтобы привести в порядок свою внешность.

Покончив с этим, я уселся у окна и стал смотреть на улицу. Там происходили занятные вещи. Слуги Владычицы Бурь бежали вокруг нашего дома, пытаясь избавиться от внимания толпы зевак, которую сами же и собрали.

От аристократов с Холма можно ожидать многого. Обычно они ставят себя выше закона, который запрещает простым смертным вцепляться друг другу в глотки. Однако люди вряд ли потерпят, если кто-то попытается ворваться в частный дом, не имея на руках судебного постановления.

Напади слуги Рейвер Стикс на нас ночью, они бы, возможно, чего-то добились (разумеется, если бы не вмешался Покойник). А теперь было слишком поздно. Если они попробуют, толпа разорвет их в клочья. Будь ты хоть трижды лорд, с настроением народа иногда приходится считаться.

Надеюсь, ребята с Холма не свалят дурака. Положение у нас и без того аховое.

Короче, я продолжал сидеть у окна. Как вскоре оказалось, не зря. Краем глаза я заметил в толпе знакомое лицо. По улице шагал Плоскомордый, которого сопровождали Садлер и Краск. Все трое выглядели так, словно позавтракали какой-нибудь растительной гадостью в заведении Морли.

— Начинается. — Я вздохнул и вышел из комнаты.

В коридоре мне встретилась Амбер.

— Уже явилась? — спросила она.

— Нет. Я увидел в окно Плоскомордого. С ним двое парней, которым лучше не попадаться на пути даже при свете дня. Кстати, если ты меня не пропустишь, я не сумею открыть им дверь.

— Ой, извини. — Девушка шагнула в сторону.

— Предупреди, пожалуйста, Дина, пускай накроет на стол. Судя по их виду, они изрядно проголодались.

Когда Плоскомордый постучал, я находился в трех шагах от двери. Посмотрев на всякий случай в глазок, я отпер дверь, смерил взглядом багроволицего типа, что попытался было протиснуться следом, и проворчал: «Даже не надейся». Он побагровел сильнее прежнего, и тут я захлопнул дверь у него перед носом.

Гости расселись в комнатке рядом с моим кабинетом. Появился Дин, который принес чай и сладости.

— Выкладывайте, — проговорил я. — Что еще стряслось?

Плоскомордый поглядел на своих спутников. Те явно предпочитали отмалчиваться. Интересно, что у них на уме? Как ни странно, их, по-видимому, что-то объединяло. Нечто вроде отвращения, неизвестно к кому.

— Скредли сбежал, — сказал наконец Тарп.

— Скредли? Сбежал? Каким образом? Отрастил крылья и улетел? Он что, оборотень? — Я никогда не слышал о птицах или насекомых-оборотнях, но чего только на свете не бывает. Если человек может превратиться в волка, почему бы гоблину не перекинуться в птичку? Скажем, в канюка. Если вдуматься, эти превращения глубоко символичны.

Предрассудки? У кого, у меня?

Смеетесь?

— Нет, Гаррет, не улетел. Попросту сбежал.

Я недоверчиво покачал головой. Тут мне подумалось, что я быстрее обо всем узнаю, если некоторое время помолчу. Признаться, столь здравые мысли посещают меня нечасто.

— Я пришел туда, когда только начало светать, — продолжал Плоскомордый. — Меня встретили на крыльце и велели подождать. Потом вывели Скредли. А он как рванул, только его и видели...

— Ночью было холодно, — вставил Краск. — В такую погоду ящеры становятся неуклюжими.

— А след гоблина обычные собаки не возьмут, — прибавил Садлер. — И потом, охранникам велено никого не впускать. Насчет не выпускать речи не было.

— Все произошло настолько неожиданно... — пробормотал Плоскомордый. — Все стояли и пялились ему вслед.

Удрал так удрал, ничего не попишешь. Во всяком случае, меня это не касается. Или я ошибаюсь?

— Насколько я понимаю, вы пришли ко мне не просто так?

— Чодо сказал, что ты ничего не узнаешь, пока не найдешь Донни Пелл, — сообщил Плоскомордый. — Он думает, что Скредли сбежал к ней.

— Вполне возможно.

— Чодо хочет, чтобы Краск и Садлер помогли тебе их найти.

— Понятно. — Не могу сказать, что я расстроился. Скорее наоборот. Осложнения могли возникнуть в любой момент, а имея в своем распоряжении такую трицу, к ним можно было относиться философски. — Понятно. Между прочим, сегодня меня должна навестить одна хорошо известная личность. Рейвер Стикс.

— Гаррет, мы знаем, каковы ставки.

— Правда? — Неужели Амбер растрепала? Нет. Плоскомордый лишь думает, что знает.

По-видимому, пока мы не поймаем Скредли и Донни Пелл, о золоте придется забыть. Если, конечно, я вдруг не решу, что подручных Чодо стесняться нечего.

— Занимайся своими делами, — изрек Садлер. — Мы мешать не будем.

Ну разумеется. До поры до времени.

44

Мы убивали время за картами. Дин перемещался из комнаты в кухню и обратно, не забывая хмуриться всякий раз, когда ловил на себе мой взгляд. Я догадывался, о чем он думает: по его мнению, мне следовало заставить честную компанию заняться домашними делами. Старина Дин не разбирался в людях, а посему не понимал, что типам вроде Плоскомордого и Садлера с Краском на домашние дела плевать с высокой колокольни.

К нам было заглянула Амбер, но быстро ретировалась, не вынеся царившего за столом оживления. Покойник не спал; время от времени по комнате пробегало нечто вроде невидимой волны, от которой лично у меня вставали дыбом волосы. А ведь спроси его — ни за что не признается, что нервничает.

Какое-то время спустя Амбер вернулась.

— Она идет, Гаррет. Я, честно говоря, думала, что она пришлет домину. — Девушка поразмыслила, потом прибавила: — Пожалуй, мне лучше остаться наверху.

— А я-то думал, ты предложишь ей катиться подбрюшью.

— Может, чуть попозже, когда наберусь смелости.

— А если она выразит желание повидаться с тобой?

— Скажи, что меня здесь нет. Что я убежала.

— Она не поверит. Ей прекрасно известно, где ты находишься.

— Если придется, я выйду. — Амбер пожала плечами. — Но только если придется.

— Договорились.

Будущее постучалось в дверь. Дин вопросительно поглядел на меня — открывать или нет? Я кивнул. Он нехотя направился к двери. Я пошел следом. Амбер скрылась наверху, а бравая троица встала у стены, сложив руки на груди.

Дин распахнул дверь. Покойник столь пристально наблюдал за происходящим, что казалось, будто воздух пронизывают электрические разряды. Я на всякий случай сунул руку в карман, где лежал маленький подарок ведьмы; впрочем, если я его применю, Рейвер Стикс обратит на мое колдовство столько же внимания, сколько, скажем, на зудение комара.

Она вошла одна, оставив на улице коляску и свиту численностью в небольшую армию. Соседи, которые до того таращились в окна, благоразумно попрятались.

Плотно сложенная, коренастая, Рейвер Стикс смахивала на гнома. Судя по внешности, она никогда не обладала красотой Амбер, даже в молодости, которая красит каждую женщину. На загорелом лице выделялись ярко-голубые глаза, облик дополняли тронутые сединой волосы. Если Владычица Бурь была разгневана, она умело это скрывала. Во всяком случае, держалась она менее натянуто, нежели большинство тех, кто в последнее время переступал порог моего дома.

Дин застыл как вкопанный.

— Проходите, госпожа, — сказал я. — Мы вас ждали.

Рейвер Стикс обошла Дина, искоса поглядев на него, словно удивленная внезапной неподвижностью моего слуги. Неужели она настолько наивна?

— Закрой дверь, Дин.

Наконец-то он очухался!

Я провел Владычицу Бурь в ту комнату, где мы играли в карты. Для двоих это помещение было в самый раз.

— Что прикажете подать? Может, чаю?

— Бренди или что-нибудь в том же духе. И в нормальной посуде, чтобы можно было пить, а не только нюхать.

Суровый тон, голос низкий. Впервые встречаю женщину с таким голосом; она разговаривает так, будто пытается сойти за мужчину.

— Дин, принеси бутылку из тех, что прислали мне братья Бейгелл.

— Слушаюсь, сэр.

Я посмотрел на Рейвер Стикс. Ее, похоже, не впечатлило, что я состою в клиентах у братьев Бейгелл.

— Мистер Гаррет... Вы ведь мистер Гаррет, не так ли?

— Он самый.

— А остальные кто?

— Коллеги. Они представляют интересы бывшего протеже Молаху Креста.

Я ожидал, что она хоть как-тоотреагирует, но Владычица Бурь не оправдала моих ожиданий.

— Что ж... По-моему, я вас раскусила. Вы играете исключительно по собственным правилам либо не играете вообще. Поскольку вы нередко добиваетесь успеха, это ваше право.

Пока Дин наливал Рейвер Стикс бренди, я пригляделся к ней повнимательнее, пытаюсь сообразить, как себя вести. Испепелять меня на месте она как будто не собиралась, поэтому следовало перестроиться, и пошутрее.

— Как я уже сказал, мы вас ждали. Получилось так, что я, сам того не желая, оказался вовлечен в известные события...

— Мистер Гаррет, давайте не будем лукавить. Вам известно гораздо больше, чем вы пытаетесь показать. Быть может, даже больше, чем вам кажется. Объясните мне, пожалуйста, с какой стати вы сунули свой нос в наши семейные дела.

— По просьбе клиента. Точнее, клиентов.

Видя, что я не собираюсь продолжать, Рейвер Стикс спросила:

— Кого конкретно? Хотя нет, вы все равно не скажете... — Помолчав, она продолжила: — За последние несколько недель на

мою семью обрушилось столько бед! Моего сына похитили, а за освобождение запросили сумму, выплата которой подорвала наше благосостояние. Приемная дочь убежала из дома — как выяснилось, только для того, чтобы ее убили разбойники.

Я жестом велел Плоскомордому помалкивать.

— Потом мой сын покончил жизнь самоубийством. А моя дочь, несмотря на ваши с Уиллой Даунт усилия, дважды исчезала из дворца.

— Не говоря уж о пустяках, — вставил я. — Например, о Коуртере, которого прикончили прошлой ночью, когда он шел ко мне, или о воровстве на складе семейства да Пена.

— Это правда? — осведомилась она. На ее лице впервые отразились какие-то эмоции.

— Что именно?

— Насчет склада.

— Чистая правда.

— Мне никто ничего не сказал.

— Возможно, домине Даунт было не до того.

— Не говорите глупостей, мистер Гаррет. Уилла сообщает мне о неприятностях маленькими порциями, чтобы я не взбеленилась и не велела содрать с нее заживо кожу.

Это замечание явно не следовало воспринимать всерьез. Среди ведьм и колдунов подобная угроза давно стала чем-то вроде дежурной шутки.

Я ждал, предоставив инициативу Владычице Бурь.

— Мистер Гаррет, я подозревала, что вам известно то, чего не знаю я. Только что вы это подтвердили, не знаю уж почему. Оба мы понимаем, что мне хотелось бы узнать остальное. Поскольку вы явно чего-то добиваетесь, думаю, мы сумеем договориться.

— Возможно. Мне представляется, нам с вами нужно чуть ли не одно и то же.

— Неужели? Чего же вы хотите?

— Найти того, кто приказал убить Амиранду Крест.

Когда игра ведется по таким ставкам, да еще так долго, волей-неволей привыкаешь сохранять невозмутимость. Из Рейвер Стикс получился бы отличный картежник.

— Продолжайте, мистер Гаррет.

— Я все сказал.

Владычица Бурь оглядела моих товарищей. Лица Садлера и Краска ничего не выражали, а вот Плоскомордому, похоже, не терпелось высказаться.

— Очевидно, вам известно куда больше моего.

— Расскажи ей про Скредли и Донни Пелл, Гаррет! — воскликнул Тарп.

Рейвер Стикс повернулась ко мне.

— Амиранду убили на глазах у моего друга, — пояснил я. — Он пытался спасти ее, но не сумел, а потому считает, что обязан отомстить. Кроме того, со Скредли у него личные счета. Покажи, Уолдо.

Плоскомордый начал раздеваться. Подживающие раны по-прежнему производили весьма жуткое впечатление. Лиловые рубцы, по-видимому, в течение ближайших месяцев цвет не изменят.

— Понятно, — проговорила Рейвер Стикс. — Вы не хотите рассказать поподробнее, как это случилось?

Плоскомордый принялся одеваться. Я хранил молчание.

— Значит, так, — пробормотала женщина.

Честно говоря, я был готов задушить Плоскомордого голыми руками. Кто его просил лезть? Ведь я нарочно не упоминал про Донни Пелл, придерживал ее напоследок.

Впрочем, Владычица Бурь никак не отреагировала на это имя.

— Мистер Гаррет, полагаю, мне нужно вас нанять. Может, тогда вы будете сговорчивее.

— Может быть. У меня свои принципы. Я профессионал. Если мне не доверяют и постоянно советуют, что и как делать, я

от такой работы отказываюсь. — Кажется, мой голос не дрогнул. По крайней мере, хотелось надеяться. — И потом, с какой стати вам меня нанимать?

Рейвер Стикс поглядела на меня так, словно я был умственно отсталым ребенком.

— Понимаете, клиентов может быть сколько угодно, но если один из них стремится к тому, чего вовсе не хочется другому...

Она не сводила с меня взгляда. Под маской спокойствия медленно, но верно разгоралось пламя. Пожалуй, пора остановиться, чтобы не перегнуть палку.

— Госпожа, я хотел бы кое-что вам показать. Предупреждаю сразу — вряд ли вы будете в восторге. Скорее наоборот. Однако если вы этого не увидите, то пелена с ваших глаз не спадет еще долго.

Покойник одобрительно хмыкнул.

Владычица Бурь встала.

— Госпожа, — сказал я, — рекомендую вам налить себе по новой.

— Если все настолько страшно, я прихвачу с собой бутылку.

Просто и со вкусом.

— Хорошо. Пойдемте.

Мы вышли в коридор и направились к комнате Покойника. Я распахнул дверь и отступил в сторону. Процессия во главе с Рейвер Стикс проследовала внутрь. Бравая троица встала у стены, причем Садлер с Краском, увидев Покойника, неожиданно побледнели.

То-то. Знай наших.

— Мертвый логхир! — воскликнула Владычица Бурь. Тон у нее был такой, словно она заметила в кустах малютку-эльфа. — Я и не знала, что кто-то из них уцелел. Сколько вы за него хотите, мистер Гаррет?

— Госпожа, не стоит попусту тратить деньги. Это отъявленный бездельник, который ни на что не годится. Я держу его в доме исключительно из сострадания. Он целыми днями дрыхнет, а когда не спит, возится с жуками.

— Лениость у логхиров в крови. Между прочим, даже мертвеца можно приучить к порядку, если знать как.

— Как-нибудь вы меня научите, хорошо? Этот лентяй у меня уже вот где... Ну да ладно. Госпожа, посмотрите вон туда. Дин, принеси какую-нибудь лампу!

Черт побери, он должен был позаботиться обо всем заранее!

Дин вернулся с лампой и принялся многословно извиняться, хотя никто от него извинений не требовал. Бедняга настолько перепугался, что дрожал всем телом. Я его не виню. Напряжение в тот миг и впрямь достигло предела.

Владычица Бурь молча разглядывала тела. На ее лице не шевельнулся ни единый мускул. Потом поманила к себе Дина, взяла у старика лампу и медленно, дюйм за дюймом, осмотрела труп Карла. Приложила к бутылке с бренди, затем столь же тщательно оглядела Амиранду.

Тело девушки удостоилось и повторного осмотра. Рейвер Стикс фыркнула, отставила бутылку в сторону, приложила два пальца к животу Амиранды, пробормотала: «Вот как!» и вновь поднесла к губам бутылку.

— Весьма обязана, мистер Гаррет, — произнесла она, выпрямляясь. — Мы можем поговорить? С глазу на глаз?

— Разумеется. Дин, отведи ребят в кухню и накорми, а мне принеси пива. В кабинет.

— Слушаюсь, сэр. Джентльмены?

Джентльмены подчинились. Очевидно, хозяин велел им не спорить с Гарретом.

45

Я уселся за стол. Владычица Бурь расположилась напротив и погрузилась в размышления, не забывая, впрочем, время от времени прикладываться к бутылке.

— Карла убили, — сказала она после продолжительного молчания.

— Совершенно верно. Это сделали человек по прозвищу Красавчик и гоблин Скредли. Красавчик мертв, Скредли удалось бежать, но его ищут. Кстати, Скредли возглавлял шайку, которая расправилась с Амирандой. Однако он действовал отнюдь не по собственной инициативе. Кто-то ему платил.

— Расскажите мне все, мистер Гаррет.

— Расскажу, если мы сойдемся в условиях.

Рейвер Стикс поразмыслила.

— Вы хотите найти того, кто несет ответственность за смерть Амиранды, правильно?

— Да.

— Я, как вам известно, обладаю властью, но понятия не имею, как искать преступника. Предположим, я найму вас с тем, чтобы вы нашли убийцу Карла.

— Я не прочь. Однако если в обоих случаях нож в руки убийц вкладывала одна и та же рука, наши интересы могут прийти в противоречие.

— Этого не будет, если вы согласитесь на одно условие.

— То бишь?

— Я предоставляю вам полную свободу действий, если вы обещаете покарать преступника в моем присутствии. А так можете делать с ним, что хотите. Честно говоря, смерть будет для него лучшим исходом.

Внезапно я ощутил восторг. Сначала никак не мог сообразить почему, затем догадался, что уловил эмоции Покойника. Старый хрыч явно что-то знал!

— Согласен.

— Я не стану вам мешать, мистер Гаррет. Вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Дин принес пиво. Я налил себе полную кружку и одним глотком опорожнил ее чуть ли не до дна. Владычица Бурь,

которую Дин предусмотрительно не забыл, последовала моему примеру.

— Насколько я понимаю, тела обошлись вам недешево. Такие услуги стоят дорого.

— Да уж.

— Приплюсуйте сюда сумму, которая станет вашим гонораром, и карманные расходы.

— Давайте уточним. Вы меня нанимаете и предоставляете мне полную свободу действий при условии, что я обязуюсь устроить вам в конце расследования маленький спектакль?

— Да.

— И обещаете мне свою поддержку?

— Если она понадобится.

— Вполне может быть.

— Мистер Гаррет. Я преследую одну-единственную цель. Приведите ко мне тех, кто отвечает за смерть моих детей. За ценой я не постою. Меня не остановит даже сам император, понимаете? — Ледяной взгляд словно пронизывал меня насквозь. — Приведите мне этих ублюдков!

— Как насчет клятвы?

— Вы хотите получить договор, написанный кровью?

— Меня вполне устроит клятва Владычицы Бурь.

После того как я прочел текст, она сделала все так, как того требовал ритуал.

— Все, — сказал я. — Теперь можно и рассказать. — И принялся излагать историю с того самого момента, когда попал в число ее участников. Рассказывал в подробностях, опустил только свои личные отношения с Амбер и Амирандой. Правда, вряд ли мне удалось ее одурачить.

Про золото я тоже особенно не распространялся. В конце концов, Амбер наняла меня раньше.

Прошло несколько часов. Рейвер Стикс слушала, не перебивая. Дин исправно наполнял кружки, а когда решил, что настало время, принес нам обед.

Когда я наконец завершил свое повествование, Владычица Бурь продолжала молчать. Выждав минут пять, я поинтересовался:

— Договор остается в силе?

Она посмотрела на меня так, словно хотела сказать: «Перестань валять дурака».

— Разумеется. Бессмыслица какая-то...

— Не совсем, госпожа. Поначалу все шло очень даже гладко. Я имею в виду до тех пор, пока не начались убийства.

— Все равно бессмыслица. По крайней мере, лично я ничего не могу понять.

— А вы подумайте. Откройте глаза.

Впервые за время нашего разговора она вернулась из иллюзорного мира в реальность, притвоявила меня к креслу взглядом василиска.

— Что?

— Вы не обращаете внимания на краеугольный камень. На тень, которая падает буквально на все. То бишь на Владычицу Бурь Рейвер Стикс.

— Объяснитесь, мистер Гаррет.

— Охотно. Вот вам простой пример. Пускай каждый из тех, кто замешан в этой истории, останется самим собой, а вот вы из Рейвер Стикс, которую все боятся, превратитесь вдруг в наследницу виноградников Галларда. Не помню, как ее зовут. Как повашему, произошло бы с ней то, что случилось с вами, проведи она полгода за пределами Танфера? Возникло бы у кого-нибудь желание причинить ей зло? Разве что у Донни Пелл и ее сообщников, но ими двигала обыкновенная жадность. Госпожа, как ни крути, все упирается в вас.

Моя тирада не слишком ей понравилась, хоть я и старался выбирать выражения. Впрочем, другой столь трезвомыслящей женщины я в жизни не встречал. Она в два счета обуздала уязвленное самолюбие. Уилла Даунт не годилась ей даже в подметки.

— Понятно. Что вы собираетесь предпринять, мистер Гаррет?

— Я бы хотел побеседовать с вашим мужем и доминой Даунт при таких обстоятельствах, чтобы они не могли уклоняться от ответов и не имели права не отвечать.

— Это можно устроить. Когда вам удобно?

— Чем скорее, тем лучше. Сегодня. Сейчас. Дама с косой порезвилась достаточно, пора ее утихомирить. — Считается, что смерть слепа, но я не раз убеждался, что она разит без промаха.

— Разумно. У вас есть особые пожелания?

Минут пятнадцать мы обсуждали, что и как, причем я всячески давал понять, что мое слово — последнее. Наконец Рейвер Стикс поднялась.

— Я заберу тела с собой, мистер Гаррет.

— Лучше вынести их через задний ход. Считается, что обоих давным-давно кремировали. О том, что они у меня, известно лишь обитателям этого дома.

— Понимаю.

Я проводил Владычицу Бурь до двери. Неожиданно она повернулась ко мне.

— Позаботьтесь о моей дочери, мистер Гаррет. Она — единственное, что у меня осталось.

— Конечно, госпожа.

Наши взгляды на мгновение скрестились. Думаю, мы поняли друг друга.

Есть горькая правда в том, что люди наподобие Рейвер Стикс не могут открыто выражать свою любовь.

46

Я привалился к захлопнувшейся двери и испустил долгий, протяжный вздох. Около минуты меня трясло, затем напряжение начало спадать. Захотелось даже издать старинный боевой клич.

— Ушла? — осведомился Плоскомордый, выглядывая из кухни.

— Ушла.

— Как ни странно, ты цел, — заметил он, пересчитав мои конечности.

— Мы с ней договорились. Посмотрим, что из этого получится.

— Из чего из этого?

— Неважно. Ее люди вынесут через черный ход оба трупа, можете им помочь. А я пойду растормошу Покойника.

Плоскомордый мрачно поглядел на меня, пробурчал что-то насчет «аристократических замашек», но пошел за Краском и Садлером.

Я подождал, пока они заберут трупы из комнаты.

— Так-так... Дела идут на лад, а, Гаррет?

— Да уж. Слушай, почему ты потеешь?

Он попался на удочку. Я представил воочию, как он осматривает себя, гадая, неужто его тело и впрямь возвращается к жизни.

Очко в пользу Гаррета.

— Когда я с ней разговаривал, тебя вдруг обуял восторг. С какой стати?

— Мне стало ясно, что, прогулявшись по окрестностям, ты можешь найти нечто любопытное. — Гений паршивый! Никогда не может сказать прямо!

— Ты предлагаешь мне съездить на ферму и привезти оттуда Донни Пелл?

— Смотри-ка, догадался.

— Сколько ты мне твердил, чтобы я учился думать самостоятельно? Вот я и начал, тем более, что с тобой лучше не связываться, не то хлопот не оберешься. Все королевские ищейки не смогли ничего найти — под королем я, естественно, разумею Чодо Контагю. К своим друзьям в городе Донни больше не обращалась. Так где же ей быть, как не на ферме?

— Молодец. Правда, мы не учитываем вот какой возможности. Она могла переселиться в дальние края, где ее никто не знает, и теперь разыгрывает из себя знатную даму.

— Вряд ли. По-моему, не настолько она умна, иначе удрала бы из города, когда заварушка только начиналась.

— Ты собираешься съездить на ферму?

— Пока не знаю, — соврал я. — В настоящий момент я собираюсь во дворец да Пена, где мне предстоит побеседовать с мужем Владычицы Бурь и доминой Даунт. Если понадобится, я потолкую и со слугами. Вдобавок я никак не могу решить, хватит ли у Скредли ума, чтобы самому отправиться по следу.

— Об этом я не подумал.

— Разумеется. Бандит из тебя никудышный. Уверяю тебя, очутившись на свободе, Скредли перво-наперво постарался удрать как можно дальше, а затем стал искать, на кого бы свалить вину за все, что с ним случилось. Донни Пелл подходит как нельзя лучше. Она представляет собой прекрасную мишень. Другой нет, защитить бедную девушку некому; вдобавок у нее куча денег, которой можно завладеть. И потом, она женщина.

— Тебе ее жаль?

— Немного. В конце концов, сама виновата, надо было думать, с кем связываться.

В дверном проеме возник Плоскомордый.

— Ушли? — спросил я, жестом приглашая его войти в комнату.

— Да.

— Ты слышал наш разговор?

— Только тебя.

— Значит, ты слышал главное. — Я развернул карту. — Видишь? Вот перекресток, где на вас с Амيرانдой напала шайка Скредли. Чуть к западу растут две шелковицы, от которых начинается старая дорога. Приблизительно в полумиле от них стоит заброшенная ферма, на которой держали Младшего. Думаю, Донни Пелл именно там.

— Притащить ее сюда?

— Ни в коем случае. Гораздо лучше, если она останется на ферме. Я хочу устроить нечто вроде пикника. Но мне хотелось бы знать, что меня может ожидать.

— То есть я должен разведать обстановку.

— Сумеешь?

— Спрашиваешь. Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Но не вздумай заходить на ферму.

— По-твоему, я совсем дурак? — Плоскомордый обиженно фыркнул.

— Встретимся завтра на перекрестке. Постараюсь приехать около полудня, но могу и слегка задержаться.

Тарп кивнул в сторону кухни.

— А с этими как быть?

— Понятия не имею. Если хотят, могут пойти с тобой или присоединиться ко мне. Если выберут первое, проследи, чтобы они не проявляли самостоятельности. Ладно. Мне пора уходить. Иди узнай, что они выбирают.

— Что ты задумал, Гаррет? — с подозрением спросил Покойник.

— Сам не знаю. Можно сказать, импровизирую.

— По-моему, ты что-то замышляешь.

— Я бы рад, да не получается. Слишком много оборванных нитей. Похоже, дело закончится, а проблемы останутся.

— К примеру, некий Гаррет окажется между молодой девушкой, привыкшей получать то, что ей хочется, и рыжеволосой красоткой, которая относится к этому Гаррету как к своей собственности.

— Знаешь, подобная мысль мне в голову не приходила. Я все прикидывал, сдерет с меня Владычица Бурь шкуру за неуважение к ее особе или не сдерет. Что касается твоего замечания... Как только Амбер заполучит деньги, мы с ней тут же разбежимся.

— Гаррет, для человека ты в большинстве случаев мыслишь на удивление здраво. Но когда речь заходит о существах противоположного пола, ты глупеешь на глазах.

— Вполне простительная слабость. Она была, кстати, и у моего отца. Я исправляюсь.

— Скорее ты перестанешь пить пиво.

— Раз уж мы заговорили об Амбер. Я собираюсь все ей рассказать.

— Раз ты не хочешь, чтобы Владычица Бурь внесла тебя в список своих должников под первым номером, позволь дать тебе один совет.

— Попробуй.

— Постарайся избавиться от дурной привычки язвить, гладить против шерсти и лезть на рожон.

— Хорошо. Сначала разберусь с женщинами, а потом займусь этим.

Я вышел в коридор, заглянул по дороге на кухню.

— Они остаются со мной, — сообщил Плоскомордый. По его ухмылке можно было догадаться, что решение Саулера с Краском объясняется нежеланием иметь дело с Рейвер Стикс.

Я подмигнул и пошел наверх.

47

Я постучался в дверь.

— Амбер, ты там?

— Заходи. Не заперто.

Девушка сидела на кровати. Вид у нее был измученный.

— Ушла?

— Ушла, — подтвердил я, усаживаясь в кресло. — Мы кое о чем с ней договорились.

— Ну да, с ней куда интереснее, чем со мной.

— Честно говоря, твоя матушка мне не понравилась.

— И что с того?

— А то, что Гаррету гораздо интереснее с теми, кто ему нравится, нежели наоборот. Хотя порой я делаю вид, что это не так.

— Благодарю, — сумрачно произнесла девушка.

— Ну, в чем дело?

— Расследование почти закончено, верно?

— Завтра я собираюсь взять кое-кого за жабры.

— Кого именно?

— Пока не скажу. Вдруг я ошибаюсь?

— Особой радости это никому не доставит...

— Разумеется. Убийство есть убийство. Даже радость преступника обычно бывает недолгой.

— Значит, мы с тобой разбежимся.

Мне захотелось спуститься вниз и дать Покойнику пинка. Старый хрыч подслушивал и, похоже, посмеивался. Ну почему он всякий раз оказывается прав?

— Не знаю, не знаю... Послушай, я иду во дворец, чтобы побеседовать с твоим отцом и доминой Даунт. Не хочешь составить мне компанию? Побудешь в шкуре молчаливого свидетеля, заодно переоденешься, ну и все такое...

— От меня что, плохо пахнет?

— Чего?

— Так, не обращай внимания. Что такое «молчаливый свидетель»?

— Свидетель, присутствие которого заставляет говорить правду, поскольку те, кого спрашивают, знают, что он может опровергнуть их показания.

— Вот как? — Амбер нахмурилась. — Стоит ли? Родной отец...

— А как насчет домины Даунт?

— Пошли. — Девушка вскочила с кровати.

— С ума сойти! Сколько энтузиазма!

— Гаррет, я не хочу делать больно своему отцу. А ты наверняка загонишь его в угол и вынудишь признаться в том, что вряд ли понравится моей матери.

Что-то в ее тоне навело меня на подозрение, что Амбер готова поделиться со мной семейными секретами.

— Пожалуй, если я буду знать, о чем не стоит спрашивать, твоему отцу ничто не угрожает. Но тогда я должен знать...

— Не приставай ко мне! — В голосе Амбер прозвучали одновременно страдание и мольба о помощи.

— Амбер, я хочу тебе помочь.

— Это касается Ами... Ребенок от него. Больше не от кого.

— Признаться, я не слишком удивлен. И подозреваю, что твоя мать обо всем догадывается.

— Наверно. Но ей все равно этого не понять. — Бедняжка Амбер окончательно сникла.

— Инцеста ведь не было, правда?

— Как сказать.

— То есть?

— Ами... Все произошло против ее желания.

— Твой отец изнасиловал Амиранду? — Не может быть! Она бы такого не вынесла.

— Да. Нет. Смертью он ей, конечно, не угрожал, нож к горлу не приставлял. Просто... принудил, что ли. Понятия не имею как. Мне она не рассказывала, только Карлу, от которого я и узнала... Все началось, когда Амиранде исполнилось тринадцать. В таком возрасте трудно... трудно сообразить, что делать...

— Тебя он тоже «принуждал»?

— Пытался пару раз, когда мне было четырнадцать лет. Вернее, почти пятнадцать. Знал бы ты, Гаррет, как тяжело... Наверно, мужчине этого не понять... Первый раз я попросту сбежала, а во второй он позабылся о том, чтобы сбежать не удалось. И не оставлял меня в покое, пока я не пригрозила, что расскажу матери.

— Ну и?

— Он ударился в панику, закатил истерику. Вот почему...

— Отец тебя бил?

Девушка утвердительно кивнула.

— Ясно. — Я призадумался. Карл-старший и так числился в моем списке подозреваемых под номером один, а то, что я о нем узнал... Но где мотив преступления?

— Такое впечатление, будто Ами с отцом не понимали, что рано или поздно все откроется. В каждом доме полным-полно энергии, которую кто-нибудь вроде моей матери может использовать для того, чтобы предохраняться без помощи амулетов...

— Если бы Амиранда чувствовала...

— Не начинай, Гаррет. Ты не понимаешь, о чем говоришь, поскольку никогда не был женщиной. И никогда не оказывался в подобном положении.

— Ты права, женщина из меня и впрямь не получится. Ладно, сделаем вот что. Я поговорю с твоим отцом наедине. Владычица Бурь ничего не узнает.

— Она не оставит вас вдвоем.

— Я скажу, что так нужно. И не вдвоем, а втроем, потому что со мной будешь ты.

— А это обязательно?

— Я хочу загнать его в угол и добиться всей правды. Тебе в лицо он лгать не станет. Ведь ты в любой момент можешь сказать: «А помнишь, папочка...»

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Но приходится пользоваться подручными средствами.

— Мой отец не делал того, в чем ты его подозреваешь.

— Беременность Амиранды скоро начала бы бросаться в глаза. Твоя мать, насколько мне известно, привыкла получать ответы на свои вопросы. Подумай, как бы она поступила, когда узнала...

— Гаррет, я согласна, мой отец жуткий трус. Но все же...

— Возможно, ты права. Но узнать истину можно только одним способом. — Я решил не упоминать о том, что Владычица Бурь установила беременность Амиранды без моей помощи.

— Гаррет, а у нас нет времени...

— Боюсь, что нет. — Я покачал головой.

— Жаль.

Когда мы вышли в коридор, Амбер проговорила:

— Спорим, он даже не подозревает, что Ами была беременна? Она не сказала никому, кроме Карла.

Я хмыкнул. Сейчас баронет наверняка все знает, хотя раньше, вероятно, на деле не подозревал.

— Мы уходим, — бросил я, заглянув в комнату Покойника.

— Будь осторожен, Гаррет. И последи за своими манерами.

— Чья бы мычала! Слушай, старый плут, что там со Славой Дуралейником? Может, расскажешь, на случай если я не вернусь? Не хочется отдавать концы в неведении.

— Рассказать человеку, который идет во дворец Владычицы Бурь? Нет, Гаррет. Вот вернешься, тогда поговорим.

В принципе он был прав.

Я без необходимости напомнил Дину, что дверь нужно запирать на все замки, и мы с Амбер вышли на улицу.

48

Я решил заглянуть по дороге к Летти Фаррен. Наверно, зря. Иногда невежество гораздо предпочтительнее знания.

Охранник меня знал. Ему было известно, что хозяйка Гаррета недолюбливает, поэтому он попытался остановить нас. У него ничего не вышло. Когда мы очутились внутри, Амбер застыла как вкопанная, не веря собственным глазам.

Я и сам изумился не меньше.

Заведение не работало, чего на моей памяти не случалось никогда. Меня охватило беспокойство. Я миновал бармена с уборщиком, не обратив ни малейшего внимания на крики: «Стой! Куда прешь?», и бросился в конуру, которую Летти именвала своим жилищем.

Мне хватило одного взгляда.

— Оставайся в коридоре, — велел я Амбер.

Летти Фаррен попыталась испепелить меня взором, но не смогла — не сумела разжечь огонь. Выглядела она ужасно, вся в синяках и кровоподтеках; лицо женщины выражало ужас.

— Чодо? — спросил я.

Летти с трудом кивнула.

— Сказала бы мне сразу, где Донни, ничего бы с тобой не случилось.

Она просто посмотрела на меня — должно быть, так, как смотрела на головорезов Чодо. В мужестве старушке Летти не откажешь.

— Я теперь работаю на Рейвер Стикс. Честно говоря, я тебе не завидую. Оказаться между Владычицей Бурь и Чодо Контагью...

— Гаррет, мне не в чем было признаваться им и нечего рассказывать тебе. Если хочешь, приводи сюда старую ведьму. Я и ей повторю то же самое.

— Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним*. Поправляйся поскорее.

Когда мы подходили к двери, Амбер спросила:

— Почему ты оставил меня в коридоре?

— Потому что Донни Пелл нужна не только мне. — Я решил ничего не скрывать. — У Летти побывали мои конкуренты, которые пытались выбить из нее местонахождение нашей подружки.

— Выбить?

— Вот именно. Суровые ребята. Между прочим, мне начинает казаться, что ты — единственный приличный человек во всем Танфере.

— Гаррет, ты плохо меня знаешь. — Амбер нервически захихикала. — Честно говоря, ты тоже ничего.

Если так, значит, она меня вообще не знает.

49

У ворот дворца нас встретил незнакомец с повадками отставного солдата.

— Как отдохнули в солнечном Кантарде?

* Книга притчей Соломоновых, 28:1.

— Как обычно, мистер Гаррет, — ответил он, не моргнув глазом. — Из рук вон. Владычица Бурь ожидает вас в зале для приемов. Мисс да Пена покажет дорогу.

— Спасибо. Кстати, как насчет Коуртера?

— В смысле?

— На цветы или на венок не скидываетесь? Я готов войти в долю. Ведь его убили, когда он шел ко мне.

— Мы еще не прикидывали, мистер Гаррет, но обязательно дадим вам знать, когда решим. Вы не против?

— Ни в коем случае. Еще раз спасибо.

Когда мы отошли на такое расстояние, что привратник уже не мог нас слышать, Амбер сказала:

— Видишь? А ты утверждал, что приличных людей в Танфере не осталось.

— Это всего-навсего циничная попытка завоевать дешевую популярность.

— Как скажете, мистер Гаррет.

Рейвер Стикс приняла меня в полутемном помещении размером с комнату Покойника. Она сидела, прикрыв глаза, настолько неподвижная, что я даже испугался. Неужели мы потеряли очередного члена почтенного семейства?

Нет. Глаза открылись и нацелились на меня. Я увидел перед собой не грозную Владычицу Бурь, а усталую пожилую женщину.

— Садитесь, мистер Гаррет. — Рейвер Стикс вдруг преобразилась, как оборотень в полнолуние. — Амбер, на твоём месте я бы закрылась у себя в комнате, но если ты боишься расстаться с мистером Гарретом, можешь присутствовать при нашем разговоре.

Да, пожилая женщина стала Владычицей Бурь — но все же осталась заботливой матерью.

Амбер села рядом со мной, и я, пользуясь тем, что Рейвер Стикс не видит, пихнул девушку под стол ног.

— Спасибо, мама. Я действительно не хотела бы пока расставаться с мистером Гарретом.

Вот так. Зачастую все, что требуется для того, чтобы быть вежливыми друг с другом — присутствие постороннего человека, в глазах которого не хочется выглядеть глупцами.

— Дело твое. С кого вы хотели бы начать, мистер Гаррет?

— С домины Даунт.

— С Уиллы Даунт, — поправила Владычица Бурь. — Она лишилась своего титула, поэтому к ней следует обращаться по имени.

— Вам виднее, госпожа. Так или иначе, я предпочитаю начать с нее. Затем мы побеседуем с вашим мужем и, если понадобится, со слугами.

— Стоит ли опускаться до таких мелочей?

— Может, и не стоит. Однако в расследовании, как известно, решающую роль нередко играют именно мелочи.

— Знаете, мне хочется карать всех подряд, а уж боги пускай разбираются, кто виноват, а кто нет.

Порой у меня возникало подобное желание в отношении наших правителей. Правда, следуя совету Покойника, я не стал признаваться в этом Владычице Бурь.

— Понятно.

— Мы с Амбер вам мешать не будем?

— Я хотел бы, чтобы вы присутствовали при разговоре с Уиллой Даунт, а вот Амбер я попрошу пока уйти. Я уже объяснял ей, что и как. Давайте договоримся: как только Амбер появится, вы уходите. Не думаю, что эти ухищрения помогут, но почему бы не попробовать?

— Хорошо.

— Еще я хотел бы просмотреть документы. В особенности письма похитителей. Вы их читали?

— Да.

— Почерк вам незнаком?

— Нет. Но писала, по-моему, женщина.

— Мне тоже так показалось. Столько завитков... Честно говоря, я даже подозревал, что эти письма сочиняла Амиранда.

— У Амиранды был почерк пьяного тролля. Такой не спутаешь ни с каким другим.

— Ясно. Что касается вашего мужа, я хотел бы поговорить с ним наедине. Со слугами же поступим следующим образом: если ваше с Амбер присутствие будет их смущать...

— Все понятно, мистер Гаррет. Начнем?

— Пожалуй. Где Уилла Даунт?

— В своем кабинете. Выполняет мое поручение.

— Амбер, будь добра, приведи ее. И скажи, чтобы не забыла документы.

— Слушаюсь, хозяин. — Девушка подмигнула. Ее мать прекрасно все видела.

— Госпожа, я был бы весьма признателен, если бы вы отложили на денек-другой расправу над Уиллой Даунт и всеми прочими. Завтра я хочу пригласить вас на прогулку, во время которой мы посетим те места, где преступники получили выкуп и где убили Амиранду.

— Это необходимо?

— Да. Я рассчитываю, что после прогулки никаких сомнений уже не останется.

Владычица Бурь не стала расспрашивать подробно, за что я был благодарен. По правде говоря, не такая уж она и страшная.

Мы молча ждали.

50

Наконец появилась Уилла Даунт с бумагами под мышкой.

— Вы звали меня, мадам? — Похоже, мое присутствие ее не удивило (и не должно было, если вдуматься — ведь у нее наверняка хватает осведомителей среди слуг).

— Мистер Гаррет расследует по моему поручению обстоятельства гибели Амиранды, Карла и Коуртера. Он выразил желание задать вам несколько вопросов. Будьте любезны, Уилла, отвечайте искренне.

Когда Владычица Бурь упомянула Коуртера, я приподнял бровь. Любопытно. Да, в уме ей не откажешь.

— Передайте мистеру Гаррету документы.

— Вы стервятник, мистер Гаррет, — проговорила Уилла Даунт. — Не уйметесь, пока не выкложите глаза всем?

— Если мне не изменяет память, я всякий раз появлялся во дворце да Пена отнюдь не по собственному желанию. Вспомните. Хотя вы вряд ли запоминаете подобные мелочи.

— Ваше остроумие по-прежнему на уровне.

— Уилла, замолчите. Будете говорить, только когда вас спросят. Садитесь.

— Хорошо, мадам.

Зверь, что называется, выпустил когти.

Уилла Даунт села в кресло. Ее лицо, как обычно, ровным счетом ничего не выражало.

Ладно, голубушка, сейчас ты у нас попляшешь. Я принялся изучать документы. В письмах подробно объяснялось, что и как следует делать. Я отложил в сторону те, которые видел раньше, пристально поглядел на Уиллу Даунт и спросил:

— Когда вы начали догадываться, что похищение Карла инсценировано?

— Когда исчезла Амиранда. Перед тем как сбежать, она вела себя весьма странно и подолгу о чем-то шепталась с Карлом.

Врет и не краснеет. Ведь Амиранда сбежала из дома уже после того, как Уилла Даунт поехала выкупать Младшего. Или... Или она заблаговременно узнала о планах девушки?

— А когда вы поняли, что преступники взялись за дело всерьез?

— Когда приехала туда, где должна была передать выкуп. Боюсь, я утратила самообладание. Эти бандиты напугали меня до полусмерти.

— Опишите их, пожалуйста.

Она нахмурилась.

— Я вас уже спрашивал, при каких обстоятельствах вы передали деньги. Вы не пожелали ответить, на что в прошлый раз имели полное право. Но теперь все иначе. Слушаю вас. — Я взял в руки письмо, которое еще не читал.

— На дороге стояли две закрытые коляски. Бандитов было по меньшей мере четверо. Возницы-полукровки, какой-то человек весьма отталкивающей наружности и очень симпатичная девушка. Главным был тот урод.

— Что значит «по меньшей мере»? Там был кто-то еще?

— Меня не выпускали из экипажа, но мне показалось, что в одной из колясок кто-то есть... Впрочем, я могла и ошибиться.

— Гм... — Я переставил свое кресло так, чтобы на него падал свет. — Продолжайте. И постарайтесь ничего не упустить.

Уилла Даунт принялась рассказывать — замогильным голосом, словно жизни в ней оставалось всего ничего. Я услышал практически то же самое, что уже знал от Скредли, поэтому стал проглядывать письма. Одно из них привлекло мое внимание. Я перечел его дважды. Неужели нашел?

Уилла Даунт тем временем дошла в рассказе до моста через Малую Сосновую речку, от которого поехала домой.

— Минуточку, — перебил я.

Она замолчала.

— Эта история с выкупом сильно смахивает на глупую шутку. Деньги получили, а жертву не вернули. Тут, разумеется, вашей вины нет, вы ничего не могли поделать. Кроме того, бандиты позволили вам разглядеть себя и отпустили подобру-поздорову, хотя знали, что вы — секретарь женщины, сына которой они собирались в скором времени убить.

— Я не могу этого объяснить. Сказать по правде, когда я поняла, что Карла с ними нет, то решила, что меня непременно убьют.

Неужели ты не приняла никаких мер предосторожности? Отдала, например, не весь выкуп, а только часть — остальное, мол, когда вернете Карла. Или заявила, что привезла столько, сколько смогла. Что-нибудь в этом духе, иначе сейчас ты бы здесь не сидела.

Вслух ничего подобного я, конечно, говорить не стал.

— Они не упоминали при вас никаких имен?

— Нет.

— А хорошо вы их разглядели?

— Достаточно хорошо, чтобы узнать, если увижу. Девушка и урод держались в тени, но я отлично вижу в темноте, поэтому они зря старались. Скорее всего просто не догадывались.

— Может быть. Теперь это не имеет ни малейшего значения. Все они мертвы, кроме девушки.

Уилла Даунт вопросительно поглядела на меня, ожидая продолжения. Ну и выдержка у нее, черт возьми!

Что ж, я выяснил все, что хотел в присутствии Владычицы Бурь. Интересно, как бы потактичнее намекнуть... Тут в зал вошла Амбер.

Рейвер Стикс молча поднялась и вышла за дверь.

— Я ничего не нашла, — прошептала Амбер. — Дневника она не вела...

— Амбер, шептаться на людях невежливо, — заметила Уилла Даунт.

Я утвердительно кивнул.

— Счета как будто в полном порядке. Серебро продавалось в пределах от семи до пятнадцати процентов ниже рыночной цены. Я не то чтобы уверена, но мне кажется, что в данных обстоятельствах это было оправданно. Кстати, сейчас стоимость серебра упала настолько, что бывшие покупатели стали продавцами.

Амбер есть Амбер — никогда не забывает о деньгах и драгоценных металлах.

— Кто покупал серебро?

Девушка протянула мне список.

— Очень интересно. Лаймен Гамелеон, едва ли не главный подозреваемый, приобрел больше всех, причем с максимальной скидкой.

Даже это не проняло Уиллу Даунт.

— Положение было отчаянным, — сказала она, — поэтому я продавала серебро за ту цену, которую мне предлагали. Владычица Бурь проверила счета и ни в чем меня не упрекнула.

— Амбер, ты помнишь, когда заключались сделки? — спросился я, повинувшись некоему внутреннему голосу.

— Нет. Посмотреть?

— Не стоит, — проговорила домина. — Я помню. — И начала перечислять даты с такой уверенностью, будто читала по бумаге.

Судя по датам, сделки совершались почти одновременно, что, по всей видимости, не могло не вызвать определенных осложнений.

— Гамелеон знал, зачем вы покупаете золото?

— Лорд Гамелеон, мистер Гаррет.

— Да хоть Мальчик-с-пальчик. Знал или нет?

— Разумеется. Иначе бы он отказался.

Что ж, это подтверждает мою догадку о связи Гамелеона с Донни Пелл.

— По-вашему, это было разумно?

— Сейчас мне думается, что вряд ли. Но тогда у меня не было выхода.

— Допустим. Ладно, на сегодня все.

— На сегодня?

— Завтра с утра мы все отправляемся на прогулку.

Уилла Даунт озадаченно поглядела на меня. Дескать, что еще я там задумал?

— Пригласите, пожалуйста, баронета.

Довольно долго никого не было. Я уже начал злиться. Наконец дверь открылась, но вошел вовсе не баронет. Вернулась Владычица Бурь в сопровождении Уиллы Даунт.

— Вы по-прежнему хотите поговорить со слугами, мистер Гаррет? — Голос Рейвер Стикс напоминал одно из тех климатических явлений, которыми она повелевала.

— А где ваш муж?

— Честно говоря, я бы сама не прочь это узнать. Он ушел из дворца вскоре после вашего появления здесь. Видели, как он входил в дом своего кузена, лорда Гамелеона, который живет напротив. Лорд Гамелеон подтвердил, что мой муж к нему заходил, но уверяет, что они давно расстались. Так как насчет слуг?

— К черту. — Вдруг накатила чудовищная усталость. — Думаю, обойдусь. Если вы не против, пойду отсыпаться. Встретимся завтра в восемь утра у моего дома. У меня к вам просьба, госпожа. Постарайтесь устроить побольше суматохи, чтобы привлечь внимание тех, кто может заинтересоваться.

— Хорошо, мистер Гаррет. Уилла, тогда на сегодня все.

— Амбер, ты остаешься? — осведомился я.

— Нет, я иду с тобой, — ответила она, не поднимая глаз. — Но мне нужно собрать вещи.

Похоже, девушка все-таки набралась мужества и решила утереть нос матери. На лице Владычицы Бурь заиграли желваки, однако она промолчала. Видимо, усвоила на собственном опыте, что бывают победы и поражения.

Первое, что я сделал, вернувшись домой, — написал записку Морли Дотсу и отправил ее с одним из соседских мальчишек. Затем сообщил Покойнику последние новости, притворился, будто хочу выудить из него тайну Слави Дуралейника, с тем, чтобы просто-напросто польстить старому хрычу. После чего мы с Амбер уничтожили приготовленный Дином ужин, и я отправился спать.

Обычно я не помню, что мне снилось, а тут запомнил, хотя всей душой желал забыть.

51

Дин разбудил меня заблаговременно. Мы позавтракали, собрали провизию в дорогу. Я прихватил из домашнего арсенала пару подходящих для дамы стилетов и обучал Амбер владению оружием, пока не прибыл кортеж ее матери.

Рейвер Стикс проявила удивительную заботливость. Она каким-то образом выяснила, что я не располагаю собственным средством передвижения, а потому предоставила мне лошадь из своей конюшни. Сама Владычица Бурь сидела в карете. Амбер подсела к Уилле Даунт, которая правила коляской. Представляю, как им будет весело вдвоем.

Я заглянул лошади в глаза. Она и не подумала отвернуться, однако бесовской искорки в ее взгляде я не заметил. Видимо, эта лошадь обо мне не слышала.

Владычица Бурь приятно удивила меня не только своей заботливостью. Я думал, мне придется убеждать ее в том, что отправляться на прогулку в сопровождении небольшой армии — чрезмерная роскошь. Но Рейвер Стикс взяла с собой всего-навсего двух охранников.

Впрочем, колдунам, по всей вероятности, охрана нужна лишь для того, чтобы подчеркнуть свое положение в обществе.

— Поезжайте вперед, — сказал я Уилле Даунт. Та бесстрастно кивнула. Амбер, увидев, что я предпочитаю держаться сзади, развернулась лицом ко мне. Впрочем, нас с ней разделяла карета ее матушки.

Уилла Даунт пустила лошадей рысью. Иногда она притормаживала, поджидая, пока карета Владычицы Бурь нагонит ее коляску. Я ехал футах в пятидесяти за каретой. На городских улицах нас провожали любопытными взглядами, но стоило выехать за город, как на кортеж перестали обращать внимание. Я приглядывался к работавшим на полях крестьянам и попутно сопоставлял карту с местностью.

Ничего похожего на то место, которое я нарисовал себе в мыслях, пока не обнаруживалось.

Может, потолковать с Уиллой Даунт? Глядишь, что-нибудь да узнаю.

Ага. После дождичка в четверг.

К тому же у меня есть веские основания держаться позади.

Морли догнал меня, когда кортеж преодолел две трети расстояния до перекрестка. Над дорогой нависали деревья, поэтому можно было рассчитывать, что нас никто не заметит.

Поравнявшись со мной, Морли натянул поводья.

— Они едут за вами. Гамелсон и шестеро его ребят. Все как на подбор.

— Догонять нас они не собираются?

— Нет.

— Отлично. Значит, птички попадут в клетку все сразу.

— Ты спятил, Гаррет. Семеро сзади, неизвестно сколько впереди, а ты рассуждаешь так, словно командуешь дивизией.

— На их стороне число, а на моей — Владычица Бурь. Предупреди Плоскомордого.

Морли кивнул и поскакал прочь.

Все выходило как нельзя лучше. Оставалось только надеяться, что когда западня захлопнется, меня в ней не будет.

К тому времени, когда мы добрались до перекрестка, настроение у меня слегка ухудшилось, поскольку я не заметил ни единого местечка, которое могло бы подтвердить правильность моей теории насчет выкупа. Правда, от основной дороги отходило несколько боковых, с которыми следовало при случае ознакомиться. Потом, если представится возможность и если Амбер не заразится от Гаррета ощущением безысходности.

Наверно, я допустил ошибку. Начал делить шкуру неубитого медведя. Решил, что все знаю, и на тебе.

— Стойте! — крикнул я, когда Уилла Даунт свернула на запад. Сам виноват, надо было предупредить, что на перекрестке мы остановимся.

Она подчинилась. Я спешился и огляделся по сторонам. Где Плоскомордый? Он должен был ждать здесь.

Друг Уолдо выступил из-за дерева. Краем глаза я заметил, как всплеснула руками от удивления Уилла Даунт.

— Что мы имеем?

— Ты был прав. Она там.

— Одна?

— Если бы! В дружеской компании. Один ~~завыл~~ вчера около полуночи, остальные, все гоблины, явились уже сегодня.

— Скредли тоже там?

Плоскомордый кивнул.

— Сколько их всего?

— Пятнадцать.

— Садлер с Краском ведут себя прилично?

— Они не дураки, Гаррет. Знают, что можно, а чего нельзя.

— Рад слышать. Пойду расскажу Владычице Бурь. К дому можно подъехать незаметно?

— Да. А как быть с парнями, которые едут сзади?

— Они сами о себе позаботятся. — Я пропустил вереницу телег, перебежал на другую сторону дороги и пригласил себя сесть в карету Рейвер Стикс.

— Почему мы остановились, мистер Гаррет?

Я объяснил и прибавил:

— Откровенно говоря, я не предполагал, что их окажется так много. А в остальном все в порядке. Хотите что-нибудь уточнить?

— Тот человек, который пришел ночью... Это мой муж?

— Вполне может быть. К сожалению, мой человек не знает его в лицо.

— Как по-вашему, лорд Гамелеон знает, куда едет?

— Понятия не имею.

— Может, проследить за ним?

— Стоит ли, госпожа?

— А почему нет, мистер Гаррет?

— Потому что их семеро, а я один.

— У вас есть я. — «Неужели?» — мысленно спросил я. — И что мне с тобой делать?»

— Хорошо. Мы пойдем с моим другом. А вы будьте осторожны.

— Это вы будьте осторожны, мистер Гаррет. И прихватите с собой Амбер. Мне бы хотелось сохранить хоть что-нибудь.

— С ней все будет в порядке. — Я вылез из кареты. — Амбер, ты идешь со мной.

Владычица Бурь также покинула карету. Сказала что-то вознице, тот кивнул. Второй охранник прыгнул на землю и вместе с Рейвер Стикс уселся в коляску, которая тут же тронулась с места.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Амбер.

— Гулять по лесу. — Я привязал свою лошадь к карете, и мы поспешно скрылись за деревьями.

Мгновение спустя мимо проскакал лорд Гамелеон. Его слуги, все без ливрей, усиленно притворялись, что не замечают карету Владычицы Бурь.

— Она поехала прямо туда? — спросил Плоскомордый.

— Наверно. Надо торопиться. Где Морли? Где Краск и Садлер?

— Иди за мной, Гаррет. Правильно, мисс да Пена?

— Правильно, мистер Тарп. Ведите.

52

Мы рассчитали все до секунды.

Когда мы достигли опушки, неизвестно откуда появился Морли.

— Неплохо для городского увальня, — одобрил я. Садлер с Краском присоединились к нам не менее неожиданно. Если бы

они были не на нашей стороне, у нас возникли бы серьезные неприятности. — Что слышно?

— Кричат.

— Да ну?

— Точно. Видимо, кто-то задает вопросы, на которые другие не горят желанием отвечать.

Признаться, я ничуть не удивился.

— Там что-то происходит, — сказал Краск.

Я подошел к нему. С этого места ферма была видна как на ладони. Из дома выбегали гоблины и сломя голову неслись через поле к дороге.

— Должно быть, дозорный заметил коляску.

Кто-то фыркнул.

— Интересно, они выставили часовых? Или только наблюдают за дорогой?

— Второе, — ответил Садлер. — Это же гоблины.

— По-моему, Владычица Бурь допустила ошибку. Такие типы, как правило, сначала убивают, а уж потом разбираются, кого и за что.

— Пока они отвлеклись, самое время подобраться поближе, — сказал Плоскомордый. — Если держаться края низины, можно подойти чуть ли не вплотную. К валунам, которые остались от амбара.

Я посмотрел в ту сторону, куда он показывал, но, как ни приглядывался, никаких валунов не увидел.

— Ты там был?

— Естественно. Я же должен был разведать дорогу.

— Тогда пошли.

Первым двинулся Плоскомордый, за ним Краск и Морли. Следом Амбер, которой я настоятельно советовал пригибаться пониже. Замыкали шествие мы с Садлером.

Мы преодолели приблизительно половину пути, когда из леса донеслись вопли. Все замерли.

— Что-то непохоже, чтобы гоблинов застали врасплох.

— Да уж.

— Идем дальше.

Некоторое время спустя мы достигли груды камней ярдах в тридцати от дома. И тут из леса высыпала шайка Скредли. Бандиты вели пятерых или шестерых пленников.

— Гамелеон, — пробормотал я. — А где же Владычица Бурь?

— Гаррет, их дюжина, — проговорил Морли. — Нас не видно, так почему бы не напасть? Или ждешь, пока они доберутся до дома?

Признаться, особого восторга его предложение у меня не вызвало, но рассчитывать на то, что ситуация переменится к лучшему, не приходилось. Я оглядел остальных. Все утвердительно кивнули.

— Амбер, оставайся здесь. Когда все кончится, я крикну.

Она притворилась, что не слышит, и, когда мы двинулись к черному ходу, увязалась за нами. Я выругался себе под нос, но делать было нечего: не применять же, в самом деле, грубую силу?

Нас никто не заметил. Войти в дом первым вызвался Морли. Никто не возражал и не пытался оспорить эту сомнительную честь.

Внутри находились три гоблина, женщина и старший Карл да Пена. Двух гоблинов поверг на пол неустрашимый Морли Дотс, третий хотел было закричать, но только захрипел, когда Краск перерезал ему глотку.

Садлер расправился с теми, кого оглушил Морли.

Желудок Амбер поспешил избавиться от своего содержимого.

— Тебе предлагали остаться. — Я заскрежетал зубами и повернулся к людям. Похоже, наше появление не очень-то их обрадовало. — Что, баронет, из огня да в полымя?

Обоих привязали к стульям. У баронета во рту торчал клаяп, женщина же, судя по всему, уже просто не могла ни говорить, ни тем более кричать. Обоих явно пытали.

— Вы, должно быть, пресловутая Донни Пелл. Давно мечтал с вами познакомиться. Честно говоря, сейчас по вашему виду не скажешь, что мужчины из-за вас теряют головы.

— Хватит трепаться, Гаррет, — пробурчал Морли. — Они идут.

Я поглядел в окно.

— Этот клоун Скредли набрал целую армию.

— Ничего, справимся. Им ведь надо приглядывать за пленниками.

— Меня восхищает твоя уверенность. Может, я пойду, а вы тут сражайтесь?

— Если пойдешь, то только черту в лапы! Что делать будем?

— Краск, Садлер, спрячьтесь в коридоре. Плоскомордый, ты встань за дверью. Когда войдут четверо-пятеро, захлопнешь. Но не раньше. Мы с Морли укроемся на кухне. Амбер, а ты жди снаружи.

На сей раз она подчинилась. Страх — отличный воспитатель.

— А еще меня обзывал стратегом, — пробурчал Морли и покорно отправился на кухню.

Правда, даже гениальным стратегам свойственно ошибаться. Когда Плоскомордый попытался захлопнуть дверь, на пороге как раз появился Скредли в сопровождении еще двоих гоблинов. С двумя Тарп справился — попросту вышвырнул вон, а вот третий застрял между дверью и косяком, и пока Плоскомордый пыжился и кряхтел, норовя закрыть дверь, гoblin вопил как резаный. Наконец дверь захлопнулась, а мы прикончили тех пятерых, что оказались в ловушке.

— Порядок, — усмехнулся Морли. — Впускай остальных.

Дверь распахнулась, Плоскомордый отлетел в сторону. В дом ворвался Скредли.

Мы ожидали, что они будут размахивать ножами, но никак не предполагали, что им на помощь придут слуги Гамелеона.

— Нас подставили, Гаррет, — пробормотал Плоскомордый.

В одной руке у меня был нож, в другой — дубинка. Удерживая на безопасном расстоянии двоих гоблинов и человека, я подобрался к окну и выглянул наружу.

Никакой тебе Владычицы Бурь.

Может, она угодила в засаду и ее благополучно пристукнули?

Я ударил одного из противников в пах, но не слишком сильно. Меня потихоньку оттесняли к кухне. Я был настолько занят, что не имел возможности перевести дух и оглядеться по сторонам. Ну да ладно, выиграем мы или проиграем, Скредли все равно свое получит. Ведь ему противостоят лучшие силы Танфера.

Слабое утешение.

Я от души огрел одного из гоблинов дубинкой. Он зашатался, рухнул под ноги товарищам. Воспользовавшись секундной заминкой, я выпрыгнул в окно.

Приземлился не слишком удачно. Дыхание никак не желало восстанавливаться, однако у меня хватило сил, чтобы научить уморазуму парня, который пытался повторить мой подвиг. Череп я ему не проломил, но шишка будет.

Я подковылял к двери, приоткрыл ее и кинул внутрь один из подаренных ведьмой кристаллов. После чего прислонился к стене и стал ждать.

Кристалл не подвел. Вскоре в доме сделалось удивительно тихо.

Когда я вошел, все валялись вповалку на полу, держась за животы. Я принялся колошматить противников по головам. Когда отрубился последний, я всех их связал, памятуя о том, что кристалл вот-вот перестанет действовать.

Морли подполз к стене, принял сидячее положение и прохрипел, испепелив меня взглядом:

— Предупреждать надо, черт возьми. Я чуть концы не отдал.

— Где твоя благодарность, Морли?

О взглядах, которыми одарили меня Садлер с Краском, не стану и упоминать. Мне повезло, что у них не было сил подняться.

Снаружи донеслись какие-то звуки. Я выглянул за дверь.

Наконец-то прибыла Владычица Бурь.

Она выбралась из коляски и подошла ко мне. Я отступил в сторону. Рейвер Стикс прошла внутрь, обозрела поле боя, принялась и с подозрением поглядела на меня.

— Все налицо, — сообщил я. — Немножко уберемся, и можно начинать.

— Хорошо. — Она приблизилась к баронету, которого в пылу схватки повалили на пол вместе со стулом, окинула его взглядом, затем повернулась к Донни Пелл. — Это и есть та самая шлюха, мистер Гаррет?

— Еще не уточнял, но думаю, да.

— Выглядит она, прямо скажем, не очень.

— С женщинами так всегда. Если ее умыть и приодеть, ей не составит труда обольстить очередного кавалера.

Владычица Бурь метнула на меня взгляд, подобного которому я еще не удаивался.

Тем временем в дверном проеме появилась Уилла Даунт. Судя по всему, она впервые за время нашего с ней знакомства пребывала в полной растерянности.

— Плоскомордый, почему бы тебе не привести Амбер? — Я удостоился взгляда не менее мрачного, чем тот, каким меня наградила Рейвер Стикс. Тем не менее Тарп кивнул и вышел за дверь. — Госпожа, — продолжал я, — не знаю, по адресу ли обращаюсь, но не могли бы вы прочесть какое-нибудь исцеляющее заклинание?

— Мистер Гаррет, всякий, кто сражался с полководцами ве-нагетов, может творить элементарные исцеляющие заклинания.

— Так уж и всякий? — усомнился я. В комнату вошла мертвенно-бледная Амбер. — Привыкай, детка. Жизнь бывает порой жестокой. Плоскомордый, с тобой все в порядке?

— Жить буду. Слушай, сколько раз тебя просить — предупреждай заранее! — Он моргнул и приложил ладонь к животу.

Я не стал объяснять, что, последовав его совету, предупредил бы не только своих, но и чужих.

53

Тела гоблинов и слуг Гамелеона мы побросали в траву, не разбирая, кто действительно мертв, а кто только ранен. Потом пришлось рассаживать гостей. Место нашлось всем, на ногах остался

лишь я да Амбер. Девушка прислонилась спиной к дверному косяку; чувствовалось, что она сильно нервничает.

— Приступайте, мистер Гаррет, — произнесла Владычица Бурь. Она сидела на колченогом стуле, однако впечатление было такое, словно тот вдруг преобразился в роскошный трон.

— Хорошо, госпожа. Начнем с моего приятеля Скредли. Будь добр, расскажи этим людям все то, что рассказывал мне в доме Чодо. Но учти, эта дама гораздо суровее нашего общего знакомого.

Скредли, который вновь преисполнился обреченности, принялся рассказывать, чуть ли не слово в слово повторяя то, о чем поведал мне.

Главной злодейкой по-прежнему оставалась Донни Пелл. Стоило понаблюдать, какие взгляды она бросала на гоблина, будто требуя, чтобы он представил ее в более выгодном свете.

На да Пену и Гамелеона посмотреть тоже стоило. И на домину Даунт — когда та поняла, что ошибалась, отказываясь верить всем подряд слухам.

Скредли закончил. Я повернулся к Гамелеону.

— Не хотите ничего добавить?

— Я хочу содрать с тебя шкуру!

— Гаррет, может, стукнуть его пару раз, чтобы научился вежливости? — осведомился Морли. — С детства мечтал услышать, как хрустят благородные кости.

— Думаю, обойдемся без этого.

— Ну разреши хоть руку вывернуть! Плоскомордый, а может, мы с тобой подвесим его за ноги?

— Хватит! — процедил я.

Рейвер Стикс вытянула в направлении Гамелеона левую руку — ладонь кверху, пальцы растопырены. Лицо Владычицы Бурь оставалось бесстрастным, но между пальцами руки вдруг замерцали лиловые искорки.

— Нет! — воскликнул Гамелеон. Неожиданно он испустил пронзительный вопль (я и не подозревал, что он умеет так кричать) и обмяк на стуле.

— С одним разобрались. Ваша очередь, баронет. Что споете вы?

Баронету петь явно не хотелось, особенно в присутствии суп-рути, которой были известны все его уязвимые места.

— Карл, — проговорила Владычица Бурь, — увертки ни к чему хорошему не приведут. — Она вновь вытянула руку. Опять замерцали искры. Баронет съежился и заскулил. Рейвер Стикс опустила руку и криво усмехнулась. — Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Да уж, подумалось мне. Я огляделся. Сколько бледных лиц — Гамелеон, да Пена, Уилла Даунт... Амбер, по-видимому, жалела, что вообще увязалась за мной. А бедняга Скредли, должно быть, корил себя за то, что ему взбрело в голову вернуться и попытаться отомстить.

Что касается Донни Пелл... Я повнимательнее пригляделся к девушке. Точнее, позволил себе приглядеться, ибо до того опасался, что ее чары могут подействовать даже на меня.

Она выглядела невинной овечкой. Невысокого роста, симпатичная; ей было, наверное, под тридцать, однако миловидное личико и смуглая кожа придавали Донни Пелл вид девочки-подростка. Не сказать чтобы красивая, но, безусловно, привлекательная. Даже привязанная к стулу и облаченная в лохмотья, она будила в мужчине желание обладать и стремление защитить.

Сам я не связываюсь с маленькими девочками, но мне хорошо известно, какие чувства может вызвать у мужчины аппетитная пятнадцатилетка.

Мне несколько раз доводилось встречать таких вот Донни Пелл. Они весьма умело манипулировали мужчинами — творили, что хотели, причем эти мужчины испытывали одновременно физическое желание и нечто вроде отцовского чувства. Между прочим, несмотря на умение крутить сильным полом, в голове у сих юных особ обычно ничего нет.

В Донни Пелл, судя по всему, пропадает великая артистка. Как лихо она перевернула представления патриархального обще-

ства о роли женщины, как ловко подчинила своей воле всех представителей противоположного пола, с какими ее свела судьба! И, невзирая на положение, в котором оказалась, пыталась покорить остальных.

Но ее привлекательность и шарм были всего-навсего маской, под которой скрывалась жестокая, бессердечная личность, этакий Морли Дотс в женском обличье. Неудивительно, что она вертела Скредли и его сородичами как хотела.

— Мистер Гаррет, мы ждем, — напомнила Рейвер Стикс.

— Я просто прикидываю, с какого бока подступиться. Ведь на данный момент ни у кого из них нет причин быть с нами откровенным.

— Придется, если они хотят остаться в живых. — Владычица Бурь встала и подошла ко мне. — Кто-то из них приказал убить Амиранду и моего сына. Пока не знаю, кто именно, но он за это заплатит. Возможно, остальные составят ему компанию, если не сумеют убедить меня в своей невинности. Чем не причина для откровенности, мистер Гаррет?

— Целиком и полностью с вами согласен. Остается только вразумить тех, кто полагает, будто общественное положение защищает их от подобной, так сказать, несправедливости.

— Справедливость тут ни при чем. Мною движет кровожадное желание отомстить. Политические последствия меня не интересуют. Мне глубоко плевать, что будет потом.

Последний довод снял все сомнения. Я поглядел на баронета и Гамелеона. Карл-старший, похоже, разделял мою точку зрения, а вот Гамелеон никак не желал смириться с поражением.

— Как насчет Коуртера? — спросил я вполголоса.

— Я про него не забыла, — также вполголоса ответила Владычица Бурь.

Оглядев присутствующих, я повернулся к Уилле Даунт.

— Вы не хотите что-либо добавить к тому, что уже рассказали?

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Не думаю, что вы причастны к убийствам. Тем не менее это по вашему настоянию инсценированное похищение превратилось в настоящее, верно?

Она вздрогнула. Уилла Даунт вздрогнула! Пропустив удар оттуда, откуда меньше всего ожидала, она сразу же сломалась. Амбер почувствовала, куда я клоню, и метнула на меня предостерегающий взгляд. Я подмигнул девушке.

— Ну что, никто не хочет чистосердечно признаться?

Молчание.

— Ладно. Тогда я изложу, как все было, а если вдруг ошибусь или кого-то забуду — не стесняйтесь, поправляйте.

— Мистер Гаррет.

— Прошу прощения, госпожа. Итак. Все началось давным-давно, когда женщина с Холма, которой не следовало иметь детей, все же их завела.

— Мистер Гаррет!

— Госпожа, по условиям контракта вы обязались не вмешиваться в ход расследования. Я собирался подобрать формулировки, но поскольку вам не терпится все услышать, будьте любезны не перебивать. Вы превратили жизнь членов своего семейства в сущий ад, довели их до того, что они мечтали только о том, как бы удрать из дворца. Впрочем, до тех пор, пока вы не отбыли в Кантард, ни у кого не хватало смелости попытаться. Да и тогда вряд ли бы что-нибудь произошло, если бы Амиранда, сама того ни капельки не желая, не забеременела от вашего супруга.

Амбер испепелила меня взглядом. Уилла Даунт вскрикнула. Рейвер Стикс явно не понравилось, что я раскрыл семейную тайну. Баронет же потерял сознание.

— Как только поняла, что беременна, Амиранда отправилась к своему единственному другу — вашему сыну. Вместе они придумали план, который должен был избавить девушку от позора. Получив выкуп за якобы похищенного Младшего, они собирались бежать из Танфера и начать новую жизнь.

Но им требовалась помощь. Ведь все следовало обставить настолько правдоподобно, чтобы Владычица Бурь ничего не заподозрила. Чтобы оставалась в полной уверенности, что ее сына похитили какие-то бессовестные злодеи. Ради чего? Ради своего отца, которого, несмотря на все его фортели, отпрыски семейства да Пена любили и продолжают любить.

— Мистер Гаррет!

— Не перебивайте меня, госпожа. — Я повернулся к Донни Пелл. — Им требовалась помощь. Младший обратился к своей подружке, которая пообещала все устроить. И практически сразу дела пошли наперекосяк, потому что у Донни Пелл иначе не бывает.

Она рассказала обо всем своим друзьям, рассчитывая извлечь из этого выгоду для себя. Повела баронету, надеясь, по видимому, что он погладит ее по головке. Поставила в известность лорда Гамелеона, хотя здесь я не уверен — Гамелеон мог узнать о происходящем откуда угодно.

Донни предполагала использовать шайку гоблинов, которые воровали товары со склада да Пена и продавали их Гамелеону. Но домина Даунт, которой стало известно о хищениях, отправила на склад Младшего, поручив проверить, что там творится. А Младший рассказал вам, — я ткнул пальцем в Донни. — Тем временем Старший посвятил в заговор Уиллу Даунт.

Домина затрясла головой.

— Младшего якобы похитили и доставили сюда, на ферму, на которой выросла Донни. А домина Даунт для прикрытия обратилась за помощью к Гаррету. Похитители решили, что мне поручено расследовать воровство на складе, и попытались заставить меня отказаться.

Дальше возникла неразбериха. Никто из главных действующих лиц не понимал, что происходит, поскольку события накладывались одно на другое. Все домочадцы Рейвер Стикс решили, что им наконец-то представилась возможность покинуть ненавистный дворец. Их сообщники-бандиты были не прочь заполучить деньги себе. Но и

тем, и другим было ясно, что, если начнется расследование, узнают и о беременности Амиранды, и о воровстве на складе. Поэтому Младший решил вернуться домой — замести следы, дабы Владычица Бурь продолжала пребывать в блаженном неведении. Но тут вмешался я, хотя меня никто о том не просил.

Короче. Похитители потребовали выкуп. Домина принялась собирать деньги, а Амиранда, которая уже догадывалась, что план пошел насмарку, поехала на встречу с Младшим.

Но бандиты, которых наняла Донни, учуяли запах золота и решили — к черту этого сосунка. И впрямь, что он может сделать? Пожаловаться мамочке?

Карл-старший, который рассчитывал завладеть половиной того, что причиталось Донни, предупредил — Амиранда настроена достаточно решительно и собирается во всем признаться Рейвер Стикс, когда та вернется. — Я смерил взглядом смертельно бледного баронета, который успел прийти в себя. — И Донни снова все устроила. Мечта Амиранды покинуть дворец осуществилась. Полагаю, Младшему должны были сообщить, что Ами сбежала, прихватив с собой его долю.

Донни Пелл издала некий звук и замотала головой. Владычица Бурь поглядела на нее так, как смотрит на кролика удав.

Честно говоря, я слегка сомневался в собственных словах. Смерть Ами была выгодна только баронету. Однако вряд ли он велел убить девушку — по крайней мере, ради денег, которых, кстати, все равно не получил.

— Кто приказал убить Амиранду? — справился я у Донни Пелл. — Ты ведь знаешь, верно? Отвечай, не тяни.

— Карл, — выдавила Донни, у которой, по-видимому, пересохло в горле. Кроме меня, никто ее слов не услышал. — Он сказал...

Женщин я быю крайне редко, но тут не сдержался. Правда, утешил себя тем, что передо мной не женщина. Скажем так, не дама.

С ее талантом она вполне могла бы одурачить кого-нибудь другого. Но я вел расследование с самого начала, а потому был

уверен, что уж в этом-то Младший не повинен. Его преступление состояло в ином — в глупости, помноженной на малодушие.

— Подумай как следует, крошка. Иначе доиграешься.

Трудность заключалась в том, что Донни Пелл была единственной свидетельницей и прекрасно это сознавала. Я мог догадываться, предполагать, подбираться сколь угодно близко, однако мои догадки без ее подтверждения так догадками и оставались.

— Мистер Гаррет, — проговорила Рейвер Стикс, — ваши расспросы пока ни к чему не привели. Тем не менее, слушая вас, я кое-что уяснила. Прежде всего то, что мой деверь, лорд Гамелеон, по известным ему одному причинам, велел убить моего сына. Сейчас меня интересует следующее — участвовал ли мой муж в подготовке убийства и в заговоре, который ставил целью подорвать мое благосостояние.

— Как скажете. — Да, Владычица Бурь далеко не глупа. И отнюдь не слепа, хотя и принадлежит к аристократическому словию. — Я, признаться, надеялся, что милашка Донни выложит все сама, когда раскроет наконец свой ротик.

— Зря надеялись, мистер Гаррет. У этой женщины душа... э...

Рейвер Стикс не хватает слов? Меня подмывало подсказать: «Владычицы Бурь», но я решил не огорчать матушку Амбер. Не стоит пилить сук, на котором сидишь.

— Кроме того, — продолжала она, — я уверена, что мой муж убил Коуртера. Перед тем как произошло убийство, он покинул дворец. А привратник сообщил, что баронет да Пена выбежал из ворот следом за Коуртером.

Карл-старший попытался было возразить, но никто не обратил на него внимания.

— Но за что? — удивился я.

— Коуртер что-то знал и собирался рассказать вам. Поэтому Карл, поддавшись панике, его и убил. Труда это ему не составило. Он ненавидел Коуртера, а тот никак не ожидал, что такой трус поднимет на него руку. С моим сыном и Коуртером мы выяснили, остается Амиранда.

54

Кто приказал убить Амиранду Крест?

Расследование зашло в тупик. Мне начало казаться, что мы никогда не получим ответа. Правду знал только один человек, который — или которая — отнюдь не собирался признаваться.

— Мистер Гаррет, хочу вам кое-что предложить. — Из тона Рейвер Стикс ясно следовало, что ослушаться невозможно. — Вы забираете своих друзей, Амбер и гоблина и возвращаетесь в город. Здесь я разберусь сама. Когда выясните все, что вас интересует, приведите гоблина ко мне во дворец.

Краем глаза я уловил движение. Морли ткнул пальцем в направлении двери — мол, пошли. Пожалуй, он прав.

— А как насчет исцеляющего заклинания?

— Пожалуйста. — Все произошло в мгновение ока.

Садлер с Краском преисполнились благоговения, что, впрочем, не помешало им подхватить Скредли и с помощью Плоскомордого выволочь того на улицу. Гоблин вопил и отбивался; неужели он думал, что с Владычицей Бурь безопаснее, чем с нами?

— В коляску его, — распорядился я.

Морли приподнял бровь и мотнул головой в сторону двери.

— Ее трудности. Эй ты, слезай, — велел я человеку, который сопровождал Владычицу Бурь и домину Даунт. — Амбер, забирайся наверх. Не спорь, пожалуйста. Плоскомордый, заткни ему глотку! — Охранник прыгнул на землю и попятился, не сводя с меня глаз. Вместо того чтобы зайти в дом, он предпочел спрятаться за углом. — Садлер, бери вожжи. Краск, приглядывай за гоблином.

Зомби мрачно поглядели на меня. Плевать. Мне надо потолковать с Морли и Плоскомордым.

— Поезжайте.

Коляска тронулась. Мы двинулись следом. Я оглянулся. Охранник бежал через поле в сторону леса. По всей видимости, он

догадывался о том, что происходит в доме, и стремился оказаться как можно дальше.

— Гаррет, — произнес Морли, — мне не понравилось, что она нас выгнала.

— Знаешь, — заметил Тарп, — на твоём месте я бы к ней во дворец больше не совался.

— Я и не собираюсь. Здоровье дороже. — На лесной опушке я велел Садлеру остановить коляску. — Вы понимаете, что там сейчас творится? Что она затеяла?

— Сначала она разберется с ними, — сказал Красс, — а потом возьмется за нас, потому что мы слишком много знаем.

Я посмотрел на Амбер. Девушка дрожала всем телом.

— По-моему, я сообразила, что к чему, раньше тебя, — проговорила она. — Что ты собираешься делать?

— Думаю, если проголосовать, выяснится, что никто из нас не желает тем, кто остался в доме, такой участи.

— Я бы прикончил всех, а боги пусть потом разбираются, — бросил Морли.

— Не то чтобы они не виноваты... — пробормотал Плоскомордый. — Но эта женщина, Даунт...

— Амбер, что ты думаешь насчет Уиллы Даунт?

— Вообще-то раньше мать ей доверяла. Но сейчас она, кажется, слегка обезумела и вполне может обвинить ее в каком-нибудь преступлении. Если на то пошло, Уилла ведь и впрямь виновата.

— Согласен. Правда, к убийствам она вряд ли причастна.

Скредли заерзал на полу, словно пытаясь что-то сказать.

Из дома донесся вопль.

— Гамелеон, — сказал Морли. — Так и думал, что она начнет с него.

— Он упрямый, протянет долго. Амбер, ты понимаешь, в каком положении мы оказались?

Девушка пожала плечами.

— Твоя мать убьет сначала тех, кто находится в доме, а потом нас, чтобы никто ни о чем не узнал. Поняла?

— Да, — прошептала она.

— И какой же выход?

Она вновь пожала плечами. Я не стал на нее давить.

— Рейвер Стикс считает нас дураками? — Все дружно покачали головами. Скрепди снова заерзал на полу. — Значит, она не думает, что мы полчинимся и вернемся в Танфер. Или все же думает?

— Насколько хорошо она нас знает? — справился Морли.

— Понятия не имею. Правда, мне она сказала, что перед тем как меня нанимать, постаралась кое-что выяснить.

— Значит, она ждет, что мы будем действовать.

— Я бы вернулся, — произнес Плоскомордый.

— Погодите! — воскликнула Амбер.

— Детка, ты же только что...

— Ну и что? Вы не можете...

— По-твоему, надо сидеть сложа руки и ждать, пока нас прикончат?

— Нет. Но ведь можно уехать из Танфера, правда?

— Можно. Однако нужно ли? Танфер — наш дом. Краск, Садлер, что скажете?

Зомби шептались, затем Краск сказал:

— Ты прав, Гаррет. Мы с тобой. Другого выхода пока не видно.

Гамелеон вопить перестал — должно быть, отрубился. Песню подхватил баронет. Я отошел чуть в сторону, встал так, чтобы лучше видеть ферму.

— Хотел бы я знать, на что она способна... Знает ли, где мы и что мы задумали?

— Гаррет, на меня можешь не рассчитывать, — заявила Амбер. — Даже если она замышляет убийство, против своей матери я не пойду.

Я посмотрел на остальных. Они ждали моего решения.

— Тогда садись в коляску и езжай во дворец. Или ко мне, если хочешь. Таким образом ты себя обезопасишь на все сто.

— Мне потом расскажут.

— И что с того? Все, разговор окончен. Садись и уезжай. Плоскомордый, вытаски из коляски гоблина. Милашка, с лошадками ты обращаться умеешь? Или тебя научить?

— Гаррет, я не настолько беспомощна. Как-нибудь справлюсь.

— Тогда счастливого пути.

И Амбер уехала.

Вскоре перестал кричать и баронет, наступила очередь Донни Пелл.

— Будем исходить из того, что она догадывается о наших намерениях, — сказал я. — Иначе какая она колдунья?..

— Как нам к ней подобраться? — спросил Красск.

— Надо подумать.

Морли мрачно поглядел на меня. «Не крути, приятель, — говорил его взгляд. — У тебя наверняка есть план». Он не то чтобы ошибался — план существовал, но только в зародыше.

— Скоро стемнеет, — заметил Плоскомордый. — Ты дожидаешься темноты?

— Может быть. Пока я предлагаю потолковать со Скредли.

Мы прислонили гоблина к дереву. Я присел перед ним на корточки и произнес:

— Начнем сначала, Скредли? Если честно, у тебя есть маленькая возможность унести ноги подобру-поздорову.

Мои товарищи изумленно воззрились на меня. Скредли же мне явно не поверил. Я бы на его месте тоже.

— Ну так что, хочешь испытать судьбу? Мы дадим тебе фору в несколько минут. Помнится, мне говорили, что бегаешь ты быстро...

Во взгляде гоблина промелькнуло любопытство.

— Развяжите его. Пускай расслабится.

Плоскомордый нехотя распутал веревки.

— Слушай внимательно, Скредли. Ты отправляешься в лес, находишь своих парней, которым удалось от нас сбежать. Потом нападаешь на ферму, выманиваешь Владычицу Бурь из дома и рвешь когти. Я преследовать не стану. Насчет Плоскомордого не обещаю, но у тебя будет форс.

Гоблин пристально поглядел на меня.

— Что скажешь?

— Мне это не нравится.

— А у тебя разве есть из чего выбирать?

Никогда не встречал гоблинов с чувством юмора, поэтому ответ Скредли меня несказанно удивил:

— Красиво залнаешь, Гаррет, аж уши вянут. Уговорил.

— Вот и хорошо. Помаши ручками, разомни мышцы. — Я достал из кармана один из подаренных ведьмой кристаллов — тот, который не надо было давить. — Видишь? Точно такой же я использовал пару часов назад на ферме, а еще раньше — в логове Красавчика. Извини, но это мера предосторожности. — Я сунул кристалл в карман Скредли и произнес заклинание. — Если попытаешься его вынуть или выкинешь какой-нибудь фортель, который заставит меня повторить заклинание, кристалл взорвется и от тебя останется мокрое место.

— Эй, мы же договорились!

— Я помню. Однако подстраховаться не мешает. Заклинание действует около часа; вдобавок кристалл не взорвется, если ты будешь слишком далеко, чтобы тебя настиг мой крик. Ферма как раз на нужном расстоянии. Все понял?

— Сукнины вы дети, люди. Ежели сели на шею, так не слезете.

— С гоблинами, Скредли, иначе нельзя. Уж не обессудь.

Великан тяжело вздохнул.

— Когда идти?

— Как только стемнеет.

Ждать оставалось недолго. Сумерки сгустились на глазах.

Пять минут спустя я сказал:

— Можешь отправляться. Или ты чего-то ждешь?

— Нового года! — Скредли фыркнул и двинулся в направлении фермы.

55

Похоже, гоблин поверил мне на слово. На его месте я бы, наверно, попытался избавиться от кристалла — если бы меня, конечно, не убедили, что делать этого не стоит.

— Держитесь поближе, ребята, — сказал я, подождав около четверти часа, чтобы Скредли успел отойти подальше. — У меня осталось два кристалла. Этот вот самый-самый. — Кристалл был больше остальных и тускло светился оранжевым. Подозреваю, у ведьмы на то, чтобы сотворить его, ушло немало сил (если он, разумеется, и впрямь действует так, как утверждала старуха).

— Когда я прочту заклинание, мы минут на десять сделаемся невидимыми для тех, кто наделен волшебным зрением, хотя обыкновенные люди будут нас видеть по-прежнему. Поэтому времени в обрез.

— Ай-я-яй, — Плоскомордый погрозил мне пальцем. — Ты обманул Скредли.

— Ну и что? Я его напугал, а это главное. Когда все кончится, пускай удирает. Я за ним не побегу.

— А я?

— Вспомни, я его предупредил, что за тебя не ручаюсь. Так что разбирайтесь сами.

Плоскомордый оскалил зубы в усмешке.

— Все готовы?

— Да, — ответил Морли. — А что еще лежит у тебя в кармане?

— В смысле?

— Ты сказал, что у тебя два кристалла. Один ты нам показал, а второй?

— Он вызывает мышечные судороги.

— Замечательно. Надеюсь, хоть на сей раз ты предупредишь?

— Попробую. Ладно, пошли. — И я раздавил оранжевый кристалл.

Скредли нашел в лесу с полдюжины сородичей. Гоблины двинулись в наступление, когда мы находились ярдах в ста пятидесяти от дома. Атака захлебнулась, едва начавшись. Повсюду замерцали голубые искры, послышались крики, двоих гоблинов охватило пламя. Из моего отряда никто не пострадал.

Скредли увернулся от огненного языка, обогнул дом и побежал к лесу. Плоскомордый заметил его, глухо заворчал, но остался на месте.

Из дома вышла Владычица Бурь. Мы тут же попадали на траву. На губах Рейвер Стикс играла усмешка. Она вгляделась в сумерки, потом повернулась к нам спиной.

В этот момент я швырнул последний кристалл.

Треньк! Следом раздался истошный вопль.

Я рванулся вперед. Остальные мчались следом, едва не наступая мне на пятки. Все прекрасно понимали, что справиться с ней мы можем, только пока она сражается с судорогами.

Когда мы подбежали, Владычица Бурь уже начала приходить в себя. Я зажал ей рот ладонью. Она укусила мою руку. Морли двинул ее в висок, а Садлер с Краском повалили на пол и прижали своими телами.

— Плоскомордый! Зажги лампу, черт возьми!

Я вновь зажал женщине рот. Она по-прежнему извивалась всем телом, отчаянно сопротивляясь судорогам.

Вспыхнул свет. Однако лампу зажег не Плоскомордый, а Морли. Друг Уолдо куда-то исчез.

Морли подал мне тряпку, которую я использовал в качестве кляпа, потом протянул веревку. Мы надежно связали Рейвер Стикс. Судороги между тем потихоньку слабели.

— Откуда ты взял веревку?

— Им она больше не понадобится. — Он мотнул головой.

Да уж. Гамелеон и баронет да Пена покончили счеты с жизнью. Донни Пелл была жива, но еле дышала. Домина Даунт стояла столбом в углу, уставясь перед собой невидящим взором — глаза выпучены от ужаса, лицо мертвенно-бледное, кожа вся в мурашках. Нас она, похоже, не замечала.

— Такие дела, — пробормотал я. Жаль, что Амбер укатила в город: ей стоило посмотреть, как Владычица Бурь обошлась с ее отцом.

На баронета и на его кузена было жутко смотреть. Я вдруг понял, почему он убил Коуртера. Да, если бы Карл-старший предвидел свою участь, он бы наверняка со страху расправился и с Амирандой.

Зрелище произвело впечатление даже на Садлера с Краском, а уж они-то, казалось, привыкли ко всему.

Владычица Бурь открыла глаза. Не сказать чтобы взгляд у нее был дружелюбный.

— Что теперь? — поинтересовался Садлер.

В принципе следующий шаг напрашивался сам собой. Спасти наши задницы можно было одним-единственным способом. Однако отважиться на этот шаг было чрезвычайно сложно. Мы с детства привыкли воспринимать аристократов с Холма как своего рода небожителей...

По счастью, переступать через себя не пришлось.

Снаружи донесся звук. Я было решил, что вернулся Плоскомордый, однако Садлер с Краском неожиданно обнажили клинки.

В дом вошла Амбер. Следом появилась ведьма.

У меня отвисла челюсть.

Последним показался Шаггот, чья голова просунулась в дверной проем. Принюхался, фыркнул и скрылся во мраке.

— Что за черт? — выдавил Морли и прибавил что-то на эльфийском.

— Троль.

Амбер взглянула на тело отца, перевела взгляд на мать. Посмотрела на Гамелеона и Донни Пелл, снова повернулась к матери. Поглядела на домину Даунт, потом на меня. Сжала губы так плотно, что они побелели, покачала головой, затем обняла Уиллу Даунт и начала тихонько что-то приговаривать.

— Что теперь? — снова спросил Садлер.

— Вы как нельзя более вовремя, — произнес я, обращаясь к ведьме.

— Похоже на то. — Судя по ее виду, старуха с трудом удерживала в повиновении свой желудок.

— Как вы здесь оказались?

— Шаггот встретил бедную девочку на дороге и привел ко мне. Она заливалась слезами, но мне удалось кое-что у нее выспросить, а об остальном я догадалась и решила, что моя помощь может вам понадобиться.

— Значит, с Амбер вы встретились по чистой случайности? Ведьма усмехнулась.

— Мы следим за тем, что происходит вокруг. Между прочим, твой товарищ уже второй раз спрашивает, что ты собираешься делать.

— Я? Хочу спасти собственную шкуру. Побросаем тела в колодезь. К тому времени, когда их найдут и достанут, они наполовину сгниют.

— Гаррет, ты мыслишь ничуть не лучше тех, кто тебе противостит. А ведь ты — светлый рыцарь в стране мрака. Вспомни, ко мне тебя привело стремление к справедливости, а вовсе не жажда крови.

— Я что-то не пойму. Голова совсем не варит.

— Амбер, подойди, пожалуйста, сюда.

Девушка оставила домину Даунт, которая понемногу начала приходить в себя, и приблизилась к нам.

— Да?

— Будь добра, перескажи Гаррету, о чем мы с тобой говорили.

— Говорили? Ах да... Гаррет, нам нужно вызвать сюда представителей Высшего Совета и откровенно ответить на все вопросы. Хватит смертей. Моя мать злоупотребила своей властью. Совет разберется и наверняка предпримет все меры, чтобы мать больше не смогла причинить кому-либо зло. Чтобы ты и твои друзья могли спать спокойно.

Я призадумался. Идеалистки!.. Впрочем, если обратиться к тем членам Совета, которые враждуют с Рейвер Стикс... Они не упустят такой возможности устроить представление, разобраться под шумок со своей противницей и выступить защитниками справедливости.

— Звучит неплохо. Пошли пройдемся. — Я схватил девушку за руку и чуть ли не вытащил из дома.

— В чем дело?

— Золото.

— Думаю, про него можно забыть. И потом, если все пройдет гладко, оно мне будет ни к чему. Я унаследую все, что останется от отца и матери...

— погоди, не торопись. Золото — по крайней мере, часть — припрятала где-то Уилла Даунт. Скредли и компания не требовали двухсот тысяч марок, домина передала им только двадцать. Я напнулся на истинную сумму в одном из писем.

— Понятно. Ты хочешь получить свою долю.

— Честно говоря, я с самого начала особо на нее не рассчитывал. Мне всего-навсего хочется, чтобы члены Совета не лишили этих денег тебя.

— Ты согласен обратиться в Совет?

— Согласен. Меня беспокоит только твое будущее.

— Ведьма сказала, что со мной все будет в порядке.

— Ведьма?

— Ну да. Она, кажется, знает тебя лучше, нежели ты сам.

— Пошли обратно. — Вернувшись в дом, я спросил у Садлера с Краском: — Парни, вам что-нибудь нужно?

— Ага, — ответил Краск, который стоял, привалившись к стене, и наблюдал за ведьмой. — Нам нужна она. — Он показал на Донни Пелл. — Если выживет.

— Зачем она вам?

— Чодо хочет, чтобы она плескалась у него в бассейне.

— Ясно. — Что ж, перед Донни Пелл открывается неплохая перспектива. Подобная участь предпочтительнее смерти. Может быть. — Забирайте.

Ведьма метнула на меня взгляд, который я истолковать не сумел, потом подошла к Донни Пелл и повела рукой. Дыхание девушки сразу стало менее прерывистым.

В это мгновение в дверном проеме возник Плоскомордый. Заметив ведьму, он сразу притворился пай-мальчиком, но у меня почему-то сложилось впечатление, что гоблина по имени Скредли на свете больше нет.

Морли промолчал. По правде сказать, я что-то не припомню, чтобы он исчезал настолько неожиданно. Садлер с Краском уложили Донни Пелл на грубое подобие носилок и двинулись к выходу. Я оглянулся, но Морли уже не было.

56

Членов Совета оказалось восемь. Они нас долго расспрашивали, вникали во все подробности, а мы отвечали, не ставя под сомнение их право добиваться ответов. В конце концов лорда Гамелеона, баронета да Пену и Владычицу Бурь Рейвер Стикс признали виновными в убийстве. Что касается Амиранды, было сказано, что она погибла от руки неизвестного убийцы.

Аристократов с Холма не вешают. Рейвер Стикс лишили собственности и магических способностей, а затем изгнали. Как я

слышал, она отправилась в погоню за Уиллой Даунт, которая неожиданно исчезла. Естественно, ведь на кону стояло сто семьдесят тысяч марок золотом!

Интересно, настигла она ее или нет? Лично я не нашел ни Уиллы Даунт, ни золота, хотя не прекращал поисков несколько месяцев.

Скорее всего домина Даунт не расставалась с золотом ни на секунду. К месту передачи выкупа она опоздала не потому, что останавливалась по дороге, чтобы припрятать деньги, а потому, что переоценила скорость своего экипажа. Мне удалось отыскать тот экипаж с двойным дном и мастера, который переделал его по заказу домины. Но и только.

Правда, кое-что я все же обнаружил и получил свои законные десять процентов.

С Амбер мы почти не виделись. Она была слишком занята — улаживала вопросы с наследством, а мне подниматься на Холм не хотелось.

Когда я вернулся домой, вид у меня был такой, словно я провел пару месяцев на необитаемом острове. Дин закатил глаза и заявил:

— Сейчас нагрею воду, мистер Гаррет.

Из кухни донесся женский голос. Я был не в том настроении, чтобы любезничать с очередной племянницей.

— Что я тебе сказал насчет...

В коридор выглянула Тинни, этакий разъяренный рыжеволосый призрак.

— Гаррет, изволь немедленно объясниться! — И снова скрылась на кухне.

— Что за чертовщина?

— Она видела, как вы выходили от Летти Фаррен с какой-то женщиной, — объяснил Дин.

— Тебе прекрасно известно, с какой женщиной и почему. Но объяснить ты, естественно, не потрудился, решив, что это не в твоих интересах, так?

Он даже не извинился, скотина такая.

Тинни поверила мне на слово — после того как я поведал ей обо всем в шестой раз и подтвердил, что заработал энную сумму. Пришлось, правда, попотеть, потратить часть денег на угощение в шикарных кабаках, прежде чем она смиростивилась и даровала мне прощение за то, в чем я якобы провинился.

Отстала она от меня, только когда я начал рассуждать о том, не жениться ли мне на какой-нибудь Дилновой племяннице. Тинни была не настолько жестока, чтобы обречь Гаррета на участь хуже смерти.

Прошло около недели, когда в дверь моего дома постучался Краск. Я пребывал в миноре. Дин и Покойник изводили меня своими придирами, Плоскомордый не появлялся, к Морли было не подступиться — он велел своим орлам не пускать к нему Гаррета ни под каким предлогом. Стоило мне выйти из дома, тут же появлялся Шнырь Пиготта, который неотступно следовал за мной — просто потому, что ему взбрело в голову отточить свои профессиональные навыки. В общем, настроение было хуже не придумаешь.

— Слушаю. — Я решил приберечь ледяной тон для других случаев. Когда к тебе в дом приходит головорез Чодо Контагью, лучше не ерепениться. Иначе рискуешь нарваться на серьезные неприятности — в следующий раз явится кто-нибудь, кому не захочется тратить время на разговоры.

— Чодо хочет тебя видеть.

Замечательно. Но я-то его видеть не хочу. Или потребовать с него должок?

— Дружеское приглашение?

— Можно сказать и так. — Краск ухмыльнулся.

Это мне не понравилось. Никогда не видел, чтобы Краск ухмылялся.

— Он приготовил тебе подарок.

Брр! Подарок от короля преступного мира! Это могло означать что угодно. Скорее всего ничего хорошего. Но деваться было

некуда. Раз приглашают, надо идти. У меня и без того хватает врагов, чтобы ссориться с Чодо.

— Подожди. Я предупрежу слугу, чтобы он запер дверь.

Я разыскал Дина, потом заглянул к Покойнику. Старый хрыч мирно дрых. Между прочим, пока мы сражались на ферме, он тоже спал! И вот ведь гад — до сих пор не открыл мне тайну Слави Дуралейника.

Ладно, он у меня еще попляшет.

57

Чодо умел пускать пыль в глаза. Краск доставил меня к нему в экипаже, убранству которого позавидовали бы многие обитатели Холма. Чуть ли не в том же самом, в каком мы ездили в город гоблинов.

Встретил меня Чодо у бассейна. Его только-только извлекали из воды и усадили в кресло. Девушки кончили вытирать ему спинку и с хихиканьем отбежали в сторону. Хорошая у них жизнь, спокойная; развлекайся, пока не постареешь и тебя не вышвырнут вон...

Разбежались не все. Одна осталась.

Сначала я ее не узнал. А когда узнал, не поверил собственным глазам.

Она ничуть не походила на ту Донни Пелл, которую я видел на ферме — упрямую, несговорчивую. Эта Донни была податлива как воск и, словно щенок, всячески стремилась угодить хозяину.

Чодо заметил мое удивление, посмотрел на меня и улыбнулся. Его улыбка напоминала ухмылку Краска. То была усмешка смерти.

— Разрешите преподнести вам подарок, мистер Гаррет. В знак глубочайшего уважения. Она теперь совсем ручная. Возможно, вы найдете ей применение, а мне она больше не нужна. Кстати, я не забыл, что по-прежнему кое-что вам должен.

И что мне с ней делать? Ладно, что-нибудь придумаем. Я поблагодарил Чодо. Когда Донни Пелл оделась, Краск отвез нас обратно.

Что же мне с ней делать?

И что с ней сотворил Чодо? Разве это Донни Пелл?

Девушка раскрывала рот, только когда к ней обращались.

Я привел ее к Покойнику, усадил в кресло, а сам принялся расталкивать логхира.

— Гаррет, ты прыщ на носу... Великие небеса! Неужели тебе мало той рыжеволосой стервы, которая...

— Откуда тебе известно про Тинни? Ты же спал.

— По-твоему, я могу спать, когда...

— Ладно, ладно. Это знаменитая Донни Пелл, которая совершенно преобразилась, проведя несколько недель в доме Чодо.

— Понятно. — Кажется, Покойнику стало немного жаль девушку, которая, если говорить откровенно, жалости ничуть не заслуживала.

— Надеюсь, она ответит на вопросы, которые у меня остались.

— Ответит. Кстати, неужели ты до сих пор не докопался до истины?

— Увы. — Вообще-то я настойчиво пытался забыть о деле да Пена, и с помощью Тинни это потихоньку начало получаться. — Ты что, знаешь, кто убил Амиранду?

— Да. Знаю, кто и почему. Гаррет, ты не перестаешь меня удивлять. Это же очевидно.

— Просвети меня.

— Просветить его! Думай сам, ты располагаешь всеми необходимыми фактами. Или спроси у бедной, измученной девочки.

К Донни Пелл в ее нынешнем состоянии гораздо больше подходило слово «истерзанная».

Я попытался последовать его совету. Начал сначала, но ничего не мог добиться, пока не решил, что называется, от безысходности, спросить в лоб:

— Донни, кто убил Амиранду Крест?

— Домина Уилла Даунт, мистер Гаррет.

— Что? Не может быть! Почему? За что?

— Потому что Амиранда помогала Карлу составлять письма от похитителей, которые потом писала и передавала я. Потому что она знала, что мы собираемся требовать двадцать тысяч марок, а когда она увидела записки, там стояло двести. Потому что она собиралась при встрече выяснить у Карла, это я ошиблась или он решил нагреть руки.

Ну вот. И мне остается только верить, что Покойник пришел к такому же заключению на основании фактов, которые я ему сообщил. Я же сам думал, что домина знала наперед о планах Амиранды сбежать из дома...

Думал да не додумал. Идиот! Она была у меня в руках, и я дал ей уйти!

Она благополучно удрала. Естественно, вместе с золотом.

О чем ей теперь беспокоиться, когда она одурачила Гаррета? Разве что о Рейвер Стикс, которая, может быть, идет по следу.

Тупица! Недоумок несчастный!

Покойника весьма позабавила моя растерянность.

Он развеселился сильнее прежнего, когда я признался, что Донни Пелл — моя собственность.

Что мне с ней делать? Оставить в доме нельзя. Выгнать на улицу? В таком-то состоянии... И Летти Фаррен ее вряд ли примет...

— Ладно, старый хрыч. Пока снова не заснул, расскажи мне про Слави Дуралейника. Выкладывай, как он одержал свои победы с помощью кентавров.

Если мне намекнуть, я все же порой могу дойти до чего-то своим умом.

У обеих враждующих сторон в Кантарде имелись подразделения кентавров, которых использовали для разведки. Полководцы зависели от разведчиков целиком и полностью. Стоило кентаврам закрыть на что-то глаза, как стратеги словно утрачивали зрение. Интересно, на каких условиях кентавры перешли к Слави Дуралейнику? И не пожалеют ли однажды о том карентийцы, которые сейчас потешаются над венагетами?

Воснный совет венагетов наверняка скоро разберется, в чем дело. В конце концов рано или поздно мы замечаем то, что творится у нас под носом.

Я усмехнулся и вышел из комнаты, оставив Покойника ругаться в одиночестве. Отвел Донни Пелл на кухню и велел Дину накормить девушку.

Если Гаррет обожал выручать попавших в беду прекрасных дам, то старина Дин стремился всей душой помогать страждущим. Он так и не признался, каким образом ему это удалось, однако сумел пристроить Донни в компаньонки к пожилой женщине, которая практически не вставала с постели. Вроде бы они прекрасно подошли друг другу.

Я подумываю о том, не сменить ли профессию. Ведь что получается — тот, кто расследовал убийство, остался внакладе, а главная злодейка получила тепленькое местечко!

Или, может, поблагодарить богов за то, что я остался жив, приобрел новых друзей — и слегка подзаработал?

И в самом деле. Мы же трудимся, чтобы хоть как-то выжить. Вы со мной согласны?

Содержание

Сладкозвучный серебряный блюз	5
Золотые сердца с червоточинкой	267

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Анджей Сапковский
ВЕДЬМАК

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"**

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неизвестного", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Романс".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкойда, Г.Кука, К.Шашефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжники-рушники", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы АСТ по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 272-19-05.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Лутанская, д.7. Тел. 322-2822

Литературно-художественное издание

Кук Глен

**Сладкозвучный серебряный блюз
Золотые сердца с червоточинкой**

Редактор И. А. Жарницкая
Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 01.11.99.
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 29,40.
Тираж 8 000 экз. Заказ № 799.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

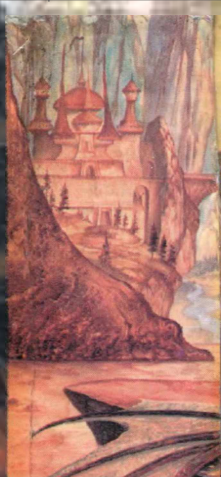
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной тропы.

ГЛЕН КУК

Сладкозвучный серебряный блюз
Золотые сердца с червоточинкой

ISBN 5-237-04107-8

9 785237 041071

